

ЛЕНИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

11

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА РКП(б)
и II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
СССР

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

Издание четвертое

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1947

В. И. ЛЕНИН

ТОМ

11

Июнь 1906—январь 1907

ПРЕДИСЛОВИЕ

В одиннадцатый том входят произведения В. И. Ленина, написанные в период с июня 1906 года по январь 1907 года. Большая часть произведений, входящих в том, посвящена вопросам, связанным с деятельностью социал-демократической фракции I Государственной думы, роспуском Думы и началом избирательной кампании во II Думу.

Статьи «Уроки московского восстания», «Руки прочь!», «Партизанская война» посвящены вопросам организации и тактики вооруженного восстания.

В работах «По поводу декларации нашей думской фракции», «Кто за союзы с кадетами?», «Кадетские подголоски», «Политический кризис и провал оппортунистической тактики», «Роспуск Думы и задачи пролетариата» Ленин разоблачает меньшевистскую тактику поддержки кадетской Думы и лозунга думского министерства из кадетов, дает политическую оценку роспуска I Думы и определяет задачи партии в этот период.

Произведения «Социал-демократия и избирательные соглашения», «Особое мнение», внесенное на Всероссийскую ноябрьскую конференцию РСДРП, «Проект обращения к избирателям», «О блоках с кадетами», «Социал-демократия и выборы в Думу», «Услышишь суд глупца... (Из заметок с.-д. публициста)» посвящены вопросам избирательной кампании во II Думу.

В статьях «Опыт классификации русских политических партий», «Эсеровские меньшевики», «Обывательщина в революционной среде» дан классовый анализ политических партий России.

Впервые включаются в Сочинения В. И. Ленина листовка «Кого выбирать в Государственную думу?», заметка «Соединение Бунда с Российской социал-демократической рабочей партией» и статья «Задачи рабочей партии и крестьянство», разъясняющая основной лозунг большевиков в избирательной кампании о полной самостоятельности классовой политики пролетариата и недопустимости блоков с кадетами.

НАКАНУНЕ¹

Политическое положение проясняется с поразительной быстротой.

Несколько месяцев тому назад нельзя было сказать с уверенностью, соберется ли Государственная дума и что будет она представлять из себя? Несколько недель тому назад не видно еще было, по крайней мере для широких масс народа, на каком поприще и в какой форме разовьется следующий этап борьбы за свободу. Верил в Думу простодушный крестьянин, который не мог допустить мысли, чтобы горячие просьбы и заявления всех ходяков народа остались без последствий; верил в Думу буржуазный либерал, пытавшийся побудить правительство «добром» пойти на уступки. Не будет преувеличением сказать, что в несколько дней эта вера рухнет на наших глазах, вера народных масс, таких людей, у которых все их интересы питали и укрепляли эту веру. Верили потому, что хотелось верить, верили потому, что темно еще было ближайшее политическое будущее, верили потому, что политические сумерки оставляли место всяким двусмысленностям, всяким колебаниям, всякому упадку настроения.

Теперь все снова становится ясным. Предвидение людей, которые казались какими-то чудаками-пессимистами в эпоху выборов в Думу или в первые дни Думы, оправдывается. Дума заседает пять-шесть недель, и уже люди, всей душой стремящиеся развить и разработать деятельность в Думе и около Думы, признают откровенно и честно великий факт: «Как народ устал ждать».

Он не уставал ждать десятки лет, но он устал теперь в несколько недель; он не уставал ждать, пока он спал

или прозябал, пока во внешней обстановке его жизни не было обстоятельств, немедленно персворачивающих вверх дном его существование, его настроение, его сознание, его волю; он устал ждать в несколько недель, когда в нем самом просыпалась с невероятной быстротою жажда действия, и тусклыми, скучными, неинтересными стали казаться самые горячие, симпатичные слова, хотя бы с такой высокой трибуны, как Дума; устали ждать рабочие, — волна забастовок стала подниматься все выше и выше; устали ждать крестьяне, никакие преследования и мучительства, превосходящие ужасы средневековой инквизиции, не останавливают их борьбы за землю, за свободу; устали ждать матросы в Кронштадте и Севастополе, пехотинцы в Курске, Полтаве, Туле, Москве, гвардейцы в Красном Селе, даже казаки устали ждать. Все видят теперь, где и как разгорается новая великая борьба, все понимают ее неизбежность, все чувствуют величайшую необходимость выдержки, стойкости, подготовки, одновременности и согласованности действий пролетариата и крестьянства. Чувствуют, что для этого необходимо ждать... Мы стоим накануне величайших исторических событий, мы — накануне второй большой ступени российской революции. Социал-демократия, сознательная выразительница классовой борьбы пролетариата, будет стоять на своем посту, как один человек, и выполнит свой долг до конца.

«Работник» № 1, 8 июня 1906 г.
Подпись: В. Ленин

Печатается по тексту
газеты «Работник»

КОЛЕБАНИЯ СВЕРХУ, РЕШИМОСТЬ СНИЗУ

Мы переживаем, по всей видимости, один из самых важных моментов революции. Новый подъем широкого и массового движения против старого порядка наметился уже давно. Теперь этот подъем близится к высшей точке своего развития. Выборы в Думу и первая неделя заседаний и работ оппозиционной Думы сыграли роль «копеечной свечки», от которой загорелся пожар по всей стране. Горючего материала оказалось такая еще бездна, атмосфера оказалась настолько еще «нагретой», что никакие предохранительные меры не помогли.

И теперь уже для всех становится ясным до очевидности, что пожар действительно охватил всю страну. Поднялись действительно новые слои — и пролетариата, даже такого, который полгода тому назад поставлял черносотенцев, и, особенно, крестьянства. Армия, связанная с наиболее отсталыми слоями крестьянства и подбираемая искусственно так, чтобы выкидывать вон, забивать и душить все живое и свежее, — даже армия оказалась почти-что целиком пылающей. Известия о «бунтах» и вспышках в войске летят со всех сторон, как искры при большом пожаре.

Газетные репортеры, имеющие кое-какие связи с бюрократией, сообщают, что военный министр предостерегает от распускания Думы, не считая в этом случае возможным положить на армию.

Неудивительно, что правительство колеблется при таком положении дел. Правда, колеблясь, правительство тем не менее готовится самым недвусмысленным образом к кровавому подавлению революции. Провокация усиливается. Свободной печати объявлена война не на жизнь,

а на смерть. Левые газеты «конфискуются вопреки всяким законам». Кронштадт наводнен специально посланными войсками. Белостокский погром — прямое начало контрреволюционных действий и притом вооруженных действий. Правительство колеблется, в его рядах раздаются голоса предостерегающие, голоса, зовущие к сделке с кадетами, но из-за этих колебаний, из-за этого «раздумья» оно не забывает ни на минуту своей старой, привычной, испытанной политики прямого насилия.

Реакционеры — люди дела, говорил Лассаль. Наши реакционеры оправдывают эти слова. Они раздумывают, взвешивают, колеблются, переходить ли сразу в общее наступление по новой линии (т. е. распускать ли Думу). Но они *готовят* наступление, не отрываясь от этого «дела» ни на минуту. Они рассуждают правильно, с точки зрения хищников, которые уже попали в петлю, неуклонно стягивающуюся вокруг их шеи. Уступить кадетам, обещающим «сильную власть»? или расправиться огнем и мечом? Подождем с первым исходом, — решают они сегодня, — подождем, ибо *это* успеется и завтра, а второй исход во всяком случае надо готовить. Многие из них рассуждают, несомненно, и так: сначала испробуем и второй исход, выбрав момент поудобнее. А уступить кадетам успеем в последнюю минуту, когда уже досконально убедимся, что нельзя *всего* вернуть массовым кровопролитием!

Рассуждение, для хищников, вполне правильное. Без отчаянной и беспощадной борьбы они, понятно, не сдадутся. А на случай худого конца, они, конечно, готовят себе отступление к сделке с кадетами, к союзу с ними на той платформе «сильной власти», о которой так кстати напоминает им г. Струве. Реакционеры готовят серьезный и решительный бой, рассматривая сделку с кадетами, как побочный результат неудачного исхода боя.

Пролетариат должен трезво и прямо смотреть на задачи революции. По «деловой» постановке великих вопросов он не уступит реакционерам. Направлять все свое внимание, все заботы и все усилия на неизбежный, завтра или послезавтра, решительный бой — и рассматривать сделку правительства с кадетами, как побочный результат одного из возможных этапов революции. Пролетариату нечего бояться этой сделки: на ней сорвутся и Треповы

и умеренные либералы. Пролетариат ни в каком случае не должен ни прямо, ни косвенно поддерживать этой сделки, поддерживать требование ответственного министерства из думского большинства. Ни *срывать* этой сделки теперь нам не нужно, ни поддерживать ее мы не будем. Мы идем *своей* дорогой, мы остаемся партией передового класса, который не даст массам ни *единого* двусмысленного лозунга, который не свяжет себя ни прямо, ни косвенно ни с единым грязным делом буржуазии и который сумеет при всех обстоятельствах и при всяких исходах борьбы отстоять интересы революции.

Компромисс правительства с Думой не возможен, как один из *частных* эпизодов революции. Социал-демократия ни проповедывать этого компромисса, ни поддерживать его, ни «срывать» в данный момент не должна. Она сосредоточивает все свое внимание и внимание масс на главном и существенном, а не на побочном и второстепенном. Она использует до последней капли все и всяческие компромиссы буржуазии с старой властью, все колебания сверху. Но она будет неуклонно предостерегать рабочий класс и крестьянство от «дружбы» кадетов. Она должна противопоставить колебаниям сверху беззаветную решимость снизу и, не поддаваясь провокациям, твердо и стойко собирать свои силы к решительному моменту.

«Вперед» № 13, 9 июня 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Вперед»

К ЕДИНСТВУ!

Мы накануне выступления парламентской социал-демократической фракции в Государственной думе. Не подлежит сомнению, что эта фракция может принести теперь большую пользу делу рабочего движения и делу революции своим решительным, последовательным выступлением, заявляя с бесповоротной определенностью требования и лозунги *последовательного демократизма и пролетарской классовой борьбы за социализм*. Теперь, когда вопрос о выступлении с.-д. в Думе решен Объединительным съездом Российской социал-демократической рабочей партии, об этом нет двух мнений среди социал-демократов. И мы полагаем, что наши кавказские товарищи поступили вполне правильно, подписав пресловутое «торжественное обещание» членов Государственной думы² и сделав при этом известное заявление в газетах, — подписываем, «чтобы иметь возможность выполнить порученное нам народом дело, и подчеркиваем, что признаем какие бы то ни было политические обязательства только по отношению к народу».

Чем важнее для нашей партии выступление ее представителей в Гос. думе, тем необходимее взвесить как можно тщательнее принципы с.-д. тактики в данный момент. И надо сознаться, что ход политических событий, необыкновенно ускорившийся за истекшие несколько недель, вносит много света в неясные еще вчера вопросы, помогает определить ясно и точно позицию, стирает много разногласий между правым и левым крылом нашей партии.

В этом отношении мы должны с особым удовольствием подчеркнуть рассуждения товарищей б. меньшеви-

ков в сегодняшнем номере «Курьера»³. Передовица «Думские «законы»» начинается, правда, с несколько двусмысленной выходки против наименования никчемной болтовней выработки думских законов. Но дело, оказывается, в том, что товарищи недаром ставят слово «законы» в кавычки. Они защищают — и в этом они тысячу раз правы — выработку таких законов, которые не должны быть законами, а должны быть «декларацией», «провозглашением прав народа на свободу», «провозглашением отмены старых преград».

Такие «законы» правильнее всего, пожалуй, было бы назвать не законами, а обращением к народу. Но неразумно настаивать на расхождении словесном, когда получается согласие по существу дела. А согласие получается, действительно, полное. «Совершенно нелепо и вредно — пишет «Курьер» — вносить в Думу законопроекты, тщательно и детально разработанные, с десятками и сотнями параграфов, примечаний и пр.» (курсив везде наш). Именно так. Подобная работа, по установившемуся словоупотреблению именуемая «органической», действительно вредна. Вредна «потому, что вместо яркого противопоставления, понятного всякому, подобные законопроекты заставляют народную мысль безнадежно путаться в дебрях статей и параграфов».

Совершенно справедливо. Народная мысль, действительно, *безнадежно путается* в дебрях «органического» законодательного прожектерства. Народную мысль затемняет, оупляет и развращает это прожектерство, ибо «в жизнь эти законы все равно воплощены не будут. Для того, чтобы их воплотить, нужно раньше *вырвать власть* из рук тех, кто держит ее сейчас. А вырвать власть может *только* такое народное движение, которое на место самой Думы поставит *гораздо более властное и демократическое учреждение*, вовсе не обязанное считаться с «законами», выработанными Думой». Это перенесение народного внимания на безусловную необходимость *вырвать власть*, на учреждение, «гораздо более властное», не считающееся с законами кадетской Думы, в высшей степени правильно учитывает основные задачи революционного пролетариата и потребности современного момента.

За непонимание этих задач товарищи из «Курьера» в той же статье превосходно бичуют кадетов. Кадеты пишут свои

законопроекты, «как настоящие законодатели, забывая, что законодательной власти в действительности *у них нет ни на грош*». «Они пишут свои «законопроекты» так, как будто завтра же судам придется разбирать деяния граждан по новым кадетским законам».

Стыдно стоять на такой точке зрения, поучает «Курьер» кадетов. Из этого трижды справедливого поучения остается сделать только один вывод, и этот вывод напрашивается сам собой. Не может и не должна революционная социал-демократия поддерживать требование о назначении ответственного министерства из думского большинства! Ведь такое министерство будет кадетским министерством, и ему в самом деле придется *завтра же* назначать наказания за злоупотребления свободой. Такое министерство может быть сейчас, пока не вырвана еще власть у звездной палаты⁴, только либеральной ширмой старой власти. Такое министерство может быть сейчас лишь новым нарядом, которым прикроются на время те же погромщики! Мы разоблачим, конечно, это прикрытие и очень скоро. Мы используем всеми средствами эту новую ситуацию, когда она сложится и когда не только старая власть, но и кадеты вместе с ней запутаются в новом наряде и будут захлестнуты волной. Но мы не должны ни прямо ни косвенно, ни заявлением ни молчанием брать на себя, на партию пролетариата, ни тени ответственности за это переряживание старой власти. Мы не должны бросать в массы лозунг о поддержке нами требования образовать ответственное министерство из думского большинства. Такой лозунг, независимо от нашей воли, неизбежно будет в силу объективных условий современной политической ситуации равняться тому, что на партию пролетариата ляжет часть ответственности за это переряживание, за эту сделку буржуазии со старой властью. Такой лозунг косвенно содержит в себе одобрение так великолепно раскрытых «Курьером» кадетских «законопроектов», ибо нельзя же в самом деле отрицать связи между тем, как проектируют кадеты наказывать за злоупотребления свободой, и тем, как проектируют они получить в виде министерства кусочек власти для применения этих наказаний, — получить кусочек власти *от* старой власти, для укрепления старой власти, *по сделке* с старой властью, в виде ширмы, заслоняющей натиск народа *против* старой власти.

И не нужен вовсе такой лозунг для рабочей партии. Всю свою работу пропаганды, агитации в массах и создания широких организаций она может вести еще лучше, цельнее, систематичнее и смелее без этого лозунга, противопоставляя наглости погромщиков, «законопроектам» кадетов наши социал-демократические «декреты», «провозглашения», обращения к народу чрез посредство с.-д. фракции в Думе (а при известных условиях и трудовиков⁵ вместе с нею), наконец, и те «призывы населения к образованию народной милиции, которая одна лишь способна охранять его жизнь и честь», — те призывы, которые мы советовали в № 9 «Впереда»^{*6}, которые рекомендует орган Бунда «Volkszeitung»^{**} и которые так справедливо одобряет «Курьер».

К единству, товарищи! Единство политических выступлений пролетариата складывается с неуправляемой силой под давлением всей революционной атмосферы. Не будем затруднять это единство внесением необязательных и спорных лозунгов в нашу тактику. Воспользуемся представляющейся возможностью добиться полного согласия всех социал-демократов в такой момент, который окажется, пожалуй, важнейшим моментом великой российской революции!

«Вперед» № 14, 10 июля 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Вперед»

---

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 473. Ред.
** — «Народная Газета». Ред.

ДУМА И НАРОД

Речь товарища Рамишвили, депутата с.-д. в Государственной думе, содержит некоторые чрезвычайно верные замечания, правильно определяющие с.-д. тактику. Оратор не только заклеил правительство погромщиков с энергией настоящего представителя пролетариата. Оратор не только назвал «народными врагами» представителей правительства, — причем новая попытка кадетского председателя Думы стеснить свободу слова вызвала законный протест крайней левой. Оратор кроме того поставил в конце речи и общий вопрос об отношении Думы к народу.

Вот как высказался с.-д. депутат по этому вопросу:

«Я заканчиваю замечанием, что за нами стоит народ. В жизни делается нечто другое, не то, что мы делаем здесь, в этом зале. Там совсем другая атмосфера, здесь она гораздо мягче, здесь настроение более *миролюбиво*. Может быть, через месяц мы сами будем *решать свое дело*... Жизнь говорит *гораздо громче*, чем мы говорим здесь о том, что происходит вокруг. Я говорю, что мы стоим между правительством и народом. Дума, — это *опасное место*. Пойти влево или пойти вправо, это значит *примириться с кем-либо* или порвать с кем-либо... Но не нужно забывать, что *сам народ добьется* того, чего не может добиться Дума, благодаря своим *колебаниям и нерешительности*. Я говорю, этот народ иначе настроен, чем мы здесь»...

Мы отметили курсивом особенно важные места в этой речи. Правильно отмечено здесь, что жизнь говорит *гораздо громче*, чем Дума, что в жизни нет такого «*миролюбия*», что «*народ настроен иначе*». Это несомненная правда. А из этой правды вытекает тот вывод, что неправы те, кто говорит о поддержке Думы народом. Народ уже теперь обгоняет Думу, говорит громче, проявляет меньше

миролюбия, борется энергичнее. Значит, единственно верное определение задачи с.-д. — разъяснить самым широким массам народа, что Дума лишь *робко и неполно* выражает требования народа. *Только* такая постановка вопроса о с.-д. тактике снимает с партии пролетариата ответственность за шаткость кадетов. Только такая постановка, вполне считаясь со степенью развития сознания, решимости и готовности крестьянской массы, оказывается на высоте великих задач момента, — такого момента, про который выборные с.-д. пролетариата прямо говорят: «может быть, через месяц мы сами будем решать свое дело». Для того, чтобы быть в силах *решать* его, необходимо между прочим уже теперь вполне отмежевать себя от всяких либо лживых, либо недомысленных попыток «миролюбивого» исхода.

И тов. Рамишвили был вполне прав, когда заявил с высоты думской трибуны: «Дума — опасное место». Почему? Потому, что она проявляет «колебания и нерешительность». А колебания и нерешительность в такой момент, когда может быть уже через месяц придется самому народу решать свое дело, — прямо преступны. Тот, кто проявляет эти качества, как бы искренни ни были его намерения, *в такой момент неизбежно* попадет в самое фальшивое положение. Не от нашей воли зависит то, что в такой момент неизбежно вырастает из всех экономических и политических условий окружающей нас действительности решительная борьба народа со старой властью. Кто колеблется при виде этой приближающейся борьбы, тому действительно неминуемо придется *«примириться с кем-либо или порвать с кем-либо»*. Кадеты именно в таком положении. Либеральная буржуазия жнет то, что сеяла она годами своей двуличной и колеблющейся политики, своих перебежек от революции к контрреволюции. Примириться с старой властью — порвать с борющимся народом. Порвать с старой властью — вот что необходимо было бы для того, чтобы примириться с борющимся народом.

Большинство Думы все сделало и делает, чтобы определить свою позицию в этом неизбежном выборе. Это кадетское, а частью даже хуже, чем кадетское, большинство каждым шагом своей политики готовит разрыв с борющимся народом, готовит примирение с старой властью.

Эти шаги мелки, возраят пам. Но это — действительные шаги действительной политики, ответим мы. Эти шаги отвечают всем коренным классовым интересам либеральной буржуазии. Именно такой характер «миролюбия» несомненно имеет и *кадетское* требование думского министерства, назначенного старой властью.

И мы не устанем повторять, что поддержка этого требования рабочей партией нелепа и вредна. Нелепа, ибо действительное ослабление старой власти причиняет лишь борьба народа, идущего дальше робкой Думы. Вредна, ибо она сеет обман и смуту в умах. Вчера мы отметили, как правильно товарищи из «Курьера» признали нелепость и вред кадетских законопроектов*. Сегодня надо пожалеть, что те же товарищи защищают поддержку думского министерства, т. е. министерства, проводящего эти нелепые и вредные законопроекты!

На этих колебаниях «Курьера» мы остановимся может быть подробнее в другой раз. Пока достаточно будет указать на них: самый факт колебаний в такой важный момент показывает полную неустойчивость позиции колеблющихся.

«Вперед» № 15, 11 июня 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Вперед»

---

* См. настоящий том, стр. 6—9. Ред.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ И «БОРЬБА» ЗА ПОДАЧКИ

Всем известно, что партия с.-д. еще в своей программе выразила непреклонное убеждение в необходимости *полного народовластия* для действительного удовлетворения назревших нужд народных масс. Если масса народа не будет иметь в своих руках *всей полноты* государственной власти, — если останется в государстве хоть какая-нибудь власть, народом не выбранная, не сменяемая, от народа всецело не зависящая, то действительное удовлетворение назревших и всеми сознаваемых нужд *невозможно*.

Эту непреложную истину с.-д. партия всегда всеми силами распространяла в пролетариате и во всем народе. Действительная, т. е. массовая борьба за свободу проходила и всегда будет проходить самые различные и часто неожиданные этапы: иначе не может быть вследствие громадной трудности борьбы, сложности ее задач и постоянного состава борющихся. Руководя борьбой пролетариата на всякой ступени развития этой борьбы и при всяких обстоятельствах, социал-демократия, как сознательная выразительница стремлений рабочего класса, должна постоянно иметь в виду общие и основные интересы всей этой борьбы в ее целом. За частными интересами рабочего класса социал-демократия учит не забывать общих интересов; — за особенностями отдельных ступеней борьбы не забывать коренных задач всей борьбы в целом.

Именно так понимала всегда революционная социал-демократия свои задачи в теперешней российской революции. Только такое понимание соответствует положению пролетариата, как передового класса, и его задачам.

Наоборот, либеральная буржуазия всегда ставила совершенно иначе свои задачи в борьбе за политическую свободу, соответственно особым классовым интересам буржуазии. Буржуазии необходима политическая свобода, но полного народовластия она боится, ибо развитой и сплоченный уже в борьбе пролетариат воспользовался бы этим народовластием против буржуазии. Поэтому, добываясь политической свободы, буржуазия хочет сохранить в то же время немало остатков старой власти (постоянная армия, невыборное чиновничество и так далее).

Борьба пролетариата за политическую свободу *революционна*, ибо эта борьба стремится к полному народовластию. Борьба буржуазии за свободу *оппортунистична*, ибо эта борьба направлена к подачкам, к дележу власти между самодержавием и имущими классами.

Это основное различие между революционной борьбой пролетариата и оппортунистической борьбой буржуазии проходит красной нитью через всю историю нашей революции. Пролетариат борется, — буржуазия крадется к власти. Пролетариат разрушает самодержавие борьбой, — буржуазия цепляется за подачки слабого самодержавия. Пролетариат перед всем народом поднимает высоко знамя борьбы, — буржуазия — знамя уступочек, сделок и торгашества.

Пролетариат использует всякую брешь, всякое ослабление власти, всякую уступку и подачку для более широкой, массовой, решительной и острой борьбы, — буржуазия — для постепенного замирения, успокоения, ослабления борьбы, для урезывания задач борьбы, для смягчения форм ее.

Припомните некоторые этапы нашей борьбы за свободу. Буржуазия «борется» за доверие власти к земству («права и властное земство») и к народу (начало текущего десятилетия). Пролетариат выкидывает знамя борьбы за уничтожение самодержавия. Правительство объявляет эпоху «доверия» (Святополк-Мирский). Буржуазия истекает в речах на банкетах, — пролетариат пробивает новые бреши в твердыне гнета, умирая на улицах 9-го января и развертывая грандиозное стачечное движение.

Лето 1905 года. Буржуазия посылает депутацию о свободах. Осенью даруется бульгинская Дума⁷. Буржуазия умилена. Всеобщий вопль: идите в Думу. Оппортунисты

социал-демократии колеблются. Пролетариат борется дальше. Невиданная в мире забастовка во всей стране сметает Думу. Пролетариат захватывает свободу и кровью отстаивает ее от посягательств реакции.

В первом сражении пролетариат разбит. Буржуазия оплевывает побежденных и рабски хватается за Думу. Пролетариат собирает силы для нового натиска. Он гордо держит попрежнему знамя борьбы за полное народовластие. Натиск не удастся до созыва Думы. Буржуазия опять пресмыкается, выкидывая за борт лозунг учредительного собрания, злобствуя против «выступлений», проповедуя примирение, сделку, назначение верховной властью кадетского министерства.

Пролетариат использует новое положение так же, как он использовал «доверие» 1904 года и 17 октября 1905 г. Он исполнил свой революционный долг, сделал все возможное, чтобы прямо смести виттевскую Думу⁸ подобно булыгинской. Не удалось — в силу измен буржуазии, недостаточной организации и мобилизации рабочего класса и крестьянства. Пролетариат борется дальше, *используя* все «думские» и около-думские конфликты, чтобы сделать их исходной точкой еще более широкого и решительного массового движения.

Новая борьба нарастает. Этого не отрицает никто. Поднимается гораздо более, чем прежде, широкая масса пролетариев, крестьян, городской бедноты, войска и т. д. Никто не отрицает, что это будет борьба вне Думы. Это будет, в силу объективных условий современного положения, борьба, непосредственно разрушающая старую власть. В какой мере произойдет ее разрушение, никто не может предсказать. Но пролетариат, как передовой класс, еще более неуклонно стремится к полной победе в этой борьбе, к полному устраниению старой власти.

И пролетариат остается последовательным, отвергая оппортунистические лозунги буржуазии, сбившей с толку часть социал-демократов. Неправда, будто назначение кадетского министерства означает «вырывание власти» у камарильи. Это буржуазная ложь. На деле назначение такого министерства будет теперь новой либеральной ширмой камарильи. Неправда, будто назначение кадетского министерства будет превращением мнимой конституции в действительную. Это буржуазная ложь. На деле такое

министерство будет лишь переряживанием самодержавия в новый лжеконституционный костюм. Неправда, будто требование кадетского министерства становится требованием всенародным. Это буржуазная ложь. На деле это лишь требование кадетской Думы. На деле не-кадеты повторяют это требование только по недоразумению, понимая под ним нечто гораздо большее. На деле *всенародные* требования идут гораздо дальше требований кадетской Думы. Наконец, неправда и то, будто «поддержка» требования кадетского министерства (или, что то же, поддержка кадетского министерства) посредством резолюций, наказов и т. п. есть действительная борьба со старой властью. Это буржуазная ложь. Со стороны пролетариата такая «поддержка» есть лишь отказ от борьбы, есть лишь передача дела свободы в колеблющиеся руки либералов.

Пролетариат борется и будет бороться за разрушение старой власти. К этому он будет направлять всю свою работу пропаганды, агитации, организации, мобилизации масс. Не удастся полное разрушение — пролетариат использует и частичное. Но проповедывать частичное, подкрашивать его, призывать народ к его поддержке пролетариат никогда не будет. Действительная поддержка действительной борьбы дается тем, кто стремится к большому (достигая в случае неудачи меньшего), а не тем, кто *до борьбы* оппортунистически урезывает ее задачи.

Кого не обольщает треск фраз, тот легко увидит, что народ будет бороться *на деле* вовсе не за кадетское министерство, а за устранение старой власти. Интересы бюрократии требуют *притупления* действительного размаха этой борьбы. Интересы пролетариата — его *расширения* и обострения.

ПО ПОВОДУ ДЕКЛАРАЦИИ НАШЕЙ ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ⁹

Никто из социал-демократов не усомнится теперь в том, что выступление членов нашей партии в Думе могло бы принести, при данных условиях, немало пользы делу пролетариата и делу всего народа.

Мы приветствовали избирательные победы кавказских товарищей*. Мы считаем своим долгом отмечать их успехи в Думе, критиковать — деловым образом — их ошибки.

Успехом считаем мы речь т. Рамнишвили об «опасности» Думы и ее «миролюбия». Успехом — резолюцию его же по поводу белостокского погрома¹⁰. Успехом — прекрасную критику кадетского законопроекта о собраниях и верную постановку вопроса о кадетском проектерстве вообще. Об этом успехе мы надеемся еще поговорить с читателями подробнее.

Ошибками считаем мы молчание наших с.-д. в Думе тогда, когда Аладьин «скушал» набоковское извращение резолюции по продовольственному вопросу¹¹. С.-д. должны бы протестовать и внести свою резолюцию. Ошибкой была речь т. Гомартели в ответ лицемеру Федоровскому, когда с.-д. признал нежелательность втягивать армию в политику. Это очень большая, но еще поправимая ошибка. Наконец, ошибкой считаем мы и принятый фракцией текст декларации. Это уже непоправимо. И не в целях придирки — дело товарищей в Думе трудное, и ошибки в начале неизбежны, — а в интересах политического воспитания всей партии и всего пролетариата мы должны теперь остановиться на этой ошибке.

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 390—392. Ред.

Членам нашей с.-д. думской фракции был предложен другой проект декларации из лагеря бывших большевиков. Вот этот проект с некоторыми... сокращениями (газетное слово менее свободно у нас, чем слово депутата в Думе):

«В лице нашей группы партия сознательного пролетариата всех наций нашего государства, Российская социал-демократическая рабочая партия, выступает перед всем народом с трибуны Государственной думы.

Наша партия — один из отрядов международной армии социал-демократического пролетариата. Во всем мире поднялся на борьбу организованный и сознавший свои классовые интересы пролетариат. Он борется против ига капитала. Он добивается полного освобождения всех трудящихся от гнета бесправия, нищеты, угнетения, безработицы. Он стремится к социалистическому устройству общества, уничтожающему всякое деление на эксплуататоров и эксплуатируемых. Социал-демократия зовет в свои ряды всех трудящихся и эксплуатируемых, не только паевых рабочих, но и мелких хозяйчиков, если они сознали свои общие интересы с пролетариатом, если они ищут спасения не в укреплении одиночного мелкого хозяйства, а в совместной борьбе с рабочим классом за полное низпровержение господства буржуазии. И международный социалистический пролетариат своей дружной и неуклонной борьбой достигнет своей цели.

Но у нас в России борьба идет сейчас не за социализм, а за политическую свободу. Великая российская революция находится в полном разгаре. Гнет самодержавия сделал невозможным никакое развитие страны. Произвол безответственных чиновников, варварская эксплуатация помещиками крестьянской массы вызвали возмущение всего народа. Пролетариат боролся во главе народа. Геройской октябрьской забастовкой он вырвал у врага признание свободы. Геройским декабрьским восстанием он уничтожил всякую возможность оттягивать созыв народного представительства. И, как ни подделывало самодержавие избирательного закона, как ни мучило, ни избивало оно лучших борцов за свободу, как ни томило их в тюрьмах, — все же таки Государственная дума оказалась противником самодержавия.

Теперь народ стоит накануне новой великой борьбы. Самодержавие глумится над народным представительством, издевается над его требованиями. Возмущение рабочих, кре-

стьян, солдат все растет. От поведения различных классов общества зависит исход великой российской революции.

Либеральная буржуазия, представленная в Государственной думе особенно влиятельной партией к.-д., неизбежно стремится к тому, чтобы при переживаемом Россией демократическом перевороте были урезаны, по возможности, права неимущих, и особенно пролетариата, и тем была стеснена их борьба за полное, а не одно только политическое, освобождение. Это стремление либеральной буржуазии так же неизбежно порождает ее непоследовательность и перешительность в борьбе за свободу, ее колебания между стремлением опереться на народ и боязнью его революционной самостоятельности. Против этих колебаний мы поведем, в интересах свободы и в интересах социализма, самую беспощадную борьбу. Самый решительный отпор встретят с нашей стороны попытки — от кого бы они ни исходили — затушевать непримиримую враждебность интересов народа старому порядку и интересов пролетариата интересам буржуазии. И всю свою силу направим мы против стремлений затормозить народное движение обманом бумажных уступок, ложью примирения между хищниками реакции и революционной, т. е. единственно истинной и последовательной, демократией. Пробным камнем этой последовательности будет для нас в особенности стремление и готовность организовать свободное, действительно всенародное и массовое, никакими полицейскими преградами не стесненное, движение для широкой борьбы вне Думы за политическое и экономическое освобождение.

В крестьянстве видим мы главного из возможных союзников пролетариата в деле довершения борьбы за свободу. Всей душой поддерживаем мы до самого конца борьбу крестьян против помещичьего, полукрепостнического землевладения и против азиатского политического строя России. Не разделяя утопий о возможности уравнительного землепользования при капитализме, не допуская ни малейшего затушевывания различия интересов пролетария и мелкого хозяйчика, мы будем отстаивать конфискацию всех удельных, церковных, монастырских и *всех помещичьих* земель. Мы будем бороться против *выкупа* — этой петли, накидываемой либеральной буржуазией на шею крестьянской бедноты. Пока не достигнута еще победа революции, пока не завоевано полностью действительно

демократическое государство, мы будем предостерегать крестьян от передачи земли в руки полицейски-буржуазных органов власти, все равно местной или центральной. Мы будем отстаивать, при полном проведении в жизнь демократического государства, передачу всех земель в руки местных органов самоуправления. Мы будем предостерегать крестьян самым решительным образом от передачи вопроса о земле на решение недемократических местных комитетов вроде предлагаемых партией к.-д. чиновничьи-помещичьих комиссий.

На протяжении всего хода революции мы будем неуклонно отстаивать борьбу рабочих за 8-ми часовой рабочий день, за увеличение платы, за уничтожение штрафов, одним словом, за все требования нашей партийной программы-минимум. И в союзе пролетариата с широкими массами городской и сельской бедноты видим мы залог новой победы революции. Государственная дума есть непригодное учреждение для осуществления и закрепления этой победы. Только созданное революционным путем всенародное учредительное собрание, избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием всех граждан без различия пола, религии и национальности и обладающее всей полнотой государственной власти, — только оно в состоянии будет провести в жизнь полную свободу. Только оно создаст в России... заменит постоянную армию всеобщим вооружением народа, уничтожит невыборное и неответственное перед народом чиновничество, введет полную и неограниченную политическую свободу.

К этой цели будем мы неуклонно стремиться в настоящей революции. Для этой цели должна послужить и Государственная дума. Она должна помочь народу организовать и понять вполне и до конца необходимость свержения... власти. Она должна разъяснить народу все бессилие и всю жалкую роль «народного представительства», как новой ширмы старого самодержавия. Она должна заниматься не политическим прожектерством, не составлением мертворожденных «законопроектов», — она должна обращаться к народу, беспощадно раскрывать ему всю правду, — беспощадно изобличать перед ним все преступления той шайки... правительством России, — звать его на борьбу, выдержанную, стойкую, упорную и согласованную борьбу. И, если этой задачи не сумеет или не решится выполнить Госу-

дарственная дума в целом, — ее выполним мы в союзе с действительно революционными группами или членами Думы.

Победа народа недалека. Дело свободы в надежных руках. Пролетариат стоит на своем посту, собирая силы, гордо отбрасывая жалких провокаторов, стремящихся вызвать его на одиночный бой, — объединяя и группируя вокруг себя миллионы и десятки миллионов угнетенных и эксплуатируемых, *вечно трудящихся и вечно бедствующих*.

И как ни слаба, как ни малочисленна наша группа в Государственной думе — мы знаем, что за этой группой стоит и в связи с ней борется многомиллионный пролетариат, передовой отряд всех трудящихся и эксплуатируемых масс. Он победит в своей борьбе. Он не оставит камня на камне из чудовищного здания терзающего Россию самодержавия».

Правильно ли поступили наши товарищи-депутаты в Думе, отвергнув этот проект?

С формальной точки зрения, — правильно. Они должны, по уставу, считаться с ЦК, а не с «посторонними».

С фракционной точки зрения, — правильно. Другой проект исходил из «чужого» (по бывшим фракциям) лагеря.

Ну, а с партийной точки зрения? Правильно ли было отвергнуть указания на желательность более ясного определения социалистических целей партии и ее международного характера? — на движение вне Думы? — на необходимость ясного разграничения перед народом думских партий? — на обязательность точного разделения пролетарского и мелкобуржуазного учения? — на важность защиты рабочей партией крестьян *от* кадетов? — на более ясное и полное изложение наших ближайших требований?

Правильно ли поступили наши товарищи или наш ЦК, сказав в декларации «сделать Думу органом общенародного движения» вместо утвержденной съездом формулы: *сделать Думу орудием революции?*

Правильно ли поступили они, сделав по всем указанным пунктам явный шаг *вправо* от резолюций и решений Объединительного съезда нашей партии?

Пусть подумают об этом хорошенько все организации и все члены нашей партии.

«ЧТО ДЕЛАЕШЬ, ДЕЛАЙ СКОРЕЕ!»

Сегодня две газеты, не принадлежащие к уличной прессе, жадной до вздорных новинок, именно: «Наша Жизнь» и «Мысль»¹², сообщают важные вести о решенной, наконец, отставке министерства Горемыкина. Состав нового кабинета намечен такой: Ермолов — премьер; Урусов — министр внутренних дел; Герценштейн — финансов; Тимирязев — торговли; Стахович — земледелия; Кузьмин-Караваев — юстиции; Набоков — иностранных дел. Народное просвещение, предполагается, «возьмет» Гейден, а министерство путей сообщения — теперешний министр или начальник Николаевской ж. д. Шухтан.

Итак, — старые бюрократы в союзе с октябристами и с правыми кадетами, преимущественно из чиновных, т. е. вчерашних бюрократов (Урусов — бывший товарищ министра внутренних дел, Кузьмин-Караваев и Набоков — генерал и камер-юнкер).

Обе названные выше газеты сообщают также, что между «партией центра» в Государственном совете (т. е. компанией чиновников среднего рода между черносотенцами и правопорядочниками¹³) и кадетами происходили за последнее время оживленные переговоры.

Допустим, что все это правда. Мы *должны* допустить, что это правда, пока не доказано обратное, — ибо источник сведений сравнительно надежный, а факт с неизбежностью вытекает из всех предыдущих событий.

Что же, чьи взгляды подтверждает этакий состав министерства или этакие переговоры кадетов с погромщиками? Припомним, как на митинге в доме Паниной (9 мая)¹⁴ социал-народник г. Мякотин возражал социал-демократу, что в *делке* с погромщиками обвинять кадетов

несправедливо. Припомните, как наши с.-д. правого крыла, с Плехановым во главе, кричали, что неосновательны и пресждевременны речи об измене и сделке.

Переговоры — начало сделки, возражал тогда г. Мякотину с.-д. Сделка, это — законченные переговоры*. И вот теперь факт переговоров подтвержден. Сделка на мази.

А куда девалась полная амнистия, обеспечение свобод, уничтожение Гос. совета? Говорилось *об этом* на переговорах кадетов с погромщиками? Газеты молчат об этом. И все мы знаем, что *ультимативных* условий *сначала* обеспечить эти меры, а потом составить кадетский кабинет *никогда не предъявляли* рыцари «народной свободы». Как раз то, что менее важно, что делается за спиной народа, что дает портфели и местечки, — выдвинуть на первый план. Как раз то, что существенно для народа, — отодвинуть. Кадеты в министерстве будут «бороться» за амнистию и за свободу — таким ответом будут затыкать теперь рот наивным простачкам, которые пускали в народ лозунг поддержки «ответственного» министерства. Ответственным будет это министерство попрежнему перед законами, которые остаются старыми, погромными, да еще перед назначившей их эвездной палатой или камарильей. А под «борьбой» за амнистию и за свободу кадеты понимали вчера и будут понимать завтра переговоры Родичевых с Набоковыми, Набоковых с Урусовыми, Урусовых с Горемыкиными, Горемыкиных с Треповыми.

Однако — не бывает худа без добра. Министерство погромническо-октябристски-кадетское быстро двинет дело вперед, именно: кадетов к политическому краху; народ к избавлению еще от одной вредной иллюзии; ход политических событий к революционной развязке.

ПОЛЕЗНАЯ ПОЛЕМИКА

Длинное сообщение горемыкинского правительства о «мерах к улучшению быта крестьянства» посвящено более чем на половину полемике с крестьянскими взглядами и с народными речами («слухами», по пренебрежительному выражению горемычников). Poleмика эта чрезвычайно полезная. Горемыкинское правительство спорит с «русским крестьянством», называет «неверными» его взгляды, доказывает крестьянам, что их требования и планы «противны прежде всего выгодам самого крестьянства».

Вот это похвально, господа Горемыкины, что вы пробуете действовать словом убеждения! Давно бы так. Чем розгой, да нагайкой, пудей или прикладом, обращались бы вы, в самом деле, к крестьянству с доводами. Правительственное сообщение перепечатают чуть ли не все газеты, его прочтут крестьянам и священники, и земские, и волостные старшины, и урядники. А крестьяне пораздумают над этим сообщением. Крестьяне поучатся у правительства уму-разуму, как следует им понимать свои настоящие выгоды. И, подумав да поучившись у правительства, крестьяне по большинству голосов решили бы, на чьей стороне правда. Хорошо бы, если бы было так. Но очень уж нехорошо бывает, когда Горемыкины и их слуги одной рукой крестьян избивают, калечат и убивают, а другой рукой — затыкают им рот «сообщениями» о правильном понимании крестьянских выгод. Крестьянские газеты закрываются, крестьянские ходоки и члены Крестьянского союза¹⁵ сидят по тюрьмам или в Сибири, деревни наводнены войсками, точно неприятельские области, — а горемыкинское правительство иссеченному и

избитому крестьянству подкладывает сообщение о том, что секут их и бьют для их же собственной пользы!

Полезное сообщение! Прекрасное действие произведет оно на крестьян. Правительство взяло на себя частичку работы Трудовой или крестьянской группы в Думе. Этой группе следовало бы обратиться к народу, рассказать о требованиях крестьянских депутатов в Думе насчет земли для крестьян, рассказать об ответе правительства на эти требования. Трудовая группа не собралась еще сделать этого. Правительство пришло ей на помощь. Умное наше правительство. Оно само напечатало сообщение ко всему народу и рассказало про крестьянские требования.

Теперь даже в самых захолустных деревнях, даже в таких, где не слышали о Крестьянском союзе и о крестьянских депутатах в Думе (если есть такие деревни, — наверное, впрочем, есть, дикая ведь наша страна), даже там прочтет попик или старшина сообщение правительства. Соберутся крестьяне, прослушают молча, разойдутся. А потом сойдутся одни, без начальства. И станут толковать. Станут обсуждать правительственное уверение, что чиновники и правительство не отстаивают выгоды помещиков. Посмеются. Скажут: знает кошка, чье мясо съела! Поговорят о том, что добровольное отчуждение земли помещиками, да еще чрез посредство чиновников, выгоднее для крестьян, чем принудительное отчуждение (может быть и без выкупа). Посмеются. Скажут: как это мы, дураки, до сих пор не заметили, что выгоднее нам помещиков и чиновников слушаться, чем самим решать все дела?

А, может быть, и не только посмеются крестьяне? Может быть, пораздумают и еще кое о чем, не только со смехом, но и со злобой? Может быть, сделают себе вывод не только о том, где правда и где неправда, но и о том, как добиться правды?..

Умное наше правительство!

Впрочем, кадетский председатель Гос. думы, г. Муромцев, не велит употреблять этого слова: правительство. Это неверно, извольте видеть. Дума — тоже часть правительства. Надо говорить: министерство. Тогда выйдет совсем «как у хороших господ»: Дума — законодательствует, министерство исполняет; Дума есть часть правительства.

Милый г. Муромцев! Милые кадетики! Они так аккуратно вызубрили немецкие учебники государственного права. Они знают дело лучше Горемыкина, который в сообщении *ни слова не сказал о Думе*, а все время говорил о *правительстве*. Кто прав: Горемыкин или Муромцев? Как надо говорить: министерство или правительство?

Горемыкин прав. Он по свойственному ему качеству... гм! гм! по свойственной ему тонкости ума — ... нечаянно сказал правду. Муромцевы по свойственной им профессорской учености говорят приличную ложь.

Крестьяне будут учиться уму-разуму от Горемыкина, а не от Муромцева. Они захотят посчитаться не с министерством, а с правительством. И они окажутся правы.

«Эхо» № 1, 22 июня 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Эхо»

ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМ И ДУМСКАЯ ТАКТИКА

Сегодняшние газеты сообщают, что в среду 21-го июня состоялось заседание соединенных бюджетной и продовольственной комиссий Государственной думы. Обсуждалось предложение министров внутренних дел и финансов об ассигновании 50 миллионов на помощь голодающим. «Комиссия постановила предложить Гос. думе ассигновать на ближайшие нужды 15 млн. руб. и позаимствовать их из текущих счетов и предложить министерству представить свои соображения относительно сокращения расходов по текущей смете на указанную сумму. Предложение министерства о внутреннем займе в 50 млн. руб. отвергнуто» («Речь»¹⁶, 22 июня).

Вопрос об ассигновании денег на помощь голодающим имеет громадную важность. За всеми стадиями этого вопроса каждый сознательный гражданин должен следить с неослабным вниманием.

Напомним, прежде всего, что первоначально возник вопрос в Государственной думе такой: можно ли давать деньги правительству погромщиков или следует самой Думе взять все дело помощи голодающим в свои руки? Депутат Аладьин сначала высказался за правильное, т. е. второе решение вопроса. Он предложил избрать думские комиссии, послать думских депутатов на места, обратиться к «вольным учреждениям», сосредоточить у них и деньги и все дело помощи голодающим. Ни копейки гг. Гурко и Дурново! говорил Аладьин при аплодисментах думской левой и криках: верно. Аладьин, как известно, не удержался на верной позиции. Взлетел он высоко, а сел на насест в кадетском курятнике. Депутаты с.-д.

сделали ошибку, не взяв слова для громовой речи по этому вопросу. Дума приняла кадетскую формулу перехода к очередным делам.

Этим был решен по-кадетски, по-помещичьи, по-либеральному основной принципиальный вопрос. Дума отказалась стать орудием революции в этом деле. Дума убоялась народа, устрашилась обращения к народу. Дума в принципе согласилась оставить дело помощи голодающим за гг. Гурко и погромщиками-министрами. Кадетская дума показала этим, что она хочет не бороться с народом против погромщиков, а лишь давить на погромщиков при помощи народа, лишь обуздать немного погромщиков, не устраняя их совершенно.

Наступила вторая стадия вопроса. Как же будут теперь кадеты давить на погромщиков? Началась торговля между думской комиссией и министрами. На заседание комиссии 21 июня прибыли министры внутренних дел и финансов. Дума, не пожелавшая иметь дело с народом и с «вольными учреждениями», не пожелавшая с ними переговаривать, — стала вести переговоры с этими министрами. «Ни копейки гг. министрам» — это осталось фразой. Переговоры с гг. министрами стали делом. Министры просили разрешения на заем. Думская комиссия отказала. Она потребовала, чтобы деньги взяли из росписи текущего года, т. е. чтобы сократили некоторые *вредные* расходы и, таким образом, набрали сумму в помощь голодным. Этим тактическим приемом, этим обходным движением Дума захватывает себе некоторую частичку права контролировать бюджет государства. Бюджет утвержден помимо народных представителей, а теперь косвенным путем достигается пересмотр его для сокращения вредных расходов и для получения денег на полезные расходы.

Такова вторая стадия вопроса. Кадеты, т. е. партия либеральных помещиков, либеральных буржуа, хотят контролировать органы старой власти, хотят подчинить их своему влиянию, хотят их причесать, обмыть, приодеть, заменить Столыпинных Набоковыми, но не хотят заменить *все* эти органы и учреждения старой, полицейской, крепостнической власти — *вольными учреждениями* народа, свободно выбранными должностными лицами всего народа. Как достать деньги на помощь голодающим? Кому поручить расходование этих миллионов? Три главные ответа

дают на этот вопрос три главные политические силы современной эпохи. Правительство полицейских погромщиков отвечает: деньги взять из нового займа, чтобы не трогать нашего полицейски-погромщического бюджета. Деньги расходовать нам же, полицейским и погромщикам. Рабочий класс и все сознательное крестьянство отвечают: деньги собрать самому народу и самому же израсходовать их через «вольные учреждения», действительно всеми выбранные, действительно с грязной полицией не связанные. Воспользоваться этими вольными учреждениями для широкого, массового движения, направленного к переходу всей власти в государстве и всей «казны» в руки народа. Либеральные помещики и либеральные буржуа («кадеты») отвечают: не хотим мы «вольных учреждений», боимся мы их. Народ пойдет тогда «слишком» далеко. Останемся лучше при старых погромщиках, почистив да поскоблив их капельку. Деньги взять из их же бюджета, сократив вредные расходы. Поручить тратить эти деньги тому же правительству погромщиков, постаравшись поставить его под контроль нас, либеральных помещиков.

Ясные ответы. Ясная позиция правительства, буржуазии и пролетариата. За кем только пойдет крестьянство?

Либеральная буржуазия, кадеты, колеблется между правительством и народом. Положение колеблющихся двусмысленное. Легко сказать: взять деньги из текущей росписи, сократив вредные расходы! Но деньги нужны немедленно, а на такую операцию требуется *согласие* Гос. совета и главы государства. Значит, кадеты рассчитывают добиться добровольного согласия высших чиновников и камарильи. На чем основан расчет кадетов? *На возможной сделке из-за состава будущего министерства.*

Надо смотреть действительности прямо в глаза. Нечего лицемерить. Нечего играть в прятки. Ассигновка денег на помощь голодающим служит поводом к торговле между кадетами и правительством погромщиков, между кадетами и камарильей. Уступите нам, господа погромщики, назначьте Муромцева в премьеры вместо Ермолова, — а мы уступим вам и дадим, может 15, а может и все 50 миллионов на помощь голодающим без «опасного»

(и для вас, погромщиков, и для нас, помещиков) обращения к «вольным учреждениям» народа.

Именно такой смысл имеют теперешние думские события. Именно такой смысл имеет сегодняшняя статья г. Ещина в кадетской «Речи», статья, специально одобренная, с маленькими оговорочками, передовицей «Речи» и доказывающая, что Дума должна дать денег правительству погромщиков, «обставив эту ассигновку всеми теми условиями, какие может поставить Дума».

Политическая ситуация ясна. Перед нашими с.-д. депутатами в Думе встает серьезнейшая задача. Во-первых, они должны дать генеральное сражение кадетам, когда в Думе будет обсуждаться доклад бюджетной и продовольственной комиссии. Они должны потребовать обращения к «вольным учреждениям» народа, раскрыть глаза крестьянам на то, почему кадеты, среди которых столько помещиков, боятся народа, которому нужна *вся* земля и без *всякого* выкупа и *вся* воля. Они должны потребовать голосования своей резолюции по этому вопросу, чтобы закрепить за партией пролетариата сочувствие всех трудящихся масс и чтобы выставить открыто и ясно для всех всю шаткость и трусость либеральных помещиков.

Во-вторых, когда кадеты провалят предложение об обращении к вольным учреждениям, с.-д. должны дать им второе сражение на следующей линии наших укреплений. Надо потребовать объяснений, почему это комиссия (бюджетная вместе с продовольственной) не опубликовала *всех* подробностей переговоров с почтеннейшими господами министрами внутренних дел и финансов. Надо хорошо подготовиться к более обстоятельной и решительной критике всего бюджета, чем это сделали кадеты в комиссии. С думской трибуны раздадутся тогда голоса, раскрывающие беспощадно двойную игру кадетов, разоблачающие все «тайны» российского бюджета полицейских погромщиков, — бюджета, в котором десятки и сотни миллионов бросаются на помощь землевладельцам и капиталистам, на военные авантюры, на «помощь» шпионам и жандармам, на вознаграждение всяких сановных героев манчжурской трагедии, на содержание бездны грабящих и притесняющих народ чиновников. С думской трибуны раздадутся голоса,

которые насчитают не 15 и не 50 миллионов *вредных* расходов.

Кадеты хотят слегка лишь пожурить правительство. Перед социал-демократией ответят и погромщики в первую голову и сами господа кадеты за их стремление затушевать всю глубину розни между камарильей и народом.

«Эхо» № 2, 23 июня 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Эхо»

ПЕРЕГОВОРЫ О МИНИСТЕРСТВЕ

Вчера мы сообщили газетные вести о предполагаемом министерстве Ермолова, Урусова, Набокова, Гейдена и пр.* Сегодня «Речь» пишет об этом списке: «Члены к.-д. партии включены в список его составителями, очевидно, лишь предположительно; в действительности, к.-д. партия не примет участия в кабинете такого характера».

Очень хорошо, господа кадеты! Но откуда знает «Речь», что к.-д. партия не примет участия в таком кабинете?

Как «откуда», спросит читатель. Ведь «Речь» и есть главный орган кадетов? Правильно. Но мы именно хотим обратить внимание на то, что такой партии, как к.-д., имевшей легальные съезды, господствующей в Государственной думе, партии богатой, «просвещенной» и либеральной, *неприлично*, в высокой степени неприлично, играть в прятки. Не пора ли сказать, что «Речь» есть официальный и главный орган партии? Не пора ли печатать резолюции ЦК кадетской партии? Одно из двух, господа: *или* ваша партия официально не обсуждала вопроса, в каком министерстве она «примет участие». Тогда надо прямо так и сказать. Тогда «Речь» должна говорить не от имени партии к.-д., а от своего имени, т. е. «мы убеждены, что партия к.-д. не примет участия» и т. д.

Или ваша партия обсуждала официально этот вопрос. Тогда надо опубликовать протоколы этого обсуждения, ибо молчание ваше будет подтверждать то, что вы ведете негласные переговоры за спиной народа.

* См. настоящий том, стр. 22—23. Ред.

«Сегодня говорят уже о списке более чистого типа», пишет также «Речь», приводя лишь имена Ермолова, Тимирязева, Гейдена, Стаховича, т. е. чиновников и октябристов без кадетов. Итак, *переговоры были*. Кадетов спросили — может быть, через «партию центра» в Государственном совете — пойдете ли в такое министерство? Кадеты ответили: нет, в такое не пойдём.

Так, что ли, господа к.-д.? Были переговоры или нет? Говорили вы о том, каковы *ваши* условия или нет? Состояли эти условия исключительно в назначении определенных лиц в министры или также в полной амнистии, в гарантии свобод, в уничтожении Государственного совета, в согласии на всеобщее избирательное право?

Пока партия к.-д. официально не даст полного и совершенно точного ответа на эти вопросы, до тех пор мы не устанем повторять народу: граждане, берегитесь! За спиной народа ведутся «неофициальные» переговоры членов партии «народной свободы» о продаже по сходной цене народной свободы.

СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

Тов. Н. Рахметов рассуждает в «Голосе Труда»¹⁷ о «политических задачах российской социал-демократии». Четыре столбца фельетона посвящены доказательству того, что

«пролетариату, как одному из действующих в России классов, отнюдь не выгодно предоставить Думу самой себе: это значило бы вычеркнуть себя из списка живых политических сил, это привело бы единственно к тому, что пролетариат далеко не использовал бы русской буржуазной революции во всей доступной для него полноте».

«Стоит только так поставить вопрос, — заявляет Н. Рахметов, — чтобы увидеть, что двух ответов на него быть не может». Совершенно верно, т. Рахметов, но вся беда в том, что это не «постановка вопроса», а просто избитое общее место.

«Вопрос», ведь, никогда *так* и не ставился. *Как* именно ставился — и ставится — вопрос, т. Рахметов, между тем, очевидно знает, когда из вышеприведенной тирады совершенно неожиданно делает следующий вывод:

«Пролетариат обязан — как перед самим собою, так и перед всей страной — не только не поддерживать пассивного нейтралитета в деле борьбы Думы с самодержавием, но смело и решительно стать *в этой борьбе на сторону Думы против правительства*».

Вот здесь уже начинается «вопрос». И т. Рахметов сам это понимает, ибо предвидит, что

«газета «Светоч»*, вероятно, отнесется с большим скептицизмом к подобной тактике. Эта газета пишет: «Безупречная диалектическая

* Иные закрытый правительством московский соц.-демократический орган¹⁸.

схема «революции через Думу» страдает забвением лишь одного будничного прозаического факта: того факта, что наличная Дума есть учреждение, состоящее в большинстве из буржуазных элементов, боящихся революции и, в силу этого, ей враждебных». Подобные рассуждения могут служить наилучшим показателем того, как не следует никогда и ни в каком случае рассуждать социал-демократу. Социал-демократ обязан знать, что политическая тактика пролетариата диктуется не настроением других общественных групп, а тем объективным историческим процессом, который *принуждает* эти группы к определенным действиям. Социал-демократ обязан знать и уметь, что *должны* будут сделать те классы, с которыми ему приходится иметь дело. А ставя вопрос таким образом, он убеждается в следующем: выражая готовность революционно поддерживать Думу против царизма, пролетариат *тем самым* вынуждает Думу к большей революционной активности. Нужна значительная доза политической незрелости, чтобы не понять этой простой «истины».

Странное рассуждение! По т. Рахметову выходит, что если даже наша буржуазия и настроена контрреволюционно, то ее все же можно принудить стать революционной.

Для этого, оказывается, надо «охватить Думу огненным кольцом революционного напора». Тогда перед Думой встанет «вопрос»: «или сгореть или слиться с общим пламенем», «вопрос о жизни или смерти».

Мы очень боимся за т. Рахметова; как бы т. Плеханов не поддел его за метафизическую «постановку вопроса», за неумение поставить важнейший политический вопрос диалектически. Ведь б. меньшевики и т. Плеханов так часто протестовали против подобных «или — или» в политических вопросах. Почему же непременно «или сгореть или слиться с общим пламенем»? Неужели т. Рахметов думает, что для фракции гг. Герценштейнов и Набоковых нет третьего выхода? Ну, а почему бы им, в союзе с более «приличными» бюрократами, не попытаться, напр., прорвать это «огненное кольцо революционного напора»?

Мы, например, думаем, что если победоносно нарастающая волна революции и принудит к чему-нибудь руководящие элементы кадетской партии, так это именно к этому третьему выходу, т. е. попросту к сделке с бюрократами.

Что «партия народной свободы» в ее теперешнем виде может «сгореть» в этом предприятии — это вполне вероятно, но когда же гг. Рахметовы поймут, наконец, что вся шумиха народной свободы была для кадетов простой подставкой к министерским портфелям, а отнюдь не к той

«борьбе с царизмом», которую стараются так безуспешно навязать им гг. Рахметовы. И вообще: хозяева Думы — пока что — кадетский центр; вы хотите *эту* Думу «охватить огненным поясом революционного напора». Это — очень хорошо, это безусловно важно и необходимо. Но не следует ли при этом неустанно предупреждать «напирающих», что они своим напором неизбежно... выпрут теперешних хозяев Думы в объятия бюрократов? Не следует ли, т. Рахметов?

«Эхо» № 2, 23 июля 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Эхо»

КТО ЗА СОЮЗЫ С КАДЕТАМИ?

Бывает иногда, что опытные и осторожные политические деятели, хорошо понимая серьезную ответственность за всякий сколько-нибудь важный политический шаг, посылают вперед, вроде как на разведки, молодых и неосторожных вояк. «Туда умного не надо», говорят себе такие деятели, предоставляя юнцам выболтать кое-что лишнее, чтобы таким путем позондировать почву.

Тов. Н. Рахметов в «Голосе Труда» производит впечатление именно такого юнца, выполняющего предначертанную ему миссию. И именно поэтому такая совершенно несерьезная статья, как статья т. Рахметова, — мы посмеялись над ней уже вчера* — приобретает с одной, известной, стороны несомненное политическое значение. Если в таком влиятельном органе наших с.-д. правого крыла, как «Голос Труда», печатаются, без единой оговорки редакции, статьи, зовущие социал-демократию к союзу с кадетами, — значит, есть серьезная болезнь в нашей партии. Как бы ни скрывали признаки этой болезни осторожные, опытные, ловкие люди, болезнь все же дает себя знать. Замалчивать ее было бы величайшим преступлением.

Основная ошибка оппортунистов социал-демократии состоит в непонимании того, что значит решительная победа буржуазной революции. Принижая, как и все оппортунисты, учение революционного марксизма и роль пролетариата, как авангарда, наши русские оппортунисты постоянно сбиваются на ту ошибочную мысль, будто неизбежным «хозяином» буржуазной революции является

* См. настоящий том, стр. 34—36. Ред.

либеральная буржуазия. Они совершенно не понимают исторической роли хотя бы, напр., Конвента, как диктатуры общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии, в великой французской революции. Они совершенно не понимают идеи диктатуры пролетариата и крестьянства, как единственной возможной социальной опоры для вполне победоносной российской буржуазной революции.

Сущность оппортунизма — принесение в жертву прочих и длительных интересов пролетариата мишурным и минутным его интересам. В эпоху буржуазной революции оппортунист с.д. забывает значение революционного крыла буржуазной демократии и рабски преклоняется пред успехами неревolutionного крыла той же буржуазной демократии. Существенная разница между либерально-монархической буржуазией (к.-д., п. д. р.¹⁰ и т. п.) и революционной, в особенности крестьянской буржуазной демократией, ускользает от его внимания. Сотни, если не тысячи, раз указывали мы нашим товарищам из правого крыла эту разницу. В проекте большевистской резолюции к съезду* со всей ясностью указывалось, что либеральная буржуазия не случайно, а в силу коренных интересов ее, стремится к сделке со старой властью, колеблется между революцией и реакцией, боится народа, боится свободного и всестороннего развития его деятельности. Надо использовать демократические фразы этой буржуазии, говорили мы, использовать ее робкие шаги, ни на минуту не забывая ее «соглашательских» и предательских стремлений. Наоборот, крестьянская демократия в силу объективных условий, в которые поставлена крестьянская масса, вынуждена, несмотря на отсутствие полной сознательности в ее рядах, поступать революционно. Коренные интересы этой буржуазной демократии не толкают ее в данное время к сделке, а заставляют бороться решительно против старой власти. Чтобы не жертвовать коренными интересами пролетариата в буржуазно-демократической революции, надо строго различать либеральную или «кадетскую» и крестьянскую или революционную буржуазную демократию.

Этого-то и не хотят понять оппортунисты социал-демократии. А между тем события блистательно подтвердили

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 137. Ред.

Редакция в Главномъ конторѣ, Пискаревск. ул., д. 1, к. 2
 Писательск. отдѣл.
 по п.ч. № 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10.
 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20.
 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30.
 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40.
 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50.
 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60.
 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70.
 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80.
 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90.
 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100.
 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110.
 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120.
 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 129. 130.
 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140.
 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150.
 151. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160.
 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170.
 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180.
 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190.
 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200.
 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210.
 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220.
 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230.
 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240.
 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250.
 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260.
 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270.
 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280.
 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290.
 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300.
 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310.
 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320.
 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330.
 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340.
 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350.
 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360.
 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370.
 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380.
 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390.
 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400.
 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410.
 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420.
 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430.
 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440.
 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450.
 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460.
 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470.
 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480.
 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490.
 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500.
 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510.
 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520.
 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530.
 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540.
 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550.
 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560.
 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570.
 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580.
 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590.
 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600.
 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610.
 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620.
 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630.
 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640.
 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650.
 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660.
 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670.
 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680.
 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690.
 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700.
 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710.
 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720.
 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730.
 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740.
 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750.
 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760.
 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770.
 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780.
 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790.
 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800.
 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810.
 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820.
 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830.
 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840.
 841. 842. 843. 844. 845. 846. 847. 848. 849. 850.
 851. 852. 853. 854. 855. 856. 857. 858. 859. 860.
 861. 862. 863. 864. 865. 866. 867. 868. 869. 870.
 871. 872. 873. 874. 875. 876. 877. 878. 879. 880.
 881. 882. 883. 884. 885. 886. 887. 888. 889. 890.
 891. 892. 893. 894. 895. 896. 897. 898. 899. 900.
 901. 902. 903. 904. 905. 906. 907. 908. 909. 910.
 911. 912. 913. 914. 915. 916. 917. 918. 919. 920.
 921. 922. 923. 924. 925. 926. 927. 928. 929. 930.
 931. 932. 933. 934. 935. 936. 937. 938. 939. 940.
 941. 942. 943. 944. 945. 946. 947. 948. 949. 950.
 951. 952. 953. 954. 955. 956. 957. 958. 959. 960.
 961. 962. 963. 964. 965. 966. 967. 968. 969. 970.
 971. 972. 973. 974. 975. 976. 977. 978. 979. 980.
 981. 982. 983. 984. 985. 986. 987. 988. 989. 990.
 991. 992. 993. 994. 995. 996. 997. 998. 999. 1000.

Вопросы дня.

Вопросы дня. В настоящее время в нашей стране наблюдается острое политическое кризисное состояние. Это обусловлено тем, что власть перешла к представителям буржуазии, которые стремятся к установлению капиталистического строя. Однако народ требует демократических реформ и сохранения социалистических завоеваний. Необходимо проведение широкой демократической реформы, которая позволит народу участвовать в управлении государством. Только так можно обеспечить стабильность и развитие страны.

Своя плоть и чуждая.

Своя плоть и чуждая. В настоящее время в нашей стране наблюдается острое политическое кризисное состояние. Это обусловлено тем, что власть перешла к представителям буржуазии, которые стремятся к установлению капиталистического строя. Однако народ требует демократических реформ и сохранения социалистических завоеваний. Необходимо проведение широкой демократической реформы, которая позволит народу участвовать в управлении государством. Только так можно обеспечить стабильность и развитие страны.

№ 3. Суббота, 24 июня 1906 г. № 3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на постоянную плату "ЭХО".

Подписка прекращается по желанию читателя.

Годовая плата за постоянную подписку 1 рубль.

Средств на постоянную подписку не принимается.

Всего выдано копий 1000.

Кто в самом изъятии?

Кто в самом изъятии? В настоящее время в нашей стране наблюдается острое политическое кризисное состояние. Это обусловлено тем, что власть перешла к представителям буржуазии, которые стремятся к установлению капиталистического строя. Однако народ требует демократических реформ и сохранения социалистических завоеваний. Необходимо проведение широкой демократической реформы, которая позволит народу участвовать в управлении государством. Только так можно обеспечить стабильность и развитие страны.

Будет ли в нас "ЭХО"?

Будет ли в нас "ЭХО"? В настоящее время в нашей стране наблюдается острое политическое кризисное состояние. Это обусловлено тем, что власть перешла к представителям буржуазии, которые стремятся к установлению капиталистического строя. Однако народ требует демократических реформ и сохранения социалистических завоеваний. Необходимо проведение широкой демократической реформы, которая позволит народу участвовать в управлении государством. Только так можно обеспечить стабильность и развитие страны.

Гуляющий дядя.

Гуляющий дядя. В настоящее время в нашей стране наблюдается острое политическое кризисное состояние. Это обусловлено тем, что власть перешла к представителям буржуазии, которые стремятся к установлению капиталистического строя. Однако народ требует демократических реформ и сохранения социалистических завоеваний. Необходимо проведение широкой демократической реформы, которая позволит народу участвовать в управлении государством. Только так можно обеспечить стабильность и развитие страны.

Вопросы дня.

Вопросы дня. В настоящее время в нашей стране наблюдается острое политическое кризисное состояние. Это обусловлено тем, что власть перешла к представителям буржуазии, которые стремятся к установлению капиталистического строя. Однако народ требует демократических реформ и сохранения социалистических завоеваний. Необходимо проведение широкой демократической реформы, которая позволит народу участвовать в управлении государством. Только так можно обеспечить стабильность и развитие страны.

Своя плоть и чуждая.

Своя плоть и чуждая. В настоящее время в нашей стране наблюдается острое политическое кризисное состояние. Это обусловлено тем, что власть перешла к представителям буржуазии, которые стремятся к установлению капиталистического строя. Однако народ требует демократических реформ и сохранения социалистических завоеваний. Необходимо проведение широкой демократической реформы, которая позволит народу участвовать в управлении государством. Только так можно обеспечить стабильность и развитие страны.

Гуляющий дядя.

Гуляющий дядя. В настоящее время в нашей стране наблюдается острое политическое кризисное состояние. Это обусловлено тем, что власть перешла к представителям буржуазии, которые стремятся к установлению капиталистического строя. Однако народ требует демократических реформ и сохранения социалистических завоеваний. Необходимо проведение широкой демократической реформы, которая позволит народу участвовать в управлении государством. Только так можно обеспечить стабильность и развитие страны.

Первая страница газеты "ЭХО" № 3, 24 июня 1906 г. с передовой статьей

В. И. Ленина "Кто в самом изъятии?"

Уменьшено

и продолжают подтверждать правильность нашего деления. И в Думе выделяется крестьянская демократия, вынужденная сближаться с революцией и стремиться к освобождению из-под ига кадетов. Кадеты и октябристы против трудовиков и с.-д. — вот группировка, которая уже сложилась и по вопросу о выборных местных земельных комитетах и по вопросу о кадетском «обуздании» свободы собраний.

Товарищи из правого крыла с.-д. глухи к этим фактам. Обольщаясь ситуацией данной минуты, они склонны отождествлять именно господствующую в Думе партию, т. е. к.-д., с буржуазной демократией вообще. Н. Рахметов особенно наивно повторяет эту старую ошибку меньшевиков. Но в то время, как «старые воробьи» искусно обходят неприятные выводы из неверных посылок — молодые воробушки болтают и пробалтываются. Если к.-д. представляют из себя действительно буржуазную демократию вообще (а не одни только худшие и притом узкие, верхние слои буржуазии), то естественно, что необходимый для пролетариата боевой союз с буржуазной демократией должен быть союзом с кадетами. Пролетариат может и должен быть передовым борцом за победу буржуазной революции, строго охраняя при этом свою классовую самостоятельность. Но без буржуазной демократии он не может довести этой революции до конца. С кем же «врозь идти, вместе бить»? с либеральной или с крестьянской демократией?

С либералами, с кадетами, щебечет Рахметов. Чего тут думать? Кадеты наверху, они виднее, они блестят и шумят! С кадетами, конечно, с кадетами! «Кадетам гораздо легче шататься и вилять, — заявляет Рахметов, — когда их встречает огульное недоброжелательство, чем тогда, когда к ним подходят с желаньем политической коалиции... Давлением общественного мнения на кадетов (присылкой в Думу резолюций, наказов, петиций, требований, организацией собраний протеста, переговоров между рабочей группой и кадетами) можно сделать гораздо больше, чем неосмысленным, а потому бесцельным дебоширством, выражаясь резко». (Курсив наш.)

Вот это — цельный вывод, за который Рахметов вполне заслужил похвального листа с надписью: «от благодарных большевиков». Политические союзы с кадетами,

переговоры с.-д. с ними — какой это ясный и отчетливый лозунг! Нам остается только позаботиться о том, чтобы пошире распространять этот лозунг меньшевиков среди рабочей партии, и поставить перед рабочими вопрос: *кто за союзы с кадетами?* — Кто сколько-нибудь знает пролетариат, тот не усомнится в том, каков будет ответ.

В том же номере «Голоса Труда» помещено верное по существу предостережение ЦК РСДРП против слияния с.-д. с трудовиками. Но «Голос Труда» оказал медвежью услугу ЦК нашей партии, превратив его предостережение в прикрытые проповеди, направленной к союзу с.-д. с кадетами! Нельзя было сильнее компрометировать социал-демократию, как этим поступком: сочетать — повторяем, по существу справедливое — заявление *против слияния* с.-д. с революционной буржуазией с проповедью *союза* с.-д. с оппортунистической буржуазией!

И в какой момент собрались проповедывать этот союз наши меньшевики? В такой момент, когда *распадается* союз революционной и оппортунистической буржуазии, союз трудовиков и кадетов. Нечего сказать, кстати пошел в поход наш добрый Н. Рахметов. Как раз тогда, когда — не без помощи с.-д. — трудовики стали отделяться от к.-д., свертать их иго, голосовать против них, сплываться против «союза» кадетов и октябристов. И подобные Рахметовы говорят еще с важным видом о революционизировании Думы, — служа на деле кадетскому опшлению этой Думы!

Запомните себе, господа: союзы с кадетами, переговоры с ними есть худший способ давить на них. На деле это будет означать не давление с.-д. на них, а притупление самостоятельной борьбы с.-д. Революционизирует Думу и «давит» на кадетов именно тот, кто беспощадно разоблачает каждый неверный шаг их. Отказ в поддержке за эти неверные шаги гораздо больше давит на кадетскую Думу, чем переговоры с кадетами для их поддержки. Рабочая группа отказалась голосовать за ответный адрес: его обкарнали кадеты. Рабочая группа отказалась поддержать кадетов. Она уронила этим кадетов в глазах народа и передвинула морально центр народного внимания с кадетов на «левое» ядро Думы. Беспощадно клеймя половинчатость *кадетской* Думы, мы тем самым революционизируем и Думу, и — что еще важнее —

верящий в Думу народ. Мы тем самым призываем сбросить иго кадетов, призываем действовать смелее, решительнее, последовательнее. Мы тем самым раскалываем и кадетов, внося колебание в их ряды общим натиском с.-д. и трудовиков.

Мы ведем политику пролетариата, как передового борца в революции, а не как прихвостня самых робких и жалких верхов либеральной буржуазии.

«Эхо» № 3, 21 июля 1906 г.

*Печатается по тексту
газеты «Эхо»*

КАДЕТСКАЯ ДУМА ДАЛА ДЕНЕГ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ПОГРОМЩИКОВ

Это должно было случиться и это случилось. Со вчерашнего дня есть такая частичка в бюджете самодержавного правительства погромщиков, которая *утверждена* «народными», с позволения сказать, представителями. Только первый шаг труден, говорит французская поговорка. Или по-русски: первая рюмочка колом, вторая соколом, остальные — мелкими пташечками. Первая рюмочка выпита кадетами вкупе с самодержавниками.

Восстановим точнее весь ход этого исторического события. Министры внутренних дел и финансов попросили у Думы ассигновать 50 млн. руб. на помощь голодающим. Без постановления Думы министры, *«по закону»*, не могли бы достать этих денег, не могли бы взять в свои руки продовольственной кампании. О том, кому вести эту кампанию, министры не спрашивали Думу: *«по закону»* это дело и без того в руках правительства погромщиков. О том, откуда достать деньги, министры в своем предложении тоже не говорили: «предоставить министру финансов изыскать» и только. Лишь в комиссии министры выдвинули именно заем, как способ достать деньги. А вчера в заседании Думы министр финансов прямо заявил: «Компетенция Гос. думы заключается в том, чтобы дать уполномочия на изыскание источников, а порядок на изыскания (цитируем по «Речи» и снимаем с себя ответственность за слог) принадлежит верховному правлению». Итак, министрам собственно нужно было от Думы получить ассигновку вообще, а об источниках они меньше заботились.

В Думе сейчас же наметилось два основных решения вопроса, указанных нами третьего дня*. Кадеты высказались за ассигновку 15 млн. руб. с затребованием отчета в их израсходовании и с отнесением этой суммы за счет «ожидаемых сбережений» по росписи 1906 года. Только и всего. И министр финансов прехладнокровно ответил кадетам: «если Госуд. дума вынесет постановление предоставить 15 млн. руб., то министерство финансов отпустит их, но отпустит не в счет сбережений, а в счет других обеспеченных расходов». Произведя расход, министр «придет все-таки в Гос. думу и скажет: вы нас заставили произвести расход, для которого мы остатков не нашли».

Дело, значит, яснее ясного. Министр прямо наплевал в лицо кадетской Думе: разрешением взять 15 млн. руб. мы воспользуемся, а насчет «сбережений» ваше постановление — пустой звук. Министр не стесняется заявить, что сбережений не будет. Министр не стесняется заявить, что получать деньги по ассигновкам Думы он согласен, а на советы Думы насчет «сбережений» он плюет.

Какую же роль фактически сыграла кадетская Дума? Роль *понятых*, призванных полицией для одобрения ее действий по расходованию награбленных с народа денег. «По закону» требуется подпись понятых на ассигновке денег. Полиция потребовала. Кадетская Дума подписалась. Полиции только это и нужно было. А что понятые пофордыбачились, — так это пустяки.

Роль полицейских понятых сыграла именно *кадетская* Дума. Депутаты с.-д. заняли совершенно иную, правильную позицию. Их выступление было как раз в том духе, как намечали мы третьего дня. «Я говорю, господа, — прекрасно сказал тов. Рамишвили, — что если мы отпустим хоть один грош в руки правительства, то до народа этот грош никогда не дойдет». И в своей резолюции, напечатанной нами вчера, с.-д. совершенно верно заявили, что недопустимо давать деньги самодержавному правительству, что Гос. дума должна образовать *свой* продовольственный комитет, послать на места своих членов, привлечь «свободные общественные организации». С.-д. сделали из своей резолюции революционное обращение

* См. настоящий том, стр. 27—31. Ред.

к народу, бичующее правительство, как «истинного виновника голодовок», расхищающего народные деньги, бросающего их на войну с народом. С.-д. потребовали *уничтожения* расходов на жандармерию, политическую полицию, стражников и т. д., потребовали *сокращения* жалований и пенсий сановных туеядцев и *проверки* наличности и счетов казначейства. Вполне правильно также потребовали они обращения на помощь голодным доходам с кабинетских, удельных, церковных, монастырских имений. С.-д. выступили с прямым обвинением против всей старой власти и всех ее органов вообще, а также с критикой всего бюджета.

Каково же было голосование? Кадеты, конечно, победили. За с.-д. голосовали трудовики, по единогласному показанию ряда газет (именных голосований, *к сожалению*, не было). Политическая группировка еще и еще раз определяется отчетливо. Октябристы и кадеты за сделку с старой властью. С.-д. и трудовики решительно против. Дружным выступлением с.-д. не только увлекли за собой крестьян, но даже внесли некоторый раскол в среду к.-д.: устыдился роли полицейского понятого не только левый Галецкий, но и правый Кузьмин-Караваев. Кадеты и только кадеты провели позорное рукоприкладство «народных представителей» к ассигновке денег в руки погромщиков.

Принципиальное значение этого рукоприкладства кадетской Думы громадное. Наивные люди и близорукие политики частенько говорят: обвинять кадетов в измене и сделке с бюрократией неосновательно, преждевременно. Но ассигновка денег в руки правительства погромщиков есть именно такая — и уже не первая, строго говоря, — сделка. Посмотрите, какими жалкими увертками оправдывают себя кадеты. Это — компромисс, кричит «Наша Жизнь», но он оправдывается временными обстоятельствами. — Конечно, господа, все компромиссы буржуазии с полицейским самодержавием всегда объяснялись временными обстоятельствами.

Но крестьянам надо помочь немедленно! — Не изменили ли крестьянам крестьянские депутаты, а, господа кадеты? Ведь, крестьянские депутаты голосовали против, зная лучше вас, куда идут деньги чрез полицейские руки. И почему сама Гос. дума не могла взяться за дело?

Это утопично, это неосуществимо, надо считаться с имеющейся организацией, пока она не изменена по закону, — вопят в один голос Гейдены, Коковцовы, Милюковы и даже бернштейншанцы «Нашей Жизни». — Да, господа, буржуазия всегда считает утопией устранение всех органов старой власти, ибо буржуазии нужны эти органы против пролетариата и против революционного крестьянства. В полицейски-классовом государстве всегда будет бездна «неотложных» расходов: надо же кормить однажды нанятых чиновников, надо же платить по сделанным заказам и т. д., и т. п. Всегда будет налицо и «имеющаяся организация» (именно: полицейски-чиновническая), которую «нельзя» изменить сразу, без согласия Государственного совета и т. д. и т. п.

Такие отговорки всегда будут. Такими отговорками везде в мире кормят доверчивый народ либеральные буржуа. Такие отговорки являются естественным прикрытием буржуазной измены делу народной свободы.

Против всей этой лицемерной игры всегда будет выступать пролетариат. Он будет звать народ к борьбе против всех органов и учреждений старой власти, к борьбе посредством свободных организаций рабочего класса и революционного крестьянства.

КАДЕТСКИЕ ПОДГОЛОСКИ

Вчера мы напечатали главные резолюции пятого съезда польской социал-демократии²⁰. Вошедшие теперь в нашу партию польские товарищи, от 25 до 30 тысяч членов партии, решительно высказались против тактики ЦК относительно Гос. думы. Осудив эту тактику вообще, они не считали даже нужным останавливаться на отдельных ошибках, вытекающих из неверной тактики, вроде пресловутой поддержки кадетского министерства. Но само собою разумеется, — и бывшие на польском съезде отлично знают это, — что к этой «поддержке» польские с.-д. относятся безусловно отрицательно. Конференция всех петербургских социал-демократов тоже решительно отвергла поддержку кадетского министерства²¹. Областная конференция с.-д. центрального Московского района равным образом высказалась против нее²².

На петербургской конференции было представлено около 4 тыс. членов партии, на московской областной — около 14 тыс. Итак, около 20 тыс. членов партии, т. е. большая половина ее (на последнем съезде было представлено 31—33 тысячи членов), осудили тактику ЦК в вопросе о поддержке думского министерства. Большинство партии — против поддержки. Наше внутривнутрипартийное министерство, т. е. ЦК нашей партии, перестало выражать волю партии: его элементарной политической обязанностью является ускорить созыв немедленного экстренного съезда. Иначе он попадет в положение кучки людей, цепляющихся за партийную власть посредством *формальных* зацепок и проволочек, вопреки выразившейся уже *по существу* воли партии. Во всяком случае, партия сумеет теперь добиться съезда.

Осужденную большинством партии тактику поддержки думского, т. е. кадетского, министерства продолжают отстаивать меньшевики (хотя часть их, как показали дискуссии в Питере, по этому вопросу сумела занять самостоятельную позицию и отвернуться от оппортунизма). Остановимся еще раз на разборе ходячих доводов с.-д. правого крыла.

Добиться думского министерства, говорят нам, значит «вырвать власть из рук камарильи», «сделать исполнительную власть ответственной пред народным представительством»; это есть «переход от мнимо-конституционного строя к действительной конституции» («Голос Труда», № 5).

Это — *величайшая ложь*. Думское, т. е. кадетское, министерство будет назначено (если требование кадетов удовлетворят) именно *камарильей*. Но можно ли называть вырыванием власти назначение камарильей либеральных министров? Назначая министров по своей воле, камарилья в любой момент может сместить их: камарилья не отдает власти, а *играет в дележ власти*, камарилья *пробует*, *подойдут* к ней либеральные лакеи или нет. Умные члены камарильи, как, напр., Победоносцев и Трепов (по сообщениям некоторых газет), прямо так и рассчитывают: назначить либеральных министров нам всего удобнее. Этим мы успокоим не только кадетов (т. е. большинство Думы), но и кадетствующих с.-д. А с неприятными министрами разделаться гораздо легче, чем хотя бы с Думой. Мы выиграем время, спутаем карты, внесем величайший хаос, взаимное недоверие, грызнию из-за министерских портфелей в правую, т. е. большую половину Думы, мы замути́м воду, мы проведем за нос кадетов так же, как провели их в вопросе о помощи голодающим. Мы заставили их там «добровольно» сыграть роль полицейских понятых — вот точно так же мы заставим их на министерском посту сыграть роль полицейских лакеев.

Кто сколько-нибудь знаком с историей русских кадетов, а также «кадетов» в других странах, тот знает, что камарилье всегда удавалось провести за нос либерально-монархических буржуа. Чтобы не допустить этого, есть только одно средство: развитие *самостоятельного* политического сознания пролетариев и революционных крестьян. И как раз это-то сознание и затемняют и засоряют правые с.-д. Именно для того, чтобы сохранить

в революционных классах полную ясность политического сознания и полную боевую самостоятельность, необходимо нам, с.-д., оставить одних кадетов путаться у ног камарильи из-за местечек министров. Запутать в это дело пролетариат было бы предательством интересов пролетариата и интересов революции.

Если бы камарилья назначила кадетов министрами, то она сделала бы «исполнительную власть ответственной перед народным представительством» («Голос Труда»).

Это — величайшая ложь. Когда кадетские профессора говорят ее — им бог простит. Когда с.-д. повторяют ее, то это непростительно. Исполнительная власть ответственна, почтенные подголоски, не перед «народным представительством», а перед *законодательной властью*. Запомните это. Теперь мы поясним вам дальше. Кому принадлежит теперь в России законодательная власть? 1) Верховной власти; 2) Гос. совету; 3) Гос. думе.

Поняли ли вы теперь свой промах? Кадетские министры будут ответственны и перед Думой, и перед Государственным советом, и перед камарильей. Изображать дело так, что они ответственны только перед Думой, значит *лгать* народу.

Пойдем дальше. Каково будет положение министров, ответственных перед самыми различными учреждениями? Фальшивое положение. Министры должны будут *соблюдать и охранять* все существующие законы, пока они не изменены всеми перечисленными выше тремя законодательными инстанциями. Недаром поэтому кадетские краснобаи, вроде Родичева, сейчас уже распинаются в Думе, крича, что они — щит династии. Кадеты знают, где раки зимуют. А правые с.-д. поют с чужого голоса, а дела не понимают.

Почему для кадетов теперь центром агитации стало министерство? Почему они не кричат так же усердно, и часто, и громко: долой Государственный совет? долой *такие-то законы*, мешающие народному представительству стать законодательной властью? Почему они в *тысячу раз слабее* агитируют за полную амнистию, за полную свободу, за всеобщее избирательное право, чем за министерские местечки? Подумали ли вы об этом? Нет, вы не подумали об этом. Кадеты стучат прежде всего в заднюю дверь, потому что они *не хотят* полной свободы (вспомните их законопроект о собраниях), *не хотят* полного уничтожения Государственного совета (вспомните верхнюю

палату в их программе), перед которым они *тоже* будут ответственны и *так же*, как перед Думой, и *так далее*. Кадеты не хотят поставить требование *сначала* дать полную амнистию, *сначала* уничтожить Государственный совет, *сначала* провести полную свободу, *сначала* даровать всёобщее и т. д. избирательное право, а *потом* назначить их министрами. Почему кадеты не хотят этого? Потому, что они знают, где раки зимуют, а кадетские подголоски не знают этого.

Кадеты говорят: вот когда мы будем министрами, тогда *мы* и будем *бороться* за все эти свободы! Сразу нельзя ведь. А подголосок верит и старается...

Кадет понимает, что министр ответственен перед тем же старым, полицейским, русским законом, ответственен и перед Думой, и перед камарильей, и перед Гос. советом. Поэтому с министра взятки гладки: я бы рад, я бы всей душой, да вот «там» несогласны, да вот Гос. совет еще немножечко упрямится. Потерпите, господа: уж лучше меня, кадета, никто не усовестит ни камарилью, ни Гос. совет.

Запомните себе, подголосок: чтобы бороться с этой предательской тактикой кадетов, пужно не подпевать им, а сохранять полную самостоятельность, т. е. *предостерегать* пролетариат и крестьянство от доверия к кадетам, от повторения кадетских лозунгов. Своей же тактикой вы *затрудняете* самостоятельную борьбу рабочего класса и революционного крестьянства. Вы продаете революционное первородство за чечевичную похлебку кадетского реформизма.

Нам нет надобности разъяснять так же подробно *третью ложь*, будто назначение камарильей кадетских министров есть «решительный перелом», есть переход к «действительной конституции». Читатель сам видит теперь, что от назначения Треповым Родичева в министры не меняется даже *писаная* конституция. Говорить же о перемене в силу такого назначения *действительной* конституции — значит совсем уже, что называется, зарпортоваться.

Следующий раз мы разберем другой ходячий довод: «а все же кадетское министерство будет лучше. Не из чего выбирать. Надо поддерживать, что лучше». Мы увидим, социал-демократичен ли этот довод и какая ему цена.

ЕЩЕ О ДУМСКОМ МИНИСТЕРСТВЕ

«Приходится выбирать» — этим рассуждением всегда оправдывали и оправдывают себя оппортунисты. Нельзя добиться сразу чего-нибудь большого. Надо бороться за маленькое, но достижимое. А как определять достижимость? Согласием наибольшего числа политических партий или наиболее «влиятельных» политиков. Чем большая часть политических деятелей согласна с таким-то вот маленьким улучшением, тем легче его добиться, тем оно достижимее. Не надо быть утопистом, добиваясь большого. Надо быть деловым политиком, умея присоединиться к требованию малого, и это малое *облегчит борьбу* за большое. Мы рассматриваем малое, как *вернейший этап* в борьбе за большое.

Так рассуждают все оппортунисты, все реформисты в отличие от революционеров. Именно так рассуждают с.-д. правого крыла о думском министерстве. Учредительное собрание — требование большое. Этого сейчас нельзя добиться. За это требование далеко не все еще стоят сознательно*. А за думское министерство стоит *вся* Гос. дума, значит, громадное большинство политических деятелей, — *значит*, «*весь народ*». *Приходится выбирать* — между теперешним злом и *самым маленьким* исправлением его, ибо за «самое маленькое» исправление высказывается самое большое число тех, кто вообще недоволен существующим злом. А добившись малого, мы *облегчим себе борьбу* за большое.

Повторяем: это основное, типичное рассуждение всех оппортунистов во всем свете. К какому выводу неизбежно

* За это требование — меньшая часть Думы.

приводит это рассуждение? К тому выводу, что не нужно никакой революционной программы, революционной партии, революционной тактики. Нужны *реформы*, и только. Не нужно революционной социал-демократии. Нужна партия демократических и социалистических реформ. В самом деле: не ясно ли, что *всегда* будут на свете люди, сознающие неудовлетворительность существующего? Конечно, всегда. Не ясно ли также, что за *самое маленькое* исправление этого неудовлетворительного положения будет высказываться *всегда* самое *большое* число недовольных? Конечно, всегда. Значит, наше дело, дело передовых и «сознательных» людей — *всегда* поддерживать *самые маленькие* требования об исправлении зла. Это самое надежное, самое практичное дело, а всякие там разговоры о каких-то «коренных» требованиях и т. п. — одни слова «утопистов», одни «революционные фразы». *Приходится выбирать* — и всегда надо выбирать между существующим злом и самым маленьким из ходячих проектов его исправления.

Именно так рассуждали немецкие оппортунисты с.-д. Есть, дескать, течение социал-либеральное, которое требует отмены исключительных законов против социалистов, сокращения рабочего дня, страхования от болезней и т. п. За эти требования стоит немалая часть и буржуазии. Не отталкивайте ее от себя бестактными выходками, протяните ей руку, поддержите ее — вы станете тогда деловыми политиками, вы принесете хоть маленькую, но реальную пользу рабочему классу, и пострадают от вашей тактики только пустые слова о «революции». Революции все равно сейчас не сделаете. *Приходится выбирать* между реакцией и реформой, между политикой Бисмарка и политикой «социальной империи».

Подобно бернштейнникам рассуждали французские министерские социалисты. *Приходится выбирать* между реакцией и буржуазными радикалами, которые обещают ряд практически осуществимых реформ. Приходится поддерживать этих радикалов, поддерживать их министерства, а фразы о социальной революции — одна болтовня «бланкистов», «анархистов», «утопистов» и т. п.

В чем основная ошибка всех этих оппортунистических рассуждений? В том, что в этих рассуждениях *фактически* заменяется социалистическая теория классовой борьбы,

как единственного *реального* двигателя истории, буржуазной теорией «солидарного», «общественного» прогресса. По учению социализма, т. е. марксизма (о не-марксистском социализме нельзя теперь и говорить серьезно), действительным двигателем истории является революционная борьба классов; реформы — побочный результат этой борьбы, побочный потому, что они выражают неудачные попытки ослабить, притупить эту борьбу и т. д. По учению буржуазных философов, двигатель прогресса — солидарность всех элементов общества, сознавших «несовершенство» того или иного учреждения. Первое учение — материалистично, второе — идеалистично. Первое — революционное. Второе — реформистское. Первое обосновывает тактику пролетариата в современных капиталистических странах. Второе — тактику буржуазии.

Из второго учения вытекает тактика дюжинных буржуазных прогрессистов: поддерживай везде и всегда, «что лучше»; выбирай между реакцией и крайней правой из оппозиционных этой реакции сил. Из первого учения вытекает самостоятельная революционная тактика передового класса. Ни в каком случае не сводим мы своей задачи к поддержке самых распространенных лозунгов реформистской буржуазии. Мы ведем самостоятельную политику, выдвигая *лишь* лозунги таких реформ, которые *безусловно* выгодны интересам революционной борьбы, которые *безусловно* повышают самостоятельность, сознательность и боевую способность пролетариата. Только такой тактикой мы *обезвреживаем* всегда половинчатые, всегда лицемерные, всегда снабженные буржуазными или полицейскими ловушками реформы сверху.

Мало того. Только такой тактикой мы действительно двигаем вперед дело серьезных реформ. Это кажется парадоксом, но этот парадокс подтверждает вся история международной социал-демократии: тактика реформистов *хуже* всего обеспечивает проведение реформ и их реальность. Тактика революционной классовой борьбы всего лучше обеспечивает и то и другое. *На деле* реформы вынуждаются именно революционной классовой борьбой, ее самостоятельностью, ее массовой силой, ее упорством. Только в той мере, в какой сильна эта борьба, — реальны и реформы, которые *всегда* лживы, двулики, пропитаны

зубатовским духом. Сливая свои лозунги с лозунгами реформистской буржуазии, мы *ослабляем* дело революции, *а, следовательно, и дело реформ*, ибо мы ослабляем этим самостоятельность, выдержанность и силу революционных классов.

Иной читатель скажет, пожалуй: к чему повторять эту азбуку международной революционной социал-демократии? К тому, что ее забывают «Голос Труда» и многие товарищи-меньшевики.

Думское или кадетское министерство есть именно такая лживая, двуликая, зубатовская реформа. Забывать ее реальное значение, как опыта сделки кадетов с самодержавием, значит заменять марксизм либерально-буржуазной философией прогресса. Поддерживая *такую* реформу, внося ее в число *своих* лозунгов, мы *ослабляем* этим и ясность революционного сознания пролетариата, и его самостоятельность, и его боевую способность. Поддерживая *целиком* свои старые революционные лозунги, мы *усиливаем* этим действительную борьбу, усиливаем, следовательно, и вероятность реформы и *возможность* *обратить* ее на пользу революции, а не реакции. Все лживое и лицемерное в этой реформе мы сбрасываем на кадетов, — все возможное положительное ее содержание *используем* сами. Только при такой тактике взаимные подкожки гг. Треповых и Набоковых будут использованы нами для того, чтобы обоих почтенных акробатов свалить в яму. Только при такой тактике про нас скажет история, как Бисмарк сказал о немецких с.-д.: «Не будь с.-д., не было бы социальной реформы». Не будь *революционного* пролетариата, не было бы 17-го октября. Не будь декабря — не были бы отрезаны все попытки отказаться от созыва Думы. Будет еще и иной декабрь, который определит дальнейшие судьбы революции...

Послесловие. Статья эта была уже написана, когда мы прочли передовую в № 6 «Голоса Труда». Товарищи правятся. Они хотят, чтобы думское министерство *раньше*, чем взять в свои руки портфели, потребовало и добилось — и повсеместного уничтожения военного положения и всяких охран, и полной амнистии, и восстановления всех свобод. Очень хорошо, товарищи! Попросите ЦК вставить эти условия в его резолюцию о думском

министерстве. Попробуйте сделать это сами, — у вас выйдет тогда: *раньше*, чем поддерживать думское или кадетское министерство, надо потребовать и добиться, чтобы Дума или кадеты стали на революционный путь. *Раньше*, чем поддерживать кадетов, надо потребовать и добиться, чтобы кадеты перестали быть кадетами.

«Эхо» № 6, 28 июля 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Эхо»

СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

Вчера мы указывали, что Трепову не резон расходиться с кадетами единственно из-за принципиальной недопустимости принудительного отчуждения земли в пользу крестьян, раз кадеты берут с крестьян за отчуждаемую землю хорошие денежки «по справедливой оценке». Сегодня «Слово»²³ говорит:

«Аграрная реформа является краеугольным камнем во всех слухах об образовании нового кабинета из думского большинства. В тех слухах, какие до нас дошли из других источников, почва, на которой может состояться соглашение по вопросу об образовании думского кабинета, это — почва нового займа.

Цель займа — прежде всего разрешить наболевший земельный вопрос. По произведенным подсчетам, для разрешения этого вопроса, минуя неприемлемую идею принудительного отчуждения, требуется два миллиарда рублей. Вторая же половина займа должна быть ассигнована в бесконтрольное распоряжение военного и морского министерств на усиление боевой готовности армии и флота».

Итак, дело на мази: за два миллиарда на вознаграждение экспроприируемых помещиков и прочих плюс два миллиарда в бесконтрольное распоряжение военного и морского министерств Трепов согласен поставить кадетов у власти, не считаясь больше с принципом. Не дорого просит, не правда ли, господа кадеты?

* * *

«Наша Жизнь» волнуется по поводу идеи нового съезда нашей партии. Она старается представить грядущий съезд какой-то катастрофой, каким-то симптомом неизлечимой партийной болезни. «Опять съезд!» — ужасается она. Да,

опять съезд — как неизбежный выход из создавшегося в партии положения, когда ЦК и его директивы оказались в противоречии с сознанием всей партии. Партия реорганизована теперь на демократических началах, и мы спросили бы демократов из «Нашей Жизни», каким образом может быть выражено организованное мнение демократической партии, как не через съезд. Эти господа цитируют в своей газете сведения, опубликованные в «Эхо»²⁴, насчет количества организаций и голосов, высказавшихся против политики ЦК, и в то же время ужасаются съезду.

Нет, идея нового съезда — это не катастрофа, это признак жизни партии, признак силы общественного мнения в партии, признак того, что партия просто и легко находит выход из затруднительного положения, созданного обстоятельствами. И мы уверены, что никому в партии и, тем паче, нашему ответственному министерству — ЦК — съезд не может казаться катастрофой. Для партии сейчас съезд — необходимость, для ЦК — обязанность, для кадетов и их подголосков, — быть может, неприятность. Но что делать! Мы знаем, что чьей бы победой ни был съезд — он будет крупной неприятностью для буржуазии.

* * *

В газете «Голос Труда» (№ 7) напечатано:

«От редакции. Мы получили от тов. К. П — ва²⁵ письмо по поводу статьи т. Н. Рахметова. Считаем нужным заявить, что не совсем разделяем некоторые взгляды Рахметова и, в частности, совершенно не разделяем его мнения о «политической коалиции» с кадетами.

Мы предоставили т. Рахметову право свободно высказаться. Сами же мы стоим на почве амстердамской революции и достаточно ясно и определенно обнаружили это в руководящих статьях по самым разнообразным вопросам текущей политики с первого же дня выступления на арену политической жизни к.-д. партии».

Мы не знаем, что, собственно, написал редакции «Голоса Труда» тов. К. П — в, но невольное недоумение является у нас: неужели редакции понадобилось получить это письмо, чтобы «понять» статью Н. Рахметова? А если она и без тов. К. П — ва понимала, что несогласна с Н. Рахметовым, то как же можно печатать принципиальные руководящие статьи, не оговаривая несогласия редакции с

ними? К тому же размеры статьи, интересной, в сущности, только по своей хлесткости да по «крайности» выводов и лозунгов, ввели в соблазн не мало читателей, решивших, что автор ее близок к руководящим кругам партии. Но чувство недоумения смешивается у нас все же с чувством некоторого удовлетворения: «Голосу Труда» понадобилась, правда, неделя, чтобы отказаться от Н. Рахметова, но все же — лучше поздно, чем никогда.

«Эхо» № 7, 29 июня 1906 г.

*Печатается по тексту
газеты «Эхо»*

НЕВЕРНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ «БЕСПАРТИЙНЫХ» БОЙКОТИСТОВ

Газета «Мысль» пыталась доказать на днях в передовице, что Трудовая группа в Государственной думе не должна быть «раскалываема» образованием партийных фракций. Бойкот Думы предрешил, дескать, что крайние партии не будут иметь в Думе своих фракций. А Трудовая группа, именно как непартийная организация, принесет всего больше пользы в связи с непартийными же «группами содействия» ей на местах.

Рассуждения эти в корне неправильны. Беспартийная революционность есть необходимое и неизбежное явление в эпоху буржуазно-демократической революции. С.-д. большевики не раз уже отмечали это. Партийность есть результат и политическое выражение высоко развитых классовых противоположностей. Незрелость их как раз и составляет характерное свойство буржуазной революции. Беспартийно-революционная демократия растет и ширится в эпоху такой революции неизбежно.

С.-д., как представители сознательного пролетариата, не могут зарекаться от участия в различных беспартийных революционных союзах. Таковы были, напр., Советы рабочих депутатов, Крестьянский союз, частью учительский, железнодорожный и т. п. Участие в них мы должны рассматривать, как временные боевые союзы с.-д. с революционной буржуазной демократией. Только при такой постановке дела могут не пострадать насущные и коренные интересы пролетариата, отстаивание безусловно самостоятельной социалистической точки зрения марксистов и образование при малейшей к тому возможности самостоятельных партийных организаций с.-д.

Смотреть на образование таких самостоятельных организаций с.-д., как на «раскалывание» беспартийно-революционных организаций, значит обнаруживать, во-1-х, чисто буржуазную точку зрения, а, во-2-х, неискренность или непродуманность своего отстаивания беспартийности. Только идеологи буржуазии могут осуждать, как «раскол», выделение социалистов в особую партию. Только неискренность, т. е. боящиеся втайне за свою *скрытую* партийность, или не вдумавшиеся в вопрос люди могут видеть «раскалывание» беспартийных организаций в образовании организаций *партийных*. Не кругло ведь это выходит, господа. Ведь беспартийность есть нейтральность по отношению к различным (в пределах общих, революционно-демократических целей) партиям. А осуждение партийности, выражаемое словом: «раскалывание», есть уже отступление от нейтральности и беспартийности, есть уже явная партийность. Вы либо лицемерите, господа, либо плохо думаете: по существу дела, ваши крики против раскалывания и за беспартийность прикрывают вашу боязнь за *вашу* партийность. Действительно беспартийный сторонник, скажем, учредительного собрания не увидал бы раскола в том, что часть его единомышленников образует, вполне принимая это требование, самостоятельную партию.

Итак, пусть беспартийные революционеры развивают беспартийно-революционные организации. В добрый час! Но пусть они поменьше кричат против «раскалывающих» беспартийную революционность партийных революционеров.

Теперь о бойкоте. Мы убеждены, что бойкот не был ошибкой. В конкретной исторической ситуации начала 1906-го года он был необходим и правилен. После срыва булыгинской Думы и после декабря с.-д. обязаны были поднять так же высоко знамя борьбы за учредительное собрание и приложить все усилия для такого же срыва виттевской Думы. Мы исполнили свой революционный долг. И бойкот, вопреки всяким наветам и запоздалым покаяниям, дал очень много для поддержания революционного духа и с.-д. сознания среди рабочих. Лучшая оценка этого: 1) поддержка бойкота рабочими низами, 2) блестящее проведение его в особенно угнетенных окраинах, 3) издание правительством специального закона против бойкота²⁶.

Неверно и близоруко мнение, что бойкот был ошибкой и бесполезным делом. Он принес не только морально-политическую пользу, но и самую реальную, непосредственную. Он отвлек все внимание и все силы правительства именно на борьбу с бойкотистами. Он поставил правительство в смешное, глупое и выгодное для нас положение: положение борющегося за созыв Думы. Он ослабил этим в гигантской степени внимание правительства к составу Думы. Он был, если позволительно употребить военное сравнение, фронтальной атакой или демонстрацией фронтальной атаки, без которой неприятель не мог бы быть обойден с тыла. А вышло именно так, что мы, революционеры, демонстрировали фронтальную атаку, которой смертельно боялось издавшее невероятно-идиотский закон правительство. Либеральные же буржуа и беспартийные революционеры воспользовались этой фронтальной атакой и сосредоточением сил неприятеля в центре для обходного движения. Они с тыла обошли врага, крадучись пролезли в Думу, переодевшись проникли во вражеский лагерь.

Каждому свое. Пролетариат борется, буржуазия крадется.

И теперь политическую ответственность за созванную камарильей, за подчиненную камарилье, за торгующуюся с камарильей Думу мы целиком свалили на кадетов. Это мы непременно должны были сделать, потому что в составе Думы и во всем характере ее деятельности есть двойственность: есть нечто такое, что мы должны поддержать, и нечто такое, с чем мы должны решительно бороться. Только буржуазные политики забывают эту двойственность или не хотят ее видеть. Только буржуазные политики упорно игнорируют роль Думы, как органа контрреволюционной сделки самодержавия с либерально-монархической буржуазией против пролетариата и крестьянства. Удастся ли такая сделка хотя на время, и каковы будут ее последствия, это еще неизвестно. Это зависит, в конечном счете, от силы, организованности и сознательности внедумского народного движения. Но что в Думе преобладают представители класса, *способного* на такую сделку, что в настоящее время идут переговоры о ней и делаются подготовительные, пробные шаги — это *факт*. Никакие «опровержения» кадетов, никакие замалчивания меньшевиков не скроют этого факта.

Раз это так — а это несомненно так — то ясно, что интересы классовой борьбы пролетариата безусловно требовали сохранения им полной политической самостоятельности. Он должен был не подражать либеральной буржуазии, с радостью готовой ухватиться за всякую подачку. Он должен был со всей энергией предостеречь народ от ловушки, устраиваемой ему камарильей. Он должен был все сделать, чтобы не допустить созыва поддельного, кадетского «народного представительства». Все это именно и достигалось бойкотом.

Поэтому крайне легкомысленны и поразительно не-историчны рассуждения тех с.-д. правого крыла, которые к потехе буржуазии отрекаются теперь от бойкота и ругают вчерашнее *свое* поведение. Ибо, ведь, и меньшевики были бойкотистами: они хотели бойкотировать Думу на иной только стадии. Стоит вспомнить только *два* исторических факта, которые непростительно было бы забывать социал-демократам, сколько-нибудь ценящим свое прошлое. *Первый* факт: в листке Объединенного Центрального Комитета нашей партии, составленного поровну из большевиков и меньшевиков, прямо заявлено было, что обе стороны согласны в идее бойкота и расходятся только в том, на какой стадии целесообразнее бойкот. *Второй* факт: ни в едином печатном произведении меньшевиков никто из них не призывал участвовать в самой Думе, и даже «решительный» тов. Плеханов не решился сделать этого. Отрекаться от бойкота для с.-д. значит неверно представлять вчерашнюю историю партии.

Но вытекает ли из бойкота *обязательный* отказ от образования в Думе своей партийной фракции? Вовсе нет. Те бойкотисты, которые, подобно «Мысли», думают так, ошибаются. Мы должны были сделать и мы сделали все, чтобы помешать созыву подставного представительства. Это так. Но если, вопреки всем нашим усилиям, оно создано, мы не можем отказываться от задачи использовать его. Видеть в этом нелогичность могут только буржуазные политики, не ценящие революционной борьбы и борьбы за полный успех революции. Напомним пример Либкнехта, который в 1869 году клеймил, бичевал и отвергал немецкий рейхстаг, а после 1870-го года участвовал в нем. Либкнехт умел ценить значение революционной борьбы за революционное, а не буржуазно-предательское

народное представительство. Либкнехт не отрекался малодушно от своего прошлого. Он говорил с полным правом: я сделал все для борьбы против такого рейхстага, для борьбы за наилучший возможный исход. Исход оказался худшим. Я сумею использовать и его, не порывая своей революционной традиции.

Итак, из бойкота выводить отказ использовать Думу и отказ образовать в ней партийную фракцию нельзя. Вопрос ставится иначе: нужна сугубая осторожность (именно *так* и ставили этот вопрос на Объединительном съезде большевики, как убедится всякий из чтения их проекта резолюции*). Нужно посмотреть, можно ли *теперь* использовать Думу посредством работы внутри ее, есть ли для того подходящие с.-д. и подходящие внешние условия?

Мы думаем, что есть. В поведении наших думских депутатов мы указывали частные ошибки, но в общем и целом они заняли верную позицию. Внутри Думы *создалась* группировка, *соответствующая* действительно революционной ситуации: октябристы и кадеты направо, с.-д. и трудовики (или, вернее, лучшие из трудовиков) — налево. Такой группировкой мы можем и должны пользоваться именно для предостережения народа от опасной стороны кадетской Думы, именно для развития революционного движения, не ограниченного рамками Думы, думской тактики, думских целей и т. д. При такой группировке мы — при правильном ведении дела — используем и беспартийных революционных демократов и в то же время с полной определенностью и решительностью выступим, как социал-демократическая, пролетарская партия.

«Эхо» № 9, 1 июля 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Эхо»

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 266—267. Ред.

ВЫГОВОРЫ БУРЖУАЗИИ И ПРИЗЫВЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Обсуждение докладов о белостокском погроме в Государственной думе заканчивается. Преступления правительства вскрыты с полнейшей, можно сказать, иногда даже педантичной точностью. Единодушие Государственной думы в осуждении гнуснейших поступков местной и центральной администрации казалось полнейшим. Люди, способные говорить, будто Дума «комбинирует воедино борьбу классов», могли бы торжествовать по поводу такого единодушия.

Но как только дело дошло до *практических* выводов относительно мер, необходимых для борьбы с гнуснейшими преступлениями шайки погромщиков, так сейчас же показное и поверхностное единодушие рассыпалось прахом. Сейчас же оказалось, что буржуазия и пролетариат — как бы ни «комбинировалась воедино борьба классов» — преследуют *существенно* различные цели в своей освободительной борьбе. Буржуазия хочет сделать правительству «выговор», чтобы самой приняться за *успокоение* революции. Пролетариат хочет *звать* народ к революционной борьбе.

Это различие ясно обнаружилось в двух предложенных резолюциях по поводу белостокского погрома. Формула буржуазии (партия к.-д.): 1) бичует правительство; 2) требует выхода в отставку министерства и 3) нападает на то, что «правительство сознает свое *бессилие* в борьбе с революцией». Буржуазия хочет *сильного* правительства в борьбе с революцией.

Формула пролетариата (партия с.-д.) иная: 1) бичует правительство — этим «единодушием» пролетариата с

буржуазией и ограничивают обыкновенно свое внимание простачки в политике; 2) заявляет, что «единственным средством оградить жизнь и имущество граждан *может служить вооружение самого народа*»; 3) «призывает население взять охрану своей жизни и имущества *в свои руки*» и «*дать отпор* национальной травле».

Различие *интересов* буржуазии и пролетариата выступает с очевидностью в этих двух различных формулах. Буржуазия хочет затушить революцию. Пролетариат хочет вооружить революцию. Буржуазия воздыхает о суде чиновников. Пролетариат апеллирует к суду народному («народный суд не минет этих преступников и *их покровителей*» — из формулы нашей думской с.-д. фракции). Буржуазия призывает только *министров*, призывает их *уступить*. Пролетариат призывает *население*, призывает вооружаться и *дать отпор*.

Наши товарищи в Думе взяли в данном вопросе верный тон. Пожелаем им и впредь так же ясно, отчетливо и непримиримо противопоставлять заявления революционного пролетариата фразам оппортунистической буржуазии.

«Эхо» № 9, 1 июля 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Эхо»

АРМИЯ И НАРОД

Сведения о движении в войсках продолжают пестрить все газеты. Трудно подсчитать уже теперь, в скольких полках или частях войска были волнения и вспышки восстания за два месяца думской «работы». Пресловутая мирная парламентская деятельность, которую выдумали наивные (не всегда, впрочем, наивные) буржуазные политики, и в области военного дела оказалась приводящей к приемам борьбы, к формам движения, совсем не мирным и совсем не парламентским.

Приводя факты и сведения о движении в войсках, наша либерально-буржуазная печать пользуется этим материалом обыкновенно только для того, чтобы припугнуть правительство. Пожар разгорается — так рассуждают обыкновенно кадетские газеты — смотрите же, берегитесь, господа министры, уступите нам, пока не поздно. А министры отвечают тем, что (через посредство «Нового Времени» и других лакейских газет) пугают кадетов: смотрите, господа, пожар разгорается, идите же на соглашение с нами, пока не поздно. И кадеты и правительство смотрят на движение в войсках, как на дело в пользу необходимости немедленных мер к затушению революции. Близорукость их взглядов, тесно связанная с корыстностью их интересов, мешает им посмотреть на это движение, как на один из крупнейших показателей *действительного* характера нашей революции, *действительных* стремлений ее. И кадеты и правительство своекорыстны в вопросе об армии. Погромщикам армия нужна, как орудие погрома. Либеральным буржуа она нужна, как охрана буржуазной монархии от «чрезмерных» посягательств и требований

крестьян и в особенности рабочих. Пошлая, лицемерная, лживая доктрина: «армия должна быть вне политики» особенно удобна для прикрытия истинных стремлений буржуазии по этой части.

Но посмотрите на характер военных волнений, на требования солдат. Попробуйте взглянуть на солдат, идущих под расстрел за «неповиновение», — как на живых людей с самостоятельными интересами, как на часть народа, как на выразителей назревших нужд известных классов нашего общества. Вы увидите, что солдаты, которые всего ближе к наименее развитому политически крестьянству, которые подвергаются сплошному забиванию, огульному, муштровке со стороны начальства, — что солдаты, эта «святая скотинка», *идут неизмеримо дальше* кадетских программ в своих требованиях!

Кадеты и кадетская Дума любят выставлять себя выразителями общенародных требований. Многие простачки верят в это. А посмотрите на факты, на действительные требования, на действительную борьбу широких народных масс, — и вы увидите, что кадеты и кадетская Дума *урезывают* общественные требования, извращают их.

Посмотрите на факты. Солдаты Преображенского полка выставили требование — поддержка Трудовой группы в борьбе за землю и волю. Заметьте: не поддержка Думы, а поддержка Трудовой группы, — той самой, которую обвиняли кадеты в «грубом оскорблении» Гос. думы за аграрный проект 33-х об уничтожении частной собственности на землю²⁷! Солдаты, видимое дело, идут дальше кадетов: «серая скотинка» *хочет большего*, чем просвещенная буржуазия...

Требования одного из пехотных полков Петербурга: «... В Гос. думу должны быть избраны депутаты от нас, солдат, которые бы стояли за наши солдатские нужды». Солдаты не хотят оставаться вне политики. Солдаты не согласны с кадетами. Солдаты выдвигают такое требование, которое ясно сводится к уничтожению армии кастовой, армии, оторванной от народа, и к замене ее армией полноправных граждан. А ведь это и есть уничтожение постоянной армии и вооружение народа.

Солдаты Варшавского округа требуют учредительного собрания. Они требуют свободы собраний и союзов *для солдат* «без всякого разрешения и присутствия офицеров».

Они требуют «отбывания воинской повинности на родине» солдата, права носить штатское платье вне службы, права иметь *солдатских выборных* для заведывания довольствием солдат, для составления судов, разбирающих проступки солдат.

Что это? похоже на кадетские представления о военной реформе? Или это подходит совсем вплотную к учреждению всенародной и вполне демократической милиции?

Солдаты лучше господ просвещенных буржуа выражают действительно народные, разделяемые громадным большинством народа, требования. Характер и основные свойства движения в войсках выражают вернее, чем тактика кадетов, сущность главных и основных при данных условиях форм освободительной борьбы. Движение рабочее и крестьянское подтверждают это с еще большей силой. И наша задача — не суживать этого движения узкими рамками убогой кадетской политики, не принижать его приспособлением к убогим кадетским ловунгам, а поддерживать, расширять, развивать в духе действительно последовательного, решительного и боевого демократизма.

«Эхо» № 10, 2 июля 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Эхо»

СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

Гг. кадеты продолжают невинно «не понимать». Из них едва ли не упорнее всех продолжает «не понимать» г. Изгоев. Тонем оскорбленной невинности он негодует па «гг. большевиков» за их нападки на кадетов.

«Партия «народной свободы» никого обманывать не станет. Никто не имеет права требовать от нее более того, что указано в программе и тактике, одобренной партийными съездами. Ни вооруженного восстания, ни низвержения монархии — нет в этой программе и тактике. Большевики должны считаться с тою партией, которая существует на деле, и с их стороны несколько странно сердиться на людей, говорящих им правду и не желающих действовать по их указке».

Вот именно, г. Изгоев; мы как раз и «считаемся с той партией, которая существует на деле». Вы продолжаете «не понимать»? А между тем дело просто: *программа* «партии народной свободы» для буржуазной партии — очень недурная. Мы говорим это, заметьте, вполне серьезно.

Там (*в программе*, г. Изгоев!) есть, например, свобода слова, свобода собраний, есть очень много хороших вещей. Но это не помешало кадетам выработать каторжные законопроекты и *против* свободы слова, и *против* свободы собраний, и против других хороших вещей.

Ну, а насчет тактики...

Что партийные съезды весьма одобрили тактику: «иль со щитом, иль на щите», «смерть со славой, или смерть со срамом», — это верно. Но тактика кадетов не на съездах, а на деле — пахнет чем-то другим. Вы против вооруженного восстания? Имеете, господа, на это полное право, но ведь вы за *непреклонную, непримиримую оппозицию*, ведь вы за переход власти в руки народа при монархе,

который царствует, но не правит? Так зачем же вы о министерских портфелях *торгуетесь*? То-то вот, г. Изгоев, мы именно и «считаемся с той партией, которая существует на деле», а не на бумаге. Ведь если бы вы боролись *в полной мере* так, как предписывают вам ваши программа и тактика, «одобренные партийными съездами», так с вами тогда у нас и разговор иной был бы.

В статье г. Изгоева еще много любопытного. Но, вообще говоря, она — литературная собственность тов. А. Л—го²⁸. Посягать на нее мы не намерены.

«Эхо» № 10, 2 июля 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Эхо»

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ МАСС И О ВЫБОРЕ МОМЕНТА БОРЬБЫ²⁰

Мы помещаем сегодня статью товарища Хрусталева по вопросу о своевременности образования Советов рабочих депутатов. Нам нет надобности говорить о том, что имя автора статьи служит гарантией его ближайшего знакомства с вопросом. Все петербургские рабочие знают это. Знают они также, что именно в данный момент вопрос об образовании Совета рабочих депутатов интересует столичный пролетариат живейшим образом.

Полемика тов. Хрусталева против решения Петербургского комитета нашей партии приобретает при таких условиях выдающееся значение.

Мы не можем согласиться с тов. Хрусталевым. Напрасно он как бы против ПК защищает идею Советов рабочих депутатов вообще и их историческую роль в конце 1905 г. Напрасно он отказывается поставить декабрь в счет Совета. Мы бы, не обинуясь, сделали это, — но, конечно, не по отделу «дебета» записали бы мы декабрь, а по отделу «кредита». Величайшей и далеко еще не оцененной заслугой Советов рабочих депутатов считаем мы именно их боевую роль.

Но СРД был *своеобразной* боевой организацией, и общими местами о пользе организации несколько не двигается вперед вопрос о пользе в *данный* момент этой *своеобразной* организации. «Совет был революционным парламентом революционного пролетариата», пишет тов. Хрусталева. Справедливо. Именно эта, отнюдь не технически-боевая, роль характерна для Совета. Роль Совета, как организатора профессиональных союзов, как инициатора анкет, как примирительной камеры и т. п.,

была совершенно побочная, второстепенная. Вполне можно представить себе выполнение этих ролей и без Совета. Но всеобщая стачка едва ли мыслима без массового беспартийного стачечного комитета. Совет вырос из потребностей *непосредственной* массовой борьбы, как орган ее. Это факт. Только этот факт объясняет нам *своеобразную* роль и действительное значение Совета. Именно на этот факт указывает слово «боевой» в резолюции ПК.

Создавать СРД для анкет, для развития профессиональных союзов и пр. никто и не вздумал бы. *Создавать Совет значит создавать органы непосредственной массовой борьбы пролетариата.* Такие органы нельзя создавать в любой момент, тогда как профессиональные союзы и политические партии необходимы *всегда и безусловно*, могут и должны быть создаваемы при всяких условиях. Поэтому возражать ПК ссылкой на значение организаций вообще — глубокая ошибка. Поэтому ошибочна также ссылка и на защиту всеми с.-д. идеи крестьянских землеустроительных комитетов: эти комитеты проектируются как раз *в связи* с всеобщим обсуждением аграрной реформы, *в связи* с растущим уже аграрным движением.

Но эти комитеты тоже могут привести к «преждевременному» выступлению! — иронизирует тов. Хрусталеv. Вот в том-то и дело, что между крестьянским и рабочим выступлениями есть существенная разница именно в данное время. Широкое крестьянское выступление в данное время *не может* оказаться «преждевременным», а широкое рабочее — очень может. Причина понятна: рабочий класс в своем политическом развитии *опередил* крестьянство, а крестьянство по своей готовности к всероссийскому революционному выступлению *еще не догнало* рабочего класса. Оно догоняет его все время после декабря и в значительной степени благодаря декабрю (что бы ни говорили малодушные педанты, склонные недооценивать декабрь или даже отрекаться от декабря). Оно будет догонять его *еще скорее* при помощи местных земельных комитетов. Подгонять арьергард, который в последнем сражении не поспел на помощь к авангарду, безусловно полезно, и ни в каком отношении не рискованно. Подгонять авангард, к которому в

последнем сражении не поспел на помощь арьергард, безусловно рискованно, и надо семь раз примерить, прежде чем делать это.

Вот этой-то своеобразной политической ситуации не учел, по нашему мнению, тов. Хрусталеv. Он тысячу раз прав в оценке заслуг и значения Советов вообще. Он не прав в оценке данного момента и соотношения выступлений крестьянского и рабочего. Он забывает, повидимому, другое предложение ПК в другой резолюции: поддерживать идею образования исполнительного комитета из левых групп Думы для объединения деятельности самостоятельных организаций народа*. В таком комитете можно бы было установить более точно степень готовности и решимости крестьянства в целом, а в зависимости от этого поставить на практическую почву и образование Советов рабочих депутатов. Другими словами: ПК добивается теперь большего, не одного только учреждения боевых организаций пролетариата, а координирования, согласования их с боевыми организациями крестьянства и т. д. ПК *оттягивает* в данный момент образование СРД не потому, чтобы он не ценил их громадного значения, а потому, что он хочет учесть еще одно новое, особенно наглядно выступающее теперь, *условие успеха*, именно, совместное действие революционных крестьян и рабочих. ПК несколько не связывает себе, следовательно, рук и не предрешает нимало тактики завтрашнего дня. ПК советует *сию минуту* авангарду: не двигайся в бой, пошли сначала делегатов к арьергарду; завтра арьергард подойдет ближе, натиск будет дружнее, завтра мы успеем дать более своевременный лозунг к действию.

Заканчиваем. Товарищ Хрусталеv выдвинул, вообще говоря, самые убедительные доводы в защиту образования Советов. Общее значение их он оценил превосходно. Его борьба направлена главным образом против умаления роли Совета, против умаления значения революционных выступлений вообще, и в этой борьбе тов. Хрусталеv вполне прав. Таких «умалителей» не мало у нас среди не одних только кадетов. Но тов. Хрусталеv, оторванный по вине палачей и погромщиков от постоянного

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 476. Ред.

и тесного общения с пролетариатом, не мог вполне оценить *данный момент* и *данную «диспозицию»* революционных сил. *Сегодня* авангард должен направить главное внимание не на непосредственное выступление, а на укрепление и расширение теснейшей связи с арьергардом и со всеми прочими отрядами.

«Эхо» № 11, 4 июля 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Эхо»

СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

Наши замечания в № 9 «Эхо» об оценке исторической роли бойкота и о значении беспартийных революционных организаций* вызвали характерные ответы крайнего правого и крайнего левого крыла буржуазной демократии.

Газета «Мысль», как и следовало ожидать, обиделась за слово: «буржуазная демократия» и сердито обходит существо вопроса. Она пишет:

«Даже в «Советах рабочих депутатов», чисто пролетарской, классовой организации, «Эхо» находит «буржуазную демократию»... Дальше, кажется, идти некуда».

Вспомните, господа радикалы, что «чисто пролетарскими» не оставались большей частью Советы рабочих депутатов. Они принимали в свой состав нередко делегатов от солдат, матросов, служащих, крестьян. Не лучше ли *прямо* сказать, за что вы не любите понятия: «буржуазная демократия», чем обходить разногласие придирками?

Газета «Речь» совсем выходит из себя. В начале направленной против нас заметки кадет выступает в белых перчатках, «не желая сказать ничего обидного». Какие джентльмены! Но в конце заметки кадет ругается, как... как околоточный. Наша оценка бойкота именуется «шутовством или непроходимой тупостью». О, кадетское джентльменство!

«Речь» пишет:

«Во всяком случае, запишем, что тактика большевиков *ставила своей целью* бороться за созов Думы. И все биенья в перси о необходимости бойкота *имели задачей* своей ввести в заблуждение правительство».

* См. настоящий том, стр. 60—64. Ред.

Полноте, господа джентльмены! Вы прекрасно поняли, что наша мысль была совсем иная. Цель бойкота была сорвать виттевскую Думу так же, как сорвали булыгинскую. Не достигнув *своей*, т. е. прямой и непосредственной цели, бойкот принес *косвенную* пользу, между прочим, тем, что отвлек внимание правительства. Революционная тактика и здесь, как и всегда, всего лучше развивала сознание и боевую способность пролетариата, косвенно обеспечивая половинчатые реформы в случае недостижения полной победы.

«Эхо» № 11, 4 июля 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Эхо»

СМЕЛЫЙ НАТИСК И РОБКАЯ ЗАЩИТА

Давно известно, что реакционеры смелые люди, а либералы — трусы.

Новое подтверждение этой старой истины дает кадетский проект обращения Гос. думы к народу по вопросу о земле. К сожалению, и проект трудовиков не лучше кадетского: трудовики на этот раз идут совсем беспомощно в хвосте либеральной буржуазии. Разве вот с.-д. в Думе, не выручат ли они?

Припомните, как возник весь вопрос об этом обращении Гос. думы к народу. В ответном адресе Гос. дума высказалась за принудительное отчуждение частновладельческих земель в пользу крестьянства. Министерство Горемыкина ответило коротко, ясно, с великолепной твердостью и решительностью: «недопустимо».

Министерство не ограничилось, однако, этим грубополицейским отказом. Нет, министров научила кое-чему революция. Министры не хотят исчерпывать своих обязанностей формальным ответом на формальные вопросы Думы. Реакционеры — не формалисты, а люди дела. Они знают, что настоящая сила не в Думе, а в народе. Они хотят агитировать *в народе*. Они составили, не медля нисколько, не теряя дорогого времени, *обращение к народу*. Это правительственное сообщение (20-го июня) и породило мысль о думском обращении к народу. Правительство показало дорогу. Дума потащилась за правительством, — не сумев раньше встать на путь, достойный настоящего народного представительства.

Как же составлено было правительственное сообщение? Как настоящий боевой манифест реакционной монархи-

ческой партии. О, реакционеры не стесняются! Они умеют писать боевым языком. Они прямо говорят в своем «сообщении» от имени *правительства*. Чего тут церемониться, в самом деле? Эти либеральные профессора уверяют, что мы живем в конституционном строе, что Дума тоже часть правительства. Пускай болтают профессора! Пускай усыпляют народ конституционными забавами! Мы, реакционеры, люди дела. Мы знаем, что *на деле* правительство, это — мы. Мы так и говорим, а на крючоктворстве и формализм этих либеральных педантов мы плюем. Мы говорим прямо и открыто: крестьяне, вы не понимаете своих выгод. Принудительное отчуждение вам не выгодно, и мы, правительство, его *не допустим*. Все крестьянские толки о земле — ложь, обман. Лучше всего заботится о крестьянстве правительство. Оно и теперь хочет дать подачки. А крестьяне пусть знают, что «не от смут и насилия» должны они ждать улучшения, а от «мирного труда» (труда на помещиков, следовало бы добавить) и от постоянных забот о крестьянстве нашего самодержавного правительства.

Таково было правительственное сообщение. Это — настоящее объявление войны революции. Это — настоящий манифест реакционного самодержавия к народу: не потерплю! сокрушу!

Теперь кадеты и всецело полоненные ими на этот раз трудовики собрались отвечать на вызов правительства. Сегодня опубликованы проект кадетский и проект трудовиков. Какое несчастное, поистине жалкое впечатление производят оба эти проекта!

Реакционная камарилья не стесняется рвать закон и объявлять формальную *частичку* правительства за реальное *целое* правительства. Кадеты и трудовики, как щедринские премудрые пискари, прячутся под лопухи закона: нас бьют беззаконием, хныкают эти, извините за выражение, «народные» представители, а мы защищаемся законом! Дума по закону действует и высказывается за принудительное отчуждение. По закону, без согласия Думы «никакое предположение правительства не может воспринять силу». У нас комиссия есть, по закону, большая, 99 человек... Она вырабатывает «тщательно обдуманный и правильно составленный закон»... Население же пусть «спокойно и мирно ожидает окончания работ

по изданию такого закона» (трудовики выкинули этот, совершенно непристойно-холуйский конец! Совесть зазрила. Но зато они вставили ссылку на организацию «местных земельных учреждений», *умолчав предательски* о том, что Дума, сиречь, ее кадетское большинство, заведомо хочет *помещичьи-чиновничьей* организации этих учреждений).

Стыд и позор, господа народные представители! Стыдно прикидываться непонимающими того, что понимает теперь даже захолустный русский мужик, именно: что закон бумажный и правда жизненная коренным образом разошлись между собой на Руси, что мирным путем якобы-конституционной, строго-подзаконной работы *невозможно* добиться на деле перехода всей земли к крестьянам и полной свободы для всего народа. Не надо было браться за ответ министерству, если у вас не было и нет решимости писать так же твердо, говорить так же открыто свою, революционную, правду в ответ на реакционную *правду* камарильи. Обращение к народу не предусмотрено законами о Думе: сидите же, великомудрые законники, при своих «запросах» и не суйтесь в такую область, где у вас нет ни смелости, ни прямоты, ни умения состязаться с реакционерами, людьми дела, людьми борьбы!

А если писать обращение к народу, так надо писать правду, всю правду, самую горькую и ничем не прикрашенную правду. Надо сказать народу:

Крестьяне! Министерство издало свое обращение к вам. Министры не хотят давать вам ни земли, ни воли. Министры говорят, не стесняясь, от имени всего правительства, говорят против Думы, хотя на бумаге Дума считается частью правительства.

Крестьяне! Министры на самом деле являются именно самодержавным правительством России. Ваших народных представителей в Думе они ни во что не ставят, они издеваются над ними, оттягивая дело полицейски-законным крючкотворством. Они глумятся над требованиями народа, продолжая, как ни в чем не бывало, старую политику убийств, насилия, грабежей и погромов.

Крестьяне! Знайте, что Дума бессильна дать вам землю и волю. Дума связана по рукам и по ногам законами полицейского правительства. Надо добиться того, чтобы народные представители имели полную власть, всю госу-

дарственную власть в своих руках. Хотите вы земли и воли? Добейтесь всенародного учредительного собрания, добейтесь полного смещения повсюду старой власти, полной свободы выборов!

Крестьяне! Знайте, что вас никто не освободит, если вы не освободите себя сами. Рабочие поняли это, и они своей борьбой вырвали уступки 17-го октября. Поймите же это и вы. Только тогда вы станете революционным народом, т. е. народом, знающим, за что надо бороться, народом, умеющим бороться, народом, умеющим побеждать угнетателей. Воспользуйтесь же вашими депутатами в Думе, вашими ходоками в Думу, соединитесь теснее и дружнее по всей России и приготовьтесь к великой борьбе. Без борьбы не будет ни земли, ни воли. Без борьбы вам навяжут силой разорительный выкуп, вам навяжут земельные комитеты помещиков и чиновников, которые так же оплетут и ограбят вас, как в 1861 году.

Крестьяне! Мы делаем все, что можем для вас в Думе. Доделывайте же сами свое дело, если вы в самом деле хотите, чтобы на Руси не такие были порядки, какие остаются и теперь, после Думы.

* * *

Но такое обращение смешно и предлагать в Думе.

В самом деле? А не смешно ли, наоборот, писать «обращения к народу» тем деревянным языком заскоружлого российского стряпчего, которым пишут кадеты и (к стыду их будь сказано) трудовики? Народ для Думы, или Дума для народа? Свобода для Думы, или Дума для свободы?

* * *

Пусть прочтут на любой крестьянской сходке обращение кадетов, обращение трудовиков и обращение наше! Посмотрим, что скажут крестьяне на вопрос, где правда?

ДУМСКИЕ ПАРТИИ И НАРОД

Вчерашние прения в Думе по вопросу об обращении к народу дали замечательно ценный материал для политического воспитания широких масс.

Вопрос об обращении к народу оказался таким близким к жизни, что истинная сущность различных политических партий вскрылась с ясностью, не оставляющей желать ничего лучшего. По этому вопросу Дума оказалась в тисках между реакционным самодержавием («правительственное сообщение») и революционным народом, внедумская борьба которого врывалась, можно сказать, во все отверстия и во все щели Таврического дворца. Как только начались прения, — вопрос стал неудержимо передвигаться с формальностей и частных на самую суть дела.

Для чего нужно обращение к народу? Этот вопрос властно встал перед Думой. Он окрасил собой все прения. Он свел все прения именно на ту плоскость, на которую мы поставили этот вопрос во вчерашней передовой статье*: отвечать ли на боевое заявление министерства боевым же заявлением Думы? или не отвечать вовсе? или попытаться сгладить разногласия и смягчить резкость, данную жизнью, резкость постановки вопроса?

Застрельщиком оказалась думская правая. Правый кадет Петражицкий попытался отложить обсуждение вопроса. Правого кадета, разумеется, поддержали октябристы. Стало ясно, что контрреволюция боится обращения Думы к народу.

* См. настоящий том, стр. 78—81. *Ред.*

Своим определенным выступлением реакция помогла сплотиться всей левой стороне Думы. Предложение отсрочить обсуждение провалено. Из самых прений с полной отчетливостью выступают три основные направления в Думе. «Правое» (октябристы и часть кадетов) — за «успокоение» крестьянского движения и потому *против* всякого обращения. «Центр» (кадеты и, вероятно, большинство беспартийных) — за «успокоение» крестьянского движения и потому *за* издание *успокоительного* обращения. «Левое» направление (трудовики, видимо, только часть их, и с.-д.) — за разъяснение народу того, что он *не может* «спокойно и неподвижно ждать», а потому за *революционное*, а не «успокоительное» обращение.

Трудовик Жилкин, поляк Ледницкий, с.-д. Рамишвили всего рельефнее выразили взгляды этого последнего направления. «Население хватается за последние, почти младенческие надежды», — говорил Жилкин. «Я не говорю о мире, тишине и спокойствии, я говорю об организованной борьбе со старой властью... Разве Гос. дума явилась благодаря миру и спокойствию?» И, напомнив октябрьскую борьбу, оратор, при аплодисментах левой, воскликнул: «А этому «беспорядку» мы обязаны тем, что здесь находимся». «В этом общем смысле — справедливо сказал оратор — очень неудовлетворительно составлено обращение к народу, предложенное нам комиссией» (надо бы прибавить только: неудовлетворителен и проект трудовиков, не содержащий в себе тех мыслей и положений, которые вошли в речь Жилкина). «Нужно подчеркнуть и в конце высказать ту мысль, что не мир и спокойствие, а беспокойство в хорошем и великом смысле этого слова может организовать массы»... *

Ледницкий употребил даже одно из самых резких, упогребленных нами вчера слов, назвав «*жалким*» предложенное обращение. И Рамишвили, возразив «против приглашения к мирному и спокойному ожиданию решения вопроса», заявил: «*только революционный путь — истинный*» (цитируем по отчету «Нашей Жизни»). Он заявил также о необходимости сказать о переходе земель *без выкупа*.

Большинство кадетов и «беспартийных» высказывалось именно за «успокоительное» обращение, осуждало революционные шаги (Котляревский против Ледницкого),

доказывало пользу обращения «с точки зрения землевладельцев» (кадет Якушкин).

Черносотенец Волконский вкупе с Скирмунтом и правым кадетом Петражицким доказывают «опасность» обращения, способного разжечь революцию, и указывают на закон, по которому необходимо еще провести аграрный проект через Думу, да внести в Гос. совет и т. д., и т. д., и т. д.

Направления обрисовались великолепно. Еще и еще раз выяснилось, что кадеты колеблются между реакцией и революцией, между старой властью и народом. Еще и еще раз события показали, как близорука и нелепа тактика «поддержки кадетов», тактика, лишь ослабляющая революционную позицию с.-д. и революционной демократии в Думе. Еще и еще раз события показали, что с.-д., выступая самостоятельно, могут привлекать на свою сторону и часть трудовиков и даже раскалывать до известной степени кадетов.

Политическая ситуация сама с неизбежной силой определяет тактику с.-д. партии. Вопреки потугам с.-д. правого крыла, *не выходило* до сих пор никакой поддержки кадетов, а выходила, к счастью, самостоятельная политика пролетариата, поддерживаемого частью крестьянских депутатов. Не выходило сочиненного, выдуманного оппортунистами деления: правые против кадетов, трудовиков и с.-д. вместе. Выходило деление *революционное*: с.-д. и трудовики против правых, при полной шаткости кадетов.

К сожалению, наши с.-д. депутаты не вполне использовали чрезвычайно благоприятную ситуацию. Они должны были непременно во время общих дебатов внести *свой*, с.-д. проект обращения к народу. Только тогда их политика была бы до конца и вполне *самостоятельной* политикой представителей *классовой* партии пролетариата, как *авангарда* революции. Только тогда правильные мысли Рамишвили, Жилкина и Ледницкого не затерялись бы в прениях, а были бы объединены, закреплены, оформлены решительной и ясной платформой революционной социал-демократии.

Остается выразить пожелание, чтобы наша думская с.-д. фракция учла уроки все чаще и чаще складывающихся думских группировок, чтобы она решительнее встала на путь вполне самостоятельной пролетарской

политики и, при обсуждении проекта обращения по статьям, хотя отчасти исправила дело, т. е. вносила самостоятельные, последовательно-революционные формулировки.

Социал-демократический проект обращения к народу, даже оставаясь одним только прочтенным в Думе проектом, оказал бы чрезвычайно полезное действие на сплочение и развитие революционной борьбы и привлек бы на сторону с.-д. лучшие элементы революционного крестьянства.

«Эхо» № 13, 6 июля 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Эхо»

ЗАГОВОРЫ РЕАКЦИИ И УГРОЗЫ ПОГРОМЩИКОВ

Газета «Россия» получает субсидию от правительства погромщиков за проведение взглядов этого правительства.

По поводу проекта обращения Думы к народу тон правительственной газетки становится самым угрожающим. Газетка запугивает Думу, доказывая и незаконность предположенного шага и «неразумность» его и «революционность» и т. д. Кадетская «Речь» сегодня совсем уже повернула фронт и высказывается против обращения, испугавшись, очевидно, угроз, исходящих от пресмыкающейся пред правительством печати.

Угрозы так и сыпятся. Сегодня «Россия» пишет по вопросу о кадетском министерстве: «Если бы Владимиру Красное Солнышко предложили управление Русью вверить Соловью Разбойнику, как средство водворить порядок, он, вероятно, предложил бы средство более простое — покончить с Соловьем Разбойником с помощью Ильи Муромца. *Это, как известно, и помогло.*»

Этот «Илья Муромец», который собирается «покончить» с революцией в России, оказывается, есть не что иное, как *международная контрреволюционная армия*. В статье: «Иностранные державы и положение дел в России» (№ 170 «России») правительственная газетка не по наивности, а в тех же целях угрозы, *разъясняет* вопрос об активном вмешательстве иностранных держав во внутренние русские дела.

Разъяснение правительственной газетки чрезвычайно поучительно и высокополезно. Международная контрреволюция внимательно следит за Россией, сплачивает и подготавливает против нее силы «на всякий случай». «Импе-

раторское германское правительство — пишет «Россия» — вполне отдает себе отчет в этом положении (именно: что «нынешнее положение дел в России является прежде всего результатом воздействия зарубежных революционных элементов»), а поэтому оно предприняло целый ряд соответственных мер, которые не преминут привести к желательным результатам».

Меры эти состоят в подготовке военных сил Германии совместно с Австрией для вторжения в Россию, если дело свободы победит или будет побеждать. Берлинское правительство сносилось уже по этому вопросу с австрийским. И то и другое признало, что «при известных условиях активное вмешательство во внутренние дела России с целью подавления или ограничения этого (т. е. революционного) движения могло бы явиться желательным и полезным». Было установлено при этом, что для вмешательства требуется прямо и ясно высказанное желание русского правительства.

В Австрии, в Галиции, на русской границе, где боятся также возможности распространения аграрного движения по типу русского, сосредоточено три армейских корпуса. Галицкий наместник, являющийся к тому же русским помещиком, 26 июня издал даже воззвание к населению, предупреждая, что всякие волнения будут подавлены самым решительным образом.

Итак, заговор международной контрреволюции не подлежит сомнению. Русское правительство против русского народа призывает на помощь иностранные войска. Переговоры об этом велись и ведутся и привели уже к достаточно определенному договору.

Пусть же знают рабочие и крестьяне, что правительство предаст родину для того, чтобы обеспечить господство шайки погромщиков. Так всегда бывало и так всегда будет. История учит, что господствующие классы всегда жертвовали всем, решительно всем: религией, свободой, родиной, если дело шло о подавлении революционного движения угнетенных классов. Нет ни малейшего сомнения, что то же самое сделают и русские правители-погромщики, что они готовят уже такой шаг.

Но пусть не боятся рабочие и крестьяне такого шага. У правительства России есть международный резерв: реакционные правительства Германии, Австрии и других

стран. Но у нас тоже есть могучий международный революционный резерв: социалистический пролетариат Европы, организованный в 3-хмиллионную партию в Германии, в сильные партии по всем европейским странам. Мы приветствуем обращение нашего правительства к международному резерву реакции: такое обращение, во-1-х, раскроет глаза самым темным людям России и сослужит нам лучшую службу в деле разрушения веры в монархию, а, во-2-х, такое обращение всего лучше расширит базу и поле действия российской революции, превратив ее в революцию всемирную.

В добрый час, гг. Треповы! Стреляйте-ка! Зовите-ка австрийские и немецкие полки против русских крестьян и рабочих! Мы — за расширение борьбы, мы — за международную революцию!

* * *

Но за оценкой *общего* значения международного заговора нельзя забывать мелких *частных* целей русских погромщиков. Мы уже отметили, что не наивность вызвала статьи «России». Ошибается «Мысль», думая так. Это — не «наивность», и не «цинизм», и не «болтливость». Это — рассчитанная *угроза кадетам*. Правительство погромщиков боится обращения Думы к народу и *грозит кадетам*: «не смейте! а то я разгоню Думу и позову австрийские и немецкие полки! Я уже приготовился».

Дурачки-кадеты уже струсили и подло повернули вспять, как доказала сегодняшняя «Речь». Кадетам стоит погрозить — кадеты вспять идти готовы...

Пролетариат не испугается жалких угроз правительства погромщиков. Пролетариат сохранит свою *самостоятельную* боевую позицию, не давая испугать себя призраком испуганного кадета.

Еще раз: стреляйте-ка, господа Треповы! Расширяйте революционное поле борьбы! За международным пролетариатом дело не станет!

РОСПУСК ДУМЫ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА³⁰

*Написано в июле 1906 г.
Напечатано в июле 1906 г.
отдельной брошюрой в изд.
«Новая Волна»*

Печатается по тексту брошюры

Распуск Думы ставит перед рабочей партией целый ряд важнейших вопросов. Отметим главные из них: 1) общая оценка этого политического события в ходе нашей революции; 2) определение содержания дальнейшей борьбы и лозунгов, под которыми она должна вестись; 3) определение формы этой дальнейшей борьбы; 4) выбор момента борьбы, или, вернее, учет обстоятельств, которые могли бы помочь правильному выбору момента.

Остановимся вкратце на этих вопросах.

1

Распуск Думы самым наглядным и ярким образом подтвердил взгляды тех, кто предостерегал от увлечения «конституционной» внешностью Думы и конституционной, если можно так выразиться, поверхностью российской политики во вторую четверть 1906-го года. «Большие слова», которых тьму наговорили наши кадеты (и кадето-филы) перед Думой, по поводу Думы и в связи с Думой, разоблачены теперь жизнью во всей их мизерности.

Заметьте интересный факт: Дума распущена *на строго конституционном основании*. Никакого «разгона». Никакого нарушения законов. Напротив, строго по закону, как и во всякой «конституционной монархии». Верховная власть распустила палату на основании «конституции». На основании такой-то статьи распущена данная «палата», *и тем же указом* (ликуйте, законники!) назначены новые выборы или срок созыва новой Думы.

Но тут-то вот и сказала сразу та призрачность российской конституции, та фиктивность отечественного

парламентаризма, на которую так упорно указывали в течение всей первой половины 1906-го года с.-д. левого крыла. И теперь не какие-нибудь «узкие и фанатичные» «большевики», а самые мирные легалисты-либералы признали, своим поведением признали этот особый характер российской конституции. Это признали кадеты тем, что ответили на роспуск Думы массовым «бегством за границу», в Выборг, ответили воззванием, нарушающим законы³¹, — ответили и отвечают статьями умереннейшей «Речи», которая должна признать, что дело идет фактически о восстановлении самодержавия, что Суворин пробалтывает нечаянно правду, когда пишет, что вряд ли ему дожить до новой Думы³². Все упования кадетов сразу перешли от «конституции» к революции — и это вследствие одного только строго конституционного акта верховной власти. А еще вчера кадеты хвалились в Думе, что они «щит династии» и сторонники строгой конституционности.

Логика жизни сильнее логики конституционных учебников. Революция учит.

Все то, что писалось «большевиками» с.-д. о кадетских победах (сравните брошюру: «Победа кадетов и задачи рабочей партии», Н. Ленина)*, подтвердилось блестяще. Вся односторонность и близорукость кадетов стали очевидны. Конституционные иллюзии, — это пугало, по которому узнавали твердокаменного большевика, — встали перед глазами всех именно как иллюзии, как призрак, как обманчивое видение.

Нет Думы! вопят в диком иступлении восторга «Московские Ведомости»³³ и «Гражданин»³⁴. Нет конституции! вторят понуро тонкие знатоки нашей конституции, кадеты, которые так искусно ссылались на нее, так смаковали ее параграфы. Социал-демократы не будут ликовать (мы взяли свое и от Думы), не будут и падать духом. Народ выиграл то, — скажут они, — что потерял одну из своих иллюзий.

Да, в лице партии к.-д. учится весь русский народ, учится не из книжки, а из собственной, им же самим творимой революции. Мы сказали однажды, что в лице кадетов народ изживает первые свои буржуазные осво-

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 175—250. Ред.

бодительные иллюзии, а в лице трудовиков он изживает последние буржуазные освободительные иллюзии*. Кадеты мечтали об освобождении от крепостничества, произвола, самодурства, азиатчины, самодержавия *без* свержения старой власти. Кадеты уже потерпели крах в своих ограниченных мечтаниях. Трудовики мечтают об освобождении от нищеты масс, от эксплуатации человека человеком *без* уничтожения товарного хозяйства: они еще потерпят крах, — и в недалеком будущем, если наша революция дойдет до полной победы нашего революционного крестьянства.

Быстрый расцвет кадетов, их головокружительные победы на выборах, их торжество в кадетской Думе, их скоростный крах от одного росчерка пера «возлюбленного монарха» (наплевавшего, можно сказать, в рожу Родичеву, который объяснялся ему в любви) — все это события серьезного политического значения, все это этапы революционного развития *народа*. Народ, т. е. широкие массы населения, еще не дорос в массе своей до сознательной революционности к 1906-му году. Сознание невыносимости самодержавия стало всеобщим, сознание негодности правительства чиновников — тоже, сознание необходимости народного представительства — тоже. Но непримиримость старой власти с *властным* народным представительством народ еще не мог сознать и прочувствовать. Ему нужен еще был, как оказалось, особый опыт для этого, опыт кадетской Думы.

Кадетская Дума за свой краткий житейский путь *наглядно* показала народу всю разницу между *безвластным* и *властным* народным представительством. Наш лозунг, учредительное собрание (т. е. *полновластное* народное представительство), оказался тысячу раз верным, но жизнь, т. е. революция, вела к нему более долгим и запутанным путем, чем мы в состоянии были предвидеть.

Бросьте общий взгляд на главные этапы великой российской революции и вы увидите, как народ *на опыте* подходил, ступенька за ступенькой, к лозунгу учредительного собрания. Вот эпоха «доверия», конец 1904-го года. Либералы в упоении. Они заняли всю авансцену. Не очень стойкие с.-д. говорят даже *о двух* главных силах данного

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 424. *Ред.*

момента: либералах и правительстве. Но вот *народ* проникается идеей «доверия», народ «доверчиво» идет 9-го января к Зимнему Дворцу. Эпоха «доверия» выдвигает *третью* силу, пролетариат, и кладет начало величайшему *недоверию* народа к самодержавному правительству. Эпоха «доверия» кончается отказом народа верить в *слова* правительства о «доверии».

Дальнейший этап. Обещана булыгинская Дума. Доверие подтверждено делом. Народные представители созываются. Либералы в упоении, зовут к участию в выборах. Либеральные профессора, как и подобает этим «идейным» прихвостням буржуазии, зовут студентов учиться, а не заниматься революцией. Не очень стойкие с.-д. сдаются на доводы либералов. Выступает на сцену народ. Пролетариат октябрьской забастовкой сметает булыгинскую Думу и захватывает свободу, завоевывает манифест, вполне конституционный по форме и содержанию манифест. Народ на опыте убеждается, что недостаточно получить обещание свободы, надо еще *иметь силу захватить* свободу.

Далее. Правительство отнимает свободы в декабре. Пролетариат восстает. Первое восстание разбито. Но упорная и отчаянная борьба с оружием в руках на улицах Москвы делает созыв Думы неизбежным. Бойкот пролетариата не удается. У пролетариата недостаточно оказалось силы, чтобы сбросить виттевскую Думу. Кадеты заполняют ее. Народное представительство есть совершившийся факт. Кадеты в уполосии. Нет числа и меры их крикам восторга. Пролетариат скептически выжидает.

Начинает работать Дума. Маленьким расширением свобод народ пользуется вдесятеро больше кадетов. Кадетская Дума моментально оказывается *позади* народа по своему настроению и решительности. Эпоха кадетской Думы (май и июнь 1906 г.) оказывается эпохой наибольших успехов партий, стоящих *левее* кадетов: трудовики обгоняют кадетов в Думе, на народных собраниях порицают кадетов за робость, растет пресса с.-д. и с.-р., усиливается революционное крестьянское движение, брожение в войсках, оживляется пролетариат, истощенный декабрем. Эпоха кадетского конституционализма оказывается эпохой не кадетского и не конституционного, а революционного движения.

Это движение заставляет распустить Думу. Опыт подтверждает, что кадеты — только «пена». Их сила — производная от силы революции. А на революцию правительство отвечает революционным по существу (хотя конституционным по форме) роспуском Думы.

Народ на опыте убеждается, что народное представительство есть нуль, если оно не полновластно, если его созвала старая власть, если рядом с ним цела еще старая власть. Объективный ход событий выдвигает на очередь уже вопрос не о той или иной редакции законов, конституции, а вопрос о власти, о реальной власти. Какие угодно законы и какие угодно выборные — нуль, если у них нет власти. Вот чему научила народ кадетская Дума. Споем же вечную память покойнице и воспользуемся хорошенько ее уроком!

II

Мы подошли, таким образом, вплотную к второму вопросу: об объективном, историей диктуемом, содержании предстоящей борьбы и о лозунгах, которые мы должны дать ей.

Не очень стойкие с.-д., меньшевики, успели и тут проявить шатание. Их первый лозунг гласил: борьба за возобновление сессии Думы в целях созыва учредительного собрания. Петербургский комитет протестует. Нелепость лозунга слишком бьет в глаза. Это даже не оппортунизм, а просто бессмыслица. ЦК делает шаг вперед. Лозунг: борьба против правительства в защиту Думы в целях созыва учредительного собрания. Это лучше, конечно. Это уже недалеко от лозунга: борьба за свержение самодержавного правительства для созыва революционным путем учредительного собрания. Роспуск Думы служит, несомненно, поводом к общенародной борьбе за властное народное представительство: в этом смысле лозунг «в защиту Думы» не совсем неприемлем. Но в том-то и дело, что в этом смысле лозунг включен уже в признание нами роспуска Думы за повод борьбы. Формулировка же: «в защиту Думы» без особого истолкования ее в этом (т. е. в указанном сейчас) смысле остается неясной и способной порождать недоумение, возвращать к изжитому до известной степени старому, к кадетской Думе, одним

словом, эта формулировка порождает ряд неправильных и вредных, «ретроградных» мыслей. То, что есть правильного в этой формулировке, вмещается вполне и без остатка в *мотивы* нашего решения о борьбе, в *объяснение* того, почему роспуск Думы считается достаточно важным поводом.

Марксист ни в каком случае не должен забывать, что лозунг *непосредственно* предстоящей борьбы не может быть выведен просто и прямо из *общего* лозунга известной программы. Недостаточно сослаться на нашу программу (см. в конце: низвержение самодержавия и учредит. собрание и т. д.), чтобы определить лозунг непосредственно — *теперь* предстоящей, летом или осенью 1906-го года, борьбы. Для этого надо учесть *конкретную* историческую ситуацию, проследить все развитие и весь последовательный ход революции, вывести наши задачи не из принципов программы только, а из *предыдущих* шагов и этапов движения. Только такой анализ будет действительно историческим анализом, обязательным для диалектического материалиста.

И именно такой анализ показывает нам, что объективное политическое положение *выдвинуло* теперь вопрос не о том, *есть ли* народное представительство, а о том, *властное ли* это народное представительство.

Объективная причина гибели кадетской Думы не в том, что она не сумела выразить нужды народа, а в том, что она не осилила *революционной* задачи борьбы за *власть*. Кадетская Дума возмнила себя органом конституционным, а на деле она *была* органом революционным (кадеты ругали нас за это рассматривание Думы, как этапа или орудия революции, но жизнь всецело подтвердила *наш взгляд*). Кадетская Дума возмнила себя органом борьбы против *министерства*, а на деле она была органом борьбы за *свержение* всей старой власти. Так вышло на деле, ибо этого требовало данное экономическое положение. И вот для *этой-то* борьбы такой орган, как Дума кадетов, *оказался* «непригодным».

В сознание самого темного мужика стучится теперь обухом вбитая мысль: ни к чему Дума, ни к чему никакая Дума, *если нет власти у народа*. А как добыть власть? *Свергнуть* старую власть и учредить новую, народную, свободную, выборную. *Либо* свергнуть старую власть,

либо признать задачи революции неосуществимыми в том объеме, в каком ставит их крестьянство и пролетариат.

Так поставила вопрос сама *жизнь*. Так поставил вопрос 1906-й год. Так поставлен вопрос роспуском кадетской Думы.

Мы не можем поручиться, конечно, что этот вопрос революция решит сразу, что борьба будет легка, проста, победа вполне и безусловно обеспечена. Никогда и никто не поручится ни за что подобное перед началом борьбы. Лозунг не есть ручательство за простую и легкую победу. Лозунг есть указание той *цели*, которая должна быть достигнута для осуществления *данных* задач. Прежде такими непосредственно данными задачами было создание (или созыв) народного представительства вообще. Теперь такая задача: обеспечение *власти* за народным представительством. А это значит: устранение, разрушение, *свержение* старой власти, свержение самодержавного правительства.

Если эта задача не будет решена *вполне*, то не может быть вполне властным и народное представительство, — следовательно, не может быть и достаточных гарантий от того, что это новое народное представительство не постигнет участь кадетской Думы.

Объективное положение вещей выдвигает теперь на очередь борьбу не за народное представительство, а за создание условий, при которых бы нельзя было разогнать или распустить народное представительство, нельзя было также свести его к комедии, как свели Треповы и К^о к комедии кадетскую Думу.

III

Вероятная форма грядущей борьбы определяется отчасти содержанием ее, отчасти предыдущими формами революционной борьбы народа и контрреволюционной борьбы самодержавия.

Что касается содержания борьбы, то мы уже показали, как за два года революции оно сконцентрировалось к настоящему времени на свержении старой власти. Полное осуществление этой цели возможно только путем всенародного вооруженного восстания.

Что касается до предыдущих форм борьбы, то в этом отношении «последним словом» массового и общенародного движения в России является всеобщая стачка и восстание. Последняя четверть 1905 года не могла не оставить неизгладимых следов в сознании и настроении пролетариата, крестьянства, сознательной части войска и демократической части различных профессионально-интеллигентских союзов. Совершенно естественно поэтому, что первой мыслью, которая пришла в голову самой широкой массе способных к борьбе элементов после роспуска Думы, была: всеобщая забастовка. Никто как бы не допускал даже сомнения в том, что ответом на роспуск Думы *должна* неизбежно явиться всероссийская забастовка.

Известную пользу всеобщность такого мнения принесла. От стихийных и частичных взрывов почти повсюду сознательно и систематически *удерживали* рабочих революционные организации. Об этом получают сведения из самых различных мест России. Опыт октября — декабря помог, несомненно, сосредоточить внимание всех в гораздо большей, чем прежде, степени на выступлении *всеобщем и единовременном*. Кроме того, следует отметить еще одно крайне характерное обстоятельство: судя по данным из некоторых крупных центров рабочего движения, напр., из Петербурга, рабочие не только легко и быстро схватили идею необходимости всеобщего и единовременного выступления, но, кроме того, твердо стояли за *боевое* и решительное выступление. Неудачная мысль о *демонстративной* (однодневной или трехдневной) забастовке по поводу роспуска Думы, — мысль, возникшая у некоторых петербургских меньшевиков, — эта мысль встретила самую решительную оппозицию со стороны рабочих. Верный классовый инстинкт и опыт людей, ведших не раз серьезную борьбу, сразу подсказал им, что дело идет теперь совсем уже не о демонстрации. Демонстрировать мы не будем, говорили рабочие. Мы пойдем на отчаянную, решительную борьбу, когда настанет момент общего выступления. Таково было, по всем сведениям, общее мнение петербургских рабочих. Они поняли, что частичные выступления и особенно демонстрации были бы смешны после всего пережитого Россией с 1901-го года (год начала широкого демонстрационного движения), что обострение

политического кризиса исключает возможность опять «начать с начала», что правительству, с удовольствием «отведавшему крови» в декабре, — были бы лишь донельзя выгодны мирные демонстрации. Они обессилили бы без всякой пользы пролетариат, они помогли бы поупражнять полицейских и солдат над безоружными, хватая и расстреливая их. Они дали бы только некоторое подтверждение похвальбе Столыпина, что он одержал победу над революцией, ибо распустил Думу, не обострив этим антиправительственного движения. Теперь эту похвальбу все и рассматривают, как пустую похвальбу, зная и чувствуя, что борьба еще впереди. Тогда «демонстрацию» истолковали бы как борьбу, из нее сделали бы (безнадежную) борьбу, а прекращение демонстрации ославили бы по всему свету, как новое поражение.

Мысль о демонстративной забастовке достойна была лишь наших Ледрю-Ролленов³⁵ кадетской партии, так же близоруко переоценивавших парламентаризм, как Ледрю-Роллен в 1849-м году. Пролетариат сразу отбросил эту мысль, и прекрасно сделал, что отбросил ее. Рабочие, стоявшие всегда лицом к лицу с революционной борьбой, оценили правильнее, чем некоторые интеллигенты, боевую готовность врага и необходимость решительного боевого выступления.

К сожалению, в нашей партии, вследствие преобладания правого крыла с.-д. в данный момент в ее русской части, вопрос о боевых выступлениях остался в забросе. Объединительный съезд р. с.-д. увлекся победами кадетов, не сумел оценить революционного значения переживаемого нами момента, уклонился от задачи сделать все выводы из опыта октября — декабря. А необходимость воспользоваться этим опытом встала перед партией гораздо скорее и гораздо острее, чем думали многие поклонники парламентаризма. Растерянность, обнаруженная центральными учреждениями нашей партии в серьезный момент, была неизбежным результатом такого положения вещей.

Соединение массовой политической стачки с вооруженным восстанием диктуется опять всем положением вещей. При этом слабые стороны стачки, как самостоятельного средства борьбы, выступают особенно наглядно. Все убедились, что чрезвычайно важным условием успеха политической забастовки является ее внезапность, возможность

вастигнуть правительство врасплох. Теперь это невозможно. Правительство научилось в декабре бороться со стачкой и подготовилось очень солидно к этой борьбе в настоящий момент. Все указывают на крайнюю важность железных дорог во всеобщей стачке. Остановятся железные дороги — забастовка имеет все шансы стать всеобщей. Не удастся добиться полной остановки жел. дорог — и забастовка, почти наверное, не будет всеобщей. А железнодорожникам забастовать особенно трудно: карательные поезда стоят в полной готовности; вооруженные отряды войска рассыпаны по всей линии, по станциям, иногда даже по отдельным поездам. Забастовка может означать при таких условиях, — мало того: неизбежно будет означать в большинстве случаев, — прямое и непосредственное столкновение с вооруженной силой. Машинист, телеграфист, стрелочник будут поставлены сразу перед дилеммой: быть расстрелянным на месте (Голутвино, Люберцы и другие станции русской ж.-д. сети недаром приобрели уже всенародную революционную известность), либо стать на работу и подорвать стачку.

Разумеется, мы вправе ожидать величайшего героизма от многих и многих ж.-д. рабочих и служащих, которые доказали делом свою преданность свободе. Разумеется, мы далеки от мысли отрицать возможность ж.-д. забастовки и шансы на успех. Но мы не вправе скрывать от себя *настоящей* трудности задачи: замалчивание таких трудностей было бы самой худшей политикой. А если посмотреть прямо в лицо действительности, если не прятать голову под крыло, то ясно станет, что из стачки *неизбежно* вырастет, и немедленно же, вооруженное восстание. Железнодорожная забастовка *есть* восстание, это неоспоримо после декабря. А без ж.-д. забастовки не остановится ж.-д. телеграф, не перервется перевозка писем по ж. д., невозможна, следовательно, и почтово-телеграфная забастовка в серьезных размерах.

Подчиненное значение стачки по отношению к восстанию вытекает, таким образом, с неумолимой неизбежностью из данного положения вещей, как оно сложилось после декабря 1905 года. Независимо от нашей воли, наперекор каким угодно «директивам» обострившееся революционное положение превратит демонстрацию в стачку, протест — в борьбу, стачку — в восстание. Разумеется, восстание,

как вооруженная массовая борьба, может разгореться лишь при активном участии войска в той или иной его части. Поэтому забастовка войска, отказ стрелять в народ может, несомненно, привести в тех или иных случаях к победе одной только мирной забастовки. Но едва ли есть надобность доказывать, что такие случаи явились бы лишь частными эпизодами исключительного успешного восстания и что для учащения таких случаев, для возможно большего приближения к ним есть лишь одно средство: успешная подготовка восстания, энергия и сила первых повстанческих действий, деморализация войска отчаянно смелыми нападениями или отпадениями крупной части армии и т. д.

Одним словом, при данном положении вещей, как оно сложилось теперь, в момент роспуска Думы, не может подлежать никакому сомнению, что активная борьба ведет прямо и непосредственно к восстанию. Может быть, положение вещей изменится, и тогда этот вывод придется пересмотреть, но в данное время он совершенно беспорен. Поэтому звать к всероссийской забастовке, не призывая к восстанию, не разясняя неразрывной связи ее с восстанием, было бы прямо легкомыслием, граничащим с преступлением. Поэтому надо все силы направить на разяснение в агитации связи между той и другой формой борьбы, на подготовку условий, которые помогли бы слиться в один поток трем ручьям борьбы: рабочему взрыву, крестьянскому восстанию и военному «бунту». Давно уже, с лета прошлого года, со времени знаменитого восстания «Потемкина» наметились вполне определенно эти *три формы* действительно народного, т. е. *массового*, бесконечно далекого от заговора, активного движения, *восстания*, ниспровергающего самодержавие. От слияния этих трех русл восстания зависит, пожалуй, всего более успех всероссийского восстания. Нет сомнения, что такой повод борьбы, как роспуск Думы, сильно помогает этому слиянию, ибо самая отсталая часть крестьянства (а, след., и нашего, главным образом, крестьянского войска) возлагала большие надежды на Думу.

Отсюда вывод: усиленно использовать именно роспуск Думы, как повод к концентрированной агитации с призывом к всенародному восстанию. Разяснять связь

политической стачки с восстанием. Направлять все усилия к тому, чтобы достигнуть объединения и совместного выступления рабочих, крестьян, матросов и солдат на активную, вооруженную борьбу.

Наконец, говоря о форме движения, надо особо упомянуть и о крестьянской борьбе. Здесь связь стачки с восстанием особенно ясна. Ясно также, что целью восстания должно быть здесь не только полное разрушение или устранение всех и всяких местных властей, с заменой их новыми, народными властями (общая цель всякого восстания, все равно: в городах, в деревнях, в войсках и т. д.), — но также *изгнание помещиков и захват* помещичьих земель. Впредь до решения всенародного учредительного собрания крестьяне, несомненно, должны стремиться к *фактическому* уничтожению помещичьего землевладения. Об этом не приходится много говорить, потому что крестьянского восстания без расправы с помещиками и захвата земель никто не стал бы, наверное, и представлять себе. Понятно, что, чем сознательнее и организованнее будет это восстание, тем реже будут случаи истребления зданий, имущества, скота и т. п. С военной точки зрения для достижения известных военных целей уничтожение — напр., сожжение зданий, а иногда и имущества — есть мера вполне законная и обязательная в известных случаях. Только педанты (или изменники народу) могут особенно оплакивать то, что крестьяне прибегают всегда к таким средствам. Но незачем скрывать от себя, что иногда истребление имущества является лишь результатом неорганизованности, неумения *взять себе* и удержать за собою имущество врага вместо уничтожения его, — или результатом *слабости*, когда воюющий *мстит* врагу, не имея силы *уничтожить*, раздавить врага. Мы должны, конечно, в своей агитации всячески разъяснять крестьянам, с одной стороны — полную законность и необходимость *беспощадной* борьбы с врагом вплоть до истребления имущества, а с другой стороны — показывать, что от степени организованности зависит возможность гораздо более разумного и выгодного исхода: истребления врага (помещиков и чиновников, полиции особенно) и передачи всех и всяких имуществ во владение народа или во владение крестьян без всякой порчи (или с возможно меньшей порчей) имущества.

IV

С вопросом о форме борьбы тесно связан вопрос об *организации* для борьбы.

И в этом отношении великий исторический опыт октября — декабря 1905 года наложил неизгладимые следы на современное революционное движение. Советы рабочих депутатов и аналогичные им учреждения (крестьянские комитеты, жел.-д. комитеты, Советы солдатских депутатов и т. п.) пользуются громадным и вполне заслуженным авторитетом. В настоящее время нелегко было бы найти социал-демократа или революционера других партий и направлений, который бы не сочувствовал подобным организациям вообще и не рекомендовал в частности устройства их в данный момент.

На этот счет, кажется, разногласий или по крайней мере сколько-нибудь серьезных разногласий нет. Поэтому останавливаться на этом собственно вопросе нечего.

Но есть одна сторона дела, на которой необходимо особенно внимательно остановиться, потому что ее особенно часто игнорируют. Дело в том, что роль Советов рабочих депутатов (будем для краткости говорить о них, как о *типе* всех и всяких организаций такого рода) в великие октябрьские и декабрьские дни облекла таким обаянием эти учреждения, что к ним относятся иногда чуть ли не с фетишизмом. Воображают, что эти органы всегда и при всяких условиях «необходимы и достаточны» для массового революционного движения. Отсюда — некритическое отношение к выбору момента для создания таких учреждений, к вопросу о том, каковы реальные условия успеха их деятельности.

Опыт октября — декабря дал самые поучительные указания на этот счет. Советы рабочих депутатов — *органы массовой непосредственной борьбы*. Они возникли, как органы борьбы *стачечной*. Они стали очень быстро, под давлением необходимости, органами *общереволюционной* борьбы с правительством. Они превратились *неудержимо*, в силу развития событий и перехода от стачки к восстанию, — в органы *восстания*. Что именно такую роль играл в декабре целый ряд «советов» и «комитетов», это совершенно неоспоримый факт. И события самым наглядным и убедительным образом показали, что сила и значение

таких органов в боевое время зависит *всецело* от силы и успеха восстания.

Не теория какая-нибудь, не призывы чьи-бы то ни было, не тактика, кем-либо придуманная, не партийная доктрина, а сила вещей привела эти беспартийные, массовые органы к необходимости восстания и сделала их органами восстания.

И в настоящее время учреждать такие органы — значит создавать органы восстания, призывать к их учреждению — значит призывать к восстанию. Забывать об этом или затушевывать это перед широкими массами народа было бы самой непростительной близорукостью и самой худшей политикой.

Раз это так, — а это несомненно так, — то отсюда ясен и тот вывод, что для организации восстания «советы» и подобные массовые учреждения еще *недостаточны*. Они необходимы для сплочения масс, для боевого объединения, для передачи партийных (или по соглашению партий выдвинутых) лозунгов политического руководства, для заинтересования, пробуждения, привлечения масс. Но они недостаточны для организации *непосредственно боевых сил*, для организации восстания в самом тесном значении слова.

Маленькая иллюстрация. Советы рабочих депутатов называли нередко парламентами рабочего класса. Но ни один рабочий не согласится созывать *своего* парламента для отдачи его в руки полиции. Всякий признает необходимость немедленной *организации силы*, организации *военной*, для защиты своего «парламента», организации в виде отрядов вооруженных рабочих.

Теперь, когда правительство на опыте досконально убедилось, к чему ведут «советы» и что это за учреждения, когда оно вооружилось с ног до головы и ждет образования таких учреждений, чтобы напасть на врага, не дав ему времени опомниться и развернуть свою деятельность, — теперь мы особенно должны разъяснять в своей агитации необходимость трезвого взгляда на вещи, необходимость *военной организации* наряду с организацией советов для их защиты, для проведения того восстания, без которого бессильны будут всякие советы и всякие выборные от массы.

Эти, если можно так выразиться, «военные организации», о которых мы говорим, должны стремиться к тому, чтобы охватить массу не через посредство выборных,

а массу непосредственных участников уличной борьбы и гражданской войны. Эти организации должны иметь своей ячейкой очень мелкие, вольные союзы, десятки, пятки, даже, может быть, тройки. Надо проповедывать самым усиленным образом, что близится бой, когда *всякий* честный гражданин обязан жертвовать собой и сражаться против угнетателей народа. Поменьше формальностей, поменьше волокиты, побольше простоты в организации, которая должна обладать максимумом подвижности и гибкости. Все и каждый, кто хочет стоять на стороне свободы, должны немедленно объединиться в боевые «пятки», — вольные союзы людей одной профессии, одной фабрики, или людей, связанных товариществом, партийной связью, наконец, просто местожительством (одна деревня, один дом в городе или одна квартира). Эти союзы должны быть и партийные и беспартийные, связанные одной непосредственной революционной задачей: восстанием против правительства. Эти союзы должны основываться самым широким образом и непременно до получения оружия, *независимо* от вопроса об оружии.

Никакая партийная организация не «вооружит» массы. Напротив, организованность масс в легкоподвижные мелкие боевые союзы сослужит в момент движения громадную службу в деле добывания оружия.

Вольные боевые союзы, союзы «дружинников», если взять название, которое сделали столь почетным великие декабрьские дни в Москве, принесут гигантскую пользу в момент взрыва. Дружина умеющих стрелять обезоружит городовой, нападет внезапно на патруль, добудет себе оружие. Дружина не умеющих стрелять или не добывших оружие поможет строить баррикады, делать разведки, организовать сношения, устроить засаду врагу, поджечь здание, где засел неприятель, занять квартиры, которые могут стать базой для повстанцев, — одним словом, тысячи самых разнообразных функций выполнят вольные союзы людей, решивших биться не на жизнь, а на смерть, знающих превосходно местность, связанных всего теснее с населением.

Пусть на каждой фабрике, в каждом профессиональном союзе, в каждой деревне раздается призыв к организации таких вольных боевых дружин. Люди, хорошо знающие друг друга, учредят их заранее. Люди, не знающие друг

друга, будут образовывать пятки и десятки в день борьбы или накануне борьбы, на месте борьбы, если идея образования таких союзов распространится широко и действительно воспримется массой.

В настоящее время, когда роспуск Думы взбудоражил новые и новые слои, вы часто можете встретить самые революционные отзывы и заявления от рядовых представителей наименее организованного, наиболее «чернотенного», по общему своему обличью, городского простонародья. Позаботимся же о том, чтобы все они знали о решении передовых рабочих и крестьян поднять вскоре борьбу за землю и волю, чтобы все они знали о необходимости готовить дружины борцов, чтобы все они прониклись уверенностью в неизбежности восстания и народном характере его. Мы добьемся тогда — это совсем не утопично — того, чтобы в каждом большом городе были не сотни дружинников, как в Москве в декабре, а тысячи и тысячи. И тогда *никакие пулеметы не устоят*, как говорила публика в Москве, указывая на недостаточно массовый, недостаточно близкий к народу характер и состав тамошних боевых дружин.

Итак: организация советов рабочих депутатов, крестьянских комитетов и аналогичных учреждений повсюду, наряду с самой широкой пропагандой и агитацией за необходимость одновременного восстания, немедленной подготовки сил для него и организации массовых вольных отрядов «дружинников».

* * *

P. S.* Настоящая глава была уже написана, когда мы узнали о новом «повороте» в лозунгах нашего ЦК: за Думу, как *орган созыва* учредительного собрания.

Вопрос об организации дополняется, следовательно, вопросом об организации временного революционного правительства, ибо таковым было бы, по сути дела, учреждение, способное действительно созвать учредительное собрание. Не надо только забывать, как это любят делать наши кадетофилы, что временное правительство есть прежде всего *орган восстания*. Хочет быть покойная Дума органом восстания? хотят быть кадеты органом восстания?

* — Postscriptum — приписка. Ред.

Милости просим, господа! мы рады в *борьбе* всяким союзникам из буржуазной демократии. Если бы даже ваш союз — простите, — был для нас тем же, чем союз с Францией для России (т. е. источником денег), то мы и тогда были бы очень рады, мы реальные политики, господа. Но если ваше, кадетское участие в восстании есть простая и пустая меньшевистская мечта, — то мы скажем лишь: какие же у вас маленькие и мелкие мечтания, товарищи-меньшевики. Не пришлось бы только вам погибать от «безнадежной любви» к кадетам, которые не смогут увенчать вашу страсть...

Вопрос о временном правительстве с теоретической стороны выяснялся уже неоднократно. Возможность участия с.-д. доказана. Но теперь интереснее другая, *практическая* постановка этого вопроса, *данная* октябрем — декабрем. Ведь Советы рабочих депутатов и т. п. были *на деле* зачатками временного правительства; власть *неизбежно* досталась бы им в случае победы восстания. Надо перенести центр тяжести именно на изучение этих, исторически данных, зародышевых органов новой власти, на изучение условий их работы и *их успеха*. Это насущнее, это интереснее в данный момент, чем гадания «вообще» о временном революционном правительстве.

V

Нам остается рассмотреть вопрос о времени выступления. Нежная любовь к кадетской Думе вызвала у с.-д. правого крыла требование немедленного выступления. Эта идея потерпела торжественное фиаско. Отношение масс рабочего класса и городского населения вообще показало, что серьезность положения сознается или чувствуется. Борьба ожидается на деле, разумеется, вовсе не за Думу, а за *свержение* старой власти. Отсрочка явилась результатом общего настроения, желания подготовиться к действительно решительной и отчаянной борьбе, добиться согласованности действий.

Возможно, и пожалуй всего более вероятно, что новая борьба разгорится так же стихийно и неожиданно, как предыдущие, в результате нарастания настроения и одного из неизбежных взрывов. Если дело пойдет так, если такой ход развития наметится, как неизбежный,

тогда нам не придется и решать вопроса о времени выступления, тогда наша задача сведется к удешевлению агитации и организационной работы во всех указанных выше направлениях.

Может быть, однако, что события потребуют от нас руководителей и назначения времени выступления. Если бы это оказалось так, то мы советовали бы назначить все-российское выступление, забастовку и восстание к концу лета или к началу осени, к середине или концу августа. Важно бы было использовать период строительных работ в городах и окончания летних полевых работ. Если бы удалось достигнуть соглашения *всех* влиятельных революционных организаций и союзов о времени выступления, тогда возможность произвести его в указанный срок была бы не исключена. Единовременность начала борьбы по всей России была бы громадным плюсом. Даже осведомление правительства о сроке стачки не имело бы, вероятно, губительного значения; ведь это не заговор и не военная атака, требующие внезапности. Войска по всей России были бы наиболее деморализованы, вероятно, если бы в течение недель и недель их тревожила мысль о неизбежности борьбы, их держали бы под ружьем, а агитацию все дружнее вели бы все и всяческие организации наряду с массой «беспартийных» революционеров. Влиятельные члены Думы из с.-д. и трудовиков тоже могли бы помочь успеху единовременного выступления.

Отдельные и совершенно бесполезные взрывы, вроде «бунтов» солдат и безнадежных восстаний крестьян, удалось бы, может быть, удержать тогда, если бы вся революционная Россия поверила в неизбежность этого великого общего боя.

Повторяем однако, что это возможно лишь в случае полного соглашения *всех* влиятельных организаций. Иначе останется старый путь стихийного нарастания настроения.

VI

Подведем краткие итоги.

Роспуск Думы есть полный поворот к самодержавию. Возможность единовременного выступления всей России возрастает. Вероятность слияния всех частичных восстаний воедино усиливается. Неизбежность политической

забастовки и восстания, как борьбы за власть, чувствуется широкими слоями населения, как никогда прежде.

Наше дело — развернуть самую широкую агитацию в пользу всероссийского восстания, разъяснить политические и организационные его задачи, приложить все усилия к тому, чтобы все сознали его неизбежность, увидели возможность общего натиска и шли уже не на «бунт», не на «демонстрации», не на простые стачки и разгромы, а на борьбу за власть, на борьбу с целью свержения правительства.

Все положение дела благоприятствует выполнению этой задачи. Пролетариат готовится встать во главе борьбы. Перед революционной социал-демократией — ответственная, трудная, но великая и благодарная задача: помочь рабочему классу, как передовому отряду всероссийского восстания.

Это восстание свергнет самодержавие и создаст действительно властное народное представительство — т. е. учредительное собрание.

Р. С. Настоящая статья написана до начала Свеаборгского восстания³⁶.

О ПОСЫЛКЕ ДЕЛЕГАЦИИ В СВЕАБОРГ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПК РСДРП

Исполнительная комиссия С.-Петербургского комитета РСДРП, ввиду полученных из г. Свеаборга³⁷ экстренных сообщений о крайнем обострении положения в этом городе и о возможности немедленного взрыва, постановляет:

1) послать немедленно в Свеаборг делегацию из товарищей NNNN;

2) поручить этой делегации принять все меры для тщательного выяснения положения дел на месте;

3) поручить ей повлиять на местных членов партии, революционеров и население в том смысле, чтобы добиться отсрочки выступления, если только это возможно без крайних жертв со стороны населения в смысле ареста правительством уже намеченных лиц;

4) поручить той же делегации, в случае полной невозможности остановить взрыв, принять самое деятельное участие в руководстве движением, т. е. помочь выступившим на борьбу массам организовать самостоятельно, разоружить и истребить реакцию, предпринять по надлежащей подготовке решительные наступательные действия и выступить с правильными и действительно революционными, способными увлечь весь народ, лозунгами.

Написано 16 (29) июля 1906 г.

Впервые напечатано 20 декабря 1930 г. в газете «Правда» № 349

Печатается по рукописи

ПРОЛЕТАРИЙ

Цена 5 коп. Москва. № 1.
РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ
Центральный орган газеты, основанной
Павлом Глебовым, 21-го августа 1906 г.

ОРГАНЪ МОСКОВСКАГО И С-ПЕТЕРБУРГСКАГО КОМИТЕТОВЪ Р. С. Д. Р. П.

Перед бурей.

Приветствую статью об угрозах раскола Государственного Думу. Прочитав статью, явился вынужден выразить свое мнение. Впервые статья вызвала впечатление удивления, удивления потому, что в ней высказаны опасения о расколе Думы. Это было удивительно, потому что в статье не было сказано ни слова о том, что Дума является единственной представительной властью в России. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право издавать законы. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право контролировать деятельность правительства. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право представлять интересы народа.

Самое удивительное в этой статье то, что автор статьи не упоминает ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право издавать законы. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право контролировать деятельность правительства. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право представлять интересы народа.

В статье говорится о том, что Дума является единственным органом, который имеет право издавать законы. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право контролировать деятельность правительства. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право представлять интересы народа.

В статье говорится о том, что Дума является единственным органом, который имеет право издавать законы. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право контролировать деятельность правительства. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право представлять интересы народа.

В статье говорится о том, что Дума является единственным органом, который имеет право издавать законы. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право контролировать деятельность правительства. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право представлять интересы народа.

В статье говорится о том, что Дума является единственным органом, который имеет право издавать законы. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право контролировать деятельность правительства. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право представлять интересы народа.

В статье говорится о том, что Дума является единственным органом, который имеет право издавать законы. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право контролировать деятельность правительства. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право представлять интересы народа.

В статье говорится о том, что Дума является единственным органом, который имеет право издавать законы. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право контролировать деятельность правительства. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право представлять интересы народа.

МЕЖДУ НАРОДНОЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И РАБОЧИЙ ВОПРОС В СТРАНАХ

В статье говорится о том, что Дума является единственным органом, который имеет право издавать законы. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право контролировать деятельность правительства. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право представлять интересы народа.

В статье говорится о том, что Дума является единственным органом, который имеет право издавать законы. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право контролировать деятельность правительства. Не было сказано ни слова о том, что Дума является единственным органом, который имеет право представлять интересы народа.

Первая страница газеты «Пролетарий» № 1, 21 августа 1906 г., в которой напечатаны статьи В. И. Ленина «Перед бурей», «О бойкоте» и другие

Уменьшено

ПЕРЕД БУРЕЙ

Прошел месяц со времени роспуска Государственной думы. Прошла первая полоса военных восстаний и забастовок, которыми пытались поддержать восставших. Кое-где начало уже ослабевать рвение начальства, применяющего «усиленные» и «чрезвычайные охраны» правительства от народа. Все яснее выступает значение пройденного этапа революции. Все ближе надвигается новая волна. Тяжелым и трудным путем идет русская революция. За каждым подъемом, за каждым частичным успехом следует поражение, кровопролитие, надругательства самодержавия над борцами за свободу. Но после каждого «поражения» все шире становится движение, все глубже борьба, все больше масса втянутых в борьбу и участвующих в ней классов и групп народа. За каждым натиском революции, за каждым шагом вперед в деле организации боевой демократии следует прямо-таки бешеный натиск реакции, следует шаг вперед в деле организации черносотенных элементов народа, возрастает наглость контрреволюции, с отчаянием борющейся за существование. Но силы реакции, несмотря на все ее усилия, неуклонно падают. На сторону революции становится все большая часть рабочих, крестьян, солдат, вчера еще бывших равнодушными или черносотенными. Одна за другой раврушаются те иллюзии, один за другим падают те предрассудки, которые делали русский народ доверчивым, терпеливым, простодушным, покорным, всевыносящим и всепрощающим.

Самодержавию нанесен целый ряд ран, но оно еще не убито. Самодержавие покрыто со всех сторон повязками

и бинтами, но оно еще держится, оно еще скрипит и даже свирепеет тем более, чем сильнее истекает кровью. А революционные классы народа, с пролетариатом во главе их, пользуются каждым затишьем, чтобы накопить новые силы, чтобы нанести новый и новый удар врагу, чтобы вырвать, наконец, с корнем проклятую язву азиатчины и крепостничества, отравляющую Россию.

И нет более верного средства побороть всякое малодушие, опровергнуть всякие узкие, односторонние и мелочнострусливые взгляды на будущее нашей революции, как бросить общий взгляд на ее прошлое. Коротка еще история русской революции, но она уже достаточно доказала и показала нам, что силы революционных классов и богатство их исторического творчества гораздо больше, чем кажется во времена затишья. Каждая волна подъема, пережитая революцией, показывает невидное и бесшумное сравнительно накопление сил для разрешения новой и более высокой задачи, и каждый раз все близорукие и малодушные оценки политических лозунгов опровергались взрывом этих накопившихся сил.

Три главных этапа нашей революции наметились ясно. Этап первый — эпоха «доверия», эпоха массовых просьб, ходатайств и заявлений о необходимости конституции. Этап второй — эпоха конституционных манифестов, актов и законов. Этап третий — начало осуществления конституционализма, эпоха Государственной думы. Сначала у царя просили конституцию. Потом у царя вырвали силой торжественное признание конституции. Теперь... теперь на опыте убеждаются после роспуска Думы, что конституция, царем пожалованная, царскими законами признанная, царскими чиновниками осуществляемая, не стоит ломаного гроша.

В каждую из этих эпох мы видим сначала на авансцене либеральную буржуазию, шумливую, хвастливую, мещански-ограниченную и мещански-самодовольную, заранее уверенную в своих «правах на наследство», снисходительно поучающую «меньшого брата» мирной борьбе, лояльной оппозиции и соглашению народной свободы с царской властью. И каждый раз смущала некоторых из соц.-дем. (правого крыла) эта либеральная буржуазия, подчиняла их своим политическим лозунгам, своему политическому руководству. А на деле, под шумок либераль-

ного политиканства, росли и зрели в низах революционные силы. На деле *решение* поставленной на очередь историей политической задачи брали на себя всякий раз пролетарии, увлекая за собой передовое крестьянство, выходя на улицу, отбрасывая все старые законы и все старые рамки, обогащая мир новыми формами, приемами, комбинациями средств прямой революционной борьбы.

Припомните девятое января. Как неожиданно для всех закончили рабочие своим героическим выступлением эпоху «доверия» царя к народу и народа к царю! И как подняли они сразу все движение на новую, высшую ступень! А ведь по внешности 9-ое января было полным поражением. Тысячи перебитых пролетариев, разгул репрессий, темная туча нависшей над Россией треповщины.

Либералы опять заняли авансцену. Они устраивали блестящие съезды, эффектные депутации к царю. Они обеими руками цеплялись за брошенную им подачку: булыгинскую Думу. Они уже начали, как увидевшие жирный кус псы, рычать на революцию, и призывали студентов учиться, а не заниматься политикой. И малодушные среди сторонников революции начали говорить: пойдем в Думу, после «Потемкина» безнадежно вооруженное восстание, после заключения мира невероятно боевое массовое выступление.

Действительное разрешение следующей исторической задачи дано было опять-таки только революционной борьбой пролетариата. Конституционный манифест был вырван всероссийской октябрьской стачкой. Крестьянин и солдат ожили и потянулись к свободе и свету, вслед за рабочим. Наступали краткие недели свобод, а за ними — недели погромов, черносотенного озверения, страшного обострения борьбы, неслыханно-кровавой расправы со всеми, кто взялся за оружие, чтобы отстоять вырванные у царя свободы.

Движение опять-таки поднято на высшую ступень, а по внешности снова полное поражение пролетариата. Бешенство репрессий, переполненные тюрьмы, казни без конца, подлый вой либералов, отрекавшихся от восстания и от революции.

Мещане лояльного либерализма опять занимают авансцену. Они наживают себе капитал из последнего предрассудка крестьян, верящих в царя. Они уверяют, что от

победы демократии на выборах падут стены Иерихона. Они главенствуют в Думе и опять начинают вести себя, как сытые дворовые собаки по отношению к «нищим» — к пролетариату и революционному крестьянству.

Роспуск Думы — конец либеральной гегемонии, сдерживавшей и припихивавшей революцию. Крестьянство больше всех научилось от Думы. Оно приобретает теперь то, что теряет самые вредные иллюзии. И весь народ выходит из опыта с Думой уже не тем, чем был прежде. Предстоящая задача оценена конкретнее и выстрадана неудачей представительства, на которое многие возлагали все надежды. Дума помогла точнее измерить силы, она сконцентрировала некоторые, по крайней мере, элементы народного движения, она показала на деле, как ведут себя разные партии, она обрисовала перед новыми и новыми массами гораздо рельефнее партийную физиономию либеральных буржуа и крестьянства.

Разоблачение кадетов, сплочение трудовиков — таковы одни из самых важных приобретений думского периода. Лживый демократизм кадетов заклеял десятки раз в самой Думе и притом людьми, готовыми верить в кадетов. Серый русский мужик перестал быть политическим сфинксом. Несмотря на все искажения свободы выборов, он сумел проявить себя и содал новый политический тип трудовика. Отныне под революционными манифестами³⁸ наряду с подписью организаций и партий, которые складывались в течение десятилетий, прибавилась подпись Трудовой группы, сложившейся в несколько недель. Революционная демократия обогатилась новой организацией, которая разделяет, конечно, не мало иллюзий, свойственных мелкому производителю, но в данной революции выражает несомненно тенденции беспощадной и массовой борьбы с азиатским самодержавием и крепостническим помещичьим землевладением.

Из опыта с Думой революционные классы выходят более сплоченными, более близкими друг к другу, более способными к общему натиску. Самодержавие получило еще рану. Оно еще более изолировано. Оно еще более беспомощно перед задачами, которые разрешить совсем ему не по силам. А голод и безработица все сильнее. Крестьянские восстания вспыхивают все чаще.

Свеаборг и Кронштадт показали настроение войска. Восстания подавлены, но восстание живет, ширится и растет. К забастовке для поддержки восставших примкнули многие черносотенные элементы. Эту забастовку прекратили передовые рабочие, и они были правы, ибо из забастовки выходила демонстрация, а на деле стояла задача великой и решительной борьбы.

Передовые рабочие правильно учли момент. Они быстро изменили ошибочное стратегическое движение и сберегли силы для грядущей битвы. Они чутьем поняли неизбежность стачки-восстания и вред стачки-демонстрации.

Настроение, по всем признакам, нарастает. Взрыв неминуем и, может быть, недалек. Свеаборгские и кронштадтские казни, расправы с крестьянами, травля трудовиков — членов Думы, все это только разжигает ненависть, сеет решимость и сосредоточенную готовность к битве. Больше смелости, товарищи, больше веры в силу обогащенных новым опытом революционных классов и пролетариата прежде всего, больше самостоятельного почина! Мы стоим, по всем признакам, накануне великой борьбы. Все силы должны быть направлены на то, чтобы сделать ее единовременной, сосредоточенной, полной того же героизма массы, которым ознаменованы все великие этапы великой российской революции. Пусть либералы трусливо кивают на эту грядущую борьбу исключительно для того, чтобы погрозить правительству, пусть эти ограниченные мещане всю силу «ума и чувства» вкладывают в ожидание новых выборов, — пролетариат готовится к борьбе, дружно и бодро идет навстречу буре, рвется в самую гущу битвы. Довольно с нас гегемонии трусливых кадетов, этих «глупых пингвинов», что «робко прячут тело жирное в утесах».

«Пусть сильнее грянет буря!»³⁹

О БОЙКОТЕ

С.-д. левого крыла должны подвергнуть пересмотру вопрос о бойкоте Государственной думы. Следует помнить, что мы всегда ставили этот вопрос конкретно, в зависимости от определенной политической ситуации. Например, еще «Пролетарий» (женевский)⁴⁰ писал, что «смешно было бы зарекаться от использования даже булыгинской Думы»*, — если бы она могла родиться. А по поводу виттевской Думы в брошюре «Государственная Дума и социал-демократия» (Н. Ленина и Ф. Дана) читаем в статье Н. Ленина: «Мы должны непременно заново, деловым образом, обсудить вопрос о тактике... Ситуация теперь не та», что при булыгинской Думе (см. стр. 2 цитир. брошюры)**.

Главное отличие революционной и оппортунистической с.-демократии в вопросе о бойкоте следующее. Оппортунисты ограничиваются применением ко всем случаям общего шаблона, снятого с особого периода германского социализма. Мы должны использовать представительные учреждения, — Дума есть представительное учреждение, — следовательно, бойкот есть анархизм и надо идти в Думу. Таким детски-простым силлогизмом исчерпывались всегда все рассуждения на эту тему наших меньшевиков и в особенности Плеханова. Резолюция меньшевиков о значении представительных учреждений в революционную эпоху (см. № 2 «Партийных Известий»⁴¹) чрезвычайно рельефно показывает этот шаблонный, антиисторичный характер их рассуждений.

* См. Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 159. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 86—87. *Ред.*

Наоборот, революционные с.-д. центр тяжести вопроса переносят именно на внимательный учет конкретной политической ситуации. Нельзя охватить задач русской революционной эпохи посредством списывания с немецких шаблонов, односторонне взятых с последнего времени, при забвении уроков 1847—1848 годов. Нельзя ничего понять в ходе нашей революции, если ограничиваться голеньким противопоставлением «анархического» бойкота с.-д.-кому участию в выборах. Учитесь-ка у истории русской революции, господа!

Эта история *доказала*, что бойкот булыгинской Думы был единственно правильной тактикой, которую всецело подтвердили события. Кто забывает об этом, кто толкует о бойкоте, обходя уроки булыгинской Думы (как обходят их всегда меньшевики), тот выдает себе полное свидетельство о бедности, свидетельство о неумении объяснить и учесть одну из самых важных и самых богатых событиями эпох русской революции. Тактика бойкота по отношению к булыгинской Думе верно учла и настроение революционного пролетариата, и объективные особенности момента, вызывавшие неизбежность близкого общего взрыва.

Перейдем ко *второму* уроку истории, — к виттевской кадетской Думе. Нынче очень распространены покаянные речи с.-д. интеллигентов по поводу бойкота этой Думы. Тот факт, что она собралась и косвенно, несомненно, сослужила службу революции, считают достаточным для покаянного признания ошибочности бойкота виттевской Думы.

Но такой взгляд крайне односторонен и близорук. Он не учитывает целого ряда громадной важности фактов из эпохи до виттевской Думы, во время нее и после ее роспуска. Припомните, что закон о выборах в эту Думу вышел 11 декабря⁴², во время вооруженной борьбы повстанцев за учред. собрание. Припомните, что *даже меньшевистское «Начало»* писало тогда: «Пролетариат так же сметет виттевскую Думу, как он смел булыгинскую». При таких условиях пролетариат не мог и не должен был без борьбы отдать в руки царя созыв первого представительного учреждения в России. Пролетариат должен был бороться против укрепления самодержавия займом под обеспечение виттевской Думы. Пролетариат должен был бороться против конституционных иллюзий, на которых

целиком строилась весной 1906 года избирательная кампания кадетов и выборы в крестьянстве. В то время безмерного преувеличения значения Думы такая борьба была невозможна иначе, как посредством бойкота. До какой степени тесно было связано распространение конституционных иллюзий с участием в избирательной кампании и в выборах весной 1906-го года, это всего рельефнее видно на примере наших меньшевиков. Достаточно припомнить, что в резолюции 4-го (Объед.) съезда РСДРП Дума названа была «властью», вопреки предостережениям большевиков! Другой пример: Плеханов, ничто-же сумняшеся, писал: «Правительство *упадет* в бездну, когда разгонят Думу». Как быстро оправдались сказанные тогда против него слова: надо готовиться к тому, чтобы *уронить* врага в бездну, а не возлагать по-кадетски надежд на самопроизвольное «падение» в бездну*.

Пролетариат должен был всеми силами отстоять свою самостоятельную тактику в нашей революции, именно: вместе с сознательным крестьянством против шаткой и предательской либерально-монархической буржуазии. А эта тактика была невозможна при выборах в виттевскую Думу в силу целого ряда условий, как объективных, так и субъективных, — условий, вызывавших тот факт, что участие в выборах равнялось для громадного большинства местностей России безгласной поддержке кадетов рабочей партией. Пролетариат не мог и не должен был принять половинчатой и искусственно выдуманной, построенной на «хитрости» и растерянности, тактики выборов неизвестно для чего, выборов в Думу не для Думы. А ведь это исторический факт, которого не устранят никакие замалчивания, никакие обходы и увертки меньшевиков, — это факт, что *никто* из них, и даже Плеханов, не мог в печати звать в Думу. Это факт, что в печати не раздалось *ни одного* призыва идти в Думу. Это факт, что сами меньшевики в листке объединенного ЦК РСДРП признали официально бойкот и свели спор *только* к тому, на какой стадии следует бойкотировать. Это факт, что меньшевики сводили центр тяжести не на выборы *в Думу*, а на выборы *сами по себе*, даже на процесс выборов, как на организацию для восстания, для сметения Думы.

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 440. Ред.

А между тем, события доказали как раз невозможность массовой агитации при выборах и известную возможность агитации в массах только из самой Думы.

Кто попытается действительно принять во внимание и учесть все эти сложные факты, как объективного, так и субъективного свойства, тот увидит, что Кавказ был лишь исключением, подтвердившим общее правило. Тот увидит, что покаянные речи и объяснение бойкота «молодым задором» представляют из себя самую узкую, поверхностную и близорукую оценку событий.

Роспуск Думы наглядно показал теперь, что бойкот в условиях весны 1906 г. несомненно был правильной, вообще говоря, тактикой и принес пользу. Только посредством бойкота могла социал-демократия при *тогдашних* обстоятельствах исполнить свой долг: именно дать народу те необходимые предостережения насчет царской конституции, ту необходимую критику кадетского шарлатанства во время выборов, которые (критика и предостережения) блестяще подтвердились роспуском Думы.

Вот маленький пример для иллюстрации сказанного. Г. Водововов, этот полу-кадет, полу-меньшевик, горой стоял весной 1906 г. за выборы и за поддержку кадетов. Вчера (11 августа) он писал в «Товарище»⁴³, что кадеты «пожелали быть партией парламентарной в стране, не имеющей парламента, и партией конституционн^{ой} в стране, не имеющей конституции», что «весь характер партии к.-д. определило коренное противоречие между радикальной программой и совсем нерадикальной тактикой».

Большого торжества большевики не могли и желать, как этого признания левого кадета или правого плехановца.

Но, безусловно отвергая малодушные и близорукие покаянные речи, отвергая глупенькое объяснение бойкота «молодым задором», мы далеки от мысли отрицать *новые* уроки кадетской Думы. Была бы педантством боязнь открыто признать и учесть эти новые уроки. История показала, что когда собирается Дума, то является возможность полезной агитации *изнутри* нее и *около* нее; — что тактика сближения с революционным крестьянством против кадетов возможна *внутри* Думы. Это кажется парадоксом, но такова, несомненно, ирония истории: именно кадетская Дума особенно наглядно показала массам правильность этой «антикадетской», скажем для

краткости, тактики. История беспощадно опровергла все конституционные иллюзии и всю «веру в Думу», но история безусловно доказала известную, хотя и скромную, пользу такого учреждения для революции, как трибуны для агитации, для разоблачения истинного «нутра» политических партий и т. д.

Отсюда вывод. Смешно было бы закрывать глаза на действительность. Теперь как-раз наступило время, когда революционные с.-д. должны перестать быть бойкотистами. Мы не откажемся пойти во вторую Думу, когда (или: «если») она будет созываться. Мы не откажемся использовать эту арену борьбы, отнюдь не преувеличивая ее скромного значения, а, напротив, всецело подчиняя ее, на основании данного уже историей опыта, другого рода борьбе — посредством стачки, восстания и т. п. Мы созовем пятый съезд партии; мы постановим на нем, что в *случае выборов* необходимо избирательное соглашение на несколько недель с трудовиками (без созыва пятого съезда партии дружная избирательная кампания невозможна, а всякие «блоки с другими партиями» безусловно запрещены постановлением четвертого съезда). И мы разобьем тогда кадетов наголову.

Но этот вывод еще далеко, далеко не исчерпывает всей сложности стоящей перед нами задачи. Мы намеренно подчеркивали слова: «в *случае* выборов» и т. п. Мы не знаем еще, будет ли созвана вторая Дума, когда будут выборы, каково избирательное право; какова будет тогдашняя ситуация. Наш вывод поэтому страдает крайней общностью: он нужен, чтобы подвести итог прошлому, чтобы учесть уроки этого прошлого, чтобы дать правильную постановку будущим вопросам тактики, но он совершенно еще не достаточен для разрешения конкретных задач ближайшей тактики.

Только кадеты и всякие «кадетоподобные» могут в настоящее время удовлетворяться таким выводом, создавать себе «лозунг» из воздыханий по новой Думе, доказывать правительству желательность быстрейшего ее созыва и т. п. Только сознательные или бессознательные изменники революции могут направлять *теперь* все усилия к тому, чтобы неизбежный новый подъем настроения и возбуждения вылился именно в выборы, а не в борьбу посредством всеобщей стачки и восстания.

Мы подошли к гвоздю вопроса о современной с.-д. тактике. Совсем не в том теперь суть вопроса, участвовать ли вообще в выборах. Сказать тут: «да» или «нет» значит еще ровно ничего не сказать о коренной задаче момента. Политическое положение в августе 1906 г. по внешности похоже на положение в августе 1905 года, но за это время сделан громадный шаг вперед: гораздо точнее определены и силы сражающихся на той и другой стороне, и формы борьбы, и некоторые сроки, необходимые для того или иного, если можно так выразиться, стратегического движения.

План правительства ясен. Оно совершенно правильно рассчитало, определив срок созыва Думы и не определив, *вопреки закону*, срока выборов. Правительство не хочет связывать себе рук и раскрывать своих карт. Во-1-х, оно выигрывает время для размышления об изменении избирательного закона. Во-2-х, — и это главное — оно держит про запас назначение срока выборов для такого момента, когда сможет быть вполне определен характер нового подъема и его сила. Правительство хочет назначить новые выборы как-раз в такой срок (а может быть и в такой форме, т. е. такие или иные выборы), чтобы *раздробить и обессилить начинающееся восстание*. Правительство рассуждает правильно: если все будет спокойно, мы, может быть, вовсе не созовем Думы или вернемся к законам Булыгина. А если будет сильное движение, можно будет попытаться раздробить его, назначив временно выборы, отменив этими выборами тех или иных трусов или простачков от прямой революционной борьбы.

Либеральные тупицы (см. «Товарищ» и «Речь») до такой степени не понимают положения, что сами лезут в расставляемые правительством сети. Они из кожи лезут, «доказывая» необходимость Думы и *желательность* того, чтобы подъем направился на выборы. Но даже и они не могут отрицать, что вопрос о форме ближайшей борьбы остается еще открытым. Сегодняшняя «Речь» (12 августа) признается: «какое слово скажут крестьяне осенью... пока не известно». «До сентября — октября, пока окончательно выяснится настроение крестьян, трудно давать какие-либо общие предсказания».

Либеральные буржуа верны себе. Активно содействовать выбору форм борьбы, определению настроения

крестьян в ту или иную сторону, они не хотят и не могут. Интересы буржуазии требуют не свержения старой власти, а лишь ослабления ее и назначения либерального министерства.

Интересы пролетариата требуют полного свержения старой, царской власти и созыва полномочного учр. собрания. Его интересы требуют самого активного вмешательства в определение крестьянского настроения, в выбор самых решительных форм борьбы и наилучшего момента для нее. Мы ни в каком случае не должны ни снимать, ни затушевывать лозунга: созыв учр. собрания революционным путем, т. е. через посредство временного революционного правительства. Мы должны все усилия направить на выяснение условий восстания, — соединения его со стачечной борьбой, сплочения и подготовки всех революционных сил для этой цели и т. д. Мы должны с полной решительностью вступить на тот путь, который намечен известными воззваниями «К армии и флоту» и «Ко всему крестьянству», воззваниями, подписанными «блоком» из всех революционных организаций, с Трудовой группой в том числе. Мы должны, наконец, в особенности позаботиться о том, чтобы правительству ни в каком случае не удалось ни раздробить, ни остановить, ни ослабить начинающегося восстания посредством назначения выборов. В этом отношении для нас безусловно обязательны должны быть уроки кадетской Думы, уроки, состоящие в том, что думская кампания есть подчиненная, второстепенная форма борьбы, главной же формой — в силу объективных условий момента — остаются непосредственно революционные движения широких народных масс.

Конечно, такое подчинение думской кампании главной борьбе, отведение этой кампании второго места на случай дурного исхода сражения или оттяжки его до опыта второй Думы, — эту тактику можно назвать, если хотите, старой бойкотистской тактикой. Формально такое название можно защищать, ибо «подготовка к выборам» — помимо всегда обязательной работы агитации и пропаганды — сводится к самым мелким техническим приготовлениям, которые очень редко могут быть выполнены задолго до выборов. Мы не хотим спорить о словах, но по существу дела это — последовательное развитие старой

тактики, но не *повторение* ее, вывод из прежнего бойкота, но не прежний бойкот.

Подведем итоги. Надо учесть опыт кадетской Думы и распространить в массах ее уроки. Надо доказывать «непригодность» Думы, необходимость учр. собрания, шаткость кадетов, требовать высвобождения трудовиков из-под ига кадетов, поддерживать первых против вторых. Надо сразу признать необходимость избирательного соглашения с.-д. и трудовиков на случай новых выборов. Надо всеми силами противодействовать плану правительства раздробить восстание посредством назначения выборов. Поддерживая с еще большей силой свои испытанные революционные лозунги, с.-демократия должна приложить все усилия, чтобы сплотить теснее все революционные элементы и классы, чтобы превратить вероятный в ближайшем будущем подъем во всенародное вооруженное восстание против царского правительства.

Написано 12 (25) августа 1906 г.

*Напечатано 21 августа 1906 г.
в газете «Пролетарий» № 1*

Печатается по тексту газеты

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПРОВАЛ ОПОРТУНИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ

I

Роспуск Думы ознаменовал собою, несомненно, крупный политический кризис в ходе русской революции. Как и всякий кризис, он сразу обострил сильнее всего все политические противоречия, вскрыл подоплеку многих явлений и поставил перед народом во весь рост задачи, которые до тех пор только намечались и не проникали в сознание широких масс. Как и всякий кризис, подводящий итог целому периоду предыдущего развития, роспуск Думы неизбежно должен был сыграть роль пробного камня для испытания и проверки того или иного направления тактических взглядов. С одной стороны, кризис заканчивает известный цикл развития и таким образом дает возможность наглядно определить правильность или неправильность общей оценки этого развития. С другой стороны, кризис заставляет дать немедленные ответы на целый ряд остро надвигающихся вопросов, причем ответы проверяются нередко тут же, так сказать, на месте вследствие быстрого хода событий.

Роспуск Думы оказался именно таким «оселком» для давно уже наметившихся *«двух тактик»* в российской социал-демократии. В течение «думского периода» мы более или менее спокойно спорили об этих двух тактиках, ибо политическое положение не вызывало потребности в немедленных крупных политических шагах. Роспуск Думы сразу вызвал такую потребность. «Две тактики» были поставлены *на испытание* перед лицом политического кризиса. Необходимо присмотреться со всем вниманием к результатам этого испытания.

II

ЦК нашей партии находится в руках с.-д. правого крыла. От них потребовались теперь быстрые, точные и ясные ответы на новые тактические вопросы. Каковы же были эти ответы?

На основной вопрос об общем характере предстоящей борьбы ЦК отвечал, давая такие лозунги: сначала «за возобновление сессии Думы». Кадеты подхватывают этот лозунг (см. «Речь» и интервью с г. Кедриним в газете «Око»). Партия с.-д. отвергает его. Протестуют большевистские члены ЦК, протестует Спб. К-т партии. ЦК бросает первый лозунг и выдвигает второй: «в защиту Думы против камарильи для созыва учред. собрания». Наконец, из этого второго лозунга получается последний, третий: «за Думу, как орган власти, который созвет учред. собрание». Несмотря на протесты с.-д. левого крыла, ЦК при этом лозунге остается. По вопросу о лозунгах — полная растерянность.

Другой вопрос: какую форму борьбы рекомендовать? ЦК склоняется прежде всего к стачке-демонстрации. Он желал бы призвать к немедленной забастовке, но он остается в единственном числе из всех революционных партий и организаций. Он подписывает тогда воззвания, призывающие к *восстанию* (воззвания «К армии и флоту» и «Ко всему российскому крестьянству»). Но, сделав шаг вперед от стачки-демонстрации к стачке-восстанию, он торопится сделать затем шаг назад и зовет к «частичным массовым проявлениям протеста».

Третий коренной вопрос: с кем идти в борьбу? На какие слои буржуазной демократии рассчитывать или с какими по преимуществу считаться? С какими партиями или организациями искать сближения? ЦК подгоняет, как мы видели, и свои лозунги и рекомендуемые им формы борьбы, к уровню «Думы в целом», к уровню кадетов. Но — «гони природу в дверь, она влетит в окно!» ЦК *вынужден* подписывать воззвания и к войску, и к крестьянству, и «Ко всему народу» *исключительно* вкупе с революционными организациями, *исключительно* вкупе с *трудовиками* (из обломков Думы). В своих *рассуждениях* о тактике ЦК, как и все меньшевики, проводит разграничительную линию между кадетами и октябристами:

направо — «они», налево — «мы» («мы» с кадетами). В своих тактических *призывах к делу*, в своих боевых воззваниях ЦК проводит разграничительную линию между кадетами и трудовиками: кадеты отходят либо к правым, либо к нейтральным в борьбе. «Мы» — это, *оказывается*, «мы» с трудовиками без кадетов. «Мы» — это, *оказывается*, информационно-координационное бюро *всех* революционных организаций с «комитетом Трудовой группы» в том числе, но без кадетов. Выходит: «охота смертная, да участь горькая». Охота смертная у правых с.-д. идти вкупе и влюбе с кадетами, да участь горькая, ибо кадеты отходят от боевых соглашений, диктуемых ходом событий.

Такова, в основных чертах, фактическая история меньшевистской тактики после роспуска Думы. История эта запечатлена в немногих документах. Прочтите «письма» (№ 4 и № 5) ЦК к партийным организациям и воззвания «К армии и флоту» (с.-д. фракция и комитет Трудовой группы), «Ко всему российскому крестьянству» (комитет Труд. гр., с.-д. фракция, Всер. крестьянский союз, ЦК партии с.-р., то же с.-д., Всеросс. ж.-д. союз, Всеросс. учительский союз), «Ко всему народу» (те же организации без трех союзов, но плюс польск. социал. партия, — ППС, — и Бунд), прочтите, наконец, протест 3-х членов ЦК (*издан «только для членов партии»*)⁴⁴, и вы ознакомитесь со всем материалом об оппортунистической тактике с.-д. после роспуска Думы.

Каков общий итог этой фактической, внешней истории меньшевистских тактических директив? Этот итог ясен: колебание между либерально-монархической буржуазией и революционной буржуазной демократией. В самом деле, к чему сводятся колебания ЦК в вопросе о лозунге? К колебанию между легально-конституционным путем, как исключительным, единственным путем (лозунг: «возобновление сессии Думы») и между признанием или допущением революционного пути (лозунг: «учредительное собрание», *ослабляемый* непререкаемым присоединением Думы). Это — колебание между кадетами (вполне принимающими и *принявшими* «возобновление сессии») и революционным крестьянством (трудовики, эсеры, крестьянский, железнодорожный и учительский союзы, подписавшие вместе с ЦК РСДРП призыв к восстанию за учредительное

собрание). Наш ЦК или наши оппортунисты с.-д. немного левее кадетов и значительно правее революционной буржуазной демократии. Таков общий итог, вытекающий из колебаний ЦК и по вопросу о лозунгах, и по вопросу о форме борьбы, и по вопросу о группировке политических партий.

В течение всего думского периода тактические разногласия между правым и левым крылом с.-д. все более выяснились и все теснее сводились к основному вопросу о разграничительной линии внутри буржуазной демократии или к вопросу, с кем идти. С.-д. правого крыла все усилия направляли к тому, чтобы идти вместе с кадетами (поддержка Думы в целом, поддержка требования о назначении думского министерства). Революционные социал-демократы направляли, наоборот, свою тактику к тому, чтобы отколоть от кадетов революционную буржуазную демократию, высвободить ее элементы из-под ига кадетов и сплотить их для боевых целей с пролетариатом. Роспуск Думы подвел итог думскому периоду. И что же оказалось? Оказалось, что с.-д. правого крыла *вынуждены* были отойти от кадетов и примкнуть к революционной демократии. Кадетскими остались только известные привески к их лозунгам. Жизнь заставила провести разграничительную черту именно там, где ее указывали всегда с.-д. левого крыла. Непоследовательность лозунгов ЦК и «никчемность» их выступили с особенной рельефностью.

III

Разберем теперь рассуждения ЦК. Всего полнее они изложены в 4-ом «письме к партийным организациям» (письмо это без даты и без номера, но следующее за ним письмо названо пятым). Письмо это является поистине замечательным образцом оппортунистической мысли: его стоило бы переиздавать и переиздавать, включить в хрестоматии, в учебники социализма, для объяснения на наглядном примере, как *не* следует рассуждать социал-демократам о тактике.

Гвоздь письма состоит в разборе вопроса, который сами авторы его формулируют так: «в чьи же руки власть теперь может перейти?».

«Кто является — говорит дальше письмо — или может явиться в настоящий момент *в глазах* 140-миллионного народа естественным преемником государственной власти, вырванной из рук царского правительства?.. Ибо, когда начинается всенародное движение ради завоевания государственной власти, то во всенародном *сознании* должно иметься и *представление* о том, кто станет на место низвергнутого правительства... В каждый данный период движения какой-либо коллектив или организация должен играть во всенародном *сознании* такую роль».

Мы подчеркнули те места выписанных рассуждений, которые сразу показывают их полную несостоятельность. В вопросе о *завоевании* власти ЦК сразу становится на меланхолически-идеалистическую точку зрения, а не на пролетарски-материалистическую. Он выводит «естественное преемничество» власти из наиболее широко распространенного «сознания» («в глазах» народа), — а не из реальных условий борьбы. Он не понимает, что «естественным преемником» будет не тот, кто «играет такую роль» в чем угодно «*сознании*», а тот, кто на деле *низвергнет* правительство, кто на деле *завоюет* власть, кто *победит* в борьбе. Не «всенародное сознание» определит исход борьбы, а *сила* тех или иных *классов* и элементов общества.

Таким образом, ЦК сразу уходит совершенно в сторону от вопроса. Вместо того, чтобы посмотреть на условия действительной борьбы, как она велась и ведется, он начинает спекулировать худшим, идеалистическим, способом насчет «сознания» и «представления» о том, кто «станет на место низвергнутого», а не о том, кто *низвергает* и *низвергнет*. Для получения оппортунистических выводов пришлось выкинуть прочь весь марксистский метод, требующий изучения того, какие интересы каких классов требуют *низвержения* и какие — ограничения власти; какие материальные условия *порождают* революционную борьбу («низвергание») и какие — устраивание конституционного сожительства низвергаемого с низвергающими. Если бы ЦК не забыл азбуки марксизма, то он посмотрел бы хоть на основании опыта русской революции, какие классы *вынуждены* у нас самым ходом движения, часто независимо от их «сознания» (и даже вопреки их монархическому сознанию), *низвергать* учреждения власти,

стоящие у них на пути. История *рабочего и крестьянского* движения в России XX века дала бы нашему ЦК достаточно примеров частичного и местного *низвержения* учреждений власти, чтобы судить об общем и полном низвержении центральной власти по-марксистски, а не по-ледрю-ролленовски.

В дальнейших своих рассуждениях на эту тему ЦК, вставший на ложный путь, запутывается все более и более. Он начинает перебирать возможные и вероятные комбинации состава «временного революционного правительства».

Советы рабочих депутатов, а также исполнительный комитет из Трудовой группы и с.-д. фракции ЦК объявляет непригодными. За первыми не пойдет «стомиллионное крестьянство», за вторым — «значительная часть городского мещанства, средней буржуазии, солдат, казаков, офицерство и т. д. А между тем, было бы самым опасным заблуждением думать, что новая государственная власть может быть установлена против воли всех этих элементов».

Предлагаем читателю сличить первую часть этого рассуждения с проектом большевистской резолюции о временном правительстве (см. № 2 «Партийных Известий», 20 марта 1906 г., перепечатано в «Докладе о съезде» Ленина, стр. 92)*⁴⁵. В этом проекте прямо перечислены те организации, которые *на деле* играли роль органов революционной власти в декабрьском восстании. Кроме Советов рабочих депутатов там названы, разумеется, и солдатские, и железнодорожные, и *крестьянские* комитеты, и выборные сельские органы на Кавказе и в Прибалтийском крае. История, следовательно, уже ответила на тот вопрос, который так беспомощно пытается теперь решить ЦК. История уже показала, какие классы и какие элементы населения *участвуют* в восстании и *создают* органы восстания. Но оппортунисты социал-демократии не только забывают (или не умеют понять) вчерашнее прошлое революции, но и вообще не понимают, что такое временное революционное правительство. Достаточно небольшого размышления, чтобы убедиться в том, что такое правительство есть орган восстания (а не только результат

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 289—350. Ред.

восстания, как ошибочно предполагается в проекте меньшевистской резолюции о временном правительстве — см. тот же «Доклад», стр. 91 или № 2 «Партийных Известий»).

Далее, вторая часть выписанного рассуждения еще более неправильна. Она построена по обычному приему оппортунистов: доказывать большую резонность самого умеренного лозунга тем, что за него можно объединить большее количество социальных элементов. Бернштейн говорил: за социальную революцию только часть пролетариата, а за социальную реформу много социал-либеральных элементов. Не заблуждайтесь, будто можно установить социализм против их воли! Становитесь-ка лучше партией демократически-социалистических реформ! Меньшевики говорят: за действительную победу нашей революции стоит только пролетариат и революционная часть мелкой буржуазии (в первую голову крестьянство). А за либеральное ограничение старой монархии — «и средняя буржуазия и офицерство и т. д.». Давайте-ка, позтому, назовем победой революции сделку либералов с царем, подменим действительно революционное правительство, как орган восстания, Думой!

Нет, товарищи. Политическая арифметика знает приемы немножко более сложные, чем простой подсчет *всех* «оппозиционных» элементов. Прибавка колеблющейся и изменчивой оппозиции к действительно борющимся революционным элементам не всегда дает плюс, чаще — минус. Те, чьи интересы *заставляют* стремиться к ограничению монархии и бояться разгрома монархии, ни в каком случае не способны создать энергичного и смелого органа восстания. Пытаться наперед выкроить будущий орган восстания по мерке этих кадетских элементов — то же самое, что социальную революцию в Европе выкраивать по мерке какого-нибудь Наумана или Клемансо.

И в какое комичное противоречие загнали сами себя наши оппортунисты! Они хотят союза с средней буржуазией и офицерством, одним словом, с элементами кадетской партии. Но тогда надо выкинуть вовсе прочь лозунг учред. собрания, ибо его выкидывают прочь кадеты! Выставлять неприемлемый для средней буржуазии и офицерства лозунг учр. собрания и в то же время пытаться привлечь их посредством навязывания революционнейшей

роли (низвергнуть правительство и сделаться временным революционным правительством!) умеренной и лояльной Думе — вот до какого абсурда дошел наш ЦК.

Впрочем, по части абсурдов письмо ЦК дает еще и не такие перлы. Не угодно ли: «Если бы, действительно, нельзя было в данный момент выдвинуть в качестве носителя власти ничего другого, кроме Советов рабочих депутатов, то можно заранее сказать, что победа над правительством в *борьбе за власть* (а эта победа непременно предполагает участие армии в этой борьбе) привела бы ни к чему иному, как к *военной диктатуре* армии, перешедшей «на сторону народа». (Курсив оригинала.)

Подумайте только над этой чудовищной тирадой: если бы СРД *победили* правительство при помощи части армии, то такой переход «на сторону народа»* армии повел бы к ее *военной диктатуре!* Я не знаю, можно ли даже в кадетской литературе найти образцы подобного запугивания победоносным исходом борьбы? Я не знаю, договаривался ли до таких вещей даже г. Струве, когда он в «Освобождении»⁴⁶ летом 1905 года и в «Полярной Звезде»⁴⁷ весной 1906 года громил идею вооруженного восстания за се, будто бы, близость к идее военной диктатуры? Если бы ЦК справился хотя бы с обычными требованиями солдат и матросов во время их бесчисленных «бунтов» за последний год, то он увидал бы, что эти требования сводятся *на деле* к превращению армии казачьей в армию народную, т. е. милицию. Солдаты и матросы не всегда умели и даже большей частью не умели сформулировать итоги своих требований, но неужели кому-либо может быть неясно, что отбывание военной службы на родине при свободе митингов и т. д. равносильно именно учреждению милиции? Неужели ЦК настолько утратил элементарный революционный инстинкт, что для него неясна разница между дворянской революционностью декабристов, — разночинно-интеллигентской революционностью офицеров народовольцев, — и глубоко демократической, пролетарской и крестьянской, революционностью солдат и матросов в России двадцатого века? Неужели ему никогда не бросалась в глаза коренная разница между революционностью офицеров в эпоху Народной Воли при полном

* Кавычки выражают, должно быть, иронию нашего ЦК!

почти равнодушии солдатской массы и теперешней реакционностью офицерства при могучем движении именно серой военной массы? Думать, что переход современного русского солдата или матроса на сторону Советов рабочих депутатов в борьбе с правительством может быть переходом к военной диктатуре, — видеть средство против этого в привлечении офицерства умеренным лозунгом «за Думу», — для этого надо либо потерять всякое чутье действительности, либо уйти вправо дальше г-на Струве и комп.! Центральный Комитет социал-демократической партии хочет бороться против стремления русского солдата к военной диктатуре посредством привлечения на свою сторону офицерства: вот до чего довели нас оппортунисты.

Свою безнадежную позицию ЦК пробует далее защитить тем, что нечего-де выискивать искусственно новое правительство, ибо Дума или остатки ее налицо, они «могут объявить себя Г. думой», а «народная мысль, не разбирающаяся в тонкостях писаной конституции, считала и считает Госуд. думу органом власти... Если войска, отказавшие в повиновении царскому правительству, могут стать на службу новому, то это новое правительство — Государственная дума».

Великолепно! Если «народная мысль» сочтет завтра другое подзаконное учреждение «властью», то мы должны обязаться распространять подобный предрассудок, — нечего сказать, хорошее понимание задач революционной партии. Поймите же, наконец, дорогие товарищи, что власть надо взять силой, борьбой, восстанием. Готовы кадеты к этому? Если да, тогда милости просим, мы не отвергнем никакого союзника в борьбе. Но если нет, если они боятся даже призвать прямо к восстанию (такой призыв все же является, при искренности призывающих, первым приступом к делу, и приступ этот сделали из всей Думы одни с.-д. и трудовики), — тогда все толки о Думе, как «органе власти, который созовет учр. собрание», одна вредная маниловщина, один обман народа.

В другой атмосфере остатки Думы действовали бы иначе, говорит ЦК, оправдывая кадетов, которые испугались даже выборгского воззвания. — Да, это правда, они действовали бы иначе. Что отсюда следует? То, что мы должны стремиться создать эту *иллю* атмосферу. Как

надо стремиться к этому? Поднимая способные к борьбе элементы до революционного сознания, поднимая их сознание выше кадетского уровня, выше кадетских лозунгов. А вы *оправдываете* кадетскую робость неревoluционной атмосферой и в то же время *принижаете* эту атмосферу посредством замены революционных лозунгов кадетскими!

IV

Практический вывод ЦК из его знаменитого 4-го письма гласит: «Необходимо теперь же повсюду устраивать местные массовые проявления протеста». Цель их определена буквально так: «Создать атмосферу подготовки к близкой решительной борьбе»... Не подготовиться к близкой решительной борьбе, а создать атмосферу подготовки!..

Наша партия с редким единодушием осудила уже и отвергла этот лозунг ЦК. Его кампания, с «частичными массовыми проявлениями протеста» *уже* проиграна. Нелепость демонстрирования, устраивания протестов в обстановке обострившейся до невиданных размеров гражданской войны слишком бьет в лицо. Печатаемые нами в этом номере резолюции целого ряда комитетов и конференций партии⁴⁸ достаточно ясно показывают, какое возмущение встретил этот лозунг ЦК и вся его политика после роспуска Думы. Мы не станем поэтому тратить лишних слов для опровержения уже опровергнутого жизнью и отвергнутого партией лозунга ЦК. Надо отметить только принципиальное значение его ошибки, во-1-х, и во-2-х, неловкие попытки ЦК, в письме № 5, вывернуться из невозможного положения, в которое он попал.

С принципиальной стороны ошибка ЦК сводится к полному непониманию им разницы между стачкой-демонстрацией и стачкой-восстанием. После декабря такое непонимание совершенно непростительно. Его можно объяснить только приняв во внимание, что ЦК ни в одном из писем ничего не говорил прямо о вооруженном восстании. Увернуться от прямой постановки вопроса о восстании — таково давнее и постоянное стремление наших оппортунистов, вытекающее с неизбежностью из всей их позиции. Это стремление объясняет нам, почему ЦК упорно говорит

только о стачке-демонстрации и замалчивает стачку-восстание.

Заняв такую позицию, ЦК не мог не оказаться в хвосте всех остальных революционных партий и организаций. Можно сказать, что *все*, кроме оппортунистов с.-д., сознавали неизбежность постановки вопроса о восстании. На это обратил, как и следовало ожидать, усиленное внимание Всероссийский железнодорожный союз (см. печатаемые нами в этом номере его резолюцию и доклад бюро)⁴⁹. Это выступает с полной ясностью из целого ряда воззваний, подписанных несколькими революционными организациями (названные уже выше воззвания: «К армии и флоту», «Ко всему российскому крестьянству» и др.). Наш ЦК подписывал эти воззвания точно против воли, точно вопреки своему убеждению!

В самом деле: подписать эти воззвания и не заметить разницы между стачкой-демонстрацией и стачкой-восстанием прямо невозможно. Противоречивость поведения ЦК, его флюгерство бьют в глаза: в своих собственных произведениях (письмо № 4 и № 5) он ни слова не говорит о восстании. Выступая же совместно с другими революционными организациями, он подписывает призывы к восстанию! Оставленный наедине сам с собой, наш ЦК неминуемо сбивается на кадетскую позицию, тратит все силы на выдумывания приемлемых, или кажущихся приемлемыми, для кадетов лозунгов. Идя в ряду и в шеренге с другими революционными организациями, ЦК «подтягивается», совестится своих кадетских лозунгов и ведет себя прилично.

Первый раз Российская социал-демократическая рабочая партия попала в такое недостойное положение. Первый раз ее у всех на глазах ведут на поводу. Первый раз она в арьергарде. Наш долг, долг всех членов РСДРП добиться во что бы то ни стало и как можно скорее, чтобы это было в первый и в *последний* раз.

Неуменье понять причины неудачи июльской (последней) забастовки всецело сводится к вышеуказанной принципиальной ошибке. Ошибиться в назначении *момента* борьбы может всякий. Винить *за это* ЦК мы вовсе не намерены. Но ошибиться в *характере* выступления, ошибиться, несмотря на предостережения ряда организаций, с которыми ЦК вместе подписывал призывы к восстанию, — непростительно.

В письме № 5 ЦК занимается какой-то мелкой и мелочной полемикой против эсеров (доказывая лишь, что представитель трудовиков рассуждал последовательнее, чем они, — причем все это и кому это может быть интересно?) и удивляется тому, что именно передовые, сознательные рабочие не откликнулись на призыв к июльской забастовке. Отсталые рабочие откликнулись; а передовые нет! И ЦК негодует, возмущается, почти бранится.

А между тем, если бы ЦК не занял в корне ошибочной позиции, не разошелся *принципиально* с авангардом пролетариата, то он легко бы понял, в чем дело. Отсталые рабочие могли еще не знать разницы между стачкой-демонстрацией и стачкой-восстанием, но передовые знали эту разницу превосходно. Когда была надежда на возможность поддержать Свеаборг и Кронштадт в их *восстании*, — а такой момент был, — тогда объявление всенародной забастовки было естественно. Но, конечно, это была бы (*и это была*) забастовка не с целью протеста против роспуска Думы (как сообразил ЦК), а с целью поддержки восставших, с целью *расширения* восстания.

Но вот через день-два выяснилось окончательно, что восстание в Свеаборге и Кронштадте *на этот раз* подавлено. Стачка для поддержки восставших оказалась неуместной, а стачки-протеста, стачки-демонстрации передовые рабочие все время *не хотели*. Все время они говорили самым ясным и решительным образом (и только наш ЦК ухитрился не знать об этом или не понять этого), что они пойдут на общий, решительный бой, но безусловно не пойдут на стачку для демонстрации.

Таким образом, неудача июльской забастовки вогнала, так сказать, осинового кола в тактику оппортунистов с.-д. Провалилась решительно и окончательно идея стачки-демонстрации. Провалился решительно и окончательно лозунг «частичных массовых проявлений протеста».

Но для того, кто сколько-нибудь знаком с настроением рабочих в крупных центрах России, кто присматривается к тому, что делается теперь в крестьянстве, — для того совершенно ясно, что идея стачки-восстания, лозунг подготовки к восстанию не только не потеряли значения, не только не потускнели, а, напротив, зреют и крепнут повсюду.

V

Подведем итоги нашему краткому разбору меньшевистской тактики в критические дни после роспуска Думы.

Все время в течение думского периода меньшевики проповедывали поддержку Думы в целом, поддержку кадетов (под видом поддержки требования о назначении думского министерства). Большевики усиленно откалывали трудовиков от кадетов и поддерживали идею образования «исполнительного комитета из левых групп Думы».

Чья же тактика подтвердилась теперь после роспуска Думы? Совместно с кадетами удалось выпустить только робкое выборгское воззвание. Кадеты, *как партия*, не поддержали его, не приняли участия ни в партийной агитации за него, ни в продолжении работы *такого* рода. Недостаточность этого воззвания признали тотчас же даже наши меньшевики. За выборгским робким воззванием последовали другие, более определенные и более смелые. За соединением некоторых бывших членов Думы поодиночке последовало соединение «комитетов» *двух* думских групп, которые подписали ряд воззваний и участвовали в ряде революционных совещаний, которые *пошли на военный совет* революции.

Каковы же были эти две группы, которые, как группы, как коллективы, уцелели от разгрома Думы, которые не потерялись от потери под ногами у них «конституционной» почвы?

Это были с.-д. и *трудовики*. «Исполнительный Комитет левых групп», который проповедывали большевики, поддерживая *идею* образования такого комитета, — *существовал*. Трудовая группа *родила* новую *революционную* организацию, имеющую *новые* связи в крестьянстве, а кадеты умерли политически — *точь-в-точь* так, как предсказывали большевики, подчеркивая, что «черви водятся около трупов, а не около живых людей»*.

Боевое соглашение с.-д. с трудовиками, эсерами и т. п. стало *фактом*; документируемым вышеперечисленными листками. Мы потеряли только и, разумеется, потеряли много оттого, что *поздно* взялись за это дело, не обдумав

* См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 238. Ред.

его раньше, не подготовив почвы исподволь, как рекомендовали делать большевики еще в проекте резолюций к Объединительному съезду.

Volentem ducunt fata, nolentem trahunt, — по-русски это значит, примерно: сознательный политик идет впереди событий, несознательного они волокут за собой. Большевики месяцами, если не год уже, настаивали на *неизбежности* боевых соглашений именно с революционной демократией и на важности боевого сближения пролетариата именно с передовым крестьянством. Роспуск Думы *заставил* встать на этот путь, причем меньшевики, как мы уже показали на разборе всех эпизодов цехистской тактики, оказались неготовыми, «влекомыми», против их воли и вопреки их сознанию, «неожиданным» поворотом событий.

Возьмите вопрос о восстании. Меньшевики «отговаривались» от него всеми силами. Они приняли даже на Объединительном съезде резолюцию *против* вооруженного восстания. Они теперь *молчат* о восстании в № 4 и № 5 «писем», которые пишет ЦК сам, без указки других революционных организаций. Но вот, когда он пишет что-либо *вместе* с ними, по их указке, тогда мы читаем прямые и решительные призывы к восстанию. Тогда и лозунги являются революционные. Тогда уже ни слова не говорится не только о возобновлении сессии Думы, но даже и о созыве учр. собрания через Думу. Напротив, тогда мы читаем (воззвание «Ко всему народу»): «*Не безвластная Дума, а полновластное учр. собрание на основе и т. д. голосования, вот та цель, которую должен поставить себе народ. И не царские министры, а власть, опирающаяся на революционный народ, должна созвать это собрание*» (курсив наш). Вот каким энергичным языком говорит наш ЦК, когда он находится в компании мелкобуржуазных революционеров, вроде комитета Трудовой группы и партии польской социалистической!

Возьмите, наконец, вопрос о временном революционном правительстве. Полтора года доказывали наши меньшевики с Плехановым во главе, что участие в нем с.-д. недопустимо вместе с буржуазными революционерами и что выставлять лозунг учреждения временного революционного правительства есть бланкизм, якобинство и все прочие смертные грехи.

И что же? Распустили Думу, и ЦК вынужден поставить вопрос *именно* о временном революционном правительстве, о том, из кого ему быть. Полная неподготовленность к вопросу сказывается сразу: нет даже понимания того, что временное революционное правительство есть *орган восстания*. Временным революционным правительством ЦК предлагает объявить остатки Думы: с.-д., трудовиков и часть кадетов. Но что же это выходит такое, посмотрите-ка, товарищи: *ведь вы предлагаете социалистам участвовать во временном революционном правительстве вместе с буржуазными революционерами!* И вы делаете это, несмотря на то, что с.-д. среди трудовиков и левых кадетов в *ничтожном меньшинстве!* Увы, увы! Доктринерская болтовня о *недопустимости* участия с.-д. вместе с буржуазными революционерами во временном правительстве разлетается прахом от первого прикосновения действительности. Все натяжки, посредством которых пытались оправдать это ложное решение неверными ссылками на Маркса, исчезают, аки дым. Мало того: кроме буржуазных *революционеров* (трудовики, эсеры, п. п. с., часть крестьянского, железнодорожного и учительского союзов) наши «строгие» якобы-марксисты всеми правдами и неправдами тащат в будущее временное правительство и буржуазных *соглашателей* (кадетов)!

Да, трудно себе представить более полный провал оппортунистической тактики, чем пережитый нашим ЦК после роспуска Думы. Пока не поздно, надо вытащить нашу партию из этого болота.

К СОБЫТИЯМ ДНЯ

«Кровавый день» в Варшаве и других городах Польши⁵⁰, покушение на Столыпина, убийство Мина⁵¹, все это возбудило всеобщий интерес к вопросу о «партизанских выступлениях», — мы употребляем то выражение, которое стало обычным в партии и закреплено резолюцией Объединительного съезда.

Редакция намерена в ближайшем будущем поместить одну или несколько статей, подробно и по возможности всесторонне разбирающих этот громадной важности вопрос*. Пока, чтобы не оставлять наших читателей в неизвестности насчет наших взглядов, мы сделаем лишь следующие краткие замечания, которые в дальнейших статьях будут детально развиты и точнее формулированы.

Первое замечание. Крайности нехороши ни в чем, необходимость считаться с настроением широких масс при организации партизанских выступлений не подлежит сомнению ни для кого из социалистов. Поэтому, мы считаем безусловно необходимым принять во внимание взгляд знакомого с условиями работы в Варшаве и с настроением тамошних масс Бунда (солидарного, кажется, и с польскими с.-д.), именно тот взгляд, что ППС «хватила через край». Это вопрос факта,хватила ли она через край, и мы не компетентны решать этот вопрос. Хватать через край никогда не следует, но от отдельных случаев «крайностей» было бы неправильно заключать о негодности известной формы борьбы.

* См. настоящий том, стр. 196—196. Ред.

В общем и целом мы считаем обострение партизанской борьбы в России после роспуска Думы плюсом. Истребительная и беспощадная партизанская борьба с насильниками правительства представляется нам своевременной и целесообразной.

Второе замечание. Безусловно ошибается и глубоко ошибается ЦК нашей партии, заявляя в примечании к 4-му «письму» (к партийным организациям): «само собой разумеется, что так называемые «партизанские» боевые выступления, попрежнему, отвергаются партией».

Это неверно. Мы подчиняемся решениям съезда, но ни в каком случае не подчинимся постановлениям ЦК, нарушающим эти решения. Всякий, кто возьмет на себя труд внимательно прочесть резолюцию Объединительного съезда, озаглавленную: «О партизанских действиях», легко увидит, что наша партия *отвергает* один вид партизанских действий, *признает* другой и *рекомендует* третий.

Она отвергает совершенно экспроприацию частных имуществ. Она *не отвергает* экспроприации казенных средств, но обставляет ее *особо строгими* условиями («в случае образования органов революционной власти в данной местности» и т. д.).

Далее, резолюция съезда *признает* партизанские действия *без* экспроприации имуществ, т. е. *признает «террор»*, признает *партизанские* действия с целью убийства неприятеля. Это признание ясно и недвусмысленно выражено в первых же словах собственно-резолютивной части резолюции:

«Съезд постановляет: 1) признавая *наряду* (курсив везде наш) с подготовкой революционных сил к грядущему восстанию, в основе которой лежит организация рабочих масс, *неизбежность активной борьбы против правительственного террора и насилий черносотенцев, необходимо*... (далее следует запрещение воровства, захвата частных средств и т. д.).

Выписанное нами *решение съезда* совершенно ясно. «*Наряду*» с работой в массах признана *активная борьба* с насильниками, т. е. несомненно убийство их посредством «*партизанских действий*».

Ограничение *этого, второго, вида партизанских действий* (убийство насильников) имеется в резолюции только следующее: «*избегать нарушений личной собственности мир-*

ных граждан, за исключением (слушайте!) тех случаев, когда это является *непроизвольным* результатом борьбы с правительством или, как например при постройке баррикад, вызывается потребностями непосредственной борьбы».

Итак, когда этого требует *непосредственная борьба*, тогда допустимо и нарушение частной собственности, напр., захват экипажей и т. п. для баррикад. Когда *нет* непосредственной борьбы, тогда съезд предписывает *избегать* нарушений личной безопасности «мирных» граждан, но съезд тут же указывает *исключение*: именно «непроизвольное» нарушение личной безопасности, как результат борьбы с правительством, съезд *не ставит в вину* участникам партизанских действий.

Наконец, съезд прямо *рекомендует* партии вид партизанских действий, постановляя без оговорок и ограничений: «оружие и боевые снаряды, принадлежащие правительству, *захватывать* при *всех* представляющихся возможностях».

Например: городские имеют оружие, принадлежащее правительству. «Возможность представляется»...

Третье замечание. Мы советуем всем многочисленным боевым группам нашей партии прекратить свою бездеятельность и предпринять ряд партизанских действий, на точном основании решений съезда, т. е. без всякой экспроприации имущества, с наименьшим «нарушением личной безопасности» мирных граждан и с *наибольшим* нарушением личной безопасности шпионов, *активных* черносотенцев, начальствующих лиц полиции, войска, флота и так далее, и тому подобное. «Оружие» же «и боевые снаряды, принадлежащие правительству, захватывать при *всех* представляющихся возможностях».

О «РАБОЧЕМ СЪЕЗДЕ»

ЗАМЕТКА

Газета «Товарищ» помещает заметку, что т. Аксельрод агитирует за «рабочий съезд». Мы тоже имеем известия, что такая агитация со стороны меньшевиков действительно ведется. Думаем, что партийный долг требует открытого обсуждения подобных вопросов. Или агитация за *открытый* рабочий съезд со стороны самых видных меньшевиков должна вестись *скрытно* от партии? Если у Аксельрода нет возможности напечатать изложение своих взглядов, мы можем предложить ему столбцы своей газеты.

«Пролетарий» № 1,
21 августа 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

УРОКИ МОСКОВСКОГО ВОССТАНИЯ

Книга: «Москва в декабре 1905 г.» (М. 1906) вышла в свет как нельзя более своевременно. Усвоение опыта декабрьского восстания — насущная задача рабочей партии. К сожалению, эта книга — бочка меда с ложкой дегтя: интереснейший, несмотря на его неполноту, материал — и выводы невероятно неряшливые, невероятно пошлые. Об этих выводах мы поговорим особо*, а теперь обратимся к современной политической злобе дня, к урокам московского восстания.

Главной формой декабрьского движения в Москве была мирная забастовка и демонстрации. Громадное большинство рабочей массы активно участвовало только в этих формах борьбы. Но именно декабрьское выступление в Москве показало воочию, что всеобщая стачка, как самостоятельная и главная форма борьбы, изжила себя, что движение с стихийной, неудержимой силой вырывается из этих узких рамок и порождает высшую форму борьбы, восстание.

Все революционные партии, все союзы в Москве, объявляя стачку, сознавали и даже чувствовали неизбежность превращения ее в восстание. Было постановлено 6 декабря Советом рабочих депутатов «стремиться перевести стачку в вооруженное восстание». Но на самом деле все организации были не подготовлены к этому, даже коалиционный Совет боевых дружин⁵² говорил (9-го декабря!) о восстании, как о чем-то отдаленном, и уличная борьба, несомненно, шла через его голову и помимо его

* См. настоящий том, стр. 163—166. Ред.

участия. Организации *отстали* от роста и размаха движения.

Забастовка выростала в восстание, прежде всего, под давлением объективных условий, сложившихся после октября. Правительство нельзя уже было застигнуть врасплох всеобщей стачкой, оно уже организовало готовую к всеобщим действиям контрреволюцию. И общий ход русской революции после октября, и последовательность событий в Москве в декабрьские дни поразительно подтвердили одно из глубоких положений Маркса: революция идет вперед тем, что создает силовую и крепкую контрреволюцию, т. е. заставляет врага прибегать к все более крайним средствам защиты и вырабатывает таким образом все более могучие средства нападения⁵³.

7-е и 8-е декабря: мирная забастовка, мирные демонстрации масс. 8-го вечером: осада Аквариума. 9-го днем: избивание толпы драгунами на Страстной площади. Вечером — разгром дома Фидлера. Настроение поднимается. Уличная, неорганизованная толпа совершенно стихийно и неуверенно строит первые баррикады.

10-е: начало артиллерийской стрельбы по баррикадам и по улицам в толпу. Постройка баррикад становится уверенной и не единичной уже, а безусловно массовой. Все население на улицах; весь город в главных центрах покрывается сетью баррикад. Развертывается в течение нескольких дней упорная партизанская борьба дружинников с войсками, борьба, истомившая войска и заставившая Дубасова молить о подкреплениях. Лишь к 15-му декабря перевес правительственных сил стал полным, и 17-го семеновцы разгромили Пресню, последний оплот восстания.

От стачки и демонстраций к единичным баррикадам. От единичных баррикад к массовой постройке баррикад и к уличной борьбе с войском. Через голову организаций массовая пролетарская борьба перешла от стачки к восстанию. В этом величайшее историческое приобретение русской революции, достигнутое декабрем 1905 года, — приобретение, купленное, как и все предыдущие, ценой величайших жертв. Движение поднято от всеобщей политической стачки на высшую ступень. Оно заставило реакцию дойти *до конца* в сопротивлении и тем приблизило в гигантской степени тот момент, когда революция тоже

дойдет до конца в применении средств наступления. Реакции *некуда* идти дальше артиллерийского расстрела баррикад, домов и уличной толпы. Революции есть еще куда идти дальше московских дружинников, очень и очень есть куда идти и вширь и вглубь. И революция ушла далеко вперед с декабря. Основа революционного кризиса стала неизмеримо более широкой, — левизне должно быть отточено теперь острее.

Перемену в объективных условиях борьбы, требовавшую перехода от стачки к восстанию, пролетариат почувствовал раньше, чем его руководители. Практика, как и всегда, шла впереди теории. Мирная стачка и демонстрации сразу перестали удовлетворять рабочих, спрашивавших: что же дальше? — требовавших более активных действий. Директива строить баррикады пришла в районы с громадным опозданием, когда в центре уже строили баррикады. Рабочие массами взялись за дело, но *не удовлетворились и им*, спрашивали: что же дальше? — требовали активных действий. Мы, руководители с.-д. пролетариата, оказались в декабре похожими на того полководца, который так нелепо расположил свои полки, что большая часть его войска не участвовала активно в сражении. Рабочие массы искали и не находили директив относительно активных массовых действий.

Таким образом, нет ничего более близорукого, как подхваченный всеми оппортунистами взгляд Плеханова, что нечего было начинать несвоевременную стачку, что «не нужно было братья за оружие». Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно братья за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы. И теперь мы должны, наконец, открыто и во всеуслышание признать недостаточность политических забастовок, должны агитировать в самых широких массах за вооруженное восстание, не прикрывая этого вопроса никакими «предварительными ступенями», не набрасывая никакого флера. Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны, как непосредственной задачи грядущего выступления, значит, обманывать и себя, и народ.

Таков первый урок декабрьских событий. Другой урок касается характера восстания, способа ведения его,

условий перехода войск на сторону народа. У нас в правом крыле партии сильно распространен крайне односторонний взгляд на этот переход. Нельзя, дескать, бороться против современного войска, нужно, чтобы войско стало революционно. Разумеется, если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе. Разумеется, работа в войске необходима. Но нельзя представлять себе этот переход войска в виде какого-то простого, единичного акта, являющегося результатом убеждения с одной стороны и сознания с другой. Московское восстание наглядно показывает нам шаблонность и мертвенность такого взгляда. На деле неизбежное, при всяком истинно-народном движении, колебание войска приводит при обострении революционной борьбы к настоящей *борьбе за войско*. Московское восстание показывает нам именно самую отчаянную, самую бешеную борьбу реакции и революции за войско. Дубасов сам заявил, что только 5 тысяч московского войска из 15 надежны. Правительство удерживало колеблющихся самыми разнообразными, самыми отчаянными мерами: их убеждали, им льстили, их подкупали, раздавая часы, деньги и т. п., их спаивали водкой, их обманывали, их запугивали, их запирали в казармы, их обезоруживали, от них выхватывали предательством и насилием солдат, предполагаемых наиболее ненадежными. И надо иметь мужество прямо и открыто признать, что мы оказались в этом отношении позади правительства. Мы не сумели использовать имевшихся у нас сил для такой же активной, смелой, предприимчивой и наступательной борьбы за колеблющееся войско, которую повело и провело правительство. Мы готовили и будем еще упорнее готовить идейную «обработку» войска. Но мы окажемся жалкими педантами, если забудем, что в момент восстания нужна также и физическая борьба за войско.

Московский пролетариат дал нам в декабрьские дни великолепные уроки идейной «обработки» войска, — напр., 8-го декабря на Страстной площади, когда толпа окружила казаков, смешалась с ними, браталась с ними и побудила уехать назад. Или 10-го на Пресне, когда две девушки-работницы, несшие красное знамя в 10 000-ной толпе, бросились навстречу казакам с криками: «убейте нас! живыми мы знамя не отдадим!». И казаки смутились

и ускакали при криках толпы: «да здравствуют казаки!». Эти образцы отваги и геройства должны навсегда быть запечатлены в сознании пролетариата.

Но вот примеры нашей отсталости от Дубасова. 9-го декабря по Б. Серпуховской улице идут солдаты с марсельезой присоединяться к восставшим. Рабочие шлют делегатов к ним. Малахов, сломя голову, скачет сам к ним. Рабочие опоздали, Малахов приехал во-время. Он сказал горячую речь, он поколебал солдат, он окружил их драгунами, отвел в казармы и запер там. Малахов успел приехать, а мы не успели, хотя в два дня по нашему призыву встало 150 000 человек, которые могли и должны были организовать патрулирование улиц. Малахов окружил солдат драгунами, а мы не окружили Малаховых бомбистами. Мы могли и должны были сделать это, и с.-д. печать давно уже (старая «Искра») указывала на то, что беспощадное истребление гражданских и военных начальников есть наш долг во время восстания. То, что произошло на Б. Серпуховской улице, повторилось, видимо, в главных чертах и перед Несвижскими казармами, и перед Крутицкими, и при попытках пролетариата «снять» екатеринославцев, и при посылке делегатов к саперам в Александров, и при возвращении назад отправленной было в Москву ростовской артиллерии, и при обезоружении саперов в Коломне и так далее. В момент восстания мы были не на высоте задачи в борьбе за колеблющееся войско.

Декабрь подтвердил наглядно еще одно глубокое и забытое оппортунистами положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства — отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное *наступление*⁵⁴. Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало. Мы должны наверстать теперь упущенное нами со всей энергией. Недостаточно группировок по отношению к политическим лозунгам, необходима еще группировка по отношению к вооруженному восстанию. Кто против него, кто не готовится к нему, — того надо беспощадно выкидывать вон из числа сторонников революции, выкидывать к противникам ее, предателям или трусам, ибо близится день, когда сила событий, когда обстановка борьбы заставит

нас разделять врагов и друзей по этому признаку. Не пассивность должны проповедывать мы, не простое «ожидание» того, когда «перейдет» войско, — нет, мы должны звонить во все колокола о необходимости смелого наступления и нападения с оружием в руках, о необходимости истребления при этом начальствующих лиц и самой энергичной борьбы за колеблющееся войско.

Третий великий урок, который дала нам Москва, касается тактики и организации сил для восстания. Военная тактика зависит от уровня военной техники, — эту истину разжевал и в рот положил марксистам Энгельс⁵⁵. Военная техника теперь не та, что была в половине XIX в. Против артиллерии действовать толпой и защищать с револьверами баррикады было бы глупостью. И Каутский прав был, когда писал, что пора пересмотреть после Москвы выводы Энгельса, что Москва выдвинула *«новую баррикадную тактику»*⁵⁶. Эта тактика была тактикой партизанской войны. Организацией, которая обусловлена такой тактикой, были подвижные и чрезвычайно мелкие отряды: десятки, тройки, даже двойки. У нас часто можно встретить теперь социал-демократов, которые хихикают, когда речь заходит о пятках и тройках. Но хихиканье есть только дешевенький способ закрыть глаза на *новый* вопрос о тактике и организации, вызываемой уличной борьбой при современной военной технике. Вчитайтесь в рассказ о московском восстании, господа, и вы поймете, какую связь имеют «пятки» с вопросом о «новой баррикадной тактике».

Москва выдвинула ее, но далеко не развила, далеко не развернула в сколько-нибудь широких, действительно массовых размерах. Дружинников было мало, рабочая масса не получила лозунга смелых нападений и не применила его, характер партизанских отрядов был слишком однообразен, их оружие и их приемы недостаточны; их умение руководить толпой почти не развито. Мы должны наверстать все это и мы наверстаем, учась из опыта Москвы, распространяя этот опыт в массах, вызывая творчество самих масс в деле дальнейшего развития этого опыта. И та партизанская война, тот массовый террор, который идет в России повсюду почти непрерывно после декабря, несомненно помогут научить массы правильной тактике в момент восстания. Социал-демократия должна признать

и принять в свою тактику этот массовый террор, разумеется, организовав и контролируя его, подчиняя интересам и условиям рабочего движения и обще-революционной борьбы, устраивая и отсекая беспощадно то «босаяческое» извращение этой партизанской войны, с которым так великолепно и так беспощадно расправлялись москвичи в дни восстания и латыши в дни пресловутых латышских республик.

Военная техника в самое последнее время делает еще новые шаги вперед. Японская война выдвинула ручную гранату. Оружейная фабрика выпустила на рынок автоматическое ружье. И та и другое начинают уже с успехом применяться в русской революции, но далеко в недостаточных размерах. Мы можем и должны воспользоваться усовершенствованием техники, научить рабочие отряды готовить массами бомбы, помочь им и нашим боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами и автоматическими ружьями. При участии рабочей массы в городском восстании, при массовом нападении на врага, при решительной умелой борьбе за войско, которое еще более колеблется после Думы, после Свеаборга и Кронштадта, при обеспеченном участии деревни в общей борьбе — победа будет за нами в следующем всероссийском вооруженном восстании!

Будем же шире развертывать нашу работу и смелее ставить свои задачи, усваивая уроки великих дней российской революции. В основе нашей работы лежит верный учет интересов классов и потребностей общенародного развития в данный момент. Вокруг лозунга: свержение царской власти и созыв революционным правительством учредительного собрания мы группируем и будем группировать все большую часть пролетариата, крестьянства и войска. Развитие сознания масс остается, как и всегда, базой и главным содержанием всей нашей работы. Но не забудем, что к этой общей, постоянной и основной задаче моменты, подобные переживаемому Россией, прибавляют особые, специальные задачи. Не будем превращаться в педантов и филистеров, не будем отговариваться от этих особых задач момента, от этих специальных задач данных форм борьбы посредством бессодержательных ссылок на наши всегдашние и неизменные при всех условиях, во все времена, обязанности.

Будем помнить, что близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание. Оно должно быть, по возможности, единовременно. Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу. Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу. Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс, беспощадное истребление врага — станет их задачей; организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войска будут втянуты в активную борьбу. Партия сознательного пролетариата должна выполнить свой долг в этой великой борьбе.

*«Пролетарий» № 2,
29 августа 1906 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»*

ТАКТИЧЕСКИЕ КОЛЕБАНИЯ

Мы получили № 6 плехановского «Дневника» — двенадцать страничек, напечатанных в Женеве. Приятно поразило нас то, что русская либерально-буржуазная печать воздержалась на этот раз, в виде исключения, от расхваливания Плеханова. Должно быть, разгон Думы разогнал оптимизм т. Плеханова — думали мы, читая в либеральных газетах известия о выходе № 6 «Дневника», без обычных сочувственных цитат.

И действительно, т. Плеханов в № 6 «Дневника» покидает ту позицию крайнего правого крыла меньшевизма, которую он занимал (вместе с т. Рахметовым) во время Думы. Он остался совершенно чужд стремлению меньшевиков *ослабить* революционный лозунг: «за учр. собрание» посредством добавки: «через Думу» и «за Думу» и т. п. Плеханов справедливо доказывает, что лозунгом может быть только созыв учр. собрания, и справедливо критикует выборгский манифест за отсутствие этого лозунга. Плеханов остался также совершенно чужд меньшевистскому стремлению непременно связать «выступление» с Думой, хотя бы частичное выступление вместо общего, хотя бы немедленное и не подготовленное вместо более позднего и более назревшего. Плеханов, наконец, не только не приспособляет на этот раз лозунги социал-демократии к кадетским, не только не отождествляет этих последних с буржуазной демократией вообще, а, напротив, критикует прямо и открыто половинчатость кадетов (то-то кадетские газеты и замолчали о Плеханове!), противопоставляет им самым решительным образом «трудовое» крестьянство.

Все это нас в высокой степени радует. Но печально то, что целый ряд тактических недоговоренностей и тактических колебаний у Плеханова остается.

Плеханов справедливо упрекает авторов выборгского воззвания за то, что они «ограничились» призывом к отказу платить подати и давать рекрутов, что они стремятся сохранить почву законности. Надо было, говорит он, сказать: «Готовьтесь, ибо время близится». Надо было выставить лозунг учр. собрания.

Но отказ платить подати и проч. есть *средство* борьбы. Созыв учр. собрания — ближайшая *цель* борьбы. Упрекая кадетов за стремление ограничиться одним только средством, следовало *указать* другие средства и разобрать условия их применения, значение их и т. д. Обходить этот вопрос, как делает Плеханов посредством замечания «довлеет дневи злоба его», неправильно. Социал-демократии обязаана руководить пролетариатом не только в деле постановки правильных лозунгов, но и в деле выбора наиболее решительных и наиболее целесообразных *средств* борьбы. Опыт русской революции дал уже нам не мало материала насчет того, как вместе с расширением задач борьбы, вместе с ростом массы, участвующей в борьбе, изменяются и средства, способы, методы борьбы, становясь более решительными, более наступательными. Именно в такой момент, как теперь, мы не замалчивать должны, а особенно внимательно изучать вопрос о различных средствах борьбы, как-то: о политической забастовке, о вооруженном восстании и т. д. Это — злоба дня, и ответа на эти вопросы справедливо требуют от нас передовые рабочие.

Разбирая вопрос о том, в каком отношении находятся интересы разных классов к требованию учр. собрания, Плеханов проводит различие между *тремя* классами.

- (1) Относительно пролетариата он констатирует полное совпадение его классовых интересов с общенародными.
- (2) Относительно «трудового крестьянства» он отмечает возможность того, что его интересы разойдутся при известных условиях с общенародными, но подчеркивает, что «его классовый интерес» требует созыва учр. собрания.
- (3) Относительно «тех слоев, которые представлены партией к.-д.», Плеханов признает, что их «классовые интересы» заставят их отнестись с недоверием к созыву учр. собра-

ния, что это докажет их «примирение» с действиями гг. Столыпиных, их боязнь потерять помещичьи земли без всякого вознаграждения и т. д. И Плеханов заявляет, что «не хочет пускаться в предсказания» насчет того, классовый ли интерес возьмет верх у кадетов над общенародным или наоборот.

Предсказывают будущее, а отказ кадетов от лозунга учр. собрания и от революционной борьбы за него есть настоящее. Замалчивать это не только бесполезно, но вредно. А если не замалчивать его, то, очевидно, приходится признать: «Пролетариат *вместе* с сознательным трудовым крестьянством *против* ненадежных и шатких кадетов». Плеханов вплотную подошел к этой тактической директиве, неизбежно вытекающей из его теперешней постановки вопроса.

Он пишет: «Все те партии, которые участвуют в этом движении (борьбе за учр. собрание), должны были бы немедленно столкнуться между собою для взаимной помощи в этом деле». Правильно! Какие же это партии? Те, которые стоят *левее* кадетов и которые должны быть названы партиями *революционной буржуазной и мелкобуржуазной демократии* (ибо лозунг учр. собрания есть *революционный* лозунг в отличие от оппозиционного и *«лояльного»* лозунга кадетов: «поскорее новую Думу»). И так, *боевое соглашение партии пролетариата с партиями революционной демократии.*

Это именно то, на чем мы всегда настаивали. Остается только пожелать, чтобы Плеханов последовательно проводил отныне эту точку зрения. Чтобы провести ее *последовательно*, придется поставить *условием* такого боевого соглашения не только признание *революционно-демократического лозунга* (учр. собрания), но и признание того революционного средства борьбы, до которого уже доросло наше движение и которое оно неминуемо должно будет применить в борьбе за учр. собрание, т. е. признание *всенародного восстания*. Далее, чтобы действительно разъяснить лозунг учр. собрания, а не только повторять его, придется поставить вопрос и о *временном революционном правительстве*. Не поставив этого вопроса, Плеханов не разграничит правильно интересов «трудового» крестьянства от классовых интересов «тех слоев, которые представлены кадетской партией». Не поставив этого вопроса,

Плеханов оставит зияющий пробел в нашей пропаганде и агитации, ибо всякого агитатора спросят: кто же должен, по мнению рабочей партии, созвать учр. собрание?

Вопрос о восстании, как и вопрос о способах борьбы вообще, Плеханов, как мы уже заметили, совсем неосновательно обходит. Он пишет: «В настоящую минуту восстание могло бы быть только вспышкой народного негодования, только бунтом, который без труда задавили бы власти; но нам не нужны бунты, вспышки; нам нужна победоносная революция».

Это все равно, как если бы Ноги в августе 1905 г. сказал: «Нам нужны *не* атаки на Порт-Артур, а взятие Порт-Артура». Можно противопоставлять несвоевременные атаки своевременным, неподготовленные подготовленным, но нельзя противопоставлять атаки вообще «взятию» крепости. Это ошибка. Это значит обходить вопрос о способах взятия крепости. И именно эту ошибку делает товарищ Плеханов.

Он либо не договаривает, либо вопрос ему самому неясен.

Отличие стачки-демонстрации от стачки-восстания ясно. Отличие «частичных массовых проявлений протеста» от общего и всероссийского выступления ясно. Отличие частичных и местных восстаний от общего, всероссийского, *всеми* революционными партиями и элементами поддерживаемого, восстания тоже ясно. Если вы назовете демонстрации, частичные протесты, частичные восстания «вспышками», то ваша мысль будет тоже ясна, и ваш протест против «вспышкопускательства» будет вполне справедлив.

Но сказать: «нам нужны *не* вспышки, а победоносная революция» значит ничего не сказать. Хуже того: это значит придать пустышке вид многозначительности. Это значит *одурманить* читателя звоном эффектной, но пустой фразы. Очень трудно найти двух, не сошедших с ума, революционеров, которые бы *не сошлись* на том, что нам нужны «не вспышки, а победоносная революция». Но в то же время не очень легко найти двух, вполне здравомыслящих революционеров, которые бы *сошлись* на том, какое именно средство борьбы в какой именно момент будет не «вспышкой», а верным *шагом* к победоносной революции. Повторяя с эффектным видом то, в чем никто не сомневается, и обходя то, в чем состоит настоящая трудность вопроса, Плеханов не очень-то двигается вперед.

В заключение нельзя не отметить, что Плеханов, разумеется, старается походя «щипнуть» большевиков: и бланкисты-то они, ибо бойкотировали Думу, и «легкомысленны», ибо будто бы не знали (до поучения т. Плеханова в № 6 «Дневника») о необходимости усиленной работы в войсках. На эти щипки достаточно указать, — отвечать на них не стоит. Если т. Плеханов думает, что он *теперешней* своей тактической позицией усиливает меньшевиков в нашей партии и ослабляет большевиков, то мы ничего не имеем против того, чтобы оставить его в этом приятном заблуждении.

«Пролетарий» № 2,
29 августа 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА И ГРЯДУЩАЯ БОРЬБА

Одна из юмористических газет, издаваемых немецкими социал-демократами, поместила года полтора тому назад карикатуру на Николая II. Царь изображен был в военной форме, с смеющимся лицом. Он дразнил ломтем хлеба лохматого мужика, то подсовывая ему этот ломоть чуть не в рот, то отнимая его назад. Лицо лохматого мужика то озарялось улыбкой довольства, то озлобленно хмурилось, когда ломоть хлеба, чуть-чуть не доставшийся ему, отнимали назад. На этом ломте была надпись: «конституция». А последняя «сцена» изображала мужика, который напряг все силы, чтобы откусить кусочек хлеба, и — откусил голову у Николая Романова.

Карикатура меткая. Самодержавие, действительно, вот уже несколько лет «дразнит» русский народ конституцией, вот-вот дадут эту конституцию «почти совсем» и затем сразу водворяют весь старый произвол, все полицейские бесчинства и беззакония в сугубо горшечном виде. Давно ли имели мы чуть ли не самый демократический «парламент» в мире? Давно ли вся печать обсуждала вопрос о кадетском министерстве, как о самой близкой и реальной возможности? Трудно поверить, что это было всего два-три месяца тому назад. Парочка указов, манифестов, распоряжений, — и старое самодержавие царит, кучка осужденных всеми, опозоренных и публично оплеванных казнокрадов, палачей и погромщиков снова издевается во-всю над народом, снова громит, грабит, избивает, затыкает рот и отравляет воздух нестерпимым крепостническим зловонием.

С точки зрения развития всенародной революционной борьбы эта быстрая смена коротких «дней свободы» долгими месяцами бешеной реакции объясняется тем равновесием сил, которое установилось между борющимися с осени прошлого года. Самодержавие *уже не* в силах более управлять народом, народ *еще не* в силах действительно свергнуть с себя правительство погромщиков. Обе воюющие стороны стоят друг против друга подобно двум враждебным армиям, то временно отдыхая от борьбы и собираясь с силами, то бросаясь в новый бой с ненавистным врагом.

Публицисты кадетской и нововременской печати сходятся, в сущности, между собой в *морализирующей* оценке этих колебаний. И те и другие осуждают, оплакивают колебания, нерешительность, шатания правительства, призывая его к «твердости» — одни к твердости репрессий, другие к твердости проведения в жизнь обещанной конституции. И тем и другим чуждо понимание классовой борьбы, изменяющей действительное отношение общественных сил.

А в ходе развития этой борьбы неизбежно возрастание сознательности и сплоченности в рядах революции и в рядах реакции, неизбежен переход к все более острым и беспощадным формам борьбы. Быстрые переходы от «дней свободы» к «месяцам расстрелов» как нельзя более приспособлены к тому, чтобы уменьшить число пассивных и равнодушных, чтобы втягивать в борьбу новые и новые слои и элементы, развивать сознание масс, показывая им особенно рельефно то одну, то другую сторону самодержавия на примере разных всероссийских экспериментов. Чем быстрее и резче эти переходы, тем скорее дело сведется к тому последнему итогу, который определяется неизбежно перевесом общественных сил на стороне свободы.

И сознательные рабочие могут поэтому вполне спокойно смотреть на ошеломляюще-быстрый «прогресс» самодержавия в деле применения репрессий. Продолжайте в том же роде, господа Романовы, Треповы, Игнатьевы и Столыпины! Чем усерднее вы будете идти по этому пути, тем скорее вы исчерпаете до конца свои последние резервы. Вы грозите военной диктатурой, военным положением по всей России? Но от такого военного положения, безусловно, выиграет всего больше революция. Военная диктатура и военное положение заставят мобилизовать

новые войсковые массы, а между тем уже теперь повторные мобилизации самых «надежных» войск, казачьих, привели к сильному росту брожения в разоренных казачьих станицах, усилили «ненадежность» этого войска. Военное положение стоит денег, а финансы самодержавия и теперь уже в отчаянном положении. Военное положение ведет к усилению агитации среди солдат и отучает население от страха перед самыми «страшными» формами репрессий; Польша и Прибалтийский край красноречиво свидетельствуют об этом.

Мы сказали, что реакция «грозит» военной диктатурой. Это, собственно говоря, неверно, ибо теперь, после введения военно-полевых судов во всех губерниях с «окраиной», т. е. в 82 из 87 губерний империи, смешно говорить о военной диктатуре, как о будущем. Это уже настоящее, и перемена названия, употребление более «страшного» слова («диктатура», вместо «чрезвычайная охрана»), назначение одного диктатора ровнехонько ничего *не могут* уже прибавить к массовым арестам, к ссылкам без суда, к карательным экспедициям, к обыскам на улице, к расстрелу по приговору офицеров. В России уже теперь царят военно-полицейская диктатура. Репрессии уже теперь дошли до того, что революционеры, привыкшие к такому «обращению» со времен Плеве, страдают от этих репрессий непропорционально мало, а вся тяжесть обрушивается на «мирное» население, которое гг. Столыпины «агитируют» с достойным всякого одобрения успехом.

Репрессии зимние следовали за действительно революционным восстанием, которому не сочувствовала либерально-монархическая буржуазия, и тем не менее эти репрессии подготовили сплошь оппозиционную Думу, из которой всего больше пользы извлекли революционные элементы. Репрессии осенние следуют за полосой легального «конституционализма». Не может быть, чтобы они подготовили *только* более левый состав Думы.

Шайка погромщиков чувствует бессилие репрессий и мечется в поисках за поддержкой. С одной стороны, попытки сговориться с октябристами не удались. С другой стороны, Победоносцев и К^о готовят полную отмену всяческой «конституции». С одной стороны, открываются университеты, и продажная печать вопит о необходимости твердого либерализма. С другой стороны, запрещается

съезд даже кадетской партии (и помогают же этим кадетам Столыпины!), и печать преследуется так, как не преследовал ее Дурново. С одной стороны, военно-полевые суды. С другой стороны, широко задуманная попытка сделки с деревенской буржуазией⁵⁷.

Правительство чувствует, что его единственное спасенье — укрепить деревенскую буржуазию из мужиков, внутри общины, чтобы опереться на них против крестьянской массы. Но к той цели, к которой Гучковы пошли бы умно и осторожно, к которой кадеты подкрадываются тонко и ловко, полицейские держиморды идут так грубо, глупо и неуклюже, что провал всей их «кампании» представляется всего более вероятным. Элементы крестьянской буржуазии малочисленны, но очень сильны экономически в деревне. Выкуп помещичьих и других земель по типу кадетской аграрной реформы помазал бы по губам *все* крестьянство и великолепно достиг бы той цели, к которой по-медвежьи «ломит» самодержавие, именно: укрепил бы страшно крестьянскую буржуазию, сделав из нее оплот «порядка».

Но Романовы, Треповы, Игнатьевы и Столыпины слишком глупы, чтобы понять это. Они ответили в Думе грубым отказом крестьянам насчет земли, а теперь пускают *в продажу* через чиновников удельные и казенные земли. Выйдет ли из этого действительный переход на сторону *теперешнего* правительства влиятельных слоев сельской буржуазии, это большой вопрос, ибо чиновничья свора будет так же тянуть дело, грабить и брать взятки, как делали всегда Романовы и их шайка. А что крестьянская масса будет еще более «подожжена» известием о выкупе удельных и казенных земель, это несомненно. Продажа их будет означать в массе случаев *повышение* платы с крестьян, вследствие превращения арендной платы в выкупные платежи. А повышение платы с крестьян за землю, это — самое лучшее, что могло придумать правительство для облегчения нашей агитации против него. Это — превосходное средство еще более озлобить крестьян и привлечь их на сторону *нашего* лозунга: полный отказ от *всяких* платежей за землю, которая должна *вся* отойти к крестьянам при победе революции.

Правительство обставило так неумно свои зайгрыванья с крестьянской буржуазией отчасти по свойственной

всякому полицейскому правительству глупости, отчасти вследствие крайней нужды в деньгах. Финансы из рук вон плохи. Грозит крах. За границей не дают денег. Внутренний заем не идет. Приходится насильно и тайком помещать его в капитал сберегательных касс, — тайком, ибо вкладчики в сберегательные кассы всего менее склонны бы были покупать теперь государственную ренту. Неизбежность краха золотой валюты и перехода паки и паки к безграничному выпуску бумажных денег начинают уже чутя лакеи самодержавия.

Продолжайте в том же духе, господа Столыпины! Вы хорошо работаете на нас! Вы возбуждаете население лучше, чем мы могли бы это сделать. Вы довели репрессии до конца и этим наглядно показали всем необходимость довести до конца и боевое революционное выступление.

«Пролетарий» № 3,
8 сентября 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

РУКИ ПРОЧЬ!

Книга: «Москва в декабре 1905 г.» посвящена событиям, которые имеют громадное значение в истории российской революции. Положительные выводы, вытекающие из московского восстания, мы изложили, в главных чертах, в предыдущем номере*. В настоящей заметке мы остановимся на тех сторонах этой важной, но плохо выполненной работы, которые особенно близко касаются с.-д. москвичей.

«Составители» книги сообщают в предисловии, что они пользовались материалами от с.-д. организаций, которые однако, «как таковые, не имеют никакого отношения к этой работе». Само собою понятно, что такое доставление материалов с.-д. организациями лицам, ответственными перед этими организациями, до последней степени ненормальное явление. Организации рабочей партии попали теперь, несомненно, в неловкое положение вследствие неряшливой обработки их материалов и «украшения» их букетом пошлостей. Все организации московских с.-д. и в первую голову, конечно, руководящая из них, МК, должны, по нашему мнению, рассмотреть это дело и принять меры к тому, чтобы указанная ненормальность не могла повториться.

Вот один из многих образчиков того, как анонимные составители книги «обрабатывают» данный им с.-д. организациями материал. Речь идет о роли революционных организаций в московских событиях и в частности о воззвании Боевой организации при МК РСДРП, напечатанном 11-го декабря в № 5 «Известий Совета Рабочих Депутатов»⁵⁸. Составители, не дав никакого цельного изложения

* См. настоящий том, стр. 145—152. Ред.

содержания и характера этих «Известий», упражняют свое глубокомыслие посредством такой критики. Они цитируют № 5: «Бой разгорается во-всю. На улицах Москвы идет в течение многих часов ряд кровавых сражений восставшего народа с царскими войсками». Составители «критикуют»: «Мы знаем, что на улицах Москвы были лишь стычки войск с немногочисленными отрядами дружинников». И они с фальшивым пафосом вопиют против «замены (sic!*) массовой борьбы борьбой вооруженных кучек», восклицают: «Где же должны были быть массы, в чем могла проявиться их активность?» и т. д., и т. п.

Что это такое?? Неужели эти потуги проявить свое глубокомыслие посредством подобных приемов «критики» могут быть названы научным анализом?? Подумайте только: в серьезной исторической работе, в специальной главе о роли революционных организаций авторы усиливаются придаться к тому, что 11-го декабря, т. е. за несколько дней до кризиса, в самом начале *новых* приемов борьбы Совет рабочих депутатов осмелился говорить о «восставшем народе»! Вероятно, ему следовало говорить о «немногочисленных отрядах дружинников» с видом глубокомысленного снисхождения, а не звать народ и массы к поддержке начинающегося боя? Как не называть дрянненькими эти потуги доктринерски «умничать», эти словесные придирки, когда у тех же «составителей» вы найдете *целый ряд* мест в книге, где говорится о народе вообще, о выходе «всего населения» на улицу? Да поймите вы, жалкие люди, что быть 11-го декабря в Москве в революционной организации и *не говорить* о восставшем народе могли бы только черносотенцы или педанты с совершенно выхолощенной душой вроде Поллака в «К звездам» Леонида Андреева!

Пойдем дальше. По поводу воззвания Боевой организации в том же № 5 «Известий» составители хихикают: «Отряды из 3—4 человек должны были, по мысли авторов воззвания, подарить (!) народу освобожденную от векового господства насильников столицу». «Боевая организация решила, что массам действовать незачем».

Обращаемся к воззванию. Составители печатают его *не все*, а только выдержки. Но даже и в избранных этими

* — так! Ред.

«исследователями» выдержках читаем *прямой* призыв Боевой организации: «Пусть этих отрядов будет *возможно больше*». Итак, мысль о «подарке» чего бы то ни было народу, о том, что «массам *незачем* действовать», приписывается людям, которые в первый же день вооруженной борьбы зовут «возможно большее» количество рабочих в боевые отряды...

Что это? литературная неряшливость или наездническая литература?

Авторы не делают ни малейшей попытки разобрать вопрос о связи военной организации с военной техникой, о роли непосредственно-вооруженной и вспомогательной борьбы в их взаимоотношении. Они не пытаются бросить взгляд на прошлое, они забывают, что и всеобщие стачки в России, и демонстрации начинались с весьма небольшого, ничтожного, по теперешней мерке, числа участников. Нет даже намека на серьезное историческое изучение, есть только выпады, внушающие прямо-таки чувство гадливости. Воззвание Боевой организации, в целях извращения его смысла, приведено лишь в выдержках на стр. 145; только в дальнейшем изложении, мимоходом, указывается, что то же воззвание «предлагает щадить пехотинцев» (стр. 154), т. е. *прямо считается* с психологией масс, прямо различает войска черносотенные и войска колеблющиеся. Зато вот воззвание октябристов, не имеющее ровно никакого отношения к изучению московского восстания, перепечатывается *полностью!*

С.-д. организации доверили материал лицам, которые печатают целиком воззвание октябристов и вырывают клочки из воззваний Боев. орг. Совета рабочих депутатов для пошленького упражнения в пошлом остроумии...

Перейдем к выводам гг. составителей. «Пролетариат, как масса, не выступал» (с. 245). «Московский пролетариат не выступал ни 9—10 декабря..., ни в следующие дни. И это делает честь его сознательности и организованности» (244).

Слышите, товарищи-рабочие: вашу «честь» отныне предлагают видеть в том, что масса *недостаточно* боролась!! Что рабочая масса *недостаточно* участвовала в активной, наступательной борьбе, это, изволите видеть, плюс. А что рабочая масса, обгоняя своих руководителей, приступила к массовой постройке баррикад, что она требовала все

время от руководителей призыва к более решительным действиям, это, должно быть, минус...

«Происшедшее в Москве показывает, — пишут составители, — что в переживаемый нами исторический период, характеризуемый колоссальным развитием милитаризма, необходимым условием победы восставшего народа является активный переход значительной части войск на сторону восстающего народа или категорический отказ войсковых масс применять оружие в борьбе с народом»...

Борьбы за колеблющееся войско наши мудрецы не заметили и ее не поняли. Они, видимо, представляют себе возможность восстания без борьбы с черносотенной частью войска, без активной борьбы революционного народа, приводящего в смятение ряды войска. Они встали на точку зрения кадетов, готовых приветствовать «переход» войска, но объявляющих «безумным и преступным» вооруженное восстание и его проповедь...

...«Но такое поведение армии мыслимо лишь в конце (sic!) революции и притом носящей общенародный характер. Декабрьское восстание пролетариата, которому лишь пассивно (?) сочувствовала масса буржуазного населения, *выступление за свои собственные лозунги* (курсив наш) не могло (!) быть поддержано армией, и потому «стремление перевести всеобщую забастовку в вооруженное восстание» не могло увенчаться успехом и должно быть признано исторической ошибкой».

Вот вам и урок, московские рабочие! Не выступайте «за свои собственные лозунги»!..

Трудно представить себе, как могли дойти люди до такого педантизма, до такого кадетского убожества мысли и ошошления выводов из серьезнейшего исторического материала. Пусть московские социал-демократы выразят свое негодование авторам книги и призовут всех членов партии и всех сторонников революции заново собрать материалы, чтобы дать достойное изложение, дать серьезную критику декабрьского восстания. Пусть все ошибки и недочеты его будут вскрыты беспощадно в поучение борющемуся пролетариату, но кадетам и литературным наездникам партия пролетариата должна сказать: руки прочь!

О ПАРТИЗАНСКОМ ВЫСТУПЛЕНИИ ППС⁵⁹

Наш Объединительный съезд, несомненно, отверг решительно всякую «экспроприацию», так что в этом отношении ссылки польской социалистической партии на РСДРП абсолютно неосновательны. Несомненно также, что ППС, организовав «выступление» 2 (15) августа, не считалась ни с целесообразностью его, ни с настроением широких масс, ни с условиями рабочего движения. Необходимость считаться со всеми этими обстоятельствами очевидна, и в проекте большевистской резолюции о партизанских действиях она подчеркнута в особом пункте. Но осуждению подлежит, по нашему мнению, ППС-овское *извращение* тактики партизанских выступлений, а не самая эта «тактика» вообще. Такое партизанское выступление, как разгром питерскими рабочими в прошлом году черносотенной «Твери»⁶⁰, наши товарищи из польской социал-демократии, наверное, одобрили бы.

«Пролетарий» № 3,
8 сентября 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

СОЕДИНЕНИЕ БУНДА С РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИЕЙ

Недавно состоялся 7-ой съезд Бунда, организации еврейских с.-д. рабочих России. Все число членов Бунда достигает, по отчетам этого съезда, 33 000 в 257 организациях. Представительство на съезде было организовано на демократических началах, по 1 делегату на 300 членов партии. Участвовали в выборах около 23 000 членов, которые и послали на съезд 68 делегатов с решающим голосом.

Главным вопросом, который подлежал решению на съезде, был вопрос об объединении Бунда с РСДРП. Как известно, Объединительный съезд РСДРП высказался за объединение и утвердил условия этого объединения. Теперь 7-ой съезд Бунда принял эти условия. Объединение с РСДРП прошло 48 голосами против 20. Итак, Российская социал-демократическая рабочая партия стала наконец действительно всероссийской и единой. Число членов в нашей партии теперь *свыше 100 000 человек*: 31 000 были представлены на Объединительном съезде, затем около 26 000 польских с.-д., около 14 000 латышских и 33 000 еврейских.

Представители ЦК Бунда вошли в ЦК РСДРП. Предстоит нелегкая работа осуществления на местах объединения организаций Бунда с организациями РСДРП.

Вторым вопросом, обсуждавшимся на съезде Бунда, был вопрос о современном политическом моменте. В обстоятельной резолюции, принятой громадным большинством голосов, 7-ой съезд Бунда признал тактическим лозунгом *созыв учредительного собрания*, отклонив всякие ослабляющие этот лозунг оговорки вроде «через Думу»

и т. п. Бойкот Думы отвергнут условно, т. е. признана необходимость участия в выборах на тот случай, если партия пролетариата в состоянии будет самостоятельно проводить избирательную кампанию.

Третьим вопросом был вопрос о «партизанских выступлениях», без деления их на «эксы» и на террористические действия. Подавляющим большинством принята резолюция *против* партизанских выступлений.

Последним вопросом был вопрос об организации Бунда. Принят был организационный устав.

Ограничиваясь пока этой краткой заметкой, мы надеемся в ближайшем будущем ближе познакомить читателей с решениями 7-го съезда Бунда.

Написано в сентябре 1906 г.

*Впервые напечатано в 1937 г.
в Ленинском сборнике ХХХ*

Печатается по рукописи

ЭСЕРОВСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ

Социал-демократы еще в начале 1905 г. указывали, что проект программы партии с.-р. («социалистов-революционеров») знаменует явный переход «от народничества к марксизму»*. Неизбежность внутреннего распада партии, совершающей этот переход, была очевидна.

Теперь это идейное и политическое распадение партии с.-р. налицо. «Протоколы первого съезда партии с.-р.», вышедшие в Париже отдельной книгой в текущем году, ясно наметили все линии этого распада. Текущая политическая литература «максималистов» и представителей рождающейся «трудовой народно-социалистической партии» вскрыла полноту распада окончательно.

Внутри социал-демократии два крупные раскола, которые она пережила — раскол между «экономистами» и староскрывцами в 1900—1903 годах и раскол между «меньшевиками» и «большевиками» в 1903—1906 гг., были вызваны острой борьбой двух течений, свойственных всему международному социализму, именно: течения оппортунистического и течения революционного в их своеобразной форме, соответствующей тому или иному периоду российской революции. Напротив того, партия с.-р. при первой же попытке сколько-нибудь открытого и сколько-нибудь свидетельствующего о наличии действительной партийности выступления распалась на *три течения*: 1) левое — «максималисты», 2) центр — с.-р.-ы старого типа и 3) правое — оппортунисты (иначе: «легалисты», «трудовые народные социалисты» и т. п.), кото-

* См. Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 64—70. Ред.

рыми мы и займемся в настоящей статье. По Протоколам I-го съезда партии с.-р. ясно видны контуры всех трех течений. Теперь уже есть яркие литературные выражения отделившихся (или отделяющихся?) от «центра» течений. Максималисты издали «Прямо к цели» и обстоятельную программную брошюру г. Таг—ина⁶¹: «Принципы трудовой теории». Оппортунисты эсеровцев договорились почти до конца в писаниях г. Пешехонова и К^о. Представитель «центра», г. Чернов, назвал максималистов вполне основательно «вульгарными социалистами» в газете «Мысль» (или может быть «Голос», «Дело Народа»⁶² и т. д.), но об оппортунистах с.-р. в печати, если мы не ошибаемся, он пока молчал. Не даром, должно быть, обошелся конкубинат эсеровского «болота» и эсеровской «крайней правой» в названных выше газетах.

Распадение сторонников «трудового начала», поклонников Лаврова и Михайловского, на три направления представляет из себя крупный политический факт в истории русского мелкобуржуазного радикализма. Марксисты должны со всем вниманием отнестись к этому факту, проливающему свет косвенно и на то, в каком политическом направлении зреет мысль просыпающегося русского крестьянства.

Основное противоречие всей программной позиции с.-р. есть шатание между народничеством и марксизмом. Марксизм требует ясного разграничения программы-максимум и программы-минимум. Максимум, это — социалистическое преобразование общества, *невозможное* без уничтожения товарного производства. Минимум, это — преобразования, возможные еще в рамках товарного производства. Смещение того и другого неизбежно приводит ко всякого рода мелкобуржуазным и оппортунистическим или анархическим извращениям пролетарского социализма, неизбежно *затемняет* задачу социальной революции, осуществляемой посредством завоевания политической власти пролетариатом.

С точки зрения старого русского народничества, принципов Лаврова, В. В., Михайловского и К^о, разграничение программы-максимум и программы-минимум ненужно и непонятно, ибо применимость законов и категорий товарного производства к русскому крестьянскому хозяйству отрицается теорией народничества. Сколько-нибудь

последовательные сторонники Лаврова и Михайловского (а также В. В. и Николая—она⁶³, которых забывают совсем напрасно, ибо *ничего* источника *экономических* идей у современных народников *не имеется*) неизбежно должны были *восстать* против этого марксистского деления программы на максимум и минимум. И первая же попытка эсеров перейти от кружковщины к партийности обнаружила силу и направление этого восстания. Сторонники революционных тенденций народничества заявили: почему требовать социализации одной только земли? Мы требуем социализации фабрик и заводов точно так же! Долой программу-минимум! Мы максималисты! Долой теорию товарного производства!

По сути дела это максималистское течение почти сливается, как и следовало ожидать, с анархизмом.

Сторонники оппортунистических течений в народничестве, народники-восьмидесятники, возопили: к чему программа-минимум, всякие там диктатуры пролетариата? Социализм, это — перспектива, уходящая вдаль! К чему страшное *для масс* название: «социалисты-революционеры»? К чему требование «республики»? К чему нелегальная партия? Долой все это! Долой программу-максимум! Долой «опасные» места программы-минимум! Вместо всякой программы пусть будет «платформа» открытой, легальной, нереспубликанской «трудовой народно-социалистической партии!»*

Эсеровским центровикам, старым эсеровцам *нельзя* защищаться от обоих этих течений иначе, как ссылаясь на законы товарного производства, иначе, как становясь *по существу дела* на точку зрения марксизма. Совершенно законны были поэтому те обвинения в марксизме, в желании состязаться с с.-д., танцовать от с.-д. печки, которые раздавались на I съезде партии с.-р. и справа и слева против эсеровского центра. Вопрос о переходе этого центра к с.-д. есть теперь исключительно вопрос времени. И чем скорее наступит эпоха вполне открытого существования революционных партий, тем скорее придет это время. Никакие предрассудки против марк-

* См. в особенности статью Г. Пешехонова в июльской и августовской книжке «Русского Богатства»⁶⁴, а также газетные заметки об образовании «трудовой народно-социалистической партии», о заседании ее организационной комиссии или Петербургского комитета и т. п.

системского «догматизма» не устоят против неумолимой логики событий.

Кратковременное существование кадетской Думы было эпохой первого выступления представителей крестьянской массы на общерусской политической арене. Эсеры неизбежно должны были искать сближения с этими представителями и попытаться политически организовать их вокруг *своей* программы. При этом обнаружилось, что с.-д. сравнительно быстро образовали *партийную* с.-д. фракцию. Наоборот, с.-р. все время могли действовать только за спиной трудовиков. Способность мелкого производителя к политической сплоченности сразу же оказалась несравненно меньшей, чем у рабочего класса. Мало того: даже за спиной трудовиков с.-р. оказались не в состоянии провести *единой* политической кампании. По коренному для крестьянства вопросу о земле раскол между оппортунистами и центровиками эсерами обнаружился быстро. Первые победили на арене «парламентского» выступления перед представителями массы: они собрали 104 трудовика за оппортунистический аграрный проект, тогда как за аграрный проект, близкий к программе партии с.-р., высказалось впоследствии только 33 трудовика (из числа тех же 104).

Этот раскол при открытом политическом выступлении перед всем народом неизбежно толкал к систематизации разногласий, которые его вызвали. Г. Пешехонов, один из вождей эсеровских оппортунистов, всех дальше пошел в этой систематизации. Вот его взгляды, вот излагаемые им «очертания и размеры платформы»... крестьянских кадетов:

«Революционные требования должны быть согласованы и соразмерены с революционными силами» (с. 194 «Р. Бог.» № 8). Поэтому «линию земли и воли» нельзя «продвигать слишком далеко». Вместо программы-максимум и программы-минимум «обеих социалистических партий: с.-д. и с.-р.» мелкому буржуа нужна единая «платформа», как «план кампании, рассчитанный не на длинный период, вплоть до социализма, а лишь на ближайшее время». Остальная часть пути до конечной цели, это — «*уходящая вдаль перспектива*» (с. 196). Поэтому на «платформы» надо *убрать республику*: «мы должны считаться с психологическим фактором... Идея монархии

слишком прочно засела в народное сознание)... «Тысяча лет протекла не напрасно»... «С этой психологией широких масс необходимо считаться»... «Вопрос о республике требует крайней осторожности» (198). То же и вопрос национальный. «Нам приходится опять-таки считаться с психологией народа, воспитанной его тысячелетней историей»... «Поэтому мы считаем необходимым идти в массы с лозунгом не независимости национальностей» (и не самоопределения их, договаривает автор в другом месте), «а с тем требованием, которое ставит жизнь, — с требованием их автономности». Одним словом, г. Пешехонов прямо ставит вопрос: «Можно ли взять всю волю?» и прямо отвечает: *нельзя*.

Он ставит далее вопрос: «Можно ли взять всю землю?» и тоже отвечает: *нельзя*. Осторожность, осторожность, осторожность, господа! Крестьянские депутаты в Думе говорили г-ну Пешехонову: «Нас послали получить землю, а не отдать ее». Крестьяне не хотят сейчас ни социализации (поравнения), ни национализации земли. Они боятся этого. Они хотят только *прибавки* земли. «Было бы поэтому целесообразнее линию «земли» не доводить до конца в платформе» (206 с.). «Мне представляется опасным даже возбуждать в настоящее время вопрос о всеобщем поравнении» (205). «Надо оставить наделные земли и частновладельческие в пределах трудовой нормы за нынешними владельцами», согласно проекту 104-х, а передача всей земли в общенародную собственность должна быть отодвинута, — тоже, очевидно, как «уходящая вдаль перспектива».

Осторожность, умеренность и аккуратность нужны и в средствах борьбы, и в способе организации. Вооруженное восстание? «Я (Пешехонов) неустанно твержу: да минует нас чаша сия!.. Было бы слишком прискорбно, если б восстание мыслилось кем-либо не только как печальная возможность, но и как роковая необходимость»... «Опасно... пользоваться им неосторожно... все движение может надломиться» (№ 7, с. 177—178). Главная очередная задача — организация «народных сил». «Я плохо верю в то, чтобы сколько-нибудь удовлетворительно эту задачу могли разрешить существующие у нас две социалистические партии. Пора убедиться, что конспиративная организация не может охватить массы. К.-д. партия тоже

заявила в этом деле свою несостоятельность. Очевидно, за него должен взяться кто-то еще, и для этого нужна, как я думаю, открытая социалистическая партия» (№ 7, с. 179—180).

Как видит читатель, взглядам г-на Пешехонова нельзя отказать в цельности, стройности и законченности. От официальной программы с.-р. не много осталось у этого защитника монархии, у этого политикана, оправдывающего кнут на том основании, что этот кнут имеет тысячелетнюю историю. И если господа «настоящие» с.-р-ы* могли в течение всего думского периода ловко скрывать *такие* разногласия, если они могли даже для скрytия их устраниваться в совместной работе в одних газетах, то это только показывает нам, до чего доходит *политическое лицемерие*.

В чем состоит социально-экономическая, классовая основа эсеровского оппортунизма? В том, что гг. Пешехоновы и К^о *подлаживаются к интересам хозяйственного мужичка*, подделывают социализм под его интересы.

Возьмите главный вопрос: о земле. Г. Пешехонов дважды повторяет и смакует необыкновенно понравившееся ему изречение крестьян-трудовиков: «нас послали получить землю, а не отдать ее». Действительно, это чрезвычайно знаменательные слова. Но эти слова целиком опровергают мелкобуржуазные иллюзии народничества и подтверждают все положения марксистов. Эти слова показывают наглядно, что *уже просыпаются* собственнические инстинкты среднего мужика. А ведь только полные невежды в политической экономии и в западно-европейской истории могут не знать, что эти инстинкты тем больше крепнут и развиваются, чем шире политическая свобода и народовластие.

Какой же вывод должен был сделать тот, для кого социализм не пустая фраза, из этих слов разумного, выбранного «массой», хозяйственного мужичка? Очевидно, такой вывод, что носителем социализма подобный класс хозяйчиков быть *не может*; — что социалисты могут и должны поддерживать класс мелких хозяйчиков в их борьбе с помещиками *исключительно* ради буржуазно-демократического значения и буржуазно-демократических результатов

---

* При всех их громких революционных фразах.

этой борьбы; — что социалист *обязан* не затушевывать, а *вскрывать* противоречие интересов всей рабочей массы и этих хозяйчиков, которые желают усилить и укрепить свое хозяйское положение, будут враждебны всякой идее об «отдавании» земли или чего бы то ни было массе бесхозяйных, нищих, голяков. «Мы хотим получить землю, а не отдать ее!» Может ли быть более рельефное выражение мелкобуржуазных собственнических инстинктов и вожделений?

Социал-демократ делает отсюда вывод: мы должны поддерживать этих мелких хозяев в их борьбе с помещиками и самодержавием ради революционного буржуазно-демократического характера этой борьбы. Положение всего народа улучшится при их победе, но улучшится в направлении улучшения и развития *капиталистического* строя. Поэтому не льстить должны мы собственническим или *хозяйским* инстинктам этого класса, а напротив *сейчас же* начинать борьбу с этими инстинктами, разъясняя их значение пролетариату, предостерегая пролетариат и организуя его в самостоятельную партию. Наша аграрная программа: помогать мелким хозяевам сбросить революционным путем крепостников, указать им на условия осуществления национализации земли, как наилучшего возможного аграрного строя при капитализме, и выяснить все различие интересов пролетария и мелкого хозяйчика.

Социализм мелкого лавочника приходит к иному выводу: надо «считаться» с психологией «массы» (массы хозяйчиков, а не массы бесхозяйных), надо раболепно преклониться перед хозяйским желанием «получить» от помещика, но не «отдать» пролетарию, надо в угоду хозяйчику отодвинуть социализм в туманную «даль», надо *признать* стремление хозяйчика *закрепить* свое хозяйское положение; — одним словом, надо назвать «социализмом» прислужничество узкой корысти мелких хозяйчиков и лакейство перед их предрассудками.

Монархические чувства — предрассудок. Может быть, вы думаете, что задача социалистов — бороться с предрассудками? Ошибаетесь: «трудовой социализм» должен подлаживаться к предрассудкам.

Может быть, вы полагаете, что давность и «прочность» (??) монархического предрассудка вызывает необходимость в особенно беспощадной борьбе с ним? Оши-

баются: «трудовой социализм» выводит из давности кнута лишь необходимость «крайне осторожного» отношения к кнуту.

Правда, воюющий — будто бы воюющий — с кадетами г. Пешехонов целиком повторяет именно кадетское рассуждение в пользу монархии. Но что за беда? Неужели вы не знали до сих пор, что буржуазный радикал воюет с буржуазным либералом *только* для того, чтобы занять его место, а вовсе не для того, чтобы заменить его программу существенно иной программой? Неужели вы вабыли историю французских трудящихся-социалистов... то-бишь: радикалов-социалистов, которые «воевали» с французскими кадетами для того, чтобы, попав в министры, поступать совершенно так же, как французские кадеты? Неужели вы не видите, что г. Пешехонов отличается от г. Струве ничуть не больше, чем Бобчинский отличался от Добчинского?

Г. Пешехонов смекает, может быть, что между желанием «получить землю, но не отдать ее» и монархией существует некоторая *материальная* связь. Чтобы «не отдать», нужно *защитить*. А монархия ведь есть не что иное, как наемная полицейская охрана тех, кто желает «не отдать», от тех, кто *способен* взять*. Кадетам нужна монархия для защиты крупной буржуазии. «Трудовым социалистам» нужна монархия для защиты хозяйственных мужичков.

Понятно само собой, что из такого мировоззрения «трудовых социалистов» вытекает неизбежно педантично-пошлое отношение к восстанию («печальная возможность»; сравните статьи г. Струве летом 1905 г. в «Освобождении» о «безумной и преступной проповеди восстания»). Отсюда же величественное презрение к «конспиративной организации» и воздыхания, в августе 1906 года, об «открытой социалистической партии». О тех объективных исторических условиях, которые делают восстание *неизбежным*, — которые вопреки всем предрассудкам темной массы навязывают ей во имя ее насущных интересов борьбу именно

* Другое орудие полицейской охраны собственников называется *постоянной армией*. И вот, г. Пешехонов пишет: «Демократическая республика мыслит в себе... *пожалуй*, замену постоянного войска вооруженным народом» (№ 8, с. 197). Будьте так добры, гг. конспираторы Лаврова и Михайловского, объясните нам *откровенно*, что значит это вслаженное «пожалуй»?

с монархией, — которые превращают маниловские воздыхания об «открытой социалистической партии» в воду па мельницу гг. Ушаковых⁶⁵, — об этих объективных исторических условиях гг. Пешехоновы не думают. Поклонники Лаврова и Михайловского должны считаться с психологией забитой массы, а не с объективными условиями, *преобразующими* психологию *борющейся* массы.

Подведем итоги. Мы знаем теперь, что значит быть трудовым народным социалистом. Трудовой — это значит: пресмыкается пред интересами хозяйчиков, желающих «получить, но не отдать». Народный — это значит: пресмыкается пред монархическими предрассудками народа, перед шовинистической боязнью отторжения от России некоторых национальностей. Социалист — это значит: объявляет социализм уходящую вдаль перспективой и заменяет узкую, доктринерскую, обременительную для политиканов программу широкой, свободной, гибкой, подвижной, легкой, легкоодетой, и даже совсем раздетой, «платформой». Да здравствуют «трудовые народные социалисты»!

Гг. Пешехоновы — первые ласточки начинающейся общественной реакции в русском крестьянстве. Боженька послал на землю Пешехоновых, чтобы наглядно пояснить марксистское положение о двуликой природе всякого мелкого производителя. У крестьянина есть рассудок и предрассудок, есть революционные способности человека эксплуатируемого и реакционные вожеления хозяйчика, желающего «получить, а не отдать». Гг. Пешехоновы — идейные выразители реакционных сторон крестьянского хозяйчика. Гг. Пешехоновы — созерцатели «задней» русского мужичка. Гг. Пешехоновы — *идейно* делают ту самую работу, которую гг. Гурью и Стишинские делают *грубо-материально*, подкупая крестьянских буржуа продажей удельных и казенных земель.

Но это еще большой вопрос, удастся ли подобными затратами сколько-нибудь значительно ослабить неизбежное столкновение масс с их эксплуататорами в острой борьбе. Это еще большой вопрос, удастся ли традиционному и подловленному всякими оппортунистами крестья-

янскому предрассудку осилить просыпающийся в огне революции рассудок крестьянской бедноты. Социал-демократы во всяком случае исполнят свой долг развития и очищения *революционного* самосознания крестьянства.

А социал-демократам правого крыла пусть послужат гг. Пешехоновы предостережением. Критикуя трудовых народных социалистов, мы могли бы иногда сказать некоторым с.-д. меньшевикам: *mutato nomine de te fabula narratur* (басня говорится про тебя, изменено только имя). У нас тоже есть вдыхающие об открытой партии, готовые заменить программу платформой, принизиться до массы. У нас есть Плеханов, давший знаменитую оценку декабрьского восстания: «Не нужно было браться за оружие». У нас есть сотрудник «Откликов Современности»⁶⁸ Малишевский, подбирившийся (правда, *не* в «Откликах Современности») к удалению из программы республики. Этим людям очень не бесполезно всмотреться хорошенько во всю «натуральную красоту» господ Пешехоновых.

«Пролетарий» № 4,
19 сентября 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

ГОТОВИТСЯ НОВЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ!

Письмо Гучкова к Трубецкому долго занимало и частью продолжает занимать нашу политическую прессу, если можно назвать этим именем рептильные и немногие уцелевшие либеральные газеты. Письмо это действительно имеет известное значение. Оно знаменует крупный шаг в развитии контрреволюционного направления среди широких слоев российской крупной буржуазии. Для этих слоев уже октябрьская политическая стачка сыграла роль решительного поворотного пункта. Крупный буржуа сразу сказал: «довольно!» после 17-го октября. И потому оригинальной — и очень характерной — чертой русской революции оказалось то, что датой конституционного манифеста воспользовались, как названием партии, крупнобуржуазные элементы, вставшие на сторону царского правительства, которое принялось приспособлять новую конституцию к самодержавию. Октябрь — дата единственной до сих пор частичной победы революции в России. Октябристами — называется у нас партия контрреволюционной крупной буржуазии.

Классовые противоречия русской революции рельефно выражаются в этом противоречивом сопоставлении. Объяснение ему дает марксистский взгляд на современную революцию в России. Это — революция буржуазная. Она во всяком случае очищает почву для более широкого и быстрого развития капитализма. Считать победой «трудового начала», переходом к «социализации», полное торжество революционного крестьянства в борьбе за землю есть сплошная мелкобуржуазная иллюзия. Но неизбежное очищение почвы для капитализма может пойти по

двум крупным линиям. Преобразование крепостной России в буржуазную возможно при условиях, обеспечивающих наибольшее мыслимое при капитализме благосостояние масс крестьянства и пролетариата. Оно возможно также при условиях, обеспечивающих больше всего интересы имущих классов, помещиков и капиталистов. До сих пор наша революция идет по второму пути. И если она не одержит более ни одной крупной победы, то не может подлежать сомнению, что душеприказчиками российской революции окажутся контрреволюционные буржуа октябристы, — подобно тому, как душеприказчиком половинчатой немецкой революции 1848-го года оказался юнкер Бисмарк.

Г. Гучков — человек не совсем глупый. Он уже предвкушает это удовольствие взять в руки, после окончательного поражения революции, бразды правления и соединить деловой, гешефт-махерский буржуазный «либерализм» с беспощадной военно-полицейской репрессией против недовольных «низов». Как практичный, безидейный буржуазный делец, г. Гучков лучше схватил действительное политическое положение, чем многие философы и фразеры нашей буржуазной интеллигенции. (*L'ignorance est moins éloignée de la vérité que le préjugé!* — невежество менее далеко от истины, чем предвзвешенность.) Г. Гучков сводит на землю буржуазные идеалы кадетов. В этом отношении особенно знаменательно следующее место его письма, не оцененное нашей рабской печатью:

«Теперь несомненно, — пишет Гучков к Трубецкому, — что торжество революции или даже новое обострение революционного кризиса похоронит и нашу молодую политическую свободу, и остатки нашей культуры и благосостояния».

Это — замечательно верная и замечательно меткая оценка теперешнего политического положения с точки зрения интересов капиталиста и помещика. Г. Гучков берет быка за рога. Весь гвоздь теперешнего политического положения действительно в том, предстоит ли нам новое обострение революционного кризиса. Мы благодарим вас за откровенность, г. Гучков! Мы вполне понимаем, что буржуазным профессорам и дипломатам из «Речи» не нравится ваша решительность, прямота, быстрота и

натиск, ваша — простите за вульгарное выражение — способность «ляпать», но мы, социалисты, премного восхищены этой способностью. Нам она на руку.

Итак, кто хочет серьезно поставить вопрос о современном политическом положении, тот должен вполне ясно определить свое отношение к *новому обострению революционного кризиса*. Г. Гучков так и делает. «Я против», заявляет он всем своим письмом. Я подчиняю все и вся интересам борьбы с этим обострением, интересам подавления всего, что ведет к нему. Причина ясна. Новое обострение грозит *торжеством революции*, которое, в свою очередь, грозит «остаткам»... помещичьих имений гг. Гучковых, Романовых, Столыпиных и прочей шайки погромщиков, «остаткам» буржуазных привилегий, способных служить защитой от дальнейшей борьбы пролетариата, одним словом, «остаткам *нашего* (Гучковых, Романовых, Столыпиных) благосостояния».

Правильно рассуждает г. Гучков, гораздо правильнее и последовательнее, чем вопиющие ныне против него кадеты, которые в лице разных Виноградовых, Струве, Изгоевых, Бердяевых, Милюковых сотни раз оплакивали грядущие похороны «свободы и культуры» при торжестве «стихий безумия».

И революционерам тоже не мешает поучиться у реакции уменью последовательно ставить вопрос о современном политическом положении, *то есть* о «новом обострении революционного кризиса». Это обострение неизбежно будет означать еще более массовое выступление, чем прежде, обогащенное опытом великого года великой российской революции. А опыт этого года, начиная с октябрьской стачки через декабрьское восстание, через мирную Думу и разгон ее, ведет к наступательному всероссийскому вооруженному восстанию с забастовкой, как побочным и подсобным средством борьбы.

Правительство всю свою политику приспособило к этому, всеми ожидаемому, новому обострению революционного кризиса. Несомненно, оно умышленно не назначило срока выборов в новую Думу, чтобы оставить себе свободными руки, чтобы попытаться в случае сильного обострения всенародной борьбы раздробить ее внезапным назначением выборов. Несомненно также, что самый вопрос о том, сзывать ли новую Думу и *оставлять ли*

старый избирательный закон, правительство внимательнейшим образом изучает теперь с той же самой точки зрения. И к этому вопросу социал-демократия менее всего имеет право отнестись беззаботно.

Перед правительством стоит дилемма: попытаться еще раз созвать Думу на основании действующего избирательного закона, при усилении репрессий, давления на выборы, организации черносотенцев, — или изменить *перед* второй Думой избирательный закон так, чтобы наверняка обеспечить «работоспособную», т. е. черносотенную Думу. Реакция в среде помещичьего класса, победы черносотенных помещиков в земстве, явный рост недовольства в народе, — все это прямо подсказывает правительству немедленную отмену действующего избирательного закона, ограничение избирательного права в духе возврата от виттевской Думы к булыгинской, а то и еще похуже, или просто созыв выборных от земств во вторую Думу. Рептилии нашей печати пробалтываются уже насчет таких планов в «сферах», т. е. среди придворной шайки, и готовят почву, доказывая «право» самодержавия издать без Думы новый избирательный закон.

Рассмотрим, какой из этих «курсов» правительственной политики вероятнее. За сохранение избирательного закона 11-го декабря говорит конституционная «законность», политическая осторожность, лояльность. Как видите, это все «идеальные» соображения, на которые плевать привыкли Романовы и Победоносцевы. Да и смешно в самом деле думать, что подобными соображениями станут руководиться с ног до головы покрытые кровью и грязью люди, отстаивающие в последней, отчаянной борьбе свои рабовладельческие права. Смешно думать, чтобы царскую шайку смущала «законность», когда шайка не смущалась ни изданием того же закона 11-го декабря, закона 20 февраля⁶⁷ и т. д., не смущается и теперешним сплошным надругательством над «законом». Нет, все эти доводы мизерны!

Мнение Европы? Необходимость получить заем? Эта необходимость — самая настоятельная. И европейский капитал даст деньги лишь под гарантией «порядка». Но какой это «порядок», — капиталу безразлично, и даже порядок кладбища для него симпатичнее. А ведь вторая кадетская (или, боже упаси, или более левая!) Дума

обещает новые финансовые разоблачения, новый «беспорядок»! Нет, именно с точки зрения европейского займа правительству весь расчет отменить теперешний избирательный закон, чтобы обеспечить черносотенную Думу и принятие ею всех и всяческих займов.

Конечно, нельзя забывать того, что по существу дела соглашение между самодержавием и либерально-монархической буржуазией необходимо в силу самых глубоких экономических и политических причин. Неудача первой попытки соглашения через первую Думу отнюдь еще не свидетельствует и не может свидетельствовать о неудаче всех таких попыток, — а их будет еще очень и очень много. Но именно через кадетскую Думу соглашение теперь нельзя считать (и самодержавие не может считать) особенно вероятным.

Революционеры учатся у опыта революции, но и самодержавие тоже учится у него и учится очень внимательно. Надежды на более правый состав Думы при существующем избирательном законе совершенно ничтожны, это все видят. Время созыва второй Думы падает как раз на конец зимы, когда голод, безработица, нужда широких народных масс достигают обыкновенно особого обострения. Партии, стоящие левее кадетов, несомненно, гораздо менее будут склонны теперь, чем прежде, идти на поводу у либерально-монархической буржуазии, гораздо более будут способны к самостоятельным, решительным и активным политическим действиям. Нет! Мы не должны делать себе иллюзий, представлять врага совсем уже неумным, недогадливым, неосмотрительным. Мы не должны сомневаться в том, что «богатыри мысли и дела» черносотенного правительства напрягают теперь все усилия к тому, чтобы сделать невозможным повторение опыта кадетской Думы.

Разгон Думы показал правительству, что немедленного восстания, широкого и всенародного не произошло. Подготовленный в тиши и в тайне *coup d'état* (государственный переворот) понравился «сферам». Они находятся под сильнейшим впечатлением того, что им кажется удачным и смелым натиском на революцию. Они не могут не помышлять теперь о повторении такого же натиска *заранее*, в виде предупреждения «нового обострения революционного кризиса». Царские придворные — люди воен-

ные. Перейти в наступление, взять в свои руки инициативу военных действий, — преимущество такой тактики они превосходно понимают. Бояться восстания? Но в той или иной мере оно неизбежно — рабочие забастовки, военные и крестьянские восстания *доказали* это в течение целого года. Вторая кадетская Дума создаст еще более выгодную для народа ситуацию для восстания: окончательный провал политики «военно-полевого либерализма», утомление населения репрессиями и т. д., и т. д. Если «новое обострение революционного кризиса» неизбежно, то мы должны напасть первые, — так рассуждает Игнатъев, наверно, так. И он нападет, — царь отменит накануне выборов избирательный закон 11-го декабря и издаст новый закон, *обеспечивающий* черносотенный состав Думы.

Мы не имеем претензии быть пророками и учесть всевозможные исходы из теперешнего, очень сложного политического положения. Но социал-демократия обязана строго взвешивать тенденции всех действующих в политике сил, чтобы разумно направлять свою тактику. Такое взвешивание приводит к непреклонному выводу: рабочие! будьте готовы к тому, что правительство введет ко времени выборов черносотенный избирательный закон! Крестьяне! знайте, что правительство обдумывает план изменить порядки выборов так, чтобы крестьянские депутаты, чтобы трудовики *не могли* попасть в Думу!

Мы не должны позволить правительству захватить себя врасплох. Мы должны повести самую энергичную агитацию в массах с разъяснением грозящей опасности, — мы должны рассеивать наивную веру в прочность избирательного закона, как «конституционного» учреждения, — мы должны разрушать конституционные иллюзии, — мы должны напоминать примеры европейских революций с их частыми изменениями избирательных законов, — мы должны всеми силами развивать сознание того, что обостряющийся теперь кризис есть не парламентский, не конституционный, а революционный кризис, который решит только сила, который распутает только победоносное вооруженное восстание.

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА

Вопрос о партизанских действиях сильно интересует нашу партию и рабочую массу. Мы уже затрогивали неоднократно этот вопрос мимоходом и теперь намерены приступить к обещанному нами более цельному изложению наших взглядов.

I

Начнем с начала. Какие основные требования должен предъявить всякий марксист к рассмотрению вопроса о формах борьбы? Во-1-х, марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо одной определенной формой борьбы. Он признает самые различные формы борьбы, причем не «выдумывает» их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собою в ходе движения. Безусловно враждебный всяким отвлеченным формулам, всяким доктринерским рецептам, марксизм требует внимательного отношения к идущей *массовой* борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения. Поэтому марксизм безусловно не заикается ни от каких форм борьбы. Марксизм ни в каком случае не ограничивается возможными и существующими только в данный момент формами борьбы, признавая *неизбежность* новых, неведомых для деятелей данного периода форм борьбы с изменением данной социальной конъюнктуры. Марксизм в этом отношении *учится*, если

можно так выразиться, у массовой практики, далекий от претензий *учить* массы выдумываемым кабинетными «систематиками» формам борьбы. Мы знаем, — говорил, например, Каутский, рассматривая формы социальной революции, — что грядущий кризис принесет нам новые формы борьбы, которых мы не можем предвидеть теперь.

Во-2-х, марксизм требует безусловно *исторического* рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма. В различные моменты экономической эволюции, в зависимости от различных условий политических, национально-культурных, бытовых и т. д., различные формы борьбы выдвигаются на первый план, становятся главными формами борьбы, а в связи с этим, в свою очередь, видоизменяются и второстепенные, побочные формы борьбы. Пытаться ответить да или нет на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития — значит покинуть совершенно почву марксизма.

Таковы два основные теоретические положения, которыми мы должны руководиться. История марксизма в Западной Европе дает нам бездну примеров, подтверждающих сказанное. Европейская социал-демократия считает в данное время парламентаризм и профессиональное движение главными формами борьбы, она признавала восстание в прошлом и вполне готова признать его, с изменением конъюнктуры, в будущем, — вопреки мнению либеральных буржуа, вроде русских кадетов и беззаглавцев⁸⁸. Социал-демократия отрицала всеобщую стачку в 70-х годах, как социальную панацею, как средство сразу свергнуть буржуазию неполитическим путем, — но социал-демократия вполне признает массовую политическую стачку (особенно после опыта России в 1905 г.), как *одно* из средств борьбы, необходимое при *известных* условиях. Социал-демократия признавала уличную баррикадную борьбу в 40-х годах XIX века, — отвергала ее на основании определенных данных в конце XIX века, — выражала полную готовность пересмотреть этот последний взгляд и признать целесообразность баррикадной борьбы после опыта Москвы, выдвинувшей, по словам К. Каутского, новую баррикадную тактику.

II

Установив общие положения марксизма, перейдем к русской революции. Припомним историческое развитие выдвинутых ею форм борьбы. Сначала экономические стачки рабочих (1896—1900), затем политические демонстрации рабочих и студентов (1901—1902), крестьянские бунты (1902), начало массовых политических стачек в различных комбинациях с демонстрациями (Ростов 1902, летние стачки 1903, 9-ое января 1905), всероссийская политическая стачка с местными случаями баррикадной борьбы (октябрь 1905), массовая баррикадная борьба и вооруженное восстание (1905, декабрь), парламентская мирная борьба (апрель — июнь 1906), военные частичные восстания (июнь 1905 — июль 1906 гг.), крестьянские частичные восстания (осень 1905 — осень 1906 годов).

Таково положение дел к осени 1906 г. с точки зрения форм борьбы вообще. «Ответной» формой борьбы самодержавия является черносотенный погром, начиная от Кипинева весной 1903 года и кончая Седлецом осенью 1906 года. За весь этот период организация черносотенного погрома и избиения евреев, студентов, революционеров, сознательных рабочих все более прогрессирует, совершенствуется, объединяя с насилием подкупленной черни насилия черносотенного войска, доходя до применения артиллерии в селах и городах, сливаясь с карательными экспедициями, карательными поездами и так далее.

Таков основной фон картины. На этом фоне вырисовывается, — несомненно, как нечто частное, второстепенное, побочное, — то явление, изучению и оценке которого посвящена настоящая статья. Что представляет из себя это явление? каковы его формы? его причины? время возникновения и степень распространения? его значение в общем ходе революции? его отношение к организуемой и руководимой социал-демократией борьбе рабочего класса? Таковы вопросы, к которым мы должны теперь перейти от обрисовки общего фона картины.

Интересующее нас явление есть *вооруженная* борьба. Ведут ее отдельные лица и небольшие группы лиц. Частью они принадлежат к революционным организациям, частью (в некоторых местностях России *большую* частью) не при-

надлежат ни к какой революционной организации. Вооруженная борьба преследует две *различные* цели, которые необходимо *строго* отличать одну от другой; — именно, борьба эта направлена, во-первых, на убийство отдельных лиц, начальников и подчиненных военно-полицейской службы; — во-вторых, на конфискацию денежных средств как у правительства, так и частных лиц. Конфискуемые средства частью идут на партию, частью специально на вооружение и подготовку восстания, частью на содержание лиц, ведущих характеризуемую нами борьбу. Крупные экспроприации (кавказская в 200 с лишним тысяч рублей, московская 875 тысяч рублей) шли именно на революционные партии в первую голову, — мелкие экспроприации идут прежде всего, а иногда и всецело на содержание «экспроприаторов». Широкое развитие и распространение получила эта форма борьбы, несомненно, лишь в 1906-м году, т. е. после декабрьского восстания. Обострение политического кризиса до степени вооруженной борьбы и в особенности обострение нужды, голодовки и безработицы в деревнях и в городах играли крупную роль в числе причин, вызвавших описываемую борьбу. Как преимущественную и даже *исключительную* форму социальной борьбы, эту форму борьбы восприняли босяческие элементы населения, люмпены и анархистские группы. Как «ответную» форму борьбы со стороны самодержавия следует рассматривать военное положение, мобилизацию новых войск, черносотенные погромы (Седлец), военно-полевые суды.

III

Обычная оценка рассматриваемой борьбы сводится к следующему: это — анархизм, бланкизм, старый террор, действия оторванных от масс одиночек, деморализующие рабочих, отгалкивающие от них широкие круги населения, дезорганизирующие движение, вредящие революции. Примеры, подтверждающие такую оценку, легко подыскиваются из сообщаемых каждый день в газетах событий.

Но доказательны ли эти примеры? Чтобы проверить это, возьмем местность с *наибольшим* развитием рассматриваемой формы борьбы — Латышский край. Вот

как жалуется на деятельность Латышской социал-демократии газета «Новое Время» (от 9-го и 12-го сент.). Латышская социал-демократическая рабочая партия (часть РСДРП) правильно выпускает в 30 000 экземплярах свою газету. В официальном отделе печатаются списки шпионов, уничтожение которых есть обязанность каждого честного человека. Содействующие полиции объявляются «противниками революции» и подлежат казни, отвечая кроме того своим имуществом. Деньги для партии с.-д. приказывают населению передавать лишь по предъявлении квитанции с печатью. В последнем отчете партии среди 48 000 руб. дохода за год значится 5 600 руб. от Либавского отделения на оружие, добытые путем экспроприации. — «Новое Время» рвет и мечет, понятно, против этого «революционного законодательства», этого «грозного правительства».

Назвать анархизмом, бланкизмом, терроризмом эту деятельность латышских с.-д. никто не решится. Но почему? Потому, что здесь ясна связь новой формы борьбы с восстанием, которое было в декабре и которое назревает вновь. В применении ко всей России эта связь не так ясно видна, но она существует. Распространение «партизанской» борьбы именно после декабря, связь ее с обострением не только экономического, но и политического кризиса несомненны. Старый русский терроризм был делом интеллигента-заговорщика; теперь партизанскую борьбу ведет, по общему правилу, рабочий боевик или просто безработный рабочий. Бланкизм и анархизм легко приходят в голову людям, склонным к шаблонам, но в обстановке восстания, столь ясной в Латышском крае, непригодность этих заученных ярлычков бьет в глаза.

На примере латышей ярко видна полная неправильность, ненаучность, неисторичность столь обычного у нас анализа партизанской войны вне связи с обстановкой восстания. Надо принять во внимание эту обстановку, подумать об особенностях промежуточного периода между крупными актами восстания, надо понять, какие формы борьбы порождаются при этом неизбежно, а не отделяться заученным подбором слов, одинаковых и у кадета и у нововременца: анархизм, грабеж, босячество!

Говорят: партизанские действия дезорганизуют нашу работу. Применим это рассуждение к обстановке после

декабря 1905 г., к эпохе черносотенных погромов и военных положений. Что больше дезорганизует движение в такую эпоху: отсутствие ли отпора или организованная партизанская борьба? Сравните центральную Россию с западной ее окраиной, с Польшей и Латышским краем. Несомненно, что партизанская борьба гораздо шире распространена и выше развита на западной окраине. И так же несомненно, что революционное движение вообще, с.-д. движение в особенности *больше дезорганизованы* в центральной России, чем в западной окраине ее. Конечно, нам в голову не приходит выводить отсюда, что польское и латышское с.-д. движение менее дезорганизованы *благодаря* партизанской войне. Нет. Отсюда следует только, что партизанская война неповинна в дезорганизации с.-д. рабочего движения в России 1906 года.

Тут нередко ссылаются на особенность национальных условий. Но эта ссылка выдает в особенности ярко слабость ходячей аргументации. Если дело в национальных условиях, значит дело не в анархизме, бланкизме, терроризме — грехах общероссийских и даже специально русских, — а в чем-то ином. Разберите это что-то иное *конкретно*, господа! Вы увидите тогда, что национальный гнет или антагонизм ничего не объясняют, ибо он был всегда на западных окраинах, а партизанскую борьбу родил только данный исторический период. Есть много мест, где есть национальный гнет и антагонизм, но нет партизанской борьбы, развивающейся иногда без всякого национального гнета. Конкретный разбор вопроса покажет, что дело не в национальном гнете, а в условиях восстания. Партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания и когда наступают более или менее крупные промежутки между «большими сражениями» в гражданской войне.

Дезорганизуют движение не партизанские действия, а слабость партии, не умеющей *взять в руки* эти действия. Вот почему обычные у нас, русских, анафемы против партизанских выступлений соединяются с действительно дезорганизующими партию тайными, случайными, неорганизованными партизанскими действиями. Бессильные понять, какие исторические условия вызывают эту борьбу, мы бессильны и парализовать ее дурные стороны. А борьба тем не менее идет. Ее вызывают могучие экономические

и политические причины. Мы не в силах устранить эти причины и устранить этой борьбы. Наши жалобы на партизанскую борьбу, это — жалобы на нашу партийную слабость в деле восстания.

Сказанное нами о дезорганизации относится и к деморализации. Деморализует не партизанская война, а *неорганизованность*, беспорядочность, беспартийность партизанских выступлений. От этой *несомненной* деморализации нас ни капли не избавляют осуждения и проклятия по адресу партизанских выступлений, ибо эти осуждения и проклятия абсолютно бессильны остановить явление, вызываемое глубокими экономическими и политическими причинами. Возражат: если мы бессильны остановить ненормальное и деморализующее явление, то это не довод за переход *партии* к аномальным и деморализующим средствам борьбы. Но такое возражение было бы уже чисто либерально-буржуазным, а не марксистским, ибо считать *вообще* аномальной и деморализующей гражданскую войну или партизанскую войну, как одну из ее форм, марксист не может. Марксист стоит на почве классовой борьбы, а не социального мира. В известные периоды острых экономических и политических кризисов классовая борьба доразвивается до прямой гражданской войны, т. е. вооруженной борьбы между двумя частями народа. В такие периоды марксист *обязан* стоять на точке зрения гражданской войны. Всякое моральное осуждение ее совершенно недопустимо с точки зрения марксизма.

В эпоху гражданской войны идеалом партии пролетариата является *воюющая партия*. Это абсолютно неоспоримо. Мы вполне допускаем, что с точки зрения гражданской войны можно доказывать и доказать *нецелесообразность* тех или иных форм гражданской войны в тот или иной момент. Критику различных форм гражданской войны с точки зрения *военной целесообразности* мы вполне признаем и безусловно соглашаемся, что решающий голос в *таком* вопросе принадлежит практикам с.-д. каждой отдельной местности. Но во имя принципов марксизма мы безусловно требуем, чтобы от анализа условий гражданской войны не отделялись избитыми и шаблонными фразами об анархизме, бланкизме, терроризме, чтобы бессмысленные приемы партизанских действий, приме-

ненных такой-то пепезовской организацией в такой-то момент, не выдвигались как пугало по вопросу о самом участии с.-д. в партизанской войне вообще.

К ссылкам на дезорганизацию движения партизанской войной надо относиться критически. Всякая новая форма борьбы, сопряженная с новыми опасностями и новыми жертвами, неизбежно «дезорганизует» неподготовленные к этой новой форме борьбы организации. Наши старые кружки пропагандистов дезорганизовывал переход к агитации. Наши комитеты дезорганизовывал впоследствии переход к демонстрациям. Всякое военное действие на какой угодно войне вносит известную дезорганизацию в ряды воюющих. Отсюда нельзя выводить, что не следует воевать. Отсюда надо выводить, что следует *научиться* воевать. Только и всего.

Когда я вижу социал-демократов, горделиво и самодовольно заявляющих: мы не анархисты, не воры, не грабители, мы выше этого, мы отвергаем партизанскую войну, тогда я спрашиваю себя: понимают ли эти люди, что они говорят? По всей стране идут вооруженные стычки и схватки черносотенного правительства с населением. Это явление абсолютно неизбежное на данной ступени развития революции. Население стихийно, неорганизовано — и именно поэтому часто в неудачных и *дурных* формах — реагирует на это явление тоже вооруженными стычками и нападениями. Я понимаю, что мы в силу слабости и неподготовленности нашей организации можем отказаться в данной местности и в данный момент от партийного руководства *этой* стихийной борьбой. Я понимаю, что этот вопрос должны решать местные практики, что переработка слабых и не подготовленных организаций дело нелегкое. Но когда я вижу у теоретика или публициста социал-демократии не чувство печали по поводу этой неподготовленности, а горделивое самодовольство и нарциссовски-восхищенное повторение заученных в ранней молодости фраз об анархизме, бланкизме, терроризме, тогда мне становится обидно за унижение самой революционной в мире доктрины.

Говорят: партизанская война приближает сознательный пролетариат к опустившимся пропойцам босьякам. Это верно. Но отсюда следует только то, что никогда партии пролетариата не может считать партизанской войны

единственным или даже главным средством борьбы; что это средство должно быть подчинено другим, должно быть соразмерено с главными средствами борьбы, обложено просветительным и организующим влиянием социализма. А без этого *последнего* условия *все*, решительно все средства борьбы в буржуазном обществе приближают пролетариат к различным непролетарским слоям вверху или внизу от него и, будучи предоставлены стихийному ходу вещей, истрепываются, извращаются, prostituteуются. Стачки, предоставленные стихийному ходу вещей, извращаются в «Alliances» — соглашения рабочих с хозяевами *против* потребителей. Парламент извращается в публичный дом, где шайка буржуазных политиканов торгует оптом и в розницу «народной свободой», «либерализмом», «демократией», республиканизмом, антиклерикализмом, социализмом и всеми прочими ходкими товарами. Газета извращается в общедоступную сводницу, в орудие развращения масс, грубой лести низменным инстинктам толпы и т. д., и т. д. Социал-демократия не знает универсальных средств борьбы, таких, которые отгораживали бы пролетариат китайской стеной от слоев, стоящих немного выше или немного ниже его. Социал-демократия в различные эпохи применяет различные средства, *всегда* обставляя применение их *строго* определенными идейными и организационными условиями*.

IV

Формы борьбы в русской революции отличаются гигантским разнообразием по сравнению с буржуазными революциями Европы. Каутский отчасти предсказал это,

* Большевики с.д. часто обвиняют я легкомысленно-пристрастном отношении к партизанским выступлениям. Нелишне поэтому напомнить, что в проекте резолюции о партизанских действиях (№ 2 «Партийных Известий» и доклад Ленина о съезде) та *часть* большевиков, которая их защищает, выдвигала следующие условия их признания: «эсксы» частного имущества не допускались вовсе; «экссы» казенного имущества не рекомендовались, а только допускались под условием контроля партии и обращения средств на нужды восстания. Партизанские действия в форме террора *рекомендовались* против насильников правительства и активных черносотенцев, но при условиях: 1) считаться с настроением широких масс; 2) принимать во внимание условия рабочего движения данной местности; 3) заботиться о том, чтобы силы пролетариата не растрачивались напрасно. Практическое отличие от этого проекта той революции, которая была принята на Объединительном съезде, состоит исключительно в том, что не допущены «экссы» казенного имущества.

говоря в 1902 году о том, что будущая революция (он добавлял: за исключением *может* быть России) будет не столько борьбой народа с правительством, сколько борьбой между двумя частями народа. В России мы видим, несомненно, более широкое развитие этой *второй* борьбы, чем в буржуазных революциях Запада. Враги нашей революции из среды народа малочисленны, но они организуются все больше и больше с обострением борьбы и получают поддержку реакционных слоев буржуазии. Совершенно естественно и неизбежно поэтому, что в *такую* эпоху, в эпоху всепародных политических стачек, *восстание* не сможет вылиться в старую форму единичных актов, ограниченных очень коротким промежутком времени и очень небольшой местностью. Совершенно естественно и неизбежно, что восстание принимает более высокие и сложные формы продолжительной, охватывающей всю страну гражданской войны, т. е. вооруженной борьбы между двумя частями народа. Такую войну нельзя себе мыслить иначе, как ряд немногих, отделенных большими сравнительно промежутками времени, крупных сражений и массу мелких стычек в течение этих промежутков. Раз это так, — а это несомненно так, — то социал-демократия непременно должна ставить своей задачей создание таких организаций, которые бы в наибольшей мере способны были руководить массами и в этих крупных сражениях и, по возможности, в этих мелких стычках. Социал-демократия в эпоху обострившейся до гражданской войны борьбы классов должна ставить своей задачей не только участие, но и руководящую роль в *этой гражданской войне*. Социал-демократия должна воспитывать и готовить свои организации к тому, чтобы они действительно выступали, как *воюющая сторона*, не упускающая ни одного случая нанести ущерб силам неприятеля.

Это — трудная задача, слов нет. Ее нельзя решить сразу. Как перевоспитывается и учится в борьбе весь народ в ходе гражданской войны, так и наши организации должны быть воспитаны, должны быть на основании данных опыта перестроены для того, чтобы удовлетворить этой задаче.

Мы не имеем ни малейших претензий на то, чтобы навязывать практикам какую-нибудь сочиненную форму борьбы, или даже на то, чтобы решать из кабинета вопрос

о роли тех или иных форм партизанской войны в общем ходе гражданской войны в России. Мы далеки от мысли видеть в конкретной оценке тех или иных партизанских выступлений вопрос *направления* в социал-демократии. Но мы видим свою задачу в том, чтобы помочь по мере сил правильной *теоретической* оценке новых форм борьбы, выдвигаемых жизнью; — в том, чтобы бороться беспощадно с шаблонами и предрассудками, мешающими сознательным рабочим правильно поставить новый и трудный вопрос, правильно подойти к его разрешению.

«Пролетарий» № 5,
30 сентября 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

К ВОПРОСУ О ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЕ ⁶⁹

Мы считаем эту резолюцию принципиально правильной и отмечаем солидарность ее с положениями, которые мы развили в статье «Партизанская война». В самый текст резолюции мы бы предложили только несколько второстепенных поправок и дополнений. В п. 3 мотивов мы бы сказали: «революция, не будучи в силах в данный момент» и т. д. В собственно-резолютивной части мы бы добавили отрицание «эксов», согласно постановлению съезда, затем указание, что партизанские выступления необходимо сообразовать с настроением широких масс и с условиями рабочего движения. Ясно впрочем, что московские товарищи считают это само собою понятным.

«Пролетарий» № 5;
30 сентября 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ РУССКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Объединительный съезд РСДРП, как известно, уклонился от задачи классового анализа политических партий в России и определения пролетарского отношения к ним. Общее подтверждение амстердамской резолюции⁷⁰ является ничем иным, как формой уклонения. А между тем революция требует от нас все более и более настоятельно применения марксистского метода и марксистской теории к освещению того глубокого и интереснейшего процесса образования партий, который идет в России, по понятным причинам, быстрее и острее, чем где бы то ни было.

Конечно, этот процесс далеко-далеко не закончился и не дал еще никаких вполне устойчивых результатов. Но ведь закончиться этот процесс и не может *никогда* в капиталистическом обществе, а «устойчивыми» результаты его могли бы стать лишь при застое революции, как крутой ломки всей старой политической надстройки. Поэтому откладывать задачи анализа буржуазных партий мы никак не можем, тем более, что период октябрьских свобод, с одной стороны, и период первой Думы, с другой, дали уже, несомненно, *крупные* результаты, с которыми нельзя не считаться. И открытая революционная борьба в форме стачки, восстания и т. п., и новая избирательная кампания потребуют от нашей партии ясного и отчетливого определения своих отношений к различным партиям, а это возможно лишь на основании научного, т. е. классового анализа их.

Начнем с перечня сколько-нибудь значительных политических партий (или, пожалуй, *типов* * партий) в порядке

* Мы говорим о *типах* партий, во-1-х, потому, что за всеми мелкими делениями невозможно угнаться, да и не важны они (напр., отличие какой-нибудь

от «правых» и «левым». 1) Союз русского народа, монархисты и т. п. 2) Правопорядцы. 3) Октябристы. 4) Мирно-обновленцы. 5) Партия демократических реформ. 6) Кадеты. 7) Свободомыслящие, радикалы, безаглавцы и т. п. 8) Трудовые народные социалисты. 9) Социалисты-революционеры. 10) Максималисты. 11) Социал-демократы — меньшевики и большевики. Анархистов мы не считаем, ибо назвать их (да, пожалуй, и максималистов) политической партией было бы слишком рискованно.

Из этой пестрой вереницы партий явственно выделяется пять основных типов наших политических партий: 1) черносотенцы; 2) октябристы; 3) кадеты; 4) трудовики и 5) социал-демократы. Правильность такой группировки доказывается разбором классовой природы той или иной партии.

Необходимость выделения в особый тип социал-демократии не подлежит сомнению. Это общеевропейский тип. Это в России единственная *рабочая* партия, партия *пролетариата* и по своему составу и по своей строго-выдержанной пролетарской точке зрения.

Далее, не менее очевидна необходимость выделить в особый тип *трудоуиков*. Сюда относятся: «трудовая народно-социалистическая партия», эсеры собственно и, наконец, максималисты. Они все стоят на принципиальной точке зрения «трудового начала». Им всем свойственно стремление объединить и слить пролетария с мелким производителем в одну «Трудовую группу». Они стремятся опереться по преимуществу на крестьянство. И Государственная дума, выделив в Трудовую группу большинство крестьянских депутатов, доказала фактически, что указанным направлениям удалось (в той или иной степени) действительно положить начало политической организации крестьянства.

Правда, политические партии этого типа неизмеримо менее оформлены и закончены в своем образовании, по сравнению с с.-д. Номинально партии максималистов не существует, хотя раскол их с соц.-рев. есть совершившийся

прогрессивно-промышленной партии или диска²¹ от партии правового порядка ничтожно), во-2-х, ошибочно было бы считаться только с формально выступившими партиями, опуская вполне наметившиеся политические течения. Достаточно малого-либо малейшего изменения политической атмосферы, и эти течения в несколько недель примут форму партий.

факт, документируемый самостоятельностью и литературных и террористических выступлений. В Государственной думе эсеры не образовали своей фракции, действуя за спиной части трудовиков. «Трудовая народно-социалистическая партия» тоже только собирается родиться, хотя литературно она уже выступает не только в блоке с чистыми эсерами, но и вполне самостоятельно; в Думе ее лидеры тоже действовали частью вместе с эсерами, частью независимо от них. «Протоколы первого съезда партии с.-р.» (Париж. 1906) тоже показывают выступление этих трудовых народных социалистов, как особой «группы», которая держит себя независимо от партии с.-р. Одним словом, в этом лагере мы видим (1) конспиративную партию (с.-р.), которая совершенно не в состоянии создать сколько-нибудь устойчивой и сколько-нибудь массовой организации, — не в состоянии действовать самостоятельно под своим знаменем ни в Г. думе, ни в литературе периода свобод; (2) *имеющую* родиться легальную партию (тр. н.-с.), которая выступила, как группа, на съезде с.-р. (декабрь 1905 г.), не будучи до сих пор в состоянии даже начать образования массовой организации и действуя в литературе и в Г. думе большей частью в блоке с с.-р.-ами.

Тот факт, что после двух периодов относительной свободы («октябрьский» и «думский» периоды) трудовики продолжают оставаться все еще неоформленными политически, конечно, не может быть объяснен случайностью. Несомненно, тут влияет меньшая способность мелкой буржуазии (особенно в деревнях) к организации, сравнительно с пролетариатом. Несомненно, что идейный разброд трудовиков тоже отражает крайне неустойчивое положение в современном обществе мелкого производителя: крайнее правое крыло трудовиков («трудовая народно-социалистическая партия» с гг. Пешехоновыми во главе ее) очень мало отличается от кадетов, ибо устраняет из программы и республику и требование всей земли; крайняя левая трудовиков, максималисты, очень немного отличаются от анархистов.

Эти две крайности намечают, так сказать, амплитуду политических качаний трудовой мелкой буржуазии. Экономически вполне объяснимо, что именно мелкая буржуазия проявляет такую неустойчивость. Несомненно, что

ближайшее будущее русской революции скорее усилит, чем ослабит, эту неустойчивость. Но, констатируя и объясняя ее, мы, разумеется, не должны забывать о громадном политическом значении партий типа трудовиков. Действительная политическая свобода *всего больше* усилит именно *эти* партии, потому что при отсутствии политической свободы их способность к организации слабее, чем у буржуазии, слабее также, чем у пролетариата. С другой стороны, в такой преимущественно мелкобуржуазной и крестьянской стране, как Россия, совершенно неизбежно образование идейно-шатких и политически-неустойчивых, но чрезвычайно крупных мелкобуржуазных или «*трудовых*» партий.

В такой стране, как Россия, исход буржуазной революции всего более зависит от политического поведения мелких производителей. Что крупная буржуазия изменит, это несомненно (она уже на две трети изменила). Что пролетариат будет самым верным борцом, этого по отношению к русским рабочим не требуется даже доказывать, после октября и декабря. Мелкая же буржуазия есть именно та переменная величина, которая определит исход. К ее теперешнему политическому колебанию между кадетским лояльным убожеством и смелой, беспощадной революционной борьбой социал-демократы должны поэтому особенно внимательно присматриваться. И не только присматриваться к этому процессу, разумеется, а также посылить влияние на него в пролетарском духе.

Пойдем далее. Необходимость выделения в особый тип кадетов несомненна. Партия демократических реформ справа от них, свободомыслящие, радикалы и т. п. слева — не более, как совершенно ничтожные ответвления. Для современной политической эпохи кадеты — самостоятельный политический тип. Его отличие от трудовика ясно. Типичный трудовик, это — сознательный крестьянин. Ему не чужды стремления к сделке с монархией, к успокоению на *своем* клочке земли в рамках буржуазного строя, но в настоящее время его главная сила идет на борьбу с помещиками за землю, на борьбу с крепостническим государством за демократию. Его идеал — уничтожение эксплуатации; только мыслит он это уничтожение мелкобуржуазному, и потому *на деле* из его стремления выходит не борьба со всякой эксплуатацией, а только

борьба с помещицей и крупно-финансовой эксплуатацией. Кадет — типичный буржуазный интеллигент и частью даже либеральный помещик. Сделка с монархией, прекращение революции — его основное стремление. Неспособный совершенно к борьбе, кадет — настоящий маклер. Его идеал — увековечение буржуазной эксплуатации в упорядоченных, цивилизованных, парламентарных формах. Его политическая сила — объединение громадной массы буржуазной интеллигенции, необходимой во всяком капиталистическом обществе, но, конечно, абсолютно неспособной сколько-нибудь серьезно влиять на действительное изменение порядков этого общества.

Типичный октябрист — не буржуазный интеллигент, а крупный буржуа. Он — не идеолог буржуазного общества, а его непосредственный хозяин. Заинтересованный самым прямым образом в капиталистической эксплуатации, он презирает всякую теорию, плюет на интеллигенцию, отбрасывает всякие, свойственные кадетам, претензии на «демократизм». Это — буржуа-делец. Он тоже стремится, как и кадет, к сделке с монархией, но понимает под этой сделкой не ту или иную политическую систему, не парламентаризм, а соглашение нескольких лиц или главарей с придворной камарильей в интересах прямого подчинения правящей буржуазии неповоротливого, тупоумного и азиатски-продажного русского чиновника. Октябрист, это — кадет, который применяет в деловой жизни свои буржуазные теории. Кадет, это — октябрист, мечтающий в свободные от грабежа рабочих и крестьян часы об идеальном буржуазном обществе. Октябрист немножко еще научится парламентарному обхождению и политическому лицемерию с игрой в демократизм. Кадет немножко еще научится деловому буржуазному гешефтмахерству, — и они сольются, неизбежно и неминуемо сольются, совершенно независимо от того, удастся ли именно в теперешний момент и именно теперешним «мирно-обновленцам» осуществить это слияние.

Но не будем говорить о будущем. Наше дело — научиться понимать настоящее. При сохранении всей полноты власти за шайкой придворной сволочи совершенно естественно, что одни уже демократические фразы кадетов и их «парламентская» оппозиция служили *на деле* гораздо

больше элементам, левее их стоящим. Естественно и то, что октябрист, непосредственно враждебный этим элементам, сердито отстраняется от кадета и поддерживает (на выборах в первую Думу) правительственных черносотенцев.

Черносотенцы образуют последний тип наших политических партий. Они хотят не «конституции 17-го октября», как гг. Гучковы, а сохранения и формального восстановления самодержавия. В их интересах — вся та грязь, темнота и продажность, которые процветают при всевластии обожаемого монарха. Их сплачивает бешеная борьба за привилегии камарильи, за возможность попржнему грабить, насильничать и затыкать рот всей России. Защита во что бы то ни стало теперешнего царского правительства сплачивает их сплошь да рядом с октябристами, и поэтому относительно каких-нибудь правопорядков так трудно сказать, где тут кончается черносотенец и где начинается октябрист.

Таким образом, русская революция в самое короткое время наметила крупные типы политических партий, соответствующие всем основным классам русского общества. Мы имеем партию сознательного, социалистического пролетариата, — партии радикальной или радикальничавшей мелкой буржуазии и в первую голову сельской, т. е. крестьянства, — партии либерально-буржуазные, — партии реакционно-буржуазные. Несоответствие политических образований экономическим, классовым делениям состоит только в том, что двум последним группам противостоят не две, а три группы политических партий: кадеты, октябристы и черносотенцы. Но это несоответствие вполне объясняется временными особенностями переживаемого момента, когда чрезвычайно обострилась революционная борьба, когда практически крайне трудно отделить защиту самодержавия от защиты во что бы то ни стало монархии, когда группировка по экономическому признаку (за прогрессивный и за реакционный капитализм) естественно перекрещивается политической группировкой (за теперешнее правительство и против него). Но родство кадетов и октябристов слишком очевидно, и неизбежность образования крупной и «деловой» либерально-буржуазной партии едва ли может быть кем-либо оспариваема.

Итог: процесс образования политических партий в России дает самое блестящее подтверждение теории марксизма.

Р. S.* Статья написана до раскола в союзе 17-го октября. Теперь выход Шипова и предстоящее образование умеренно-либеральной партии (левые октябристы, мирнообновленцы и правые кадеты) окончательно обещают свести все русские политические партии к четырем основным типам всякой капиталистической страны.

«Пролетарий» № 5,
30 сентября 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

---

* — Postscriptum — приписка. Ред.

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ № 1 «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА»⁷²

Статья «Партизанские выступления» в только что полученном нами № 1 «Социал-Демократа» (издание ЦК РСДРП) подтвердила как нельзя лучше сказанное нами в № 5 «Пролетария» о шаблонности и неисторичности ходячих, обывательских рассуждений на эту тему*. Автор громит грабежи, анархизм, бланкизм, ткачевизм⁷³, разбой на большой дороге («дорожных разбойников», как гласит плохой перевод с немецкого), громит совершенно так же, как делают это либералы. Либералы верны себе, когда они под видом «анархии» отвергают *всякую* вооруженную борьбу с правительством. Социал-демократ, на словах не отрицающий такой борьбы, но на деле не разбирающийся вопроса с этой точки зрения, переходит фактически на позицию либерализма. Вот характерный пример. «Поскольку революционные партии сами берут под свое покровительство анархию, они направляют озлобление буржуазных и мелкобуржуазных классов против себя и тем самым играют на руку реакции». Итак, либо покровительствовать *анархической* вооруженной борьбе, либо отстраниться вовсе от вооруженной борьбы! Другого выхода, по автору, нет. Организованной, планомерной, идейной, политически воспитывающей вооруженной борьбы он *не допускает*. Какой же у него бедный выбор!

«Один из видов партизанских выступлений революционеров: экспроприации частного и казенного имущества, уже похоронен жизнью». Ведь это же прямая неправда,

* См. настоящий том, стр. 186—196. Ред.

товарищ! Не может быть, чтобы вы не знали таких *меньшевицких* организаций, которые *после* Объединительного съезда участвовали, прямо или косвенно, в казенных эсках, в «утилизации» добычи и т. п. Когда у социал-демократа слово расходуется с делом, это уже совсем плохо. Это ведет к лицемерию. Это зависит либо от нечистой совести (такое объяснение мы отвергаем), либо от непродуманной, бессвязной теории.

Тов. Аксельрод сердито отвечает нам в «Социал-Демократе» на заметку в № 1 «Пролетария»*. Полтора столбца петита посвящаются недоумениям, восклицаниям, уверениям, попрекам по нашему адресу за то, что мы назвали его агитацию за рабочий съезд «скрытной» от партии. Аксельрод никак не может понять, что это значит. И в то же время он сам говорит: «Я в близком будущем *воспользуюсь* ею (имеющейся у меня возможностью) для вынесения вопроса о рабочем съезде *на арену политического обсуждения*» (курсив наш). Ну, вот давно бы так! Надо было *начать* с «вынесения вопроса на арену политического обсуждения», а не кружкового шептанья. Тогда бы ваша агитация была партийно-правильной, открытой, достойной революционного класса. Тогда бы буржуазная пресса не могла вносить смуты в социал-демократию и ронять ее престиж, сообщая сенсационные заметки об этом кружковом шептанье и порождая тысячи недоумений. Крайне прискорбно, что даже теперь в своем запоздалом и чрезвычайно обширном «письме в редакцию» Аксельрод *обходит* суть вопроса, *ни слова* не говоря о том, какой именно съезд он предлагает, когда, на каких началах, кем созываемый, с какой именно целью. Аксельрод отделяется фразами, вроде следующей: работа по подготовке съезда окажет живительное действие на социал-демократию «как раз в той мере, в какой эта работа пропитана будет действительно социал-демократическим содержанием, т. е. поскольку кружковые интересы и фракционные счеты вытеснены будут в ней социально-политическими вопросами и задачами, имеющими самое непосредственное отношение к жизненным интересам рабочего класса».

* См. настоящий том, стр. 144. *Ред.*

Помилосердствуйте, товарищ! Ведь это же совсем пустышка, облеченная в важные слова. Подготовка съезда оживит социал-демократию как раз в той мере, в какой будет действительно социал-демократична! И ново и умно. «Фракционные счеты» должны быть вытеснены социально-политическими вопросами и задачами, — а различное понимание этих вопросов и задач как раз и разделило партию на фракции! Настоящая сказка про белого бычка.

А рядом Плеханов грубо и пошло инсинуирует насчет мотивов борьбы за партийный съезд и так же грубо восхваляет «счастливую мысль» Аксельрода о созыве «как можно скорее» рабочего съезда. Да, да... что может быть в самом деле счастливее той мысли, что действительно социал-демократическая работа оживляет социал-демократию?

В редакционной передовице «Социал-Демократа» читаем: «Теперь, как и после II съезда, обе фракции (большевики и меньшевики), вероятно, одинаково сильны по численности» и несколько ниже второй раз: «Теперь, как и после II съезда, обе фракции одинаково влиятельны в партии». Мысль автора ясна. В передовой статье официального «издания ЦК» она приобретает важное значение. Партия рабочего класса должна знать точно, из кого состоят ее «фракции» и как они сильны. На чем же основано мнение об их равенстве?

Одно из двух: или автор имеет в виду только русскую часть партии (плюс Кавказ), или он присоединяет поляков, латышей и Бунд. Если принять первое толкование, то значит, автор признает громадное усиление «большинства» на счет «меньшинства» после IV (Объединительного) съезда, ибо на этом съезде было представлено около 13 000 большевиков и около 18 000 меньшевиков. Но такое толкование невероятно, ибо национальные социал-демократические партии уже больше месяца все объединились с РСДРП. Значит, надо взять второе толкование. Тогда очевидно, что автор относит поляков и латышей к большевикам, а *Бунд к меньшевикам*. Считая, по данным последних съездов национальных социал-демократических партий, около 40 000 поляков и латышей, около 33 000 членов Бунда, мы получим тогда действительно приблизительное равенство обеих фракций.

Но, спрашивается, правильно ли отчисление Бунда к меньшевикам? Конечно, если ЦК утверждает это, мы должны ему верить. Но выяснить себе значение такой группировки необходимо. В области тактики она не подтверждается взятыми в совокупности последними резолюциями Бунда. Следовательно, объяснения надо искать в организационной позиции Бунда. Очевидно, издание ЦК учитывает, как *реальный* факт, то обстоятельство, что Бунд не требует экстренного съезда. Кто хочет действительно изменить политику партии, как целого, т. е. политику ЦК, тот должен требовать съезда; кто не требует, тот не хочет серьезно изменять, — такова сущность этого хода мысли.

Аргументация эта неопровержима, и мы считаем своим долгом содействовать уяснению и правильной оценке ее всеми организациями нашей партии. Действительно, в демократической организации нейтралитет почти невозможен и воздержание часто равняется действию. Результат этого «действия» налицо. Издание ЦК пропагандирует самые смутные идеи насчет «рабочего съезда» и занимает определенно и последовательно меньшевистскую позицию в тактике. Какими последствиями грозит это для всей партии на случай выборной кампании или новых призывов к выступлениям, достаточно показали «лозунги» ЦК во время Думы и после ее разгона. Своим теперешним «воздержанием» Бунд действительно сделал себя соучастником меньшевистской тактики и политики ЦК.

Написано в начале октября 1906 г.

Впервые напечатано в 1931 г.
в Ленинском сборнике XVI

Печатается по рукописи

РУССКИЙ РАДИКАЛ ЗАДНИМ УМОМ КРЕПОК!⁷⁴

В «Товарище» от 20-го сентября помещен чрезвычайно поучительный «разговор» кадета с неким более левым политиком (трудовиком?), выражающим точку зрения сотрудника этой газеты, г-на В. В. Х — ова⁷⁵. Вот как радикал отчитывает кадета:

«Разве не наоборот?» — спрашивает он кадета, ораторствующего о том, что только уверенность в своем праве способна создать силу. «Не сила дает уверенность в ненарушимости права?» «Деятельность вашей партии... я считаю политическим донкихотством... Вы укрепляли фикции»... «Виноваты ваши конституционные иллюзии... То, что вы говорили и как говорили, создавало чрезмерную веру во всемогущество Думы. А это не способствовало накоплению общественных сил... Мне хотелось всегда, когда я слушал ваши думские и введумские речи, чтобы вы перестали считать Думу конституционным органом, а видели бы в ней лишь орган общественной воли, которая воюет с другою волею... Положение дела больше всего требовало организации своих сил... Дума должна была все усилия употребить к тому, чтобы самой создать аппарат, которого не дал ей закон... Вы обнаруживаете свою ахиллесову пяту — конституционные иллюзии... Я всегда убеждался лишь в том, как прочно въелись в вашу партию конституционные фикции... Я браню (вас, кадетов), так как вы переставали чувствовать себя борющейся стороной, а являлись какими-то ликвидаторами борьбы. Вы предлагали между прочим то, что в других странах явилось уже в результате борьбы сторон».

Не правда ли, какие поучительные речи? Напрасно только наш бравый бернштейнианец «вывел» очень уже

глупого кадета, чтобы побить его в «разговоре». Есть все-таки поумнее. Есть такие, которые следят внимательно за меньшевистской литературой и особенно за писаниями Плеханова. Такой кадет иначе отвечал бы своему собеседнику.

Он сказал бы: мой милый радикал! Qui proove trop, ne proove rien. Кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает. А вы доказываете, несомненно, *слишком* многое с точки зрения вашей собственной позиции. Не вы ли поддерживали нас на выборах в Думу и боролись с бойкотистами? А ведь выборы *объявляли*. Эти выборы *целиком* шли под знаком того, что вы теперь называете «конституционными иллюзиями» (фи! фи! не начитались ли вы большевистских произведений?). Ведь я бы мог показать вам, милейший радикал, такое местечко — и не одно! — в вашей собственной газете «Товарищ», где вы (не вы непременно лично, а ваши единомышленники) уверяли доверчивого русского обывателя, что дурным министрам придется уйти в отставку, если победит на выборах партия «народной свободы». А? Что? Вы забыли это, мой милый радикал? А мы это помним, очень хорошо помним. Нельзя было выбирать, почтеннейший, не давая обещаний быть лояльным, не клянясь применять одни только конституционные приемы борьбы. А мы, мы, партия народной свободы, мы даем обещания только для того, единственно для того, чтобы их выполнять!

Вы говорите, что мы слишком верили во всемогущество Думы, что это не способствовало накоплению «собственных» сил? Но прочтите же, бога для, что писал Плеханов, писатель, для вас безусловно авторитетный. Ведь именно вы, ваши единомышленники, а отнюдь не кадеты, любят заявлять в интимных разговорах, что они собственно совсем, совсем социал-демократы и объявили бы себя таковыми, если бы... если бы социал-демократия *целиком* встала на точку зрения Плеханова. А не Плеханов ли говорил на Объединительном съезде РСДРП, что кричать о конституционных иллюзиях могут только анархисты? Не Плеханов ли предлагал резолюцию, в которой Дума не только названа была *властью* — и это название утверждено Объединительным съездом с.-д.!! — но притом *властью*, «самим царем вызванною к жизни и законом утвержденною»? Не Плеханов ли писал в почтенном органе меньше-

виков, — а ведь вы, господа из «Нашей Жизни», всегда хвалили эти тенденции меньшевиков! — что наибольшее агитационное значение имеет органическая работа в Думе? И вы рукоплескали Плеханову, вы печатно восторгались его «мужеством» (да! да! вы выражались именно так!) в борьбе с «бланкизмом»! Вы в буквальном смысле слова не износили башмаков с тех пор, как все это было, и вы уже повторяете сами печальные бланкистские заблуждения!!

Если бы кадет стал защищаться таким образом, его защита превратилась бы в нападение, и радикал был бы разбит наголову...

Этот радикал напоминает своим теперешним партизанским выступлением против конституционных иллюзий того героя народного эпоса, который кричал: «таскать вам не перетаскать» при виде похоронной процессии. Подумайте, в самом деле: когда важна была и насущно-необходима борьба с конституционными иллюзиями? Очевидно, тогда, когда они процветали и могли приносить, приносили на деле, *широкий* вред, соблазняя всяческих «малых сих». Другими словами: тогда, когда широкой массе могло и *должно было* казаться, что конституция есть, а на самом деле никакой конституции не было. Именно такое время было в период выборов в первую Думу и в течение заседаний Думы, т. е. в марте — июне 1906 года. Именно тогда конституционные иллюзии и принесли *широкий* вред. Но тогда с ними боролись систематически одни только большевики с.-д., плывя против течения. Тогда гг. X — овы и прочие писатели из «Нашей Жизни» *поддерживали* эти иллюзии, «воюя» с большевиками, браня их за резкую критику кадетов.

Теперь Дума разогнана. Кадеты разбиты. Никому и не кажется, что конституция есть. Теперь даже не очень благородные животные могут лягать кадетов («я браню их» — смотри «разговор») и через четыре слова на пятое проклинать конституционные иллюзии. Эх, господа радикалы! Дорого яичко в христов день!..

Пример г. X — ова и К^о поучительный образец того, как люди, считающие себя образованными политиками и даже свободомыслящими или радикалами, беспомощно и безидейно, дрябло и бессильно, плывут по течению. В марте — июне 1906 г. они поддерживают конституционные иллюзии, называя Думу властью, волочатся в хвосте

кадетов, брезгливо морщат нос по поводу беспощадной критики этой модной тогда партии. В сентябре 1906 г. они «бранят» кадетов и «воюют» с конституционными иллюзиями, не понимая, что они опять отстали, что теперь недостаточно этого, а нужен прямой призыв к определенной (предыдущим историческим развитием определенной) форме революционной борьбы.

Хорошо было бы, если бы на примере таких господ русская интеллигенция, рождающая массу подобных хлюпиков, научилась сознавать весь вред оппортунизма. Напрасно считают у нас нередко это слово «просто бранью», не вдумываясь в его значение. Оппортунист не предаст своей партии, не изменит ей, не отходит от нее. Он искренне и усердно продолжает служить ей. Но его типичная и характерная черта — податливость настроению минуты, неспособность противостоять моде, политическая близорукость и бесхарактерность. Оппортунизм есть принесение длительных и существенных интересов партии в жертву ее минутным, преходящим, второстепенным интересам. Некоторый подъем промышленности, сравнительное процветание торговли, легкое оживление буржуазного либерализма, — и оппортунист уже кричит: не запугивайте буржуазии, не чурайтесь ее, бросьте «фразы» о социальной революции! Собралась Дума, повеяло полицейски-конституционной «весной», — и оппортунист уже называет Думу властью, торопится проклясть «пагубный» бойкот, спешит выдвинуть лозунг о поддержке требования думского, т. е. кадетского, министерства. Отхлынула волна, — оппортунист так же искренне и так же некстати начинает «бранить» кадетов и разносить конституционные иллюзии.

Никакая выдержанная политика, достойная истинно-революционного класса, стойко ведущая через все мелкие отклонения и колебания к подготовке решительного и беззаветно-смелого сражения с врагом невозможна при господстве подобных интеллигентских настроений. Вот почему сознательный пролетариат должен уметь критически относиться к становящейся на его сторону интеллигенции, должен научиться беспощадной борьбе с оппортунизмом в политике.

К ИТОГАМ КАДЕТСКОГО СЪЕЗДА

Мы не раз уже выясняли, что борьба самодержавия с пролетарско-крестьянской революцией неизбежно обрушивается и на либеральную оппозицию. Раз молчит пролетариат, правительство погромщиков не упустит, конечно, случая придушить и кадета. Оно душит теперь мирнообновленца. Оно не особенно милостиво поглядывает теперь даже и на октябриста. И если благодаря военно-полевому правосудию даже смолкнет временно треск браунингов и бомб и классическое «руки вверх!» прекратит свою перекличку, — то это нисколько не будет, конечно, порукой тому, что кадет и мирнообновленец обретут, наконец, вожделенный покой легальной, конституционной борьбы.

Могло казаться, что в результате бешеной реакции руководящие круги либеральной оппозиции окажутся отброшенными далеко влево. Разгон Думы подорвал в корне конституционные иллюзии. Нет такого сотрудника «Товарища», или «Столичной Почты»⁷⁶, который не понимал бы теперь этого. Гибель кадетской прессы (всей провинциальной и значительной части столичной), запрещение съезда, отказ в легализации партии, предание суду всех, подписавшихся под выборгским воззванием, должны были, казалось, принудить кадетов покинуть точку зрения организации общественного мнения и стать, наконец, на точку зрения организации общественных сил. И дальше, казалось, что если у кадетских вождей нехватит героической решимости гордо уйти в подполье, то армия тут же, на месте, покинет этих вождей.

Кадетский съезд показал, что эти расчеты неверны. Пока-что, во всяком случае. Съезд санкционировал,

не совсем охотно, правда, тот «шаг на месте», или, вернее, «ни шагу с места», которое предложил ему центральный комитет. Съезд принял резолюцию об организации общественных сил, но резолюцию совершенно платоническую, решительно никого ни к чему не обязывающую, совершенно не указывающую даже того дела, для которого и в котором эти силы могут и должны организовать. Съезд принял, — правда, сравнительно незначительным большинством, — знаменитый 4 пункт тактической резолюции, провозглашающий пассивное сопротивление партии тому пассивному сопротивлению, которое стихийно нарастает в народных низах, и которое рекомендует выборгское воззвание. Съезд закончился, как съезд единой, нераздельной «партии народной свободы».

И так оно, несомненно, и должно было быть. Час раскола кадетской партии еще не пробил. Если классовые противоречия успели уже безвозвратно втиснуть в рамки явной контрреволюции широкие слои крупной буржуазии, то они не успели еще разложить в достаточной степени широкие слои той средней и мелкой буржуазии, которая голосовала за кадетов на выборах. Нет, пока-что, объективных признаков того, что обывательскую провинцию охватил перед лицом революции тот буржуазный страх, который безраздельно овладел уже «заплечными гуманистами» гучковского пошиба.

Разложение это идет быстро вперед. И сами кадетские вожди не уверены, конечно, в том, что созданный ими пестрый блок «народной свободы» выдержит искусы обостряющейся социально-политической борьбы.

В российской революции, несомненно, должен быть тот роковой предел, за которым раскол этого блока будет решительно неизбежен. Он будет достигнут и перейден тогда, когда водоворот пролетарско-крестьянского восстания безвозвратно втянет в себя самые широкие слои мелкой, а частью и средней городской буржуазии. Тогда, но только тогда, от огромного кадетского блока действительно останется только та имущая средняя буржуазия, которой несомненно на роду написано разделить в конце концов с г. Гучковым его буржуазный страх. Тогда рассеется тот призрак национальной революции, который все еще так силен теперь и который многим мешает должным образом оценить поистине гигантскую творческую роль

классовых противоречий в российской революции. На этом пределе огромная политическая партия, базирующаяся на организации общественного мнения, станет давно изжитым анахронизмом, а все элементы действительно массового движения, как справа, так и слева, отведут силе, голой материальной силе, ту великую не только разрушительную, но и творческую роль, без которой немислимо, конечно, действительное завершение революции. Но там, где материальная сила вступает в свои верховные права, там нет места кадетско-буржуазной гегемонии. Об этом свидетельствует все прошлое нашей борьбы; не нужно быть пророком, чтобы безошибочно предсказать, что то же самое произойдет, если нам предстоит пережить новый подъем революции. Фигура кадета — «законный» участник в дележе добычи революции, — но и только.

И вот почему были объективно правы те кадетские вожди, которые предлагали признать выборгское воззвание просто ошибкой увлечения, поскольку это воззвание непосредственно призывает к тактике пассивного сопротивления. Ибо при теперешней напряженности борьбы нет и не может быть такого массового пассивного сопротивления, которое не переходило бы непосредственно в активное наступление. Г. Струве вполне прав, говоря, что такой культурный способ борьбы (в противоположность, изволите ли видеть, способу чисто революционному, наступательному) уместен только против культурного, конституционного правительства. Кто усомнится хоть на минуту в том, что столыпинская банда двинет свои карательные экспедиции при первых же признаках массового неплательщика податей и массовой недачи рекрутов. А кто оставит тогда население от перехода к обороне, к активному наступлению с оружием в руках?

И выборгское воззвание, даже в самый момент его подписания в чисто кадетском понимании, было в лучшем случае угрозой такого перехода по адресу правительства, а вовсе не практическим лозунгом. И гг. Милюковы и Струве вовсе не ответственны в данном случае за политическую наивность тех провинциальных кадетов, которые приняли это воззвание за практический лозунг. Судьба возвания в провинции свидетельствует об этом. Терроризированная пресса говорила об этой судьбе очень мало и очень глухо, но то, что она говорила, показывает,

кажется нам, что партия «народной свободы», как партия, усиленно практиковала провозглашенный этим воззванием принцип пассивного сопротивления по отношению к самому же воззванию. Раз это так, то съезд мог только закрепить эту позицию кадетов. Побушевавшее было против этого закрепления меньшинство съезда в конце концов сдалось и осталось в партии.

А из глубины страны каждый день приходят вести о том, что идея пассивного сопротивления нашла себе отклик среди народных масс. Неплатеж податей, беда рекрутов, бойкот властей начинают становиться действительно практическим лозунгом. Никто не закрывает глаз на те огромные организационные пробелы, при которых нарастает это движение. Никто не оспаривает неизбежность хаотичности в нем. Но этот хаос создает порядок — порядок революции, эту высшую ступень хаотических, стихийных народных взрывов. Ненависть, которая кипит теперь в народных массах под гигантским давлением военно-полевой конституции, не может не прорываться и действительно прорывается то здесь, то там вспышками открытой вооруженной борьбы. У нас нет данных, на основании которых можно было бы безошибочно предсказать, что в момент набора и сбора податей вспыхнет общенародное восстание, хотя бы даже в форме чисто пассивного сопротивления, но что проявления этой борьбы будут, это неизбежно. И кадеты своевременно отходят в сторонку. «Совесть не позволяет санкционировать эту опасную экспертизу», заявил кадетский съезд устами г-жи Тырковой, члена центрального комитета партии.

Но ссылка на совесть не меняет, конечно, дела. Если бы надвигающиеся события даже с математической точностью говорили бы о близком торжестве народной революции, руководящие круги кадетов не отнеслись бы к делу иначе. Все прошлое кадетской партии порукой тому, и переговоры с погромщиками о министерских портфелях были кульминационным пунктом в истории кадетской партии; они были для нее объективно несравненно характернее, чем выборгское воззвание. И один из авторитетнейших представителей партии, профессор Гредескул, самым определенным образом свидетельствует нам об этом («Речь» № 180): «Мы жили с нашим народом, — говорит он, — мы делили его бурные порывы». Но это было

время «бурной, горячей юности»; теперь пришло время «упорной и настойчивой зрелости». А палладиум этой зрелости — избирательная кампания, с ответным адресом Думы на тронную речь в виде платформы.

«Бурных порывов» кадетская партия никогда с народом не делила и не могла делить, почтенный профессор просто сболтнул это для красного словца. Но кадетская партия, в лице ее съезда, не ушла и вправо. Она осталась на месте. Она попрежнему намерена принимать участие в переживаемом революционном кризисе лишь постольку, поскольку он может выродиться в кризис *чисто парламентский*.

Мы можем только приветствовать ту определенность, ту ясность, которую съезд придал своим постановлениям в этом смысле. Конечно, он должен сильно разочаровать тех, которые видели в выборгском воззвании «начало левения» кадетов и яркий признак складывающегося национального характера российской революции.

Заявив, что он мыслит революцию лишь как парламентскую борьбу, съезд тем самым поставил ребром перед широкой массой демократии вопрос об открытой борьбе за власть. Весь ход российской революции говорит за то, что демократия ответит на этот вопрос не по-кадетски. И социал-демократия должна готовиться к тому, чтобы к моменту этого ответа городская и деревенская беднота нашла именно в ней, в социал-демократии, своего естественного гегемона в периоде революции.

ОБЫВАТЕЛЬЩИНА В РЕВОЛЮЦИОННОЙ СРЕДЕ

Контрреволюционные периоды знаменуются между прочим распространением контрреволюционных идей не только в грубой и прямой форме, но также более тонкой, именно в виде роста обывательского настроения среди революционных партий. Под этим последним названием тов. Мартов в своей новой брошюре «Политические партии в России» объединяет партии с.-д. и с.-р. Мы надеемся в другой раз вернуться к интересной брошюре Мартова, который критикует кадетов с прямотой и определенностью, необычными в меньшевистской литературе, но дает в то же время совершенно неверную, немарксистскую классификацию наших политических партий и обнаруживает основную ошибку меньшевизма, относя партии типа октябристов к партиям «центра».

Но это мимоходом. В настоящее время нас интересуют некоторые другие новинки в литературе с.-д. и с.-р. Мы намерены отметить наиболее крупные проявления, вернее, отражения контрреволюционных настроений в этой среде. После поражения декабрьского восстания самым крупным выражением контрреволюционных настроений в демократии был поворот кадетов, которые выкидывали за борт лозунг учредительного собрания и всячески поносили и обливали грязью на страницах «Полярной Звезды» и т. п. изданий участников и идеологов вооруженного восстания. После разгона Думы и неудачи июльских народных движений новинкой по части контрреволюционных настроений в демократии явилось окончательное отделение от эсеров их правого крыла, образование полукадетской, «народно-социалистической» партии. После

первого и большого подъема, в октябре — декабре, от боевой, воинствующей демократии отпали кадеты. После второго, малого подъема, в мае — июне, от нее стали отпадать энесы.

В № 4 «Пролетария»⁷⁷ мы обрисовали основные черты идейно-политической физиономии этих энесов*. С тех пор они успели выступить вполне формально, опубликовали программу «трудовой (народно-социалистической)» партии — переделка эсеровской программы из революционной в оппортунистическую, мещански-легальную, — опубликовали состав организационного комитета новой партии. Правда, в числе 17-ти членов этого организационного комитета (гг. Анненский, Елпатьевский, Мякотин, Пешехонов и др.) фигурирует всего-навсего *один* бывший член Думы из «Трудовой группы», г. Крюков, преподаватель реального училища и публицист-писатель. Ни одного сколько-нибудь крупного имени из *настоящих* «трудовиков» в числе учредителей новой трудовой партии не значится! Неудивительно, что энесов некоторые зовут самозванцами трудовиками. Неудивительно, что в газетах появились уже известия о других трудовых партиях. «Товарищ» сообщал, что г. Седельников, являющийся, разумеется, гораздо более видным и знакомым народу по думской деятельности «трудовиком», чем совершенно неизвестный г. Крюков, основывает *народно-трудовую* партию. На многолюдном собрании, о котором повествовал «Товарищ», г. Седельников откровенно и прямо защищал свои идеи, не претендуя на название социалиста и выкидывая знамя «демократической монархии». Прямота и откровенность трудовика из народа вызвала, по тому же сообщению, величайший гнев трудовика из журналистики, г. Мякотина, отстаивавшего в возражении взгляды энесов.

Подробности этого семейного спора нам неинтересны. Нам важно отметить лишь различные проявления оппортунистических тенденций среди вчерашних эсеров и некоторых «трудовиков». Г. Пешехонов «прогрессирует» в этом отношении (у эсеров есть гораздо более смелые «новаторы-прогрессисты», чем у нас) больше всех. В сентябрьской книжке «Русского Богатства» он идет дальше и дальше по своему пути от революционеров к кадетам. Он старается

* См. настоящий том, стр. 170—179. *Ред.*

стереть разницу между революционным «взять» и кадетским «получить». «Доказавши» в августе, что нельзя взять ни всей воли, ни всей земли, он «доказывает» теперь, что нельзя «взять волю снизу». *Se n'est que le premier pas qui coûte** или по-русски: первая чарочка колом, вторая — соколом, а остальные — мелкими пташечками. Новокадетский [публицист] разносит на страницах легального журнала идею вооруженного восстания, идею временного революционного правительства, не называя, разумеется, вещей прямо по имени, не приводя полностью «опровергаемого» им манифеста революционных партий, извращая и упрощая на свободе мысли тех, кто в нелегальной печати защищал идею восстания, идею временного революционного правительства. И в самом деле, для чего-нибудь легализировали же свою партию гг. энесы! Разумеется, они легализировали ее не для того, чтобы защищать идею восстания, а для того, чтобы опровергать ее!

В литературе с.-д. крупной повинкой по части отражения контрреволюционных настроений явился московский еженедельник «Наше Дело». Кадетская печать протрубила уже все уши об этом новом и крупном «прогессе» меньшевиков; — они прогрессируют, как известно, от революционеров к кадетам. «Речь» поместила особую приветственную статью, «Товарищ» повторил с восторгом главные мысли «Нашего Дела», «Речь» повторила отзывы «Товарища», «Товарищ» подтвердил свои взгляды ссылкой на «Речь», — одним словом, просвещенное общество образованных предателей русской революции пришло в необычайно восторженное волнение. «Речь» разузнала даже от кого-то, что во главе «Нашего Дела» стоят видные меньшевики, гг. Маслов, Череванин, Громан, Валентинов.

Мы не знаем, верны ли эти сведения «Речи», хотя она и выступает обыкновенно с большими претензиями на осведомленность во всех меньшевистских делах. Но мы знаем передовицу Череванина в № 1 «Нашего Дела». Стоит процитировать место, обрадовавшее кадетов:

«Было бы нелепостью и безумием для пролетариата пытаться, как это предлагают некоторые, вместе с крестьянством вступить в борьбу и с правительством и

* Точный перевод: труден только первый шаг. *Ред.*

с буржуазией за полновластное и всенародное учредительное собрание» (с. 4). «Нужно настоять на том, чтобы новая Дума была созвана». Министерство должно быть из думского большинства. «И на большее, при той полной неорганизованности и страшном невежестве, которыми страдает теперь крестьянство, трудно и рассчитывать» (с. 6). Как видите, это откровенно... до святости. Товарищ Череванин ушел много дальше вправо, оставаясь внутри революционной партии, чем г. Пешехонов, основавший новую «легальную партию». Г. Пешехонов от лозунга учредительного собрания *еще не* отказывается и требование думского министерства *все еще* критикует за его недостаточность.

Не желая оскорблять наших читателей, мы не будем, конечно, опровергать позиции Череванина. Он и то уже стал «притчей во языцех» у всех с.-д. без различия фракций. Но мы приглашаем читателей самым серьезным образом вдуматься в причины, которые объясняют это невероятно легкое превращение видного и ответственного меньшевика в либерала. Нетрудно осудить и отвергнуть бросающуюся в глаза «крайность», «эксцесс» оппортунизма. Гораздо важнее вскрыть источник ошибок, заставляющих краснеть социал-демократа. Мы приглашаем читателей вдуматься, глубже ли в самом деле различие между Череваниным и нашим ЦК, чем между Седельниковым и Пешехоновым?

Подкладка стремлений у всей этой «четверки» одна и та же. Люди обывательского, мелкобуржуазного типа утомлены революцией. Лучше маленькая, серая, убогая, но спокойная законность, чем бурная смена революционных порывов и контрреволюционного бешенства. Изнутри революционных партий это стремление выражается в желании преобразовать эти партии. Пусть основным ядром партии станет обыватель: «партия должна быть *массовой*». Долой нелегальщину, долой мешающую конституционному «прогрессу» конспирацию! Надо легализировать старые революционные партии. А для этого нужна коренная реформа их программ в двух основных направлениях: политическом и экономическом. Надо выкинуть требование республики и конфискации земли, выкинуть отчетливое, непримиримо-резкое, осязательное изложение социалистической цели, представить социализм «уходящей

вдаль перспективой», как это выразил с бесподобной грациозностью г. Пешехонов.

Различные представители взятой нами «четверки» выражают по различным поводам в различной форме именно эти стремления. Демократическая монархия Седелникова; — «прогресс» от трудовика к кадету у «народно-социалистической» партии; — устранение революционной борьбы за учредительное собрание у Череванина; — рабочий съезд Аксельрода и Плеханова; — лозунг «за Думу» у нашего ЦК; — рассуждения в № 1-ом издаваемого тем же Ц. К-том «Социал-Демократа» о консервативности конспирации и подполья, о прогрессивности перехода к «общенациональной буржуазной революции» — все это проявления одного общего основного стремления, все это один поток поднимающей голову обывательщины в среде революционных партий.

С точки зрения легализации партии, «приближения» ее к массе, соглашения с кадетами, сближения с общенациональной буржуазной революцией Череванин *вполне логично* объявил «нелепостью и безумием» борьбу за учредительное собрание. Мы уже в № 1 «Пролетария» указали*, что наш ЦК вопиющим образом противоречит сам себе, проповедуя в своих знаменитых «Письмах к партийным организациям» (№№ 4 и 5) союз с средней буржуазией, офицерством и т. п. и выставляя в то же время *неприемлемый* для них лозунг учредительного собрания. Череванин в этом отношении последовательнее и рассуждает правильнее, или честнее, откровеннее, чем гг. Пешехоновы или наш ЦК. Цекистский «Социал-Демократ» либо лукавит, либо проявляет поразительное недомыслие, когда с одной стороны громит «маршруты, направляющие пролетариат в сторону от общенационального движения», «обрекающие его на политическую изолированность», а с другой стороны поддерживает лозунг учредительного собрания и говорит: «нужно готовиться к восстанию».

Возьмите рабочий съезд. Недавно (6 октября) кадетская газета «Товарищ» разболтала, наконец, секрет этого съезда. Вот что сказал, по сведениям этой газеты, «один из старейших вождей социал-демократии, выдвинувший вопрос о рабочем съезде», в прочитанном им на-днях

* См. настоящий том, стр. 126—140. *Ред.*

докладе: «Они (члены «рабочего съезда») могут принять всю программу с.-д. с некоторыми, быть может, изменениями, тогда партия выйдет из своей подпольной организации». Дело ясное. Старейшие вожди совестятся прямо сказать, что им хочется изменений в программе партии для перехода ее на легальное положение. Ну, скажем, выкинуть республику, учредительное собрание и упоминание о социалистической диктатуре пролетариата, добавить, что партия борется только законными средствами (как это стояло в программе немецких с.-д. до исключительного закона) и т. п. «Тогда партия выйдет из своей подпольной организации» — мечтают «старейшие вожди», тогда завершён будет переход от «консервативной» нелегалщины, революционности, подполья к «прогрессивной» конституционной законности. Именно такова стыдливо скрываемая сущность рабочего съезда. Рабочий съезд, это — хлороформ, который старейшие вожди прописывают «консервативным» с.-д., чтобы произвести над ними безболезненно операцию, проделанную гг. Пешехоновыми над партией с.-р. Разница только та, что гг. Пешехоновы — практичны, деловиты и знают, куда идут, а про наших старейших вождей грех было бы сказать это. Они не понимают, что при теперешней политической обстановке рабочий съезд — одно празднословие; когда эта обстановка изменится в смысле революционного подъема, рабочий съезд принесет с собой отнюдь не победу обывательски-успокоенной законности, если только расширение революционной с.-д. партии не сделает тогда излишним рабочий съезд, а если современная обстановка изменится в смысле полной и прочной победы реакции, то тогда рабочий съезд сможет *урезать* с.-д. программу до размеров, которые ужаснут даже Аксельрода.

Что кадетская печать всеми силами поддерживает идею рабочего съезда, это вполне понятно, ибо она чутьем схватывает обывательские и оппортунистические тенденции этой затеи. Недаром г. Португалов — кадет, считающий себя беспартийным социалистом, — восторгается «мудрой позицией» Аксельрода, подхватывает его презрительные слова о партии, как «кружковой организации» («кружок» — в 100—150 тысяч членов, т. е., по европейскому масштабу, от одного до полутора миллионов голосов на выборах!), и спрашивает с важным видом: «класс для партии или

партия для класса?». Мы ответим на этот мудрый вопрос тоже вопросом по адресу буржуазных писателей: голова для брюха или брюхо для головы?

Возьмите, наконец, рассуждения цекистского «Социал-Демократа». Тот же самый г. Португалов верно схватил их суть, процитировав место, которое достойно знаменитости не менее, чем заявления Череванина. «Оно (меньшевистское течение) старалось идти навстречу неизбежному превращению подпольной революционной борьбы интеллигенции, опирающейся на передовые слои пролетариата, в общенациональную буржуазную революцию». Г. Португалов комментирует: «Еще недавно такие угрозы (? опечатка? такие идеи?) неукоснительно объявлялись ересью «буржуазно-демократического» происхождения. Ныне «буржуазным демократам» ничего не остается добавлять к этим замечаниям».

Г. Португалов прав. И недавно, и теперь, и всегда рассуждение передовика «С.-Д.» объявлялось, объявляется и будет объявляемо плодом буржуазно-демократических идей. Подумайте, в самом деле, над этим рассуждением. Подпольная борьба может превратиться в открытую; интеллигентская в народную или массовую; борьба передовых слоев класса в борьбу всего класса; но превращение подпольной революционной борьбы в общенациональную буржуазную революцию есть просто тарабарщина. Реальное же значение этого рассуждения есть подмен точки зрения пролетариата точкой зрения буржуазной демократии.

«Два года гражданской войны создали у нас национальную революцию. Это факт»... говорит передовик «С.-Д.». Это не факт, а фраза. Гражданская война в России, если брать это слово в серьезном смысле, двух лет не насчитывает. В сентябре 1904 г. никакой гражданской войны не было. Непомерно расширять понятие гражданской войны выгодно только тем, кто игнорирует особые задачи рабочей партии в период *настоящей* гражданской войны. Русская революция была общенациональной гораздо больше до 17 октября 1905 г., чем теперь. Достаточно указать на переход помещиков на сторону реакции. Достаточно вспомнить образование контрреволюционных партий типа «октябристов» и несомненное усиление контрреволюционных черт у кадетов лета 1906-го года сравнительно с освобожденцами лета 1905-го года. Освобо-

жденцы год тому назад не говорили и не могли говорить о прекращении революции, Струве становился на сторону революции. Кадеты теперь прямо говорят, что их цель — прекратить революцию.

К чему же сводится таким образом на деле это превращение подпольной революционной борьбы в общенациональную буржуазную революцию? К игнорированию или затемнению классовых противоречий, уже вскрытых ходом русской революции. К превращению пролетариата из передового борца, ведущего *самостоятельную* революционную политику, в придаток той фракции буржуазной демократии, которая всего больше на виду, всего больше претендует на представительство «общенациональных» стремлений. Отсюда понятно, почему буржуазный либерал и должен был сказать: нам ничего не остается добавить к этому, мы вполне согласны, мы отстаиваем именно превращение пролетарской борьбы в общенациональную. Превратить в общенациональную борьбу (или, все равно, в общенациональную революцию) значит взять то, что есть общего у кадетов и других, более левых, партий, и признать это общее обязательным; все же остальное удалить, как «обрекающее пролетариат на политическую изолированность». Другими словами: примкнуть к требованиям кадетов, ибо всякие другие требования не будут уже «общенациональны». Отсюда, естественно, вытекают лозунги половинчатого с.-д. оппортуниста: «за Думу, как орган власти, созывающий учредительное собрание», или за Думу, как «рычаг для завоевания учредительного собрания» (№ 1 «Социал-Демократа»). Отсюда лозунг последовательного с.-д. оппортуниста: нелепость и безумие бороться за учредительное собрание, ибо требование учредительного собрания «обрекает пролетариат на политическую изолированность», выходит за пределы «общенациональной буржуазной революции» и т. п.

Революционные с.-д. должны рассуждать иначе. Вместо слишком общих и слишком легко поддающихся буржуазному извращению фраз об «общенациональной буржуазной революции» мы должны анализировать конкретное положение точно определенных классов и партий в различные моменты революции. В 1900 и 1901 гг. старая «Искра» и «Заря» с полным правом говорили о социал-демократии, как носительнице идей общенационального освобождения,

как о передовом борце, привлекающем на свою сторону всех вплоть до либеральных предводителей дворянства. Тогда это была правда, ибо в политике правительства не было еще ничего, абсолютно ничего, способного удовлетворить самый скромный буржуазный либерализм. Октябрьская всероссийская стачка доказала эту правоту, ибо пролетарская борьба стала тогда центром притяжения всяческого, в том числе и самого скромного, буржуазного либерализма.

После 17-го октября это стало и должно было стать иначе. Либерально-монархическая буржуазия (напрасно тов. Мартов называет ее «либерально-демократической») должна была встать на защиту монархии и помещичьего землевладения, встать прямо (октябристы) или косвенно (кадеты), ибо дальнейшие победы революции серьезно и непосредственно грозили этим милым учреждениям. В глубокую ошибку впадают те, кто забывает, что с прогрессом революции, с ростом ее задач изменяется также состав классов и элементов народа, способных участвовать в борьбе за осуществление этих задач. Пролетариат идет через буржуазную революцию к социализму. Поэтому в буржуазной революции он должен поднимать и привлекать к революционной борьбе все более и более революционные слои народа. В 1904-м году он будил земских либералов. Теперь его главной задачей, в силу объективных условий, стало будить, просвещать, привлекать к борьбе революционное крестьянство, всячески высвобождая его из-под идейной и политической опеки не только чистых кадетов, но и трудовиков пешехоновского типа. Если революция может победить, то *исключительно* благодаря союзу пролетариата с действительно-революционным, а не оппортунистическим крестьянством. Если мы поэтому всерьез говорим, что стоим за революцию (а не за конституцию только), всерьез говорим о «новом революционном подъеме», то мы должны решительно бороться со всякими попытками выкинуть вовсе лозунг учредительного собрания или ослабить его путем обязательного присоединения Думы (Дума, как орган власти, созывающий учредительное собрание, или Дума, как рычаг для завоевания учредительного собрания и т. п.), путем принижения задач пролетариата до рамок кадетской или якобы общенациональной буржуазной революции. Из крестьянской массы

обязательно станет оппортунистичным и даже впоследствии реакционным только зажиточное и среднее крестьянство. Но это меньшинство крестьянства. Крестьянская беднота вместе с пролетариатом есть подавляющее большинство народа, нации. *Это большинство может победить и победит вполне в буржуазной революции, то есть взять всю волю и всю землю, осуществить максимум возможного благосостояния рабочих и крестьян в капиталистическом обществе.* Если хотите, можно такую революцию большинства нации назвать общенациональной буржуазной революцией, но всякому ясно, что обычное значение этих слов совсем иное, что действительное их значение в данное время есть значение кадетское.

Мы — «консервативные» с.д. в том смысле, что стоим за старую революционную тактику. «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии» («Две тактики»)*. Это писано в 1905 году летом. Теперь ставка в борьбе крупнее, задача более трудная, битва предстоит более острая. Надо парализовать неустойчивость всякой, в том числе интеллигентской, в том числе и крестьянской буржуазии. Надо присоединить к пролетариату массу способной на решительную революционную борьбу крестьянской бедноты. Не наши желания, а объективные условия *поставят* перед «новым подъемом революции» *именно эти высокие задачи.* Сознательный пролетариат должен выполнить свой долг до конца.

Р. С.** Настоящая статья была уже сдана в печать, когда мы прочли письмо т. Мартова в «Товарище». Л. Мартов отрекается от Череванина в вопросе о блоке с кадетами. Это очень хорошо. Но поразительно и крайне прискорбно, что Л. Мартов *не отрекается* от череванинского открытия: «нелепость и безумие бороться за учредительное собрание», хотя из цитируемого им № 73 «Товарища» он *не мог не знать* этого открытия. Неужели и Мартов спрогрессировал уже до Череванина?

«Пролетарий» № 6,
29 октября 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

* См. Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 81. Ред.

** — Postscriptum — приписка. Ред.

ВЫСТУПЛЕНИЕ МАРТОВА И ЧЕРЕВАНИНА В БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ⁷⁸

РАССКАЗ О ТОМ, КАК НЕКТО С.-Д. ПОЛЬЗУЮТСЯ БУРЖУАЗНЫМИ,
КАДЕТСКИМИ ГАЗЕТАМИ, ВРОДЕ «ТОВАРИЩА». А ЧЕРЕЗ НЕГО И
«НОВОГО ПУТИ»⁷⁹, ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЛОЖНЫХ СВЕДЕНИЙ
О РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ. — ОПРОВЕРЖЕНИЕ. —
ОЦЕНКА. — ВЫВОДЫ

НЕПРАВДА, РАСПРОСТРАНЯЕМАЯ Л. МАРТОВЫМ ЧЕРЕЗ ПОСРЕДСТВО БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ

В буржуазной, кадетской газете «Товарищ» от 12-го октября (№ 85) *перепечатаны*, без всякой оговорки, слова кадетской же газеты «Новый Путь»: «Мы («Новый Путь») не можем не признать, что, настаивая на постоянном блоке с крайними левыми (об этом мы узнаем из письма г. Мартова), они (большевики) последовательнее, чем г. Мартов».

Итак, «Новый Путь» прямо ссылается на Л. Мартова в подтверждение своего ложного сообщения о большевиках.

Необходимо восстановить факты.

В № 1 «большевистского» «Пролетария» в статье «О бойкоте» сказано было (стр. 3): «Мы созовем пятый съезд партии; мы постановим на нем, что в случае выборов необходимо избирательное соглашение на несколько недель с трудовиками (без созыва пятого съезда партии дружная избирательная кампания невозможна, а всякие «блоки с другими партиями» безусловно запрещены постановлением четвертого съезда). И мы разобьем тогда кадетов наголову»*.

* См. настоящий том, стр. 122. Ред.

Вот все, что имеется пока в известной нам с.-д. литературе об отношении большевиков к избирательным соглашениям. Ясно, что «Новый Путь» введен в заблуждение Л. Мартовым. *Никогда* большевики не только не настаивали, но даже и не упоминали о «постоянном блоке с крайними левыми». Это первое. Второе: для *каких бы то ни было* «блоков» большевики требовали *пересмотра* на новом съезде постановления, уже состоявшегося. Об этом напрасно умалчивают те, кому *страшен* новый съезд с.-д. рабочей партии. Об этом напрасно также умалчивают буржуазные газеты, дающие своим читателям лживые сведения или возбуждающие ложное впечатление, будто у с.-д. нет формального запрещения *всяких* блоков.

Третье: пишущий в буржуазных газетах Л. Мартов умышленно, или по небрежности, или по невежеству, внушает через посредство кадетской газеты «Товарищ» ту мысль читателям, что большевики допускают соглашения и на *низшей* избирательной стадии, т. е. в агитации *перед массами*, тогда как сам он, Л. Мартов, признает целесообразными только «частные соглашения на высших стадиях нашей многостепенной избирательной системы».

Никаких данных для этого утверждения Л. Мартов не имеет. Л. Мартов распространяет через посредство буржуазной печати *неправду*, ибо только для высших стадий и предлагали большевики соглашение, и только с трудовиками, и только на несколько недель, и только с *разрешения пятого съезда*.

Для распространения этой *неправды*, которая легко может проникнуть в массы при известной всем склонности кадетских газет сочувствовать меньшевикам и сочувственно перепечатывать все, что этим последним заблагорассудится налгать на большевиков, — Л. Мартов воспользовался «сокращенной» передачей взглядов «Пролетария». Хотя все эти взгляды целиком умещаются на пяти печатных строчках, воспроизведенных выше полностью, тем не менее Л. Мартов нашел нужным *сократить* их, да при этом еще *передать* своими словами. И читатель видит, что сокращенная передача Л. Мартова равняется *полному извращению*.

В пяти строчках «Пролетария» вопрос затронут мимоходом. Ни о низших, ни о высших ступенях, стадиях выборов специально тут не упоминается. Может быть, мне

возразят поэтому, что я также не имею никаких данных утверждать, что в этих пяти строчках нет речи о соглашениях на первой стадии? Это возражение мог бы сделать однако только человек, желающий придраться к букве и исказить явный смысл чужого рассуждения.

Несомненно, что в изложении вопроса на пяти строчках есть много пробелов, но позволяет ли общий дух статьи и все ее содержание толковать недоговоренное в распространительном (по отношению к соглашениям), а не в ограничительном смысле?

Да и «буква» приведенной цитаты (если ее не «сокращать» à la * Л. Мартов) говорит безусловно против распространительного толкования, ибо всякий, чуточку знакомый с выборами, понимает, что соглашение на *первой* стадии *не может* ограничиться «несколькими неделями», а требует *месяцев*. Достаточно указать, что в Петербурге *уже теперь* называют партии, желающие блокироваться на выборах с кадетами, *уже теперь* передают примерные распределения депутатских мест города Петербурга между кадетами и этими партиями. Выборы предположены, говорят, на 17-ое декабря. За два месяца люди, действительно желающие соглашения на низшей стадии, уже начинают, прямо или через посредников, сговариваться. Примите во внимание, затем, продолжительность самих выборов, прибавьте время на *партийное* решение вопроса, на передачу *партийных* директив из центра по всей России, — и вы увидите, что соглашение между партиями на низшей стадии выборов требует *месяцев*, а в «несколько недель» можно как раз только провести соглашение на высших стадиях, т. е. распределение мест после борьбы, на основании подсчета сил, обнаружившихся голосованием непосредственно самих избирателей.

Наконец, раз уже меня заставили высказываться печатно по данному вопросу, я считаю неудобным воздерживаться от изложения моего личного мнения. При данной политической ситуации я защищал бы на пятом съезде следующее: никакие блоки и соглашения ни с какими другими партиями безусловно недопустимы для с.-д. на низшей стадии выборов. Выступление наше перед массами при выборах должно быть абсолютно самостоятельным.

* — вроде. *Ред.*

На высших стадиях допустимы соглашения с трудовиками исключительно о пропорциональном распределении мест, причем беспартийных трудовиков мы должны *«делать»* партийными, противопоставляя оппортунистов из их числа и полукадетов (энесы, н.-с., «народно-социалистическая партия» и т. п.) революционным буржуазным демократам.

МАРТОВ И ЧЕРЕВАНИН

Л. Мартов в «Товарище» опровергал Череванина, говорившего о соглашении с кадетами. Череванин в том же «Товарище» разъясняет теперь «недоразумение». Из этих разъяснений вытекает, что в 1-ом номере «Нашего Дела» Череванин собственно ничего вполне определенного не сказал насчет того, на низшей или высших ступенях допускает он соглашения. По существу же дела он высказывается за *допущение* соглашений и на низших ступенях как в деревнях, так и в городах. С какими партиями допускает соглашение Череванин, об этом он не говорит. Для него (как, повидимому, и для Мартова) не существует различия между революционной и оппортунистической буржуазией, между с.-р. и к.-д., между трудовиками типа думских «33-х» и трудовиками типа «энесов» и т. п. Мало того, Череванин допускает даже *вотирование без соглашения за буржуазные кандидатуры на низших ступенях!*

Позиция Череванина выясняется таким образом вполне. Этот не только видный (как его аттестовала буржуазная печать), но и ответственный меньшевик, стоящий притом во главе еженедельного издания «Наше Дело», одобряет всяческие блоки, одобряет даже голосование социал-демократов за буржуазные кандидатуры. Большевики были, следовательно, вполне и безусловно правы, говоря, что меньшевики превращают рабочий класс в прихвостня либерально-монархической буржуазии, низводят социал-демократию до роли кадетского подголоска.

Пусть же не заблуждается теперь никто насчет истинного значения обычного меньшевистского лозунга: за *Думу*, как орган или рычаг или орудие и т. п. революции. Чтобы поддержать революцию, меньшевики поддерживают «Думу» вообще. А чтобы поддержать Думу вообще,

они готовы вотировать, даже без соглашения, за кандидатуры кадетской партии, желающей прекратить революцию!

Вспомните французских социалистов, вроде Мильерана, Вивиани, Бриана, которые теперь, с Клемансо во главе, благополучно управляют архибуржуазной Францией, посылают войска против стачечников и т. д. Чтобы поддержать социализм, они звали поддерживать республику вообще, республику, как таковую. Чтобы поддержать республику, они голосовали, и по соглашению и без соглашения, за дюжинных буржуазных политиканов, за оппортунистов. И они дошли таким образом, постепенно и неуклонно, до того, что сами превратились совсем в таких же дюжинных сторонников буржуазного угнетения.

На большую дорогу, на торную дорогу вышли Череванин и яже с ним!

А Мартов? Он против соглашений на низших ступенях. Он опроверг Череванина. Это в высокой степени отрадно. Только... только посмотрите, как он его опроверг. Всякий разумный политик всегда подчиняет свою избирательную тактику своей общей политической тактике. Тактика Череванина известна теперь, благодаря услужливости кадетских газет, всем: «Было бы нелепостью и безумием для пролетариата пытаться, как это предлагают некоторые, вместе с крестьянством вступить в борьбу и с правительством и с буржуазией за полновластное и всенародное учредительное собрание». Это знаменитое положение Череванина было цитировано и в том номере «Товарища», на который «отвечал» Л. Мартов. И вот, опровергая избирательную тактику Череванина, Л. Мартов ни звука не проронил против этого основного положения всей политической тактики Череванина.

Кто же из этих двух последовательнее? Кто прочнее стоит на ногах? За Думу или за революцию? За Думу вообще — значит: за кадетов — значит: против учредительного собрания. За революцию — значит: лишь за известную часть Думы на известных условиях — значит: против кадетов — значит: нелепо и безумно бросать прочь или даже ослаблять теперь лозунг учредительного собрания.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ В БУРЖУАЗНЫХ ГАЗЕТАХ

Позволительно ли социал-демократу участвовать в буржуазных газетах?

Нет. И теоретические соображения, и политические приличия, и практика европейской социал-демократии высказываются против такого участия. Известно, что на одном из недавних съездов немецких с.-д. вопрос этот поднимался и обсуждался. Известно, что наши немецкие товарищи *строго осуждают* участие с.-д. в буржуазной печати, решительно борются за то, чтобы партия революционного пролетариата и в этой области не допускала ни блоков, ни соглашений, а сохраняла самостоятельность, чтобы литераторы рабочей партии *на деле*, а не на словах только, были организованы, подчинены контролю, одним словом, были строго-партийны.

Имеем ли мы право отступить от этих правил у нас в России?

Нам возражат: исключение из правила всегда возможно. — Это бесспорно. Нельзя осудить ссыльного, обращающегося в любую газету. Трудно осудить *иногда* с.-д., работающего из-за заработка в каком-нибудь второстепенном отделе буржуазной газеты. Можно оправдать помещение спешного и делового опровержения и т. д. и т. п.

Но посмотрите, что произойдет у нас. Под видом опровержения «недоразумений», вызываемых *социал-демократическим* «Нашим Делом», Л. Мартов пишет почти два столбца в кадетской газете, излагая преспокойно взгляды одних с.-д., полемизируя с другими с.-д., извращая взгляды неугодных ему с.-д., не заботясь нимало о том удовольствии, которое он доставляет своим литераторским «блоком» с кадетами всем врагам пролетариата. Кадетские газеты подхватывают статью Л. Мартова в кадетской печати, благовествят о ней, добавляют от себя кое-что к пущенной им в оборот лжи о революционных с.-д., хлопают Мартова по плечу («Речь») и т. д. Череванин соблазнен. Если Мартов в «Товарище» опровергал «недоразумения» Череванина и говорил при этом о тысяче вещах и о многих прочих, то почему же и Череванину не заняться тоже в «Товарище» опровержением «недоразумений» Л. Мартова? А кстати, почему бы не воспользоваться

этим случаем, чтобы не начать в кадетской печати (в социал-демократической все же зазорно!) обсуждение вопроса о том, не следует ли социалистам вотировать даже без соглашения за буржуазные кандидатуры*?

И вот, при кадетских газетах открыт особый отдел: семейно-литературная переписка социал-демократических оппортунистов. Так как предмет ее — допустимость блоков с к.-д. и даже голосования за к.-д., то кадеты охотно дают уголок бесприютным «прогрессивным» с.-д., уходящим прочь от «консервативных» правил революционной социал-демократии.

Меньшевицкие генералы от литературы устраиваются на два дома. В чистой половине они беседуют с хорошими господами о блоках с к.-д., да кстати рассказывают анекдоты про революционных с.-д. На черной половине — в какой-нибудь там рабочей газете или в соц.-дем. издании или в листовке, что ли, — там они преподносят рабочим «беспартийный рабочий съезд» и просвещают их насчет нелепости и безумия борьбы за учредительное собрание. Пусть уж рабочие немножко подождут и потерпят: когда в кадетской газете «Товарищ» кончится социал-демократическая дискуссия о блоках социалистов с буржуазией, тогда и рабочие что-нибудь узнают... И, руководясь житейским правилом одного тургеневского персонажа, наши сторонники рабочего съезда пишут письмо за письмом в «Товарищ», приговаривая: наша партия — партия интеллигентская...

Неужели рабочие социал-демократы не вмешаются, чтобы положить конец этому безобразию? Неужели это безразлично для всех членов нашей партии вообще?

Написано в октябре 1906 г.

*Напечатано в октябре 1906 г.
отдельной брошюрой
в изд. «Пролетарское Дело»*

Печатается по тексту брошюры

---

* Ф. Дан переселился в «Товарищ» даже и не для опровержения «недоразумений», а просто так, за компанию.

О СОЗЫВЕ ЭКСТРЕННОГО ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА⁸⁰

В обоих номерах издаваемого Центральным Комитетом «Социал-Демократа» помещены статьи против созыва чрезвычайного съезда, принадлежащие Плеханову и Мартову. Статьи написаны в таком возбужденном, злобном тоне, с такой массой горечи, раздражения, личных намеков, заподозриваний, которые сразу воскрешают атмосферу худшей эпохи эмигрантских дрязг. Помещая эти и *только* эти статьи о съезде в *своем* издании, ЦК нашей партии ставит себя прямо-таки в неприличное положение. Подумайте, в самом деле: ответственное министерство демократически организованной рабочей партии совершенно выходит из себя, теряет всякое самообладание по поводу агитации за новый съезд! Да ведь это же прямо непристойно, товарищи. Ведь именно тем, что вы сердитесь и бранитесь по поводу агитации за пересмотр *ваших* полномочий и *вашей* тактики, вы сами выносите себе самое жестокое осуждение. С точки зрения злорадства иной сторонник съезда не мог бы желать ничего лучшего, как переиздания и широкого распространения статей Плеханова и Мартова!

Спрашивается, почему от имени ЦК выступают против съезда люди, которые могут говорить только в тоне обиды и почти с всхлипываниями? Потому, что слишком уже ясны и просты два основных факта, вызвавшие неизбежность агитации за новый съезд. Один из этих фактов относится к составу партии, другой — к ее тактике.

По составу своему наша партия во время Объединительного съезда включала 13 000 большевиков и 18 000 меньшевиков. ЦК и еще более редакция ЦО выражают волю

18 000 чел. Теперь вошли в партию 14 000 латышей, 26 000 поляков и 33 000 бундовцев*. В передовой статье № 1 «Социал-Демократа» два раза и вполне категорически признается, что теперь обе фракции в партии приблизительно равны. Такое мнение основано, очевидно, на отношении поляков и латышей к большевикам, а Бунда к меньшевикам. Допустим, что отнесение Бунда к меньшевикам правильно. Даже и тогда ясна вопиющая ненормальность того, что меньшевистский ЦК представляет *всю* нашу партию (в ЦК семь меньшевиков, три большевика, один латыш, два бундовца; один поляк считается на правах члена ЦО; по всем политическим вопросам участвуют еще с правом решающего голоса пять меньшевиков, редакторов ЦО).

Что касается тактики, то за 5—6 месяцев после съезда партия пережила два крупных периода нашей революции: думский период и «министерство разгона Думы». Думская тактика нашего ЦК сводилась к поддержке всей (кадетской) Думы в целом. Апогеем этой тактики был лозунг поддержки требования и назначения думского (т. е. кадетского) министерства. Что большинство партии не признало этой тактики и этого лозунга, — это факт. В течение думского периода партия с.-д. боролась с тактикой своего ЦК. Комментировать этот факт и говорить о его значении излишне.

Далее, после разгона Думы ЦК высказался за устройство частичных массовых проявлений протеста. Лозунгом общей тактики стало: за Думу, как орган власти, созывающий учр. собрание. И опять-таки несомненный исторический факт, что партия не приняла, в громадном своем большинстве, ни конкретного лозунга, ни общей тактики своего ЦК. А кто внимательно читает №№ 1—2 «Социал-Демократа», тот не может не видеть, что эта общая тактика защищается, оправдывается и обосновывается в них (за Думу, как рычаг для созыва учр. собр.; кадеты — прогрессивная по сравнению с крестьянством городская буржуазия и т. д.).

* В газете «Товарищ» от 11 октября даны, по сведениям якобы от ЦК, новые цифры, которые, однако, не меняют основных соотношений. По этим цифрам, число членов нашей партии теперь около 150 000. Из них около 33 000 большевиков, 43 тыс. меньшевиков, 13 тыс. латышей, 28 тыс. поляков и 33 тыс. Бунда.

Ясно отсюда, что партии предстоит в случае новой думской кампании — борьба с думскими лозунгами ЦК, а в случае близких революционных выступлений — раздробление сил и дезорганизация борьбы вследствие того, что ЦК не представляет воли большинства партии. Значит, всякая задержка нового партийного съезда является теперь не только прямым нарушением всего духа и всего смысла демократической организации партии, но также самой опасной помехой ближайшей думской и общереволюционной борьбе пролетариата.

Р. С.* Вышедшие после того, как написана эта заметка, №№ 3—5 «Социал-Демократа» еще более подтверждают все сказанное. По вопросу об избирательных соглашениях у меньшевиков оказывается полный раскол, и их ЦК колеблется от Мартова к Череванину. Мартов публично опроверг Череванина. Плеханов отправился сотрудничать в кадетскую газету, чтобы поддерживать Череванина. Передовица в № 4 «Социал-Демократа» доказывает, что ЦК уже собирается опять выставить против партии свои лозунги о поддержке Думы в целом и о поддержке требования назначить думское министерство.

«Пролетарий» № 7,
10 ноября 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

---

* — Postscriptum — приписка. Ред.

КАК ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ...

Это старая история: о бойкоте Государственной думы. В № 3 «Социал-Демократа» один товарищ-меньшевик пишет ее следующим образом (ст. «Ситуация или позиция?»):

«Когда история нам преподнесла проект булыгинской Думы, мы рекомендовали, исходя из нашей общей принципиальной позиции, организацию параллельных самочинных выборов в народную думу, в противовес булыгинской, в которую доступа не имели. Когда же, после декабрьского восстания, мы стали»...

Постойте, уважаемый историк, — одну минуту! Что вы прыгаете через факты от булыгинского проекта к декабрьскому восстанию — это еще ничего, это прыжок только хронологический. Но что вы прыгаете через свою тактику и «принципиальную позицию» — это уже не то, это прыжок, по меньшей мере... дипломатический. Вы рекомендовали *только* «самочинные выборы»? вы относились к булыгинской Думе *только* как к такой, в которую «доступа не имели»? Вы, значит, собирались во имя своей, народной думы, бойкотировать булыгинскую? или игнорировать ее? А не вели вы тогда борьбы против неких бойкотистов? Не настаивали на положительном участии в ожидавшейся «булыгинской» избирательной кампании? не требовали, чтобы партия поддерживала на выборах левых либералов и т. д.? Как же вы забыли все это?

«Когда после декабрьского восстания мы стали»... Постойте, еще пропустили одну мелочь. Россия сбойкотировала булыгинскую Думу, а народной думы и до сих пор нет... Что же, признали вы ошибочной свою тогдашнюю тактику? Нет, вы отвечали бойкотистам, что ваша булыгинско-думская тактика была хороша, но только револю-

ция помешала ей проявиться во всем блеске... Вот теперь, вспомнивши *все это*, пишите дальше вашу историю.

«Когда же, после декабрьского восстания, мы стали перед фактом созыва новой, виттевской Думы, мы предлагали участвовать в первых стадиях выборов, считаясь с двумя возможностями: либо самый факт нашего участия вызовет революционный подъем, который сметет виттевскую Думу...»

Постойте, уважаемый историк, постойте, что это с вами? «Факт нашего участия *вызовет* революционный подъем»... Нет, вы, наверное, просто пошутили! Вы всегда обвиняли большевиков в напивном преувеличении наших сил — и чтобы вы стали серьезно говорить о том, что революционный подъем — да еще какой: «который сметет»... и т. д., — мог быть *вызван* «фактом нашего участия». Нет, конечно, не серьезно.

Итак: «... либо самый факт нашего участия вызовет революционный подъем, который сметет виттевскую Думу и призовет к жизни более благоприятное для нас представительное учреждение; либо же революционный подъем непосредственно не наступит, — и тогда мы не только будем иметь возможность, тогда мы самым положением вещей будем вынуждены идти в Думу, как это случилось в Лефортовском районе в Москве».

Позвольте, но об этом втором «либо» вы, помнится, тогда ничего не говорили?

Да, не говорили, — отвечает наш историк.

«Правда, мы в брошюре, изданной объединенной редакцией, заявили, что мы не рекомендуем выбирать непосредственно в Думу. Но мы сделали это, мы связали себе заранее руки только ради компромисса, надеясь на какое-нибудь соглашение с бойкотистами для выработки единой тактики. Это был с нашей стороны «оппортунизм», именно — сознательное приспособление к отсталым и близоруним взглядам товарищей-бойкотистов, и в этом мы чистосердечно каемся».

Так вот оно что! Вы говорили одно, а думали другое. И говорили пред лицом пролетариата и всего революционного народа... Вы «каетесь» в этом! А знаете вы изречение: «Раз солгавши, кто тебе поверит?» А что, если ваше «раскаяние» тоже вызвано «приспособлением» к чьим-нибудь «отсталым» или «близоруким» взглядам? Где предел такому «оппортунизму», таким «компромиссам»? Как относиться к любому вашему лозунгу, раз вы сами заявляете, что ваш

лозунг в одном из важнейших тактических вопросов был дан не искренно? Да ведь иной теперь подумает, пожалуй, что и социал-демократами вы себя называете только ради «приспособления к отсталым и близоруким взглядам» революционного пролетариата.

Нет, я должен вступить за вас. В пылу полемики вы жестоко оклеветали себя. Вы были искренними бойкотистами на третьей стадии выборов, как мы были искренними бойкотистами на всех стадиях. Но *бойкотистами*-то мы были вместе. *Nebst gefangen, nebst gehangen*. Вместе пойман, вместе повешен. Вам теперь хочется «повесить» нас за то, что мы были бойкотистами. Но тогда, дорогие товарищи, вам придется повесить и себя: и вы пойманы на том же самом. «Но мы раскаялись!» — заявляете вы. Что ж, это, действительно, смягчает вашу вину. Но это не оправдывает вас и не освобождает от наказания. Ну, не повесят вас, а, напр., высекут, что ли. Этого добиваетесь?

А вот мы — так и не раскаялись. Мы говорили и говорим: бойкот, не-бойкот — вопрос не принципа, а целесообразности. Бойкот первой Думы был целесообразен. Он дал народным массам в живой, конкретной форме пролетарскую оценку Думы, как учреждения бессильного разрешить коренные вопросы революции. Теперь разгон Думы и все, что за ним последовало, подтверждает эту оценку; народные массы ясно видят, что пролетариат и здесь оказался их естественным вождем в революции, заранее предупредив их о бесплодности конституционных иллюзий. Бойкот отвлек на себя внимание и силы правительства — и помог тем победе буржуазной оппозиции на выборах. Бойкот сплотил широкие пролетарские массы в едином акте революционного протеста. Его агитационное и организационное значение было громадно.

Бойкот сделал большое дело — но он *уже* сделал его. Оценка Думы дана, думским иллюзиям нанесен решительный удар — незачем еще раз делать это. Сил правительства бойкот теперь не отвлек бы — правительство сумело, конечно, понять урок прошлых выборов. Агитационная и организационная работа может быть выполнена на почве участия в выборах не хуже, чем на почве бойкота — если только не будет еще значительно ухудшен избирательный закон. А в этом последнем случае, может быть, придется бойкотировать вновь. Точно так же может оказаться не до

выборов в Думу, если начнутся вновь большие революционные битвы.

Таким образом, бойкот и впредь остается для нас вопросом целесообразности. Мы только не видим *пока* достаточных оснований для бойкота.

Кто чувствует себя виновным, тот может каяться. Но при этом пусть он посыпает пеплом свою *главу* и раздирает *свои* одежды, а не чужие. Извращать же историю и клеветать в порыве раскаяния, — даже и на себя, — отнюдь не следует.

«Пролетарий» № 7,
10 ноября 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

ПОСТСКРИПТУМ К СТАТЬЕ: «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ»

Статья эта была уже написана, когда в газете «Товарищ» появилось «Открытое письмо к сознательным рабочим» Г. В. Плеханова. В этом письме Плеханов, «маневрируя» между левым крылом буржуазии и правым крылом социал-демократии, окончательно порывает и с принципами международной революционной социал-демократии, и с решениями Объединительного съезда партии. Съезд партии формально запретил какие бы то ни было блоки с буржуазными партиями. Сознательный, организованный пролетарий на своих партийных собраниях называет всякие блоки с буржуазией «изменой делу пролетариата»; в своей статье в «Товарище» и в письме к партийным организациям Л. Мартов, становясь на большевистскую, т. е. последовательно-революционную точку зрения, решительно высказывается против всяких блоков на первой стадии. «По первому вопросу («блоки» или соглашения в ходе выборов), — пишет Мартов, — я бы рекомендовал отстаивать, *опираясь на резолюцию съезда, полную самостоятельность* нашего участия в *первой стадии* выборов, т. е. там, где мы выступаем перед массами». Такая постановка вопроса кажется Плеханову проявлением «ложно понимаемой непримиримости». «Там, где мы не можем быть уверены в победе нашего кандидата, — пишет Плеханов, — *мы обязаны войти в соглашение с другими партиями, желающими бороться с нашим старым порядком**. Допуская, таким образом, вопреки решению съезда, соглашения с буржуазными партиями, Плеханов, однако, в

* Курсив Плеханова.

своей «политической мудрости» предвидит случаи, когда в такие соглашения нам не нужно вступать. «Там, — пишет он, — где нельзя сомневаться в том, что нам удастся *провести своего собственного кандидата**, мы можем и должны действовать *независимо* от других партий». Удивительная «политическая мудрость»! Где мы уверены, что проведем сами своего кандидата, там мы его проводим сами. Где не уверены, там обращаемся к помощи... «желающих бороться с старым порядком», или там помогаем этим «желающим» провести своего кандидата. А там, где эти «желающие бороться» уверены, что они сами проведут своих кандидатов, как вы думаете, о сотрудничестве кадетских газет, Плеханов, будут они добиваться соглашения с нами? Ведь, раз речь идет о соглашениях, то всякому политическому младенцу ясно, что соглашения нужны только в таких случаях, когда партия не уверена в том, что собственными силами проведет своих кандидатов. Но мы и в таких случаях против всяких соглашений. А Г. В. Плеханов, как истый рыцарь свободы, бьет в набат в кадетском «Товарище» и сзывает всех «желающих бороться»... Жалуйте, все «желающие»! Пролетариат борется, вы — «желаете» бороться! И прекрасно... Если и этого пролетарию мало, тогда, конечно, он «враг свободы».

Так, мало-по-малу, со ступеньки на ступеньку, изблуженный кадетами вождь меньшевиков, забыв сказанное им после разгона Думы, опускается до... Череванина... Со свойственными ему «быстрою, натиском и глазмером» Плеханов устремляется к самым правым из нашего правого крыла. Далеко остается позади Мартов; еле поспевает за своим идейным вождем «Социал-Демократ». Еще орган Центрального Комитета после длинных рассуждений о классовом характере нашей избирательной кампании предлагает нам сложную систему соглашений, стрелит лесенку, по которой социал-демократия должна спускаться до кадетов. Сначала, предлагает «Социал-Демократ», самостоятельное, т. е. классовое, выступление там, где мы имеем шансы на успех; нет шансов на успех — мы объединяемся с буржуазными партиями, «стремящимися вместе с нами к созыву учредительного собрания»; не хотят эти партии учредительного собрания — тем хуже — (это —

* Курсив Плеханова.

последняя, третья, антиклассовая и антидемократическая ступенька) — мы объединимся и с ними. Как умудряется Центральный Комитет, избранный съездом для проведения в жизнь решений съезда, — нарушать эти решения, — это его тайна. Факт тот, что в настоящее время перед нами разыгрывается самое позорное для социал-демократии зрелище, когда в редакции одного и того же руководящего, центрального органа «рак пятится назад»..., а «лебедь рвется к облакам», когда по такому важному для нас вопросу, как избирательная тактика, не только в партии, но даже в «руководящей» фракции нет ни единства мысли, ни единства действий. В какой стране и какая социалистическая партия, кроме разве самых оппортунистических, допустила бы такой политический разврат? И замечательно, что именно все эти раки, щуки и лебеди, эти побивающие друг друга, Мартов и Плеханов, именно они ведут самую отчаянную кампанию против созыва экстренного съезда партии, съезда, в котором мы нуждаемся теперь больше, чем когда-нибудь.

*«Пролетарий» № 7,
10 ноября 1906 г.*

*Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»*

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ⁸¹

Написано в конце октября 1905 г.

*Напечатано в ноябре 1906 г.
отдельной брошюрой в изд. «Вперед»*

Печатается по тексту брошюры

Вопрос о выборной кампании во вторую Думу сильно интересует теперь рабочую партию. Особенно много внимания уделяется при этом «блокам», т. е. постоянным и временным избирательным соглашениям с.-д. на выборах с другими партиями. Буржуазная, кадетская печать — и «Речь», и «Товарищ», и «Новый Путь», и «Око», и т. д. — всячески убеждают рабочих в необходимости «блока» (избирательного соглашения) между с.-д. и кадетами. С.-д. меньшевики частью высказываются за такие блоки (Череванин в «Нашем Деле» и «Товарище»), частью против (Мартов в «Товарище»). Большевики с.-д. высказываются против блоков, допуская лишь на высших ступенях избирательной кампании частные соглашения о распределении мест на основании силы революционных и оппозиционных партий в первоначальном голосовании избирателей.

Попытаемся изложить вкратце основания этой последней точки зрения.

1

Социал-демократия смотрит на парламентаризм (участие в представительных собраниях), как на одно из средств просвещения, воспитания и организации пролетариата в самостоятельную классовую партию, как на одно из средств политической борьбы за освобождение рабочих. Этот марксистский взгляд решительно отделяет социал-демократию, с одной стороны, от буржуазной демократии, с другой стороны, от анархизма. Буржуазные либералы и радикалы видят в парламентаризме «естественный»

и единственно-нормальный, единственно-законный способ ведения государственных дел вообще, отрицая классовую борьбу и классовый характер современного парламентаризма. Буржуазия всеми силами, всяческими способами и по всяческим поводам старается надеть шоры на глаза рабочих, чтобы они не видели, каким образом парламентаризм является орудием буржуазного угнетения, чтобы они не сознавали исторически-условного значения парламентаризма. Анархисты тоже не умеют оценить парламентаризм в его исторически-определенном значении, отказываясь вообще от такого средства борьбы. Социал-демократы в России решительно борются поэтому и с анархизмом и с стремлением буржуазии закончить возможно быстрее революцию посредством сделки со старой властью на почве парламента. Всю свою парламентскую деятельность они всецело и безусловно подчиняют общим интересам рабочего движения и особым задачам пролетариата в современной, буржуазно-демократической, революции.

Отсюда вытекает прежде всего, что участие с.-д. в думской кампании носит совсем не тот характер, как участие других партий. В отличие от них мы никакого самодовлеющего или даже главенствующего значения за этой кампанией не признаем. В отличие от них мы подчиняем эту кампанию интересам классовой борьбы. В отличие от них мы лозунгом этой кампании ставим не парламентаризм ради парламентских реформ, а революционную борьбу за учредительное собрание и притом борьбу в ее высших формах, вытекающих из исторического развития форм борьбы за последние годы*.

II

Какой вывод вытекает из сказанного по отношению к избирательным соглашениям? Прежде всего тот, что нашей главной и основной задачей является развитие

---

* Мы не касаемся здесь вопроса о бойкоте, ибо это не входит в тему брошюры. Заметим лишь, что нельзя оценивать его вне конкретной исторической обстановки. Бойкот булыгинской Думы был удачен. Бойкот виттевской Думы был необходим и правилен. Революционная с.-д.-тия должна первой становиться на путь наиболее решительной и наиболее прямой борьбы и последней принимать более обходные способы борьбы. Бойкот столыпинской Думы невозможен в старой форме и был бы неправилен после опыта первой Думы.

классового сознания и самостоятельной классовой организации пролетариата, как единственного до конца революционного класса, как единственного возможного вождя победоносной буржуазно-демократической революции. Поэтому классовая самостоятельность всей избирательной и всей думской кампании — наша важнейшая общая задача. Другие, частные задачи не отрицаются этим, но они должны быть всегда подчинены ей, сообразованы с ней. Из этой общей посылки, подтверждаемой и теорией марксизма и всем опытом международной социал-демократии, мы безусловно должны исходить.

Может показаться, что особые задачи пролетариата в русской революции сразу перевертывают эту общую посылку. Именно, буржуазия крупная уже изменила революции в лице октябристов или задалась целью посредством конституции остановить революцию (кадеты); победа революции возможна только при поддержке пролетариата наиболее передовой и сознательной частью крестьянской массы, которую ее объективное положение толкает на борьбу, а не на сделку, на завершение, а не на притушение революции. Отсюда — могут заключить — обязательны соглашения с.-д. с крестьянской демократией на протяжении всех выборов.

Но такое заключение еще никак нельзя вывести из совершенно правильной посылки, что полная победа нашей революции возможна только в виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Надо еще доказать, что блок с крестьянской демократией на все время выборов возможен и выгоден с точки зрения данных партийных отношений (крестьянская демократия представлена у нас уже теперь не одной, а разными партиями) и с точки зрения данной избирательной системы. Надо еще доказать, что посредством блока с той или иной партией мы лучше выразим и отстоим интересы действительно революционного крестьянства, чем посредством полной самостоятельности нашей партии в критике *таких-то* крестьянски-демократических партий, в *противопоставлении* одних элементов крестьянской демократии другим. Из посылки о наибольшей близости пролетариата с революционным крестьянством в данной революции вытекает безусловно общая политическая «линия» с.-д.: вместе с крестьянской демократией против предательской

крупнобуржуазной «демократии» (кадетов). Но вытекает ли отсюда *сейчас* избирательный блок с энесами (н.-с. — народно-социалистическая партия) или с эсерами, этого еще нельзя сказать, не разобрав отличия *этих* партий друг от друга и от к.-д., не разобрав *теперешней* избирательной системы с ее многостепенностью. Отсюда вытекает непосредственно и *безусловно* только одно: ни в каком случае мы не можем в нашей избирательной кампании ограничиваться голым и абстрактным противопоставлением пролетариата буржуазной демократии вообще. Напротив, мы должны все внимание направить на точное, выведенное из *данных истории* нашей революции, различие либерально-монархической и революционно-демократической буржуазии, на различие между кадетами, энесами и эсерами, если говорить конкретнее. Только посредством такого различия мы наиболее правильно определим своих ближайших «союзников». Мы не забудем при этом, во-первых, что с.-д. за *всяким* союзником из буржуазной демократии должны присматривать, как за врагом. А во-вторых, мы еще особо разберем, что нам выгоднее: связать ли себе руки *общим* блоком с какими-нибудь энесами (к примеру скажем), или сохранить полнейшую самостоятельность, чтобы в решительную минуту иметь всегда возможность расколоть беспартийных «трудовиков» на оппортунистов (н.-с.) и революционеров (с.-р.), *противопоставить* первым вторых и т. п.

Таким образом, соображение о пролетарско-крестьянском характере нашей революции не дает еще право сделать вывод о необходимости соглашений с той или иной крестьянско-демократической партией на той или иной ступени выборов во вторую Думу. Это соображение отнюдь еще не достаточно даже для ограничения пролетарски-классовой самостоятельности на выборах вообще, не говоря уже об отрицании этой самостоятельности.

III

Чтобы подойти ближе к решению нашей задачи, мы должны, во-первых, посмотреть на основную партийную группировку при выборах во вторую Думу, а, во-вторых, вникнуть в особенности данной избирательной системы.

Избирательные соглашения бывают между партиями. Каковы же главные типы партий, которые будут бороться на выборах? Черносотенцы, несомненно, объединятся вместе еще теснее, чем на выборах в первую Думу. Октябристы и «меоны» (партия м. о. — мирного обновления) либо примкнут к ним, либо к кадетам, либо (всего вернее) будут колебаться между черносотенцами и кадетами. Во всяком случае считать октябристов «партией центра» (как делает Л. Мартов в новой брошюре: «Политические партии в России») есть коренная ошибка: в *действительной* борьбе, которая должна решить окончательно исход нашей революции, *центром* являются *кадеты*. Кадеты — организованная партия, которая самостоятельно идет в выборы, будучи притом упоена успехом на выборах в первую Думу. Но партия эта с дисциплиной не из строгих и с сплоченностью не из крепких. Левые кадеты недовольны поражением в Гельсингфорсе и будируют. Часть их (недавно г. Алексинский в Москве) уходит к энесам. В первой Думе попадались такие «исключительно-редкостные» кадеты, которые подписывались даже под проектом 33-х об уничтожении всякой частной собственности на землю (Бадамшин, Зубченко, Ложкин). Значит, отколоть хотя бы и ничтожную частичку этого «центра» на сторону левых не безнадежно. Кадеты чувствуют прекрасно свою слабость среди народных масс (недавно кадетский «Товарищ» сам должен был признать это) и охотно пошли бы на блоки с левыми. Недаром кадетские газеты с умилением радости открывали столбцы социал-демократам Мартову и Череванину для обсуждения вопроса о блоке с.-д. с к.-д. Мы, конечно, не забудем никогда и разъясним массам во время избирательной кампании, что кадеты не исполнили своих обещаний в первой Думе, мешали трудовикам, играли в конституционные игрушки и т. д., и т. д., вплоть до умолчания о четыреххвостке⁸², до каторжных законопроектов и проч.

Далее идут «трудовики». Этого типа, т. е. мелкобуржуазные и преимущественно крестьянские, партии распадаются на *беспартийную* «Трудовую группу» (недавно имевшую свой съезд), энесов и эсеров (п. п. с. — «партия польская социалистическая» и т. п. соответствуют более или менее эсерам). Сколько-нибудь последовательные и решительные революционеры и республиканцы только

эсеры. Энесы — оппортунисты гораздо хуже наших меньшевиков, полу-кадеты, строго говоря. Беспартийная «Трудовая группа», может быть, влиятельнее и тех и других в крестьянской массе, но степень решительности ее демократизма определить трудно, хотя они, несомненно, гораздо левее кадетов и принадлежат, повидимому, к революционной демократии.

Социал-демократия — единственная партия, которая выступит на выборах, несмотря на свои раздоры, дисциплинированно до конца, — которая имеет вполне определенный и строго-классовый базис, — которая объединила все с.-д. партии всех народов России.

Но как заключать общий блок с трудовиками при очерченном выше *составе* этого типа партий? Где гарантии за *беспартийных* трудовиков? Разве возможен блок партии с беспартийными? Почему мы знаем, что гг. Алексинские завтра не вернутся от энесов к кадетам?

Ясно, что *действительно* партийное соглашение с трудовиками *невозможно*. Ясно, что мы ни в каком случае не можем помогать объединению оппортунистов н.-с. и революционеров с.-р., а должны раскалывать и противопоставлять их. Ясно, что при наличии беспартийной Трудовой группы нам выгоднее во всех отношениях полная самостоятельность для воздействия на них в духе безусловно революционном, чем связывание себе рук и затушевывание различий между монархистами и республиканцами и т. д. Такое затушевывание для с.-д. *абсолютно недопустимо*, и уже по одному этому соображению надо безусловно отвергнуть блоки, раз *наличная* группировка партий соединяет беспартийных трудовиков, н.-с. и с.-р.

Действительно ли они соединимы и соединяются? Соединимы безусловно, ибо мелкобуржуазный классовый базис *один*. Соединялись на деле в первой Думе, и в газетах периода октября, и в газетах периода думского, и в голосованиях среди студенчества (*si licet parva comronege magnis* — если позволительно сравнить маленькое с большим). В самом деле, это — мелкий, но характерный, в связи с другими, симптом, что в голосованиях «автономного» студенчества сталкивались часто три списка: к.-д., блок трудовиков, энесов, эсеров и п. п. с. и, наконец, с.-д.

С точки зрения пролетариата ясность классовой группировки партий стоит выше всего, а выгода самостоятельного воздействия на беспартийных (или колеблющихся от н.-с. к с.-р.) трудовиков очевидна по сравнению с попытками соглашения партии с беспартийными. Данные о *партиях* невольно наталкивают на вывод: никаких безусловно соглашений на низшей стадии, в агитации перед массами; на высших стадиях все усилия направить к тому, чтобы при распределении мест разбить кадетов посредством частного соглашения с.-д. и трудовиков, — разбить энесов посредством частного соглашения с.-д. и эсеров.

Нам возражат: пока вы, неисправимые утописты-большевики, мечтаете о том, чтобы разбить кадетов, вас всех разобьют черносотенцы, ибо вы *разобьете голоса!* Эсдеки, трудовики и кадеты вместе наверное разбили бы черносотенцев наголову, а действуя порознь, вы можете доставить легкую победу общему врагу. Допустим, у черных 26 голосов из 100, у трудовиков и кадетов по 25, у эсдеков 24. Пройдет черносотенец, если не будет блока с.-д., трудовиков и к.-д.

Это возражение часто принимают за серьезное, и его надо внимательно разобрать. А чтобы его разобрать, надо рассмотреть *данную*, т. е. теперешнюю, русскую избирательную систему.

IV

Выборы в Думу у нас не прямые, а многостепенные. При многостепенных выборах раздробление голосов опасно только на низшей ступени. Только тогда, когда на выборы идут первоначальные избиратели, мы не знаем, как разобьются голоса; только в агитации перед массами мы действуем «втемную». На высших стадиях, при выборах через выборных, генеральное сражение уже кончено, остается распределение мест по частному соглашению партий, *знающих* точное число своих кандидатов и своих голосов.

Низшая ступень выборов есть выбор выборщиков в городах, выбор десятидворников в деревнях, выбор уполномоченных в рабочей курии.

В городах мы выступаем в каждой избирательной единице (участок и т. п.) перед большой массой избирателей.

Опасность раздробления голосов, неоспоримо, имеется. Неоспоримо, что в городах черносотенные выборщики могут кое-где пройти *исключительно* благодаря отсутствию «блока левых», *исключительно* благодаря отвлечению, к примеру скажем, эсдеками части голосов от кадетов. Помнится, в Москве Гучков получил что-то около 900 голосов, кадеты, около 1400. Достаточно было эсдеку отбить у кадетов 501 голос, и Гучков оказался бы победителем. И не подлежит сомнению, что обывательская публика учтет эту нехитрую механику, будет бояться раздробления голосов, будет ради этого только склонна подавать голоса за самого умеренного из оппозиции. Получится то, что в Англии называется «треугольными» выборами, когда городская мелкота боится голосовать за социалиста, чтобы не отнять голосов у либерала и этим не дать победы консерватору.

Какое может быть средство против этой опасности? Только одно: соглашения на низшей стадии, т. е. *общий список* выборщиков, в котором партийные кандидаты подобраны в числе, определенном договором между партиями *до борьбы*. Все вошедшие в соглашение партии призывают тогда всю массу избирателей голосовать именно за один этот общий список.

Разберем доводы за и против употребления такого приема.

Доводы за: агитацию можно вести строго партийную. Пусть с.-д. критикуют сколько угодно кадетов перед массой, только пусть добавляют: а все же они лучше черносотенцев, и мы согласились насчет общего списка.

Доводы против: общий список будет вопиющим противоречием со всей самостоятельной, классовой политикой с.-д. Рекомендую массе общий список к.-д. и с.-д., мы неизбежно спутываем донельзя ясность классовых и политических делений. Мы подрываем принципиальное и общереволюционное значение нашей кампании ради выигрыша местечка в Думе либералу! Мы подчиняем классовую политику парламентаризму вместо того, чтобы подчинять парламентаризм классовой политике. Мы лишаем себя возможности произвести подсчет *своих* сил. Мы теряем то, что длительно и прочно во всех выборах: развитие сознания и сплоченности социалистического

пролетариата. Мы приобретаем то, что преходяще, условно и неверно: преимущество кадета пред октябристом.

И ради чего мы подвергаем опасности выдержанную работу социалистического воспитания? Ради опасности черносотенных кандидатур? Но все города России дакт всего 35 депутатских мест в Думе из 524 (СПБ. — 6, Москва — 4, Варшава и Ташкент — по два, остальные 21 город — по одному). Значит, города сами по себе ни в каком случае не могут изменить сколько-нибудь существенно физиономию Думы. А затем нельзя же ограничиться одним формальным соображением об арифметической возможности раздробления голосов. Надо рассмотреть, велика ли политическая вероятность этого. И такое рассмотрение показывает, что черносотенцы даже на выборах в первую Думу имели ничтожное меньшинство, что случаи, подобно приведенному выше «гучковскому» случаю, являются исключением. По данным «Вестника к.-д. партии»⁸³, (1906, 19/IV, № 7), в 20 городах, пославших 28 депутатов в Думу, из 1761 выборщика было 1468 к.-д., 32 прогрессиста и 25 беспартийных. Октябристов — 128, торг.-пром. — 32 и правых — 76, т. е. всего правых 236, менее 15%. В 10 городах не прошло ни одного выборщика из правых, в 3-х городах — не более, чем по 10 выборщиков (из 80) из правых. Разумно ли при таких условиях отказаться от борьбы за свои, классовые, кандидатуры ради преувеличенного страха пред черносотенцами? Не будет ли такая политика грешить, помимо принципиальной неустойчивости, близорукостью даже с узко-практической точки зрения?

А блок с трудовиками против кадетов? — возразят нам. Но мы уже показали те особенности партийных отношений среди трудовиков, которые делают такой блок нежелательным и нецелесообразным. В городах, где всего более сконцентрировано рабочее население, мы без крайней необходимости никогда не должны отказываться от вполне самостоятельных с.-д. кандидатур. А этой крайней необходимости нет. Немного меньше, немного больше кадетов или трудовиков (особенно энесовского типа!), это не имеет серьезного политического значения, ибо сама Дума в лучшем случае способна сыграть лишь подсобную, второстепенную роль. Политически решающее значение в определении итога думских выборов имеет крестьянство, имеют

губернские собрания выборщиков, а не города*. В губернских же собраниях выборщиков мы осуществим наш общеполитический союз с трудовиками против кадетов гораздо лучше и вернее, без всяких нарушений строгой принципиальности, чем на низшей стадии выборов в деревне. К выборам в деревнях мы и перейдем теперь.

V

В больших городах политическая партийная организованность кое-где смела, как известно, одну из ступеней выборов. По закону, выборы были двустепенные. На деле вышли выборы иногда прямые, или почти прямые, ибо избиратели знали ясно характер борющихся партий, знали даже в отдельных случаях *лиц*, которых данная партия намерена провести в Думу. В деревнях, наоборот, ступеней так много, скученность избирателей так мала, препятствия открытому выступлению партий так громадны, что выборы происходили в первую Думу и будут происходить во вторую чрезвычайно «прикровенно». Другими словами: здесь очень часто, даже в большинстве случаев партийная агитация будет говорить о партиях вообще, *намеренно* умалчивая о лицах, страха ради полицейска. Намеренно будут прятаться радикальные и революционные крестьяне (да и не одни крестьяне) за кличку беспартийности. На выборах десятидворников решит *внимание* человека, доверие такому-то лично, сочувствие *его* социал-демократическим речам. Социал-демократов, опирающихся на *местную* партийную организацию, у нас будет здесь ничтожное число. Но социал-демократов, привлекающих на свою сторону сочувствие местного деревенского населения, может оказаться несравненно боль-

---

* Разумеется, мелкие города тоже влияют на состав губернских избирательных собраний чрез посредство городских съездов. Кадеты и прогрессисты тоже имели полный перевес здесь: напр., из 571 выборщиков от городских съездов было 424 к.-д. и прогрессистов, 147 правых («Вестн. к.-д. п.», 1906, № 5, 28/III). По отдельным городам колебания, конечно, очень велики. При таком положении дела нам удалось бы, вероятно, в очень большом числе случаев дать самостоятельное сражение кадегам, не боясь случайностей раздробления голосов и не ставя себя в зависимость ни от одной из социал-демократической партии. — О блоках на низшей стадии выборов в рабочей кучи, вероятно, ни один с.-д. не станет и говорить серьезно. Среди рабочей массы особенно необходима полная самостоятельность с.-д.-тов.

ше, чем можно бы думать по данным о низших ячейках нашей партии.

Мелкобуржуазные романтики, вроде энесов, мечтающие об открытой социалистической партии при наших порядках, не понимают того, как усиливают доверие и сочувствие к конспиративной партии ее выдержанный, чуждый компромиссов, боевой дух и в то же время неуловимость ее организации, действующей на массы далеко не через одних только партийных людей. Действительно революционная, закаленная в огне нелегальная партия, которая привыкла к гг. Плеве и не смущается никакими строгостями гг. Стольпиных, может оказаться в эпоху гражданской войны способной к более широкому воздействию на массы, чем иная легальная партия, способная «с желторотой наивностью» становиться на «строго конституционный путь».

Социал-демократы, входящие в партию, и с.-д., не входящие в нее, будут иметь много шансов на успех при выборах десятидворников и уполномоченных. Для успеха на этих стадиях выборов в деревне вовсе неважен будет блок с трудовиками или общий список. С одной стороны, избирательные единицы тут слишком мелки. С другой стороны, действительно партийные, или хоть сколько-нибудь приближающиеся к партийным, трудовики будут очень редки. Строгая партийность эсдеков, их безусловная подчиненность партии, которая сумела годы и годы держаться нелегально, дойдя до 100—150 тысяч членов всех национальностей, которая одна из крайних левых выставила партийную же фракцию в первой Думе, эта партийность будет огромной рекомендацией и гарантией в глазах всех тех, кто не боится решительной борьбы, а всей душой хочет ее, не совсем доверяя своим собственным силам, боясь взять инициативу на себя, боясь выступить открыто. Эту выгодную сторону строгой, «нелегальной», партийности мы всячески должны использовать, и нам вовсе не расчет хоть сколько-нибудь ослаблять ее каким бы то ни было постоянным блоком. Единственным тоже партийным и тоже решительно, беспощадно-революционным конкурентом нашим могли бы быть здесь только эсеры. Но блок с ними на *первой* стадии деревенских выборов был бы возможен на началах действительной партийности лишь как исключение: достаточно представить себе реально и

конкретно условия выборов в деревне, чтобы убедиться в этом*. Поскольку же беспартийно-революционные крестьяне будут действовать, не примыкая намеренно ни к одной партии исключительно, постольку нам выгоднее во всех отношениях воздействовать на них в желательном для нас смысле в направлении строгой партийности. Беспартийность союза, агитации не может стеснить партийного эсдека, ибо исключить его революционные крестьяне никогда не захотят, а участвовать в беспартийно-революционном союзе разрешает ему специально резолюция Объединительного съезда о поддержке крестьянского движения. Таким образом, мы, сохраняя свою партийность, отстаивая ее до конца, извлекая всю громадную моральную и политическую пользу из нее, можем в то же время приспособиться вполне к работе в беспартийно-революционной крестьянской среде, в беспартийно-революционных союзах, кружках, собраниях, к работе при помощи беспартийно-революционных связей и т. д. Вместо ограничивающего и стесняющего нашу строгую партийность блока с эсерами, которые охватывают организационно совсем ничтожную долю революционного крестьянства, мы используем еще шире и еще свободнее и нашу партийную позицию и все выгоды работы в беспартийной среде «трудовиков».

Вывод отсюда тот, что на низших стадиях избирательной кампании в деревнях, т. е. на выборах десятидворников и уполномоченных (иногда выбор уполномоченных сведется, вероятно, на деле к роли *первой* стадии выборов), нам нет надобности ни в каких избирательных соглашениях. Политически определенных людей, годных в кандидаты на должность десятидворника и уполномоченного, такой ничтожный процент, что эсдеки, внушившие доверие и уважение крестьян (а без этого условия никакая серьезная кандидатура немислима), имеют все шансы почти *поголовно* попасть в десятидворники и уполномоченные, не нуждаясь ни в каких соглашениях с другими партиями.

А в собраниях уполномоченных можно уже будет опираться на точные результаты первоначальных и предпри-

---

* Не случайно же, конечно, то обстоятельство, что в первой Думе эсеры совсем не смогли выступить партийно, более не смогли, чем не захотели. И эсерам в Думе показалось, как и эсерам в университете, выгоднее спрятаться за беспартийных трудовиков или блокироваться с ними.

шивших все дело выборных сражений. Здесь возможны и необходимы... не блоки, конечно, не тесные, не постоянные соглашения, а частные соглашения о распределении мест. Здесь, а еще более в собраниях выборщиков для выбора депутатов в Думу, мы должны с трудовиками разбить кадетов, вместе с эсерами разбить энесов, и т. д.

VI

Итак, рассмотрение действующей избирательной системы показывает, что блоки на низших стадиях выборов особенно нежелательны в городах и не необходимы. В деревнях на низших стадиях (т. е. при выборах десятидворников и уполномоченных) блоки и нежелательны и совершенно не нужны. Решающее политическое значение имеют уездные собрания уполномоченных и губернские собрания выборщиков. Здесь, т. е. на высших стадиях, частные соглашения необходимы и возможны без нежелательного нарушения партийности, ибо борьба перед массами закончена, никакого выступления перед народом с прямой или косвенной защитой (или хотя бы допущением) беспартийности для этого не требуется, ни малейшего затемнения строго-классовой самостоятельной политики пролетариата от этого не угрожает*.

Рассмотрим теперь сначала с формальной, арифметической, так сказать, стороны, какого рода будут эти частные избирательные соглашения на высших стадиях.

Возьмем примерные процентные отношения, т. е. распределение выборщиков (и уполномоченных, которые подразумеваются в дальнейшем изложении) по партиям внутри каждой сотни выборщиков. Чтобы победить в собрании выборщиков, нужно иметь за определенного кандидата не менее 51 голоса из 100. Общее правило тактики с.-д. выборщиков получается отсюда такое: надо стараться привлечь на свою сторону такое число наиболее

---

* Интересно отметить, что и в практике международной с.-д-тии есть опыт различения соглашений на низшей и на высших стадиях. Во Франции выборы сенаторов двухстепенные: избиратели выбирают департаментских (губернских) выборщиков, а эти последние выбирают сенаторов. Революционные французы с.-д., гэдисты, не допускали никогда никаких соглашений, никаких общих списков на низшей стадии, допуская частные соглашения на высшей стадии, т. е. для распределения мест в собраниях департаментских выборщиков. Оппортунисты, жоресисты, шли на соглашения и на низшей стадии.

близких к с.-д. или наиболее заслуживающих поддержки буржуазно-демократических выборщиков, чтобы вместе с ними побить остальных и провести, следовательно, частью социал-демократических, частью *лучших* из буржуазно-демократических выборщиков*.

Иллюстрируем это правило простыми примерами. Допустим, 49 выборщиков из 100 — черносотенцы, 40 — кадеты, 11 — эсдеки. Необходимо частное соглашение с.-д. и к.-д. для проведения полностью общего списка депутатов в Думу на основе, конечно, пропорционального распределения думских мест по числу выборщиков (т. е., в данном примере, пятую часть думских мандатов от всей губернии, скажем два из десяти, получили бы с.-д., а четыре, восемь из десяти, к.-д.). Если будет 49 кадетов, 40 трудовиков и 11 с.-д., то мы должны стремиться к соглашению с трудовиками, чтобы разбить кадетов и завоевать пятую долю мандатов себе, а четыре пятых трудовикам. В случае такого рода мы имели бы прекрасную возможность проверить последовательность и решительность демократизма трудовиков: согласятся ли они отвернуться всецело от кадетов и разбить их вместе с выборщиками рабочей партии или захотят «спасти» того или иного кадета, захотят даже, может быть, блока не с с.-д., а с к.-д. Тут мы сможем и должны будем на деле доказать и показать всему народу, в какой мере те или иные мелкие буржуа тянут к монархической буржуазии или к революционному пролетариату.

В последнем примере трудовикам есть грубый расчет блокироваться с с.-д., а не с к.-д., ибо они получают тогда $\frac{4}{5}$, а во втором случае только $\frac{4}{9}$ общего числа мандатов. Еще интереснее были бы поэтому обратные случаи: 11 к.-д., 40 трудовиков, 49 с.-д. Грубый расчет в подобном случае толкал бы трудовиков к блоку с к.-д.: тогда «мы», дескать, получим больше местечек в Думе для себя. Принципиальная же верность демократизму и интересам дей-

---

* Ради простоты, мы предполагаем чисто партийное и исключительно партийное распределение выборщиков. На деле, конечно, будет встречаться много беспартийных выборщиков. Задача с.-д. выборщика состоит тогда в том, чтобы добиться возможно большего вынесения политической физиономии всех, особенно буржуазно-демократических выборщиков, и суметь объединить «левое большинство» из с.-д. и наиболее желательных для с.-д. буржуазных кандидатов. Об основных признаках для различения партийных тенденций мы будем говорить ниже.

ствительно трудящихся масс требовала бы безусловно блока с с.-д., хотя бы ценой пожертвования несколькими местечками в Думе. Представители пролетариата должны внимательно учитывать все такие и подобные случаи, разъясняя и выборщикам и всему народу (необходимо опубликование результатов соглашений в собраниях уполномоченных и выборщиков во всеобщее сведение) *принципиальное* значение этой избирательной арифметики.

Далее, в последнем примере, мы видим такой случай, когда эсдеков и грубый расчет и принципиальные соображения толкают к тому, чтобы расколоть трудовиков. Если среди них есть, допустим, двое вполне партийных эсеров, то мы должны направить все усилия на то, чтобы присоединить их к себе и разбить 51-м голосом всех кадетов и всех остальных, *менее революционных*, трудовиков. Если из трудовиков 2 эсера и 38 энесов, то мы получили бы возможность проверить преданность эсеров интересам демократизма и интересам трудящихся масс: за республиканцев-демократов, сказали бы мы, против допускающих монархию энесов, — за конфискацию помещичьей земли против допускающих выкуп энесов, — за сторонников вооружения всего народа против допускающих постоянную армию энесов. И мы посмотрели бы, кого предпочтут эсеры: социал-кадетов* или социал-демократов.

Мы подошли таким образом к принципиально-политической стороне и значению этой избирательной арифметики. Наш долг здесь — противопоставить погоне за местечками безупречно-стойкое и последовательное отстаивание точки зрения социалистического пролетариата и интересов полной победы нашей буржуазно-демократической революции. Ни в каком случае и ни под каким видом не должны наши с.-д. уполномоченные и выборщики замалчивать наших *социалистических* целей, нашей строго-классовой позиции, как *пролетарской* партии. Но недостаточно одного повторения слова «классовый» для того, чтобы доказать роль пролетариата, как авангарда в *современной* революции. Недостаточно изложить наше социалистическое

---

* Так назвала энесов «Сознательная Россия»⁸⁴. Между прочим. Первый и второй выпуски этого издания доставили нам живейшее удовольствие. Гг. Чернов, Вадимов и др. прекрасно развивают и Пешехонова и Таг — ина. Особенно хорошо опровержение Таг — ина с точки зрения теории товарного производства, развивающегося через капитализм в социализм.

учение и общую теорию марксизма, чтобы доказать передовую роль пролетариата. Для этого надо еще уметь показать *на деле* при разборе жгучих вопросов *современной* революции, что члены рабочей партии всех последовательнее, всех правильнее, всех решительнее, всех искуснее защищают интересы *этой* революции, интересы ее *полной* победы. Это — нелегкая задача, и в подготовке к ней состоит основная и главная обязанность всякого с.-д., идущего на избирательную кампанию.

Различение партий и партийных оттенков на собраниях уполномоченных, выборщиков (а также во всей избирательной кампании, это разумеется само собой) будет маленьким, но не бесполезным практическим делом. На этом деле, между прочим, жизнь даст проверку многих спорных вопросов, волнующих с.-д. рабочую партию. Правое крыло ее, начиная от крайних оппортунистов «Нашего Дела» и кончая умеренными оппортунистами «Социал-Демократа», на все лады стирает и извращает различие трудовиков и кадетов, не замечая, повидимому, и нового, весьма важного явления: деления трудовиков на н.-с., с.-р. и тяготеющих к тем или другим. Конечно, уже история первой Думы и ее разгона дала документальные данные, безусловно требующие различения кадетов и трудовиков, доказывающие более последовательный и решительный демократизм этих последних. Избирательная кампания перед второй Думой должна еще нагляднее, точнее, полнее, шире доказать и показать это. Избирательная кампания *сама научит*, как мы старались показать на примерах, правильному *различению* социал-демократов тех или иных буржуазно-демократических партий и фактически опровергнет или, вернее, отодвинет в сторону то глубоко-ошибочное мнение, которое кадетов считает главными или хотя бы серьезными представителями нашей буржуазной демократии вообще.

Отметим еще, что в избирательной кампании вообще и в деле заключения на высших стадиях избирательных соглашений с.-д. должны уметь говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, **незнакомых** ей лозунгов, определений, заключений. Надо уметь без фраз, без восклицаний, с фактами и цифрами в

руках *растолковать* вопросы социализма и вопросы теперешней русской революции.

При этом два основных вопроса этой революции выдвигаются сами собой: вопрос о воле и вопрос о земле. На этих коренных и волнующих всю массу вопросах мы должны сконцентрировать и чисто-социалистическую проповедь, — отличие точки зрения мелкого хозяйчика и точки зрения пролетариата, — и различие борющихся за влияние на народ партий. Черносотенцы, до октябристов включительно, против воли, против отдачи земли народу. Они хотят *прекратить* революцию *насилом*, подкупом, обманом. Либерально-монархическая буржуазия, кадеты, *тоже* стремятся *прекратить* революцию посредством ряда уступок. Она *не хочет* дать народу ни всей воли, ни всей земли. Она хочет *сохранить* помещичье землевладение посредством выкупа и устройства местных земельных комитетов не на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Трудовики, — т. е. мелкая буржуазия, особенно сельская, — хотят добиться всей земли и всей воли, но идут к этой цели нетвердо, несознательно, неуверенно, качаясь между оппортунизмом социал-кадетов (н.-с.), оправдывающих гегемонию либеральной буржуазии над крестьянством, возводящих ее в теорию, и между утопизмом поравнения, возможного будто бы при товарном производстве. Социал-демократия должна последовательно стоять на точке зрения пролетариата, очищая *революционное* самосознание крестьянства от энесовского оппортунизма и от утопизма, заслоняющего действительно насущные задачи *современной* революции. А рабочий класс, как и весь народ только при *полной* ее победе могут *настоящим* образом, быстро, смело, свободно и широко *взяться* за решение основной задачи всего цивилизованного человечества: освобождение труда от гнета капитала.

И на вопросе о *средствах* борьбы мы тоже остановимся внимательно в избирательной кампании и в деле заключения частных соглашений между партиями. Мы будем выяснять, что такое учредительное собрание, и почему кадеты боятся его. Мы спросим либеральных буржуа, кадетов, какие меры намерены они отстаивать и *самостоятельно* проводить в жизнь, чтобы с народными представителями не мог никто обойтись так, как «обошлись» с депутатами «первого призыва». Мы помянем

кадетам и разъясним возможно более широкой массе их подло-предательское отношение к октябрьско-декабрьским формам борьбы прошлого года. Мы будем спрашивать всех и всяких кандидатов, намерены ли они *подчинить* всецело всю свою думскую деятельность интересам *внедумской* борьбы, интересам широкого народного движения за землю и за волю. Мы должны использовать избирательную кампанию для *организации революции*, т. е. для организации пролетариата и *действительно* революционных элементов буржуазной демократии.

Таково *положительное* содержание, которое надо постараться внести во всю избирательную кампанию и в частности в дело заключения частных соглашений с другими партиями.

VII

Подведем итоги.

Исходным пунктом общей избирательной тактики социал-демократии должна быть полная самостоятельность классовой партии революционного пролетариата.

Отступления от этого общего положения возможны только при крайней необходимости и при особо-ограничительных условиях.

Особенности русской избирательной системы и политических группировок среди преобладающей массы населения, крестьянства, не вызывают этой крайней необходимости на низших стадиях избирательной кампании, т. е. при выборах выборщиков в крупных городах, десятников и уполномоченных в деревнях. В крупных городах нет этой необходимости, ибо выборы здесь важны *вовсе* не по числу депутатов в Думу, а по выступлению с.-д. перед наиболее широкими, наиболее сконцентрированными, «наиболее социал-демократическими» по своему положению слоями населения.

В деревнях политическая неразвитость массы, политическая неоформленность ее, раздробленность, редкость населения и внешние условия выборов вызывают особенное развитие беспартийных (и беспартийно-революционных) организаций, союзов, кружков, собраний, взглядов, стремлений. При таких условиях блоки на низших стадиях *вовсе* не нужны. Строгая партийность с.-д-тов во всех отношениях всего правильнее и всего целесообразнее.

Общее положение о необходимости союза пролетариата и революционного крестьянства ведет, таким образом, к признанию необходимости лишь частных соглашений (по типу: с трудовиками против кадетов) на высших стадиях избирательной системы, т. е. в собраниях уполномоченных и выборщиков. Особенности политических делений внутри трудовиков говорят за такое же решение вопроса.

Во всех этих частных соглашениях с.-д. должны строго различать буржуазно-демократические партии и оттенки между ними по степени последовательности и решительности их демократизма.

Идейно-политическим содержанием избирательной кампании и частных соглашений будет выяснение учения социализма и самостоятельных ловушек с.-д. в современной революции, как в отношении ее задач, так и в вопросе о путях и средствах осуществления этих задач.

Настоящая брошюра написана до выхода пятого номера «Социал-Демократа». До этого номера наша партия имела полное основание надеяться, что недопустимых для социалистов соглашений на первой стадии с буржуазными партиями ЦК нашей партии безусловно не одобряет. Мы обязаны были так думать, ибо столь влиятельный меньшевик, как тов. Л. Мартов, высказался *решительно* против *всяких* соглашений на первой стадии, высказался не только в «Товарище», но и в разосланном по организациям от ЦК письме (Мартова) по вопросу о подготовке к избирательной кампании.

Теперь оказалось, что наш ЦК повернул к Череванину или по крайней мере поколебался. Передовица № 5 «Социал-Демократа» *допускает* блоки на первой стадии, не оговаривая даже точно, с какими именно буржуазными партиями! Сегодняшнее (31 октября) письмо Плеханова, переселившегося для защиты блока с кадетами в кадетскую газету «Товарищ», показывает всем, под чьим влиянием поколебался ЦК. Плеханов же вещает, по обыкновению, с видом оракула; изрекает банальнейшие общие места; обходит совершенно классовые задачи социалистического пролетариата (должно быть из любезности к

приютившей его буржуазной газете) и не пробует даже прикоснуться к конкретным данным и доводам.

Неужели этого «окрика» из Женевы окажется достаточно, чтобы ЦК от Мартова скатился... к Череванину?

Неужели решение Объединительного съезда, запрещающее всякие соглашения с буржуазными партиями, будет сорвано выбранным на съезде ЦК?

Дружной избирательной кампании с.-д. грозит величайшая опасность.

Социалистической рабочей партии грозят разлагающие ее и губящие дело классовой самостоятельности пролетариата соглашения на первой стадии с буржуазными партиями.

Пусть же сплотятся все революционные с.-д. и объявят беспощадную борьбу ошпортунистической смуте и шатаниям!

**ОСОБОЕ МНЕНИЕ, ВНЕСЕННОЕ
НА ВСЕРОССИЙСКУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ РСДРП
ОТ ИМЕНИ ДЕЛЕГАТОВ С.-Д. ПОЛЬШИ,
ЛАТЫШСКОГО КРАЯ, С.-ПЕТЕРБУРГА, МОСКВЫ,
ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ
И ПОВОЛЖЬЯ⁸⁵**

Тактика бойкота Государственной думы, способствовавшая правильной оценке народными массами безвластия и несамостоятельной роли данного учреждения, нашла себе полное оправдание в комедии законодательной деятельности Г. думы и в ее разгоне.

Но контрреволюционное поведение буржуазии и соглашательская тактика российского либерализма воспрепятствовали непосредственному успеху бойкота и заставили пролетариат принять борьбу с помещичьей и буржуазной контрреволюцией также и на почве думской кампании.

Эту борьбу вне Думы и в самой Думе социал-демократия должна вести в интересах развития классового сознания пролетариата, дальнейшего разоблачения перед всем народом конституционных иллюзий и развития революции.

Ввиду такого положения вещей и с указанной целью, Росс. с.-д. рабочая партия должна принять самое энергичное участие в настоящей думской кампании.

Основными задачами социал-демократической избирательной и думской кампании является, во-1-х, выяснение народу полной непригодности Думы, как средства осуществить требования пролетариата и революционной мелкой буржуазии, в особенности крестьянства. Во-2-х, выяснение народу невозможности осуществить политическую свободу парламентским путем, пока реальная власть остается в руках царского правительства, выяснение необходимости вооруженного восстания, временного революционного правительства и учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. В-3-х, критика первой Думы и выяснение банкротства

российского либерализма, в особенности же выяснение того, насколько опасна и губительна для дела революции была бы первенствующая и руководящая роль в освободительном движении либерально-монархической партии к.-д.

Как классовая партия пролетариата, социал-демократия должна во всей избирательной и думской кампании оставаться безусловно самостоятельной, не сливая и здесь ни в каком случае ни своих лозунгов, ни своей тактики ни с какой другой оппозиционной или революционной партией.

Поэтому на первой ступени избирательной кампании, т. е. перед массами, она должна по общему правилу выступать безусловно самостоятельно и выставлять только партийные кандидатуры.

Исключения из этого правила допустимы только в случаях крайней необходимости и лишь с партиями, вполне принимающими основные лозунги нашей непосредственной политической борьбы, т. е. признающими необходимость вооруженного восстания и борющимися за демократическую республику. При этом такие соглашения могут простираются лишь на выставление общего списка кандидатов, ни в чем не ограничивая самостоятельности политической агитации социал-демократии.

В рабочей курии с.-д. партия выступает безусловно самостоятельно, не вступая в соглашения ни с какой другой партией.

На высших ступенях выборов, т. е. в собраниях выборщиков в городах, уполномоченных и выборщиков в деревнях, допустимы частные соглашения исключительно для пропорционального распределения мест по числу голосов у партий, заключающих соглашение. При этом социал-демократия различает в отношении демократической последовательности и решительности следующие основные типы буржуазных партий: а) с.-р., н. п. с. и подобные им республиканские партии*; б) н.-с. и трудовики подобного типа**; в) к.-д.

Написано 4 (17) ноября 1906 г.

*Напечатано 23 ноября 1906 г.
в газете «Пролетарий» № 8*

Печатается по тексту газеты

* Сюда, может быть, относятся и с.-с. (сионисты-социалисты)⁸⁶.

** Сюда, может быть, относятся некоторые еврейские демонраты. Об этих вопросах мы, без еврейских с.-д., не компетентны судить.

ПРОЕКТ ОБРАЩЕНИЯ К ИЗБИРАТЕЛЯМ

Товарищи-рабочие и все граждане России! Приближается время выборов в Гос. думу. Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет всех вас принять участие в выборах, чтобы помочь сплочению сил, способных действительно бороться за свободу.

Народные массы в нашей революции борются против господства чиновников и полиции, помещиков и капиталистов, а прежде всего против самодержавного царского правительства. Массы борются за землю и волю, за свержение той шайки погромщиков и палачей, которая подкупом, обманом, зверским насилием, тюрьмами и военно-полевыми судами отвечает на требования миллионов и десятков миллионов.

Октябрьской стачкой 1905 года рабочие всей России вырвали у царя силой обещание свободы и законодательных прав Думы. Царское правительство нарушило эти обещания. Избирательный закон урезал права крестьян и рабочих в пользу помещиков и капиталистов. Права самой Думы были сведены почти до нуля. Но и это еще не главное. Главное — то, что все свободы и права оставались пустой бумажкой, ибо действительная власть, действительная сила была попрежнему всецело в руках царского правительства. Никакая Дума не может дать и не даст земли и воли народу, пока действительная власть будет в руках погромщиков и палачей свободы.

Вот почему революционные рабочие вместе с большинством сознательных борцов за свободу из других слоев народа бойкотировали Думу. Бойкот Думы был попыткой отнять у погромщиков дело созыва народных депутатов.

Бойкот Думы был предупреждением народу не верить пустым бумажкам, был призывом к борьбе за настоящую власть. Бойкот не удался, потому что делу свободы изменила либеральная буржуазия. Партия «народной» свободы, кадеты, эта партия либеральных помещиков и «просвещенных» буржуазных говорунов, отвернулась от героической борьбы пролетариата, обозвала безумством восстание крестьян и лучшей части войска и пошла на выборы, устраиваемые погромщиками. Благодаря предательству кадетской буржуазии, всему народу приходится на время считаться с законами и выборами, которые погромщики устроили, погромщики подделали, погромщики превратили в издевательство над народом.

Но, участвуя теперь в выборах, мы можем и должны раскрыть глаза народу на необходимость борьбы за власть, на счету кадетской игры в конституцию. Граждане всей России! Подумайте над тем уроком, который дала нам первая Дума!

Борцы за свободу и за землю для крестьян были перебиты, отправлены в ссылку, засажены в тюрьмы. Большинство в Думе принадлежало кадетам. Эти либеральные буржуа боялись борьбы, боялись народа, ограничивались речами и ходатайствами, призывали к терпеливому ожиданию, стремились к соглашению, к сделке с правительством погромщиков. И царь, видя, что перед ним не борцы, а пресмыкающиеся буржуа, прогнал их вон за неугодные речи.

Рабочие, крестьяне и все трудящиеся! Не забывайте этого великого урока! Помните, что когда осенью 1905 года во главе борющегося народа стояли революционные рабочие, когда к стачке рабочих, к восстанию рабочих присоединялись восстания крестьян и сознательных солдат, — тогда правительство шло на уступки. А когда весной и летом 1906 года во главе народа встала либерально-монархическая буржуазия, кадеты, партия колебаний между властью народа и властью погромщиков, тогда вместо уступок депутаты получили удар полицейской ноги, разогнавшей Думу.

Разгон Думы показывает всем, как тщетны и бесплодны кадетские ходатайства, как необходима поддержка пролетарской борьбы. Рабочий класс октябрьской стачкой вырвал обещание свободы. Он собирается теперь с силами,

чтобы посредством всенародного восстания вырвать на деле свободу из рук врага, чтобы свергнуть царское правительство, учредить республику, выборность всех без исключения властей в государстве, и созвать через временное революционное правительство всенародное учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Борясь за свободу, рабочий класс добивается того, чтобы она служила не богатым только и знатным, а всему народу. Рабочим нужна свобода, чтобы развернуть широкую борьбу за полное освобождение труда от гнета капитала, за уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, за социалистическое устройство общества. Никакое равенство, даже равенство мелких хозяев, крестьян, в пользовании общенародной землей, не спасет народ от нищеты, безработицы и угнетения, пока существует господство капитала. И только сплочение всех рабочих, при поддержке их массами трудящихся, может свергнуть иго капитала, давящего рабочих всех стран. В социалистическом обществе свобода и равенство не будут обманом; трудящиеся не будут раздроблены мелким обособленным хозяйничаньем; накопленное общим трудом богатство будет служить массе народа, а не угнетать ее; господство трудящихся уничтожит всякое угнетение какой бы то ни было национальности, религии или одного пола другим.

Товарищи-рабочие и все граждане России! Пользуйтесь выборами, чтобы укрепить настоящих борцов за свободу и за социализм, чтобы открыть глаза всем и каждому на настоящие цели и истинный характер различных партий!

Кроме социал-демократов, три главных группы партий участвуют в выборах: черносотенцы, кадеты, трудовики.

Черносотенцы, это — партии, поддерживающие правительство. Они стоят за самодержавную монархию, за полицейскую власть, за сохранение всей помещичьей земли. Это — партия монархистов, союз русского народа, партия правового порядка, торгово-промышленная партия, союз 17-го октября, партия мирного обновления. Все это — прямые враги народа, прямые защитники правительства погромщиков, правительства, разогнавшего Думу, правительства военно-полевых судов.

Кадеты (к.-д. или «партия народной свободы») — главная партия либерально-монархической буржуазии. Либеральные буржуа колеблются между народом и правительством погромщиков. На словах они — против правительства; на деле они больше всего боятся борьбы народа; на деле они хотят сделки с монархией, т. е. с погромщиками, против народа. Кадеты предлагали в Думе каторжные законы против печати и против собраний. Кадеты были в Думе против передачи вопроса о земле местным комитетам, выбранным всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Кадеты, это — либеральные помещики, которые боятся того, как бы крестьяне сами не решили вопроса о земле по-своему. Кто не хочет, чтобы народных депутатов могла разгонять полицейская власть, кто не хочет, чтобы крестьянам навязали столь же разорительный выкуп, как в 1861 году, — тот пусть позаботится о том, чтобы вторая Дума не могла быть опять кадетской Думой.

Трудовики, это — партии и группы, выражающие интересы и взгляды мелких хозяев, преимущественно мелких крестьян. Самая робкая из этих партий — «трудовая народно-социалистическая партия»; она немногим лучше кадетов. Далее идет думская «Трудовая группа», лучшие члены которой, вроде Ошишко, шли после разгона Думы на помощь к восстающему народу. Самая революционная из трудовых партий — «социалисты-революционеры» (эсеры, с.-р.). Трудовики склонны решительно, — иногда вплоть до восстания, — отстаивать интересы крестьянской массы в борьбе за землю и волю, но они далеко не всегда умеют освободиться от влияния либеральных буржуа и от буржуазных взглядов во всей своей деятельности. Мелкий хозяйчик стоит на распутьи в великой всемирной борьбе труда с капиталом: — стремиться ли к тому, чтобы «выйти в люди» по-буржуазному, чтобы самому стать хозяином, или же стремиться к тому, чтобы помочь пролетариату свергнуть господство буржуазии. Мы, социал-демократы, воспользуемся выборами, чтобы сказать крестьянской массе и всем друзьям крестьянства: крестьяне только тогда смогут добиться земли и воли, если они будут действовать не ходатайствами, а борьбой, если они будут верить не царю и не посулам либеральных буржуа, а верить в силу дружной борьбы рука об руку с рабочим классом.

Партия социал-демократов есть партия сознательного и борющегося пролетариата. Она не верит ни в какие обещания буржуазии, она ищет спасения от нищеты и нужды не в укреплении мелкого хозяйства, а в сплоченной борьбе всех трудящихся за социализм.

Товарищи-рабочие и все вы, служащие у капитала! Вы видели все, что, когда правительство отняло начатки свободы, буржуазия стала отнимать у рабочих все их завоевания, стала опять удлинять рабочий день, уменьшать заработную плату, увеличивать штрафы, усплять всяческие прижимки, притеснять или прогонять сознательных рабочих. Только победой свободы могут рабочие и служащие обеспечить свои завоевания от буржуазии, добиться 8-мичасового рабочего дня, лучшей платы и сносных условий жизни. И только сплоченной, дружной, беззаветно-смелой борьбой во главе всех трудящихся масс может рабочий класс завоевать действительную свободу всему народу.

Товарищи-рабочие и все граждане России! Подавайте голоса за кандидатов Российской социал-демократической рабочей партии! Она борется за полную свободу, за республику, за выборность чиновников народом. Она борется против всякого национального угнетения. Она борется за *всю* землю для крестьян, *без всякого выкупа*. Она поддерживает все требования сознательных матросов и солдат, добиваясь замены постоянной армии всеобщим вооружением народа.

Товарищи-рабочие и все граждане России! Голосуйте за кандидатов Российской социал-демократической рабочей партии!

О БЛОКАХ С КАДЕТАМИ

Меньшевики при помощи бундовцев провели на всероссийской конференции РСДРП допустимость блоков с кадетами. Ликует кадетская печать и разносит благую весть во все концы мира, подталкивая легонечко меньшевиков еще ступенькой пониже, еще на один шаг вправо подальше. Читатель найдет в другом месте решения конференции, особое мнение революционных с.-д. и их проект обращения к избирателям*. Здесь же мы попытаемся обрисовать общее и основное политическое значение блоков с к.-д.

Хороший материал для такой обрисовки дает № 6 «Социал-Демократа» и особенно редакционная статья «Блок крайней левой». Начнем с одного из самых характерных мест этой статьи.

Нам говорят, — пишет «С.-Д.», — что «меньшевики, которые ставили себе задачей толкать на революционный путь всю Думу, после ее разгона покинули свою позицию и заключили блок с революционными партиями и группами, который выразился, во-1-х, в издании двух общих прокламаций, — к армии и к крестьянству, — во-2-х, в образовании комитета для координирования действий ввиду предстоявшей забастовки. Эта ссылка на прецедент основана на крупном недоразумении. В указанном случае наша партия заключила с другими революционными партиями и группами не политический блок, а боевое соглашение, которое мы всегда считали целесообразным и необходимым».

Курсив «Социал-Демократа».

* См. настоящий том, стр. 269—273. Ред.

...Не *политический* блок, а *боевое* соглашение... Побойтесь бога, товарищи меньшевики! Ведь это нечто не только бессмысленное, но и прямо малограмотное. Одно из двух: или вы под блоком разумеете только парламентские соглашения, или не только парламентские. Если первое, — тогда блок есть боевое соглашение для парламентского боя. Если второе, — тогда боевое соглашение есть *политический* блок, ибо «бой», не имеющий политического значения, это — не бой, а просто драка.

Товарищи из ЦК! присматривайте вы за своими редакторами, право, присматривайте, а то ведь стыдно становится за социал-демократию.

— Не проистекает ли галиматья, преподнесенная читателю в органе ЦК, от простой обмолвки? От неловкого выражения?

— Совсем нет. Не в том состоит ошибка «Социал-Демократа», что у него получился курьез, а, наоборот, курьез получился от того, что в основе всех его рассуждений и всей его позиции есть коренная ошибка. Бессмысленное сочетание слов: «*не политический блок, а боевое соглашение*»*, не случайно, а необходимо и неизбежно проистекло из той основной «бессмыслицы» меньшевизма, которая состоит в непонимании того, что теперь в России парламентский бой всецело подчинен, и притом самым непосредственным образом, условиям и характеру боя внепарламентского. Другими словами: отдельный логический промах выражает общее непонимание меньшевиками всей роли и всего значения Думы в современной революционной обстановке.

Мы, конечно, не станем подражать меньшевикам и их вождю Плеханову в их приемах полемики с нами по вопросу о «бое» и о «политике». Мы не станем упрекать их за то, что они, вожди с.-д. пролетариата, способны заключать *неполитическое* боевое соглашение.

Мы обращаем внимание на следующий вопрос: *почему* должны были наши меньшевики войти после разгона Думы в блок *только с революционными* партиями и группами? Конечно, не потому, что это давно проповедывал (исключительно из ненависти к меньшевикам) какой-то

* И надо же было случиться такому казусу, что меньшевики, всегда упрекавшие нас в противопоставлении «боя» «политике», сами как раз и построили все свое рассуждение на этом бессмысленном противопоставлении!

авархо-бланкист Ленин. Объективные условия *заставили* меньшевиков, вопреки всем их теориям, заключить именно такой революционный, антикадетский блок. Объективные условия, помимо воли и *помимо сознания* меньшевиков, привели к тому, что диалектическое развитие мирного парламентского боя в первой Думе превратило его в *несколько дней* в совершенно немирный, непарламентский бой. Не сознанный меньшевиками (благодаря кадетским шорам на их глазах), не заключенный формально *политический блок*, — выражавшийся в общности желаний и политических ближайших стремлений, в общности средств борьбы за ближайшие политические цели, — этот несознанный «политический блок» превратился *силою вещей* в «боевое соглашение». И наши мудрецы так растерялись от этой неожиданности, непредусмотренной в плехановских письмах эпохи первой Думы, что закричали: «это *не* политический блок, а боевое соглашение!».

Потому-то и не годится никуда ваша политика, любезные товарищи, что вы предусматриваете соглашения для *такого* «боя», который недействителен, фиктивен, лишен решающего значения, и прозевываете условия *такого* «боя», который всем ходом российской революции выдвигается на сцену с непреодолимою силою, который проистекает даже из условий, на первый взгляд самых что-ни-на-есть мирных, парламентских, конституционных, — проистекает даже из таких условий, которые воспевали думские Родичевы в речах об обожаемом, неотвественном монархе.

Вы делаете как раз ту ошибку, в которой зря обвиняете большевиков. Ваша политика не есть боевая политика. Ваш бой не есть действительно-политический бой, а есть игрушечно-конституционный бой, есть парламентский кретинизм. Для «боя», которого могут потребовать условия завтра же, у вас *одна* линия соглашений, — для «политики» у вас *другая* линия соглашений. И поэтому вы не годитесь ни для «боя», ни для «политики», а только для роли кадетских подголосков.

У нас в партии много спорят теперь о значении слова «блоки». Один говорит: блок — это общий список. Другой: нет, блок, это — общая платформа. Глупые все эти споры, схоластические. Суть дела ни капли не меняется от того, более тесные или менее тесные соглашения вы назовете блоками. Суть спора вовсе не в том, допустимы

ли тесные или нетесные соглашения. Кто думает так, тот погрязает в мелкой и мелочной парламентской технике, забывая *политическое содержание* этой техники. Суть спора в том, *по какой линии* должен социалистический пролетариат заключать соглашения с буржуазией, неизбежные, вообще говоря, в буржуазной революции. Большевики могут разойтись между собой в частности: нужны ли соглашения на выборах с той или иной партией революционной буржуазии, но суть спора между большевиками и меньшевиками совсем не в этом. Суть спора все та же: должен ли социалистический пролетариат в буржуазной революции идти позади либерально-монархической буржуазии или впереди революционно-демократической буржуазии.

Статья «Блок крайней левой» дает массу образчиков того, как сбивается мысль у меньшевиков с политической сути разногласия на пустые мелочи. Тактикой блока автор статьи сам называет (стр. 2, столб. 3) и общую платформу и общий список. И в то же время он утверждает, что мы защищаем «блок» с трудовиками и эсерами, а меньшевики защищают не блок, а только «частичные соглашения» с кадетами. Ведь это же ребячество, любезные товарищи, а не аргументация!

Сравните резолюцию меньшевиков, принятую на всероссийской конференции, и резолюцию большевиков. Вторая ставит для соглашений с эсерами более тесные условия, чем первая — для соглашений с кадетами. Это неоспоримо, ибо, во-1-х, большевики допустили соглашения только с партиями, борющимися за республику и признающими необходимость вооруженного восстания, а меньшевики допустили соглашения с «оппозиционно-демократическими партиями» вообще. Значит, большевики определили понятие революционной буржуазии ясными *политическими* признаками, а меньшевики вместо *политического* определения дали одно *технически-парламентское* словечко. Республика и вооруженное восстание — определенные политические категории. Оппозиция — термин только парламентский. Этот термин так неясен, что включает и октябристов, и мирнообновленцев, и всех **недовольных** правительством. Правда, добавка: «демократические» вносит политический момент, но он неопределен. Под ним разумеются кадеты. А это как раз неправда. Назвать

«демократической» монархическую партию, партию, допускающую верхнюю палату, партию, предлагавшую каторжные законы о собраниях и печати, партию, выкинувшую из ответного адреса прямое, равное и тайное голосование, партию, отрицавшую земельные комитеты, выбранные всем пародом, — значит *обманывать народ*. Это — очень резкое слово, но оно справедливо. Большевики обманывают народ относительно демократизма кадетов.

Во-2-х, большевики допускают соглашения с буржуазными республиканцами только как «исключение». Большевики не требуют того, чтобы блоки с кадетами были лишь исключением.

В-3-х, большевики безусловно запрещают какие бы то ни было соглашения в рабочей курии (*«ни с какой другой партией»*). Большевики *допускают блоки и в рабочей курии*, ибо запрещены здесь только соглашения с группами и партиями, «не стоящими на точке зрения классовой борьбы пролетариата». Это не случайность, ибо на конференции были меньшевики с пролетарски-классовым чутьем, которые спорили против этой нелепой формулировки, но были побиты преобладающим числом меньшевиков. Вышло нечто совершенно неопределенное и туманное, оставляющее полный простор всякому авантюризму. А кроме того, вышла совсем уже скверная для марксиста мысль, будто другая партия, кроме социал-демократической, *может* быть признана «стоящей на точке зрения классовой борьбы пролетариата».

Ну как же не назвать после этого по меньшей мере ребячеством попытки доказать, что большевики признают *более тесный* блок с республиканской буржуазией, эсерами, чем меньшевики с монархической, с кадетами??

Совершенно лживое рассуждение о более и менее тесных блоках служит для затушевывания политического вопроса о том, *с кем и зачем* допустимы блоки. Возьмите «Проект избирательной платформы», напечатанный в № 6 «Социал-Демократа». Этот документ — один из массы тех документов меньшевистской политики, которые доказывают наличие *идейного* блока меньшевиков с кадетами. Резолюция конференции о необходимых «поправках» к этому проекту избирательной платформы вочью показывает это. Подумайте только: конференции социал-демократов пришлось напоминать своему ЦК, что из нелегального издания

нельзя опускать лозунг республики, что нельзя ограничиться общими туманными словами о ходатайстве и борьбе, а необходимо точно назвать и охарактеризовать с пролетарской точки зрения разные партии, что надо указать на необходимость восстания, подчеркнуть классовый характер социал-демократии! Напоминать Ц. К-ту с.-д. партии о необходимости подчеркнуть в первом избирательном воззвании партии ее классовый характер, — только глубокая ненормальность, коренная ошибка во взглядах ЦК могла привести к возможности такого напоминания.

Еще неизвестно, будут ли заключаться у нас и насколько широко практические соглашения с к.-д. А идейное соглашение, идейный блок уже налицо: затушевывание в проекте избирательной платформы различия точки зрения пролетариата и точки зрения либерально-монархической буржуазии*. Наоборот, в большевистском проекте обращения к избирателям мы видим указание не только на это различие, но и на различие точки зрения пролетариата и точки зрения класса мелких хозяйчиков.

В вопросе об избирательных блоках именно эта принципиальная, идейная сторона должна быть выдвинута на первый план. Напрасны все попытки меньшевиков оправдаться: мы-де будем самостоятельны во всей избирательной агитации, мы ни в чем не урежем се и лишь в последнюю минуту вставим своих кандидатов в список к.-д.!

Это — неправда. Мы уверены, конечно, что лучшие из меньшевиков искренне желают этого. Но дело не в их желаниях, а в объективных условиях современной политической борьбы. Эти условия вызывают то, что *каждый шаг* меньшевиков в их избирательной кампании *уже* *загрязнен* кадетизмом, уже характеризуется затемнением точки зрения с.-д. Мы показали это на примере проекта избирательной платформы и покажем сейчас на целом ряде других документов и рассуждений.

Главный довод меньшевиков — черносотенная опасность. Первая и основная фальшь этого довода: с черносотенной опасностью нельзя бороться кадетской тактикой

* Эта ошибка меньшевиков — не первая. В знаменитой думской декларации РСДРП они сделали ту же ошибку. Они обвиняли большевиков в эсеровщине, а сами стерли различие взглядов с.-д. и трудовиков, так что эсеровские газеты эпохи Думы называли думскую декларацию с.-д. плагиатом эсеровских идей! Напротив, в нашем контр-проекте думской декларации⁸⁷ наше отличие от мелких буржуа было ясно показано.

и кадетской политикой. Суть этой политики — примирение с царизмом, то есть с черносотенной опасностью. Первая Дума достаточно показала, что кадет не борется с черносотенной опасностью, а говорит невероятно подлые речи о невинности и неотвечественности монарха, *заведомого возжда черносотенцев*. Поэтому, проводя в Думу кадетов, меньшевики не только не борются с черносотенной опасностью, а, напротив, затуманивают глаза народу, затемняют действительное значение черносотенной опасности. Борьбаться с черносотенной опасностью посредством проведения в Думу кадетов, это все равно, что борбаться с погромом посредством речи лакея Родичева: «дерзость — считать монарха ответственным за погром».

Второй грех ходячего довода — молчаливая уступка социал-демократом кадету гегемонии в демократической борьбе. Почему при раздроблении голосов, обеспечивающем победу черносотенца, *мы* будем виноваты в том, что не вотировали за кадета, а не *кадет* будет виноват в том, что не вотировал за нас?

— Мы в меньшинстве, — отвечают проникшиеся христианским смирением меньшевики. — Кадетов больше. Кадеты не могут же объявить себя революционерами.

— Да! Но это не довод за то, чтобы с.-д. объявляли себя кадетами. Нигде в мире при половинчатом исходе буржуазной революции не было и быть не могло, чтобы с.-д. оказывались в большинстве против буржуазных демократов. И *езде*, во всех странах, *первое* самостоятельное выступление с.-д. в избирательной кампании встречалось воплем и воем либералов, *обвинявших социалистов в пособничестве черносотенцам*.

Мы очень спокойно встречаем поэтому обычный возглас меньшевика: большевики проводят черносотенцев. *Всем* социалистам кричали это *все* либералы. Отказываясь от борьбы с к.-д., вы оставляете под идейным влиянием кадетов массы пролетарского и полупролетарского элемента, который способен пойти за с.-д.*. Не сегодня, так завтра, вам, если вы не перестанете быть социалистами, придется пойти в самостоятельный бой, несмотря

---

* Кадеты сами начинают призываться, что им грозит на выборах *опасность слева* (буквальные слова «Речи» в отчете о Петербургской губернии). Своими криками о черносотенной опасности кадеты водят за нос меньшевиков, чтобы отстранить от себя опасность слева!

на черносотенную опасность. А сегодня легче и нужнее сделать правильный шаг, чем завтра. В 3-ью Думу (если она будет созываться после второй) вам еще труднее будет порвать блок с к.-д., вы еще больше запутаетесь в противоестественных отношениях к предателям революции. А *действительная* черносотенная опасность, повторяем, — вовсе не черные мандаты в Думе, а погромы, военно-полевые суды. С этой действительной опасностью вы затрудняете борьбу народу, надевая ему на глаза кадетские шоры.

Третья фальшь ходячего довода: неправильная оценка Думы и ее роли. В прелестной статье «Блок крайней левой» меньшевики должны были признать, в опровержение своих обычных уверений, что суть дела не в технических соглашениях, а именно в коренном политическом различии двух тактик.

В этой статье читаем:

«Тактика «блока», сознательно или бессознательно, рассчитана на то, чтобы в будущей Думе образовалось сплоченное революционное меньшинство со стертой с.-д.-ой окраской, которое вело бы систематическую войну с думским большинством так же, как и с правительством, и, в известный момент, опронинувши Думу, провозгласило бы себя временным правительством. Тактика частичных соглашений направлена и тому, чтобы использовать по возможности Думу, как ценов, т. е. думское большинство, для борьбы с самодержавным строем, сохраняя при этом в Думе все время крайнюю позицию самостоятельной с.-д.-ой фракции».

Насчет «стертой окраски» мы уже показали, что именно меньшевики повинны в этом, и в выборах в рабочей курии, и в более свободном допущении блоков, и в идейном подмене социал-демократизма кадетизмом. Насчет «провозглашения» временного правительства точно так же смешно утверждение меньшевиков, забывающих, что дело не в провозглашении, а во всем ходе и в успехе *восстания*. Временное правительство, не являющееся органом восстания, есть пустое слово или пустая авантюра.

Но, по существу вопроса, меньшевики нечаянно сказали святую истину в приведенной цитате. Действительно, все сводится именно к тому, *жертвуем* ли мы ради «сплошной» либеральной Думы («Дума в целом») *самостоятельностью* с.-д. избирательной кампании или нет? Действительно, для большевиков важнее полная самостоятельность избирательной кампании, полная (а не полукadetская)

социал-демократичность нашей политики и нашей фракции. А для меньшевиков важнее сплошная кадетская Дума с большим числом полукадетски прошедших с.-д. Два типа Думы: 200 черных, 280 к.-д., 20 с.-д. или 400 к.-д. и 100 с.-д. Мы предпочитаем первый тип и считаем ребячеством принимать за устранение черной опасности устранение черных из Думы.

Для нас линия везде одна: и в бое выборном, и в бое думском, и в бое уличном — с оружием в руках. Везде: с.-д. с революционной буржуазией против предателей кадетов. А меньшевики «думский» бой ведут вместе с кадетами (поддержка Думы в целом и кадетского министерства), а на случай восстания меняют политику и заключают *не* политический блок, а боевое соглашение. Поэтому прав был тот большевик, который сказал на конференции: поддержав блоки с к.-д., бундовцы контрабандой провезли поддержку кадетского министерства.

Выписанная нами цитата — превосходное подтверждение того, как блоки с кадетами превращают в пустую фразу хорошие слова меньшевистской резолюции о лозунгах в избирательной кампании: «организовать силы революции внутри Думы» (а не организовать придаток к кадетам, дезорганизуя действительные силы революции?), — «обнаружить бессилие Думы» (а не скрыть от масс бессилие кадетов?), — «разъяснить массам иллюзорность надежд на мирный исход борьбы» (а не укреплять в массах влияние плодящей иллюзии партии к.-д.?).

И кадетская печать превосходно ушла *политическое* значение меньшевистских блоков с к.-д. Мы сказали выше: позади либералов или впереди революционеров. Мы сошлемся в подтверждение этого на нашу политическую прессу.

Найдете ли вы сколько-нибудь серьезные и массовые подтверждения того, что большевики идут позади буржуазных революционеров, в зависимости от них? Смешно и говорить об этом. Вся печать российская показывает наглядно, и все враги революционеров признают, что именно большевики ведут самостоятельную политическую линию, увлекая за собой отдельные группы и лучшие элементы буржуазных революционеров.

А буржуазные оппортунисты? Они обладают вдесятеро большей печатью, чем все с.-д. и с.-р. вместе. И именно

они самостоятельно ведут политическую линию, превращая меньшевиков и энесов в простые подголоски.

Из резолюций меньшевиков *вся* кадетская печать приводит *только* места о блоках и *опускает* «бессилие Думы», «организацию сил революции внутри Думы» и прочие вещи. Кадеты не только опускают эти вещи, но *прямо бранят их*, говоря то о «фразеях», то о «непоследовательности» меньшевиков, то о «невыдержанности лозунгов меньшевизма», то о «пагубном влиянии большевиков на меньшевиков».

Что это означает? Это означает, что независимо от нашей воли, вопреки желаниям лучших из меньшевиков, политическая жизнь всасывает их *кадетское дело* и отбрасывает их *революционные фразы*.

Кадет кладет себе в карман помощь меньшевиков, треплет Плеханова по плечу за проповедь блоков, и тут же, прерзательно, грубо, как обожравшийся награбленной прибылью купец, кричит: мало этого, гг. меньшевики! надо еще идейное сближение! (смотри статьи «Товарища» по поводу письма Плеханова), — мало этого, гг. меньшевики, надо еще прекратить или во всяком случае изменить полемику! (смотри *лево-кадетский «Век»*, передовую о резолюциях нашей конференции). Я уже не говорю о «Речи», которая просто обрывает тоскующих по кадетам меньшевиков, заявляя: «мы идем в Думу *законодательствовать*», а не революцию делать!

Бедные меньшевики, бедный Плеханов! Их любовные послания к кадетам прочтены с удовольствием, но их еще не пускают дальше передней.

Взгляните на выступление Плеханова в буржуазной, кадетской газете «Товарищ». С каким восторгом встретили его г. Прокопович и г-жа Кускова, те самые, которых Плеханов в 1900 году изгнал из с.-д. партии за попытки ее буржуазного развращения. Теперь Плеханов принял тактику знаменитого прокоповичевского и кусковского «Средо»*, — и бернштейншанцы нагло посылают ему воздушные поцелуи, крича: мы, *буржуазные демократы*, всегда говорили это!

А Плеханову, чтобы попасть в кадетскую переднюю, пришлось перед всем народом *отречься от своих вчерашних заявлений*.

* — символ веры, программа, изложение мировоззрения. Ред.

Вот вам факты.

В № 6 «Дневника», в июле 1906 г., после разгона Думы, Плеханов писал, что партии, которые *участвуют* в движении, должны столкнуться. Для того, чтобы вместе бить, надо *предварительно сговориться*. «*Партии, враждебные нашему старому порядку, должны... согласиться между собой насчет основной идеи этой пропаганды. А после разгона Думы такой идеей может служить только идея учредительного собрания*»...

...«*Только*» идея учредительного собрания. Таков был план политического блока и боевого соглашения у Плеханова в июле 1906 г.

Через пять месяцев, к ноябрю 1906 г., Плеханов изменяет линию соглашения. Почему? Неужели изменилось с тех пор взаимоотношение партий, требующих учредительного собрания и не требующих его?

Кадеты с тех пор, по общему признанию, ушли еще дальше вправо. И Плеханов *идет* в кадетскую печать, *умалчивая* об учредительном собрании, о котором запрещено говорить в либеральных передних.

Неужели не очевидно, что этот социал-демократ поскользнулся?

Но этого мало. В том же № 6 «Дневника» Плеханов говорил *прямо* о кадетях. Плеханов разъяснял *тогда* (это было так давно, давно!) корыстно-классовый характер кадетского недоверия к идее учредительного собрания. Плеханов писал тогда о кадетях буквально следующее:

«Кто откажется от пропаганды этой идеи (учредительного собрания) под тем или другим предлогом, тот даст ясно понять, что он, в сущности, и не ищет достойного ответа на действия г. Столыпина и К^о, что он, хотя бы и скрепя сердце, *примиряется с этими действиями*; что он восстает против них *только на словах, только для виду*» (курсив наш).

Отправившись теперь в кадетскую газету, Плеханов проповедь блока избирательного начал с осуществления блока идейного. В кадетской газете Плеханов не захотел сказать народу, что кадеты *примиряются* с столыпинской шайкой, что они восстают *только для виду*.

Почему не захотел Плеханов в ноябре 1906 г. повторить сказанное им в июле 1906 г.?

Вот что значит «технические» блоки с к.-д., и вот почему мы ведем беспощадную борьбу с допускающими эти блоки социал-демократами.

Не рано ли ликуете, господа кадеты? Без блоков будут выбирать с.-д. на Кавказе и на Урале, в Польше и Латышском крае, в Московской центральной области и, вероятно, в Питере.

Никаких блоков с кадетами! Никакого примирения с теми, кто примиряется с столыпинской шайкой!

«Пролетарий» № 8,
23 ноября 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

БОРЬБА С КАДЕТСТВУЮЩИМИ С.-Д. И ПАРТИЙНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Допущение блоков с кадетами окончательно определило физиономию меньшевиков, как оппортунистического крыла рабочей партии. Против блоков с кадетами мы развертываем и должны развернуть самую широкую и самую беспощадную идейную борьбу. Эта борьба всего лучше воспитает и сплотит массы революционного пролетариата, которые в нашей *самостоятельной* (не на словах только, а на деле, т. е. без блоков с кадетами) избирательной кампании получают новый материал для развития своего классового самосознания.

Возникает вопрос, как совместить эту беспощадную идейную борьбу с партийной дисциплиной пролетариата. Вопрос этот надо прямо поставить и сразу же выяснить вполне, чтобы не было *никаких* недоразумений и *никаких* колебаний в практической политике революционной социал-демократии.

Рассмотрим сначала принципиальную, затем практическую, непосредственно всех интересующую, сторону этого вопроса.

Принципиально мы уже не раз определяли наш взгляд на значение дисциплины и на понятие дисциплины в рабочей партии. *Единство действий, свобода обсуждения и критики*, — вот наше определение. Только такая дисциплина достойна демократической партии передового класса. Сила рабочего класса — организация. Без организации масс пролетариат — ничто. Организованный, он — все. Организованность есть единство действия, единство практического выступления. Но, разумеется, всякие действия и всяческие выступления целны лишь потому и постольку,

поскольку они двигают вперед, а не назад, — поскольку они идейно спланивают пролетариат, поднимая его, а не принижая, не развращая, не расслабляя. Безидейная организованность — бессмыслица, которая на практике превращает рабочих в жалких прихвостней власть имущей буржуазии. Поэтому без свободы обсуждения и критики пролетариат не признает единство действий. Поэтому сознательные рабочие никогда не должны забывать, что бывают такие серьезные нарушения принципов, которые делают обязательным разрыв всяких организационных отношений.

Чтобы какой-нибудь литературный наездник не перетолковал моих слов, я перейду сейчас же от общей к конкретной постановке вопроса. Не требует ли допущение с.-д.-ами блоков с кадетами полного разрыва организационных отношений, т. е. раскола? Мы думаем, что нет, и все большевики так думают. Во-1-х, меньшевики только еще становятся, нетвердо и неуверенно, на путь практического оппортунизма en grand*. Еще не высохли чернила, которыми Мартов писал свое отречение от допускаявшего блоки с к.-д. Череванина, — писал в те времена, когда из Женевы не было еще дано кадетского пароля⁸⁸. Во-2-х, — и это еще гораздо важнее, — объективная обстановка современной борьбы пролетариата в России такова, что она толкает с непреодолимой силой к определенным решительным шагам. Пойдет ли революция к большому подъему (как думали мы) или к полному упадку (как думают, боясь сказать это, некие с.-д.), — в *обоих* случаях тактика блоков с к.-д. разлетится в прах неизбежно и в не очень далеком будущем. Не впадая в интеллигентскую нервность, мы *обязаны* поэтому сохранить теперь партийное единство, полагаясь на выдержку революционного пролетариата, на его здоровый классовый инстинкт. В-3-х, наконец, практически в настоящей избирательной кампании решение меньшевиков и ЦК в пользу блоков не связывает местных организаций и не навязывает всей нашей партии в целом этой позорной тактики блоков с к.-д.

Теперь о конкретной постановке вопроса. Насколько обязательны решения всероссийской конференции РСДРП? —

* — в больших размерах. *Ред.*

и директивы ЦК? — и насколько автономны местные организации партии?

Эти вопросы вызвали бы, несомненно, нескончаемые споры в нашей партии, если бы сама конференция не разрешила их. Все члены конференции были согласны в том, что ее решения *необязательны* и никого ни в чем не связывают, ибо конференция — учреждение совещательное, а не решающее. Делегаты ее не выбраны демократически, а подобраны Ц. К-том от указанных им организаций в указанном им числе. *Поэтому* большевики, латыши и поляки на конференции не тратили время на отделку меньшевистской резолюции о блоках, не вырабатывали компромиссов (вроде признания бойкота правильным *наряду* с допущением блоков с монархической буржуазией!), а прямо *противопоставили* свою платформу, свои лозунги, свою тактику избирательной кампании. Именно такое поведение большевиков и было безусловно необходимо на совещательной конференции, которая должна была не заменять съезд, а подготовить его, — не разрешить вопроса, а ярче и точнее поставить вопрос, — не закрыть, не затушевать внутрипартийную борьбу, а направить ее, сделать более цельной и более идейной.

Пойдем дальше. Постановления конференции становятся (с теми или иными изменениями) директивами ЦК. Директивы ЦК обязательны для всей партии. В каких пределах обязательны они по данному вопросу?

Разумеется, в пределах постановлений съезда и в пределах признанной съездом автономии местных организаций партии. Об этих пределах споры опять могли бы быть нескончаемы и неразрешимы (ибо резолюция Объединительного съезда запрещает всякие блоки с буржуазными партиями в избирательной кампании), — если бы конференция не приняла, *с согласия и меньшевиков, и большевиков, и членов ЦК*, одной из своих наименее каучуковых резолюций. Отсутствие фракционных делений при голосовании *этой* резолюции — один из важных залогов единства и боевой способности рабочей партии.

Вот текст этой резолюции:

«Конференция выражает свое убеждение, что в пределах одной и той же организации для всех ее членов обязательно проводить все касающиеся избирательной кампании решения, принятые компетентным органом местных организаций, в пределах *общих*

директив ЦК, причем ЦК может запрещать местным организациям выставлять не чисто-социал-демократические списки, но не должен объявлять их выставлять не чисто-социал-демократические списки».

Подчеркнутые нами места устраняют бесконечные споры и, можно надеяться, устранят нежелательные и опасные трения. Общие директивы ЦК не могут выйти за пределы признания блоков с к.-д. *допустимыми*. Все с.-д. без различия фракций объявили при этом, что блоки с к.-д. все же нечто не очень приличное, ибо запрещать их мы все Ц. К-ту предоставляли, а предписывать их не предоставляем.

Вывод ясен. Перед партией две платформы. Одна — 18-ти делегатов конференции, меньшевиков и бундовцев. Другая — 14-ти делегатов, большевиков, поляков, латышей. Компетентные органы местных организаций вольны выбирать, видоизменять, дополнять, заменять эти платформы новыми. *После* решения компетентных органов мы все, члены партии, *действуем как один человек*. Большевик в Одессе должен класть в урну бюллетень с именем *кадета*, хотя бы даже большевика при этом тошнило. Меньшевик в Москве должен класть в урну бюллетень с именами одних только с.-д., хотя бы его душа и тосковала по кадетам.

Но выборы еще не завтра. Пусть же сплываются теснее все революционные с.-д. и развертывают самую широкую, самую беспощадную идейную борьбу против блоков с кадетами, тормозящих революцию, расслабляющих пролетарскую классовую борьбу, развращающих гражданское сознание масс!

КАК АРМАВИРСКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ВЕДУТ ИЗБИРАТЕЛЬНУЮ КАМПАНИЮ?

На выборах в первую Думу армавирские с.-д. заключали блоки с кадетами. Об этом писала в свое время «Волна»⁶⁹, резко порицая армавирцев. По этому поводу писал тогда в Армавир и ЦК нашей партии, ставя на вид тамошним товарищам нарушение ими директивы Объединительного съезда.

Теперь у армавирских товарищей есть, должно быть, практический опыт насчет того, что значат блоки с кадетами. По крайней мере в их новейшей партийной литературе они не только не проповедают блоков с кадетами, а, напротив, говорят о кадетях *всю правду напрямиком*. Мы не станем придирааться к литературной форме армавирских изданий, это было бы мелочно и мелко. Мы приведем только рельефные места, показывающие тактику армавирцев.

Перед нами № 1 газеты «Армавирский Пролетарий», издание Армавирского комитета РСДРП, помеченное октябрём 1906 г. и вышедшее в 5 000 экземпляров.

В передовой статье читаем:

«Пусть кадеты, купцы, чиновники, помещики, либералы танцуют под дудку правительства, пролетариат не пойдет на поклон и примирение».

В следующей статье, специально посвященной призыву готовиться к выборам, говорится:

«Сплотитесь, голосуйте, берите Думу! Довольно посидели на бархатных креслах Таврического дворца бары-кадеты. Пора мозолистым рукам рабочих вышвырнуть этих болтунов и дармоедов!»

«Торопитесь обеспечить свое пролетарское место в Думе, чтобы из кадетской говорильни сделать ее революционным полем битвы с палачом народа, проклятым самодержавием».

В листке «К избирателям», помеченном ноябрем 1906 года и изданном в 3 000 экземпляров, Армавирский комитет пишет:

«Понял народ, что только силой да властью возьмет он то, что не дает ему добровольно коченеющее самодержавие, что не дала ему безвластная кадетская Дума... Поведем чрез нее, через эту Думу, свою революцию, введем в лице своих депутатов в Таврический дворец народную мощь, разложим в новой Думе руками своих депутатов жаркий костер революционного пламени и раздуем его бурным дыханием всей пролетарской и революционной России. В новую Думу, в новую Думу!!

...Товарищи и граждане! Наша будущая Дума не будет черносотенной, не будет и кадетской — она будет пролетарской и крестьянской — нашей полновластной Думой».

Повторяем, было бы мелочно придирааться к форме или к частностям этих обращений.

Важен их дух. Важна самостоятельная политика армавирских с.-д., прошедших через чистилище блоков с говорунами и дармоедами.

Вот вам надежды на с.-д., господа из «Речи» и «Товарища», из «Века» и «Русских Ведомостей»⁹⁰! Вот вам «опасность слева», о которой обмолвилась на днях «Речь»!

На борьбу же, все революционные с.-д.! На борьбу против блоков с кадетами! Товарищи меньшевики пройдут, подобно армавирцам, через чистилище блоков с оппортунистами буржуазии и вернуться к революционной социал-демократии.

КОГО ВЫБИРАТЬ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ? ¹¹

ГРАЖДАНЕ! ДОБИВАЙТЕСЬ ТОГО, ЧТОБЫ ВЕСЬ НАРОД ЯСНО ПОНЯЛ, КАКИЕ ГЛАВНЫЕ ПАРТИИ БОРЮТСЯ НА ВЫБОРАХ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ И ЧЕГО ДОБИВАЕТСЯ КАЖДАЯ ПАРТИЯ!

КАКИЕ ТРИ ГЛАВНЫЕ ПАРТИИ?

Черносотенцы, это — союз русского народа, монархисты, партия правового порядка, союз 17 октября, торгово-промышленная партия, партия мирного обновления.

Кадеты, это — партия «народной» свободы или конституционно-«демократическая» (на деле либерально-монархическая), партия «демократических» реформ, радикалы и проч.

Социал-демократы. Российская социал-демократическая рабочая партия. Это партия сознательных рабочих всех народностей России, русских, латышей, поляков, евреев, малороссов, армян, грузин, татар и проч.

ЧЬИ ИНТЕРЕСЫ ЗАЩИЩАЮТ ТРИ ГЛАВНЫЕ ПАРТИИ?

Черносотенцы защищают теперешнее царское правительство, стоят за помещиков, за чиновников, за власть полиции, за военные полевые суды, за погромы.

Кадеты защищают интересы либеральных буржуа, либеральных помещиков, купцов и капиталистов. *Кадеты* — партия буржуазных адвокатов, газетчиков, профессоров и тому подобное.

Социал-демократия — партия рабочего класса, защищающая интересы всех трудящихся и эксплуатируемых.

ЧЕГО ДОБИВАЮТСЯ ТРИ ГЛАВНЫЕ ПАРТИИ?

Черносотенцы добиваются сохранения старого самодержавия, бесправия народа, полного господства над ним помещиков, чиновников, полиции.

Кадеты добиваются перехода власти в руки либеральной буржуазии. Монархия, сохраняя полицейскую и военную власть, должна оберегать права капиталистов на ограбление рабочих и крестьян.

Социал-демократы добиваются перехода всей власти в руки народа, т. е. демократической республики. Полная свобода нужна социал-демократам, чтобы бороться за социализм, за освобождение труда от гнета капитала.

КАКУЮ ВОЛЮ ХОТЯТ ДАТЬ НАРОДУ
ТРИ ГЛАВНЫЕ ПАРТИИ?

Черносотенцы не дают народу никакой воли, никакой власти. Вся власть — царскому правительству. Права народа: платить подати, работать на богатых, сидеть в кутузке.

Кадеты хотят такой «народной свободы», которая должна быть подчинена, во-1-х, верхней палате, т. е. помещикам и капиталистам; во-2-х, монархии, т. е. царю с безответственной полицией и военной силой. Одна треть власти народу, одна треть капиталистам, одна треть царю.

Социал-демократы хотят полной свободы и всей власти народу, выборности всех чиновников, освобождения солдат от казарменной каторги и устройства свободного народного ополчения.

КАК СМОТРЯТ ТРИ ГЛАВНЫЕ ПАРТИИ НА ТРЕБОВАНИЕ КРЕСТЬЯНАМИ ЗЕМЛИ?

Черносотенцы защищают интересы помещиков - крепостников. Никакой земли крестьянству. Только богатей пусть покупают землю у помещиков по добровольному соглашению.

Кадеты хотят сохранить помещичье землевладение путем уступок. Они предлагают крестьянам выкуп, который уже однажды, в 1861 г., разорил крестьян. Кадеты не согласны, чтобы вопрос о земле решали местные комитеты, выбранные всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием.

Социал-демократы хотят уничтожить наше помещичье землевладение. Вся земля должна отойти крестьянам и непременно без выкупа. Решать вопрос о земле должны местные комитеты, выбранные всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием.

ЧЕГО МОГУТ ДОБИТЬСЯ, ПРИ УСПЕХЕ ВСЕЙ ИХ БОРЬБЫ, ТРИ ГЛАВНЫЕ ПАРТИИ?

Черносотенцы, борясь всеми средствами, могут добиться того, что народ окончательно разорится, вся Россия окончательно одичает от военно-полевых судов и погромов.

Кадеты, борясь только «мирными» средствами, могут добиться того, что правительство погромщиков подкупит грошовыми уступками крупную буржуазию и деревенских богатеев, а либеральных говорунов будет разгонять за недостаточно лакейские речи об обожаемом, неотвественном, неприкосновенном, конституционном монархе.

Социал-демократы, борясь всеми средствами, вплоть до восстания, могут при помощи сознательного крестьянства и городской бедноты добиться полной свободы и всей земли крестьянству. А при свободе и при помощи сознательных рабочих всей Европы русские социал-демократы могут быстрыми шагами пойти к социализму.

**ГРАЖДАНЕ! ГОЛОСУЙТЕ НА ВЫБОРАХ ЗА КАНДИДАТОВ
РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ!**

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ТРУДОВЫЕ ПАРТИИ

Граждане! Кто хочет сознательно участвовать в выборах в Государственную думу, тот должен прежде всего ясно понять основное различие трех главных партий. *Черносоптенцы* стоят за погромы и насилия царского правительства. *Кадеты* стоят за интересы либеральных помещиков и капиталистов. *Социал-демократы* стоят за интересы рабочего класса и всех трудящихся и эксплуатируемых.

Кто хочет сознательно отстаивать интересы рабочего класса и всех трудящихся, тот должен знать, какая партия действительно способна всех последовательнее и решительнее защищать эти интересы.

КАКИЕ ПАРТИИ БЕРУТСЯ ЗАЩИЩАТЬ ИНТЕРЕСЫ РАБОЧЕГО КЛАССА И ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ?

Партия рабочего класса, Российская социал-демократическая рабочая партия, стоящая на точке зрения классовой борьбы пролетариата.

Партии трудовые, то есть партии, стоящие на точке зрения мелкого хозяйчика:

Партия социал-истов - революционеров.

Трудовая (народно-социалистическая) партия и беспартийные трудовики.

ЧЬИ ИНТЕРЕСЫ ЗАЩИЩАЮТ НА ДЕЛЕ ЭТИ ПАРТИИ?

Интересы пролетариев, которых условия их жизни, отнимая всякую надежду на превращение в хозяина, заставляют стремиться к полному изменению всех основ капиталистического общественно-го строя.

Интересы мелких хозяйчиков, которые борются против гнета капитала, но в силу самых условий их жизни стремятся выйти в хозяева, укрепить свое мелкое хозяйство, нажиться посредством торговли и найма рабочих.

НАСКОЛЬКО УСТОЙЧИВЫ ЭТИ ПАРТИИ В ВЕЛИКОЙ ВСЕМИРНОЙ БОРЬБЕ ТРУДА С КАПИТАЛОМ?

Социал-демократия не может допустить никакого примирения труда с капиталом. Она организует наемных рабочих для беспощадной борьбы с капиталом, для уничтожения частной собственности на средства производства и устройства социалистического общества.

Трудовые партии мечтают об уничтожении господства капитала, но в силу условий жизни мелкого хозяина они неизбежно колеблются между борьбой против капитала, совместно с наемными рабочими, и стремлением примирить рабочих и капиталистов посредством превращения всех трудящихся в мелких хозяев, уравнительно наделенных землей или обеспеченных кредитом и тому подобное.

ЧЕГО МОГУТ ДОБИТЬСЯ, ПРИ ПОЛНОМ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СВОИХ КОНЕЧНЫХ ЦЕЛЕЙ, ЭТИ ПАРТИИ?

Завоевания политической власти пролетариатом и превращения капиталистического производства в общественное крупное, социалистическое производство.

Распределение всей земли поровну между мелкими хозяевами, мелкими крестьянами, причем среди них опять неизбежно будет борьба и произойдет разделение между богатыми и бедными, между рабочими и капиталистами.

КАКОЙ СВОБОДЫ ДЛЯ НАРОДА ДОБИВАЮТСЯ ЭТИ ПАРТИИ В ТЕПЕРЕШНЕЙ РЕВОЛЮЦИИ?

Полной свободы и полной власти для народа, то есть демократической республики, выборности чиновников, замены постоянного войска всеобщим вооружением народа.

Полной свободы и полной власти для народа, то есть демократической республики, выборности чиновников, замены постоянного войска всеобщим вооружением народа.

Соединения демократии, то есть полновластия народа, с монархией, то есть с властью царя, полиции и чиновников. Это столь же бессмысленное желание и столь же предательская политика, как у либеральных помещиков, кадетов.

КАК ОТНОСЯТСЯ ЭТИ ПАРТИИ К ТРЕБОВАНИЮ ЗЕМЛИ КРЕСТЬЯНАМИ?

Социал-демократы требуют передачи всех помещичьих земель крестьянам без всякого выкупа.

Социалисты - революционеры требуют передачи всех помещичьих земель крестьянам без всякого выкупа.

Трудовики требуют передачи всех помещичьих земель крестьянам, но допускают выкуп. Допускать выкуп, который разорит крестьян, это столь же предательская политика, как и у либеральных помещиков, кадетов.

ГРАЖДАНЕ! ГОЛОСУЙТЕ НА ВЫБОРАХ ЗА КАНДИДАТОВ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ!

Напечатано 23 ноября 1906 г.
отдельной листовкой в виде приложения к газете «Пролетарий» № 8

Печатается по тексту листовки

НОВОЕ СЕНАТСКОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ

В обстановке сколько-нибудь открытой политической борьбы жизнь дает замечательно быстро и замечательно яркую проверку всякого тактического шага. Не все еще делегаты всероссийской конференции РСДРП успели, вероятно, добраться до своих мест и дать отчет партийным организациям, как спорный вопрос о блоках с к.-д. получил совсем новое освещение. А этот вопрос стоит теперь в центре всех политических вопросов дня.

На конференции РСДРП не возникало ни у кого из делегатов даже мысли о том, чтобы с.-д. могли хоть сколько-нибудь ослаблять или даже вообще видоизменять свои самостоятельные тактические лозунги в избирательной кампании. Формально, в резолюции, предложенной Ц. К-том партии и принятой 18-тью голосами против 14 (большевики, поляки, латыши), полная самостоятельность платформы и лозунгов РСДРП поставлена во главу угла. Никакие сколько-нибудь постоянные союзы с другими партиями на почве какого бы то ни было «смягчения» нашей платформы безусловно не допускаются. И весь спор между правым и левым крылом с.-д. шел исключительно о том, выдерживают ли на деле правые с.-д. эту принципиальную позицию? не впадают ли они в противоречие с ней, допуская блоки с к.-д.? не является ли искусственным, фиктивным, только словесным разграничение «технических» и идейных соглашений?

Но... должно быть; и в нашей партии, т. е. в ее реальной «конституции», есть учреждение вроде сената, есть возможность путем сенатских разъяснений превращать пар-

тийные «законы», решения официальных органов партии, в их прямую противоположность. Новое сенатское разъяснение постановлений РСДРП явилось, как и следовало ожидать, из Женевы. Напечатано было оно в кадетской газете «Товарищ» в виде «Гласного ответа»⁹² (совсем как у Лассалья!) Г. Плеханова одному читателю этой газеты, «не считающему себя ни буржуа, ни социал-демократом». Наш партийный почти-Лассаль поспешил на помощь читателю газеты, которая является фактически органом ренегатов социал-демократии.

Читатель «Товарища» спрашивал Г. Плеханова, между прочим, о том, «какова могла бы быть, по его мнению, общая избирательная платформа левых и крайних левых партий». Г. Плеханов ответил: «на этот вопрос нет и не может быть другого ответа, кроме этих двух слов: *полновластная Дума*».

«Нет и не может быть другого ответа»... Этим словам нашего почти-Лассалья суждено, вероятно, стать «историческими», по крайней мере в гоголевском смысле этого слова. Г. Плеханов соблагоизволил в свое время выслушать доклад о том, что существует некий ЦК РСДРП, что собирается какая-то всероссийская конференция этой партии, что и ЦК и эта конференция вырабатывают свой ответ на вопросы, интересующие не только г-жу Кускову и г-на Прокоповича, нынешних сотрудников Г. Плеханова, но и социалистических рабочих России. Нисколько не смущаясь этим, Г. Плеханов провозгласил: «нет и не может быть другого ответа, кроме моего». И эти высокомиловитые слова печатаются в кадетской газете как раз в такой момент, когда вся читающая Россия знает уже *другой* ответ, данный *всеми* представителями и областных учреждений и центрального учреждения всей Росс. с.-д. рабочей партии.

«История» получается, поистине, из числа таких, героем которых бывал не раз Ноздрев.

Но перейдем к существу единственного в своем роде и неподражаемого ответа нашего неподражаемого Г. Плеханова.

Прежде всего, мы видим, что он не допускает даже и мысли о возможности соглашений на первой стадии без общей избирательной платформы. Нам, большевикам, этот взгляд чрезвычайно нравится. Меншевикам, признавал

это, Г. Плеханов оказывает медвежью услугу. Мы постоянно указывали на конференции, в спорах с меньшевиками и бундовцами, а также и в № 8 «Пролетария»*, что соглашения на первой стадии не могут не повлиять на наше партийное выступление перед массами, что, следовательно, эти соглашения неминуемо и неизбежно, вопреки нашим желаниям и планам, получают окраску известного идейного сближения, известного затемнения, ослабления, притупления политической самостоятельности с.-д. Г. Плеханов, со свойственными ему ловкостью и партийным тактом, поддержал нашу атаку против меньшевиков. Он прямо признал даже больше того, на чем мы настаивали, признав *общую платформу*, т. е. прямой *идейный блок* с к.-д.

Оказывается, что не только в российском государстве, но и в Российской социал-демократической рабочей партии сенатские разъяснения компрометируют того, в чью пользу они пишутся.

Далее. Пусть вдумается читатель в непосредственный смысл плехановского «кадетски-социал-демократического» лозунга: «полновластная Дума», — независимо от отношения к нему разных партий. Слова «полновластная Дума» означают требование полновластия Думы. Какой Думы? Очевидно, той, в которую теперь будут выбирать депутатов, на основании закона 11 декабря и сенатских разъяснений, российские граждане. Для *этой* Думы Г. Плеханов предлагает требовать полновластия. Очевидно, он убежден, что эта Дума не будет черносотенной, ибо для черносотенной Думы он не мог бы требовать полновластия. Выставлять лозунг: «полновластная Дума» и в то же время кричать о серьезной опасности черносотенной Думы значит побивать самого себя. Это значит подтверждать мнение большевиков, что серьезной опасности черносотенной Думы на деле нет, и что кадеты выдумывают или преувеличивают в отдельных случаях эту опасность в своих корыстных целях, именно, чтобы ослабить у рабочих и у всей революционной демократии веру в собственные силы, чтобы отстранить от партии к.-д. действительно грозящую ей «опасность слева». Сама «Речь», официальный орган к.-д., признала *эту*

* См. настоящий том, стр. 279. *Ред.*

опасность в отчете кадетов о положении выборной кампании в Петербургской губернии.

Перейдем к действительному политическому содержанию плехановского лозунга. Изобретатель его в восторге от него. «Эта общая формула, — пишет он, — в своем алгебраическом виде совершенно точно выражает самую насущную теперь и для левых и для крайних левых политическую задачу», позволяя сохранить, без урезок, всю полноту всех остальных своих требований. «Кадеты не могут представлять себе полновластную Думу так, как должны представлять ее себе социал-демократы. Но и тем и другим нужна полновластная Дума. Поэтому и те и другие обязаны бороться за нее».

Из этих слов Плеханова ясно, что он сам сознает неизбежность различного понимания этого лозунга кадетами и социал-демократами. Лозунг один, «общий», но кадеты *не могут* «представлять себе» значение этого лозунга так, как социал-демократы.

Спрашивается, для чего же тогда общий лозунг? и для чего вообще выставлять перед массой лозунги и платформы?

Для того ли, чтобы соблюсти благовидную внешность? чтобы прикрыть нечто, не подлежащее разъяснению перед массами? чтобы за спиной народа проделать парламентский маневр, сулящий всякие выгоды? или для того, чтобы поднять классовое самосознание масс и действительно уяснить им их настоящие политические задачи?

Всем и каждому известно, что буржуазные политиканы везде и всегда выставляют перед народом всякие лозунги, программы и платформы для обмана народа. Буржуазные политиканы всегда называют себя, особенно перед выборами, и либералами, и прогрессистами, и демократами, и даже «радикалами-социалистами», *только для того*, чтобы заполучить голоса и обмануть народ. Это — безусловно всеобщее явление всех капиталистических стран. Маркс и Энгельс даже говорили поэтому о буржуазных депутатах, *die das Volk vertreten und zertreten*, — что они представляют народ и подавляют его посредством своих депутатских полномочий⁹³.

И вот «старейший» русский социал-демократ, основатель социал-демократии, для первой общепартийной избирательной кампании выставляет платформу, которую

заведомо будут толковать кадеты в одном, социал-демократы в другом смысле! Что это? Как это?

Ведь если к.-д. и с.-д. не могут одинаково представлять себе полномочную Думу, — значит, и в широких народных массах не может быть одинакового представления о ней, ибо и к.-д. и с.-д. выражают известные интересы тех или иных классов, известные стремления или предрассудки их. Плеханов, очевидно, считает кадетское представление о полномочной Думе неправильным, а всякое неправильное представление о политических задачах вредно народу. Следовательно, Плеханов выставляет лозунг в такой форме, которая *заведомо* приносит вред народу, оставляя неразъясненным и прикрытым некоторое неправильное представление. Говоря просто и прямо, это значит обманывать рабочих и весь народ ради видимости единства к.-д. и с.-д.

В чем состоит неправильность представления кадетов о полномочной Думе? Плеханов умалчивает об этом. Это умолчание, во-первых, доказывает, что Плеханов пользуется избирательной кампанией (выставление избирательной платформы есть уже шаг избирательной кампании) не для развития сознания народа, а для затемнения его. А, во-вторых, это умолчание подрывает всякий смысл у плехановского вывода: «и к.-д. и с.-д. нужна полномочная Дума». Это просто прикрытая словесными изворотами бессмыслица: сказать, что двум разным партиям нужна одна и та же вещь, понимаемая ими различно! Значит, не одна и та же: первый встречный поймает Плеханова на логическом промахе. Можно, пожалуй, назвать и самодержавную монархию и демократическую республику буквой «а» и сказать, что разные партии вольны подставлять различные арифметические величины под эту общую алгебраическую формулу. Это будет чисто-плехановской логикой или, вернее, плехановской софистикой.

По существу дела, Плеханов говорит *прямую неправду*, будто и к.-д. и с.-д. нужна полномочная Дума или еще более: полномочное народное представительство, о котором идет речь все время во второй половине его статьи. Полномочное народное представительство есть учредительное собрание, и притом учредительное собрание, существующее не рядом с монархом, а *по низвержении*

царского правительства. Если Плеханов забыл эту простую истину, то мы посоветуем ему прочитать программу РСДРП и особенно последний абзац ее, где как раз об этом говорится.

Кадетам не нужно такое, действительно полновластное народное представительство, оно опасно им и губительно для представляемых ими интересов. Оно исключает любезную их сердцу и дорогую для буржуазного кармана монархию. Оно лишает их надежды на выкуп за помещичьи земли. Это до такой степени верно, что *даже* Плеханов в № 6 своего «Дневника» говорил о корыстно-классовом недоверии к. д. к идее учредительного собрания, о том, что, боясь учредительного собрания, кадеты *примиряются* со столыпинской шайкой.

В № 8 «Пролетария» мы уже процитировали эти места из № 6 «Дневника» Плеханова*, указав, что Плеханов должен теперь отречься от своих вчерашних заявлений. Фраза его: «и кадетам нужна полновластная Дума» есть именно такое *отречение* от своих слов.

Из основной *неправды* Плеханова вытекает с логической неизбежностью ряд других. *Неправда*, что «полновластное народное представительство само есть предварительное условие осуществления всех остальных... требований всех передовых партий», что «без него ни одно из этих требований не осуществится», что борьба левых и крайних левых начнется тогда, когда «оно (полновластное народное представительство) будет налицо». Полновластное народное представительство есть завершение революции, доведение ее до конца, есть полная победа ее. А кадеты хотят приостановить революцию, прекратить ее уступочками и прямо говорят это. Внушая рабочим и всему народу веру в то, что кадеты способны бороться за полную победу революции, Плеханов трижды обманывает народные массы.

«У нас есть пока только полновластный г. Столыпин», пишет Плеханов. Не знаем, обмолвка ли это или тоже подделка под кадетов («полновластная Дума = царская Дума с назначенными царем министрами из думского большинства»), или увертка цензуры ради? Столыпин не только не полновластен, а совершенно ничтожный лакей царя и царской придворной шайки черносотенцев. Если

* См. настоящий том, стр. 284. *Ред.*

Плеханова не убедили в этом думские разоблачения о погромах, то пусть почитает либеральные газеты о всемогущем влиянии союза русского народа.

«Теперь, — говорит Плеханов, — и левые и крайние левые партии обязаны вместе выступать против тех, которые не хотят полновластного, а, пожалуй, и вовсе никакого, народного представительства».

Следовательно, обязаны выступать против кадетов, которые *не хотят* полновластного народного представительства.

Плеханов благополучно побил самого себя, показав нам, под видом борьбы с доктринерством, образец самого худшего, иезуитского, доктринерства. С точки зрения фракционной, большевики могли бы радоваться его выступлению, ибо сильнее удара меньшевистской тактике нельзя бы себе и представить. Как члены единой РСДРП, мы испытываем ощущение стыда от выступления Г. Плеханова.

Официальный орган к.-д. «Речь» ответил Плеханову так, что самые кроткие с.-д. излечатся теперь, пожалуй, от своих оппортунистических иллюзий. Первый ответ «Речи», передовая в № 226 (25 ноября), есть сплошное издевательство над протянувшим руку Плехановым, и притом издевательство со стороны либерала, не забывшего нападений Плеханова и его коллег в «Искре» на оппортунизм либералов. «И в данном случае, — писал, смеясь над Плехановым, орган к.-д., — г. Плеханов употребляет заслуживающее всякого уважения и признания усилие, чтобы сдвинуть своих товарищей немножко вправо с самой правой из занятых ими позиций». Но... но мы все же должны возражать.

И возражения кадета есть типичный ответ фабриканта рабочему, который обратился к нему с просьбой, отделившись от товарищей-рабочих, обращающихся сообща с требованием, подкрепленным стачкой. — Ты пришел с просьбой? Хвалю. Но что мне толку от тебя, если твои неразумные коллеги поступают не по-твоему? Что мне толку от тебя, если ты не договариваешь до конца? Полновластная Дума? Как же! Стану я компрометировать себя в глазах людей порядка. Надо сказать: министерство из думского большинства. Тогда мы согласимся на общую платформу вместе с с.-д.!

Таково содержание ответа «Речи», пересыпанного тонкими насмешками и над наивной «алгеброй» Плеханова и над тем, что он в ноябре 1904 г. был в руководящей коллегии с.-д. (Плеханов был тогда членом редакции ЦО и председателем Верховного «Совета» РСДРП), коллегии, отказавшейся от «знаменитого парижского соглашения»⁹⁴ с буржуазной демократией. Тогда был как раз «алгебраический знак», иронизирует «Речь», именно: «демократический режим». Мы понимали под этим конституционную монархию. Эсеры, пошедшие на соглашение, демократическую республику. Вы отказались тогда, Г. В. Плеханов! Вы поумнели теперь? Мы, кадеты, хвалим вас, но *для дела* вы должны пойти еще вправо.

И «Речь» признается открыто, что к.-д. с лозунгом «учредительное собрание» тоже водили за нос народ. Мы, к.-д., хотели учредительного собрания *«с сохранением прерогативы (т. е. прав) монарха»*, а вовсе не республиканского учредительного собрания. Нам выгодно было привлекать сочувствие масс этим обманом, но теперь нам важнее привлечь сочувствие царской шайки. Поэтому долой «опасный», «двусмысленный», «безнадежный», «льстящий вредным революционным иллюзиям» лозунг «полновластная Дума». Мы требуем от с.-д. их прежнего, цекистского, лозунга: поддержка министерства из думского большинства, и притом *«с последствиями»*, вытекающими из этого лозунга. А последствия эти — не ослаблять, а *усиливать* (sic!*) кадетское большинство в Думе.

И в следующем номере «Речи» редакционная статья специально разъясняет черносотенной царской шайке (под видом разъяснения вопроса Плеханову), что кадетам *не нужна* «полновластная» Дума. Объявить Думу полновластной есть государственный переворот. На это кадеты никогда не пойдут. «К полновластной Думе мы, кадеты, нисколько не стремимся и не обязаны стремиться». «Неужели г. Плеханов, вопреки своей обычной прозорливости, не извлек из хода событий» этого урока?

Да, насмешка кадетов над обычной прозорливостью Плеханова попала не в бровь, а в глаз. Из всего хода событий русской революции Плеханов не научился понимать кадетов. Он наказан поделом, наказан тем, что

* — так! Ред.

кадеты с презрением отвергли руку, протянутую социал-демократом, действовавшим независимо от своей партии и вопреки ее воле.

Ответ «Речи» Плеханову имеет также общее политическое значение. Кадеты правят не по дням, а по часам. Они не стесняясь говорят, что войдут в сделку с черносотенной монархией и разобьют «вредные революционные иллюзии».

Рабочие всей России, мы уверены, извлекут для себя не мало пользы из этого урока. Вместо блоков с к.-д. они пойдут на самостоятельную избирательную кампанию, перетянут к себе революционную буржуазию и столкнут окончательно в яму политического предательства шайку буржуазных политиканов, надувающих народ фразерством о «народной свободе»!

«Пролетарий» № 9,
7 декабря 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

КРИЗИС МЕНЬШЕВИЗМА

Проповедь беспартийного рабочего съезда и блоков с кадетами, несомненно, знаменует некоторый кризис в тактике меньшевиков. Принадлежа к числу принципиальных противников всей их тактики вообще, мы не могли бы, конечно, сами решать вопрос о том, насколько назрел этот кризис для внешнего, так сказать, проявления. Тов. Ю. Ларин пришел к нам на помощь в своей новой, крайне поучительной, брошюре: «Широкая рабочая партия и рабочий съезд» (М. 1906 г., склад *при* издательстве «Новый Мир»).

Тов. Ю. Ларин говорит нередко от имени большинства меньшевиков. Он называет себя, и с полным правом, ответственным представителем меньшевизма. Он работал и на юге и в Питере в самом «меньшевистском» районе, Выборгском. Он был делегатом на Объединительном съезде. Он писал постоянно и в «Голосе Труда», и в «Откликах Современности». Все эти факты крайне важны для оценки брошюры, значение которой в правдивости автора, а не в его логике, — в его сообщениях, а не в его рассуждениях.

I

В основу рассуждений о тактике марксист должен положить оценку объективного хода революции. Большевики, как известно, пытались сделать это в предложенной Объединительному съезду резолюции о современном моменте⁹⁵. Большевики сняли сами свою резолюцию об этом. Тов. Ларин чувствует, видимо, что снимать таких

вопросов нельзя, и пытается рассмотреть ход нашей буржуазной революции.

Он различает два периода. Первый, охватывающий весь 1905 год, есть период открытого массового движения. Второй, с 1906 г., — мучительно-медленная подготовка «фактического торжества дела свободы», «осуществления народных стремлений». В этой подготовке коренную роль играет деревня, без помощи которой «разъединенный город был сломлен». Мы переживаем «внутренний, по внешности как бы пассивный, рост революции».

«То, что называется аграрным движением, — постоянное брожение, не переходящее в повсеместные попытки активного нападения, мелкая борьба с местным начальством, с помещиками, задержка налогов, карательные экспедиции, — все это представляет путь наимыгоднейший для деревни с точки зрения экономии, если не ее сил, что сомнительно, то ее результатов. Не истощая деревни окончательно, принося ей, в общем, больше облегчений, чем поражений, он могущественно разлагает опоры старой власти так, что создает условия, при которых она должна будет неминуемо капитулировать или пасть от первого же серьезного испытания, когда придет время». И автор указывает, что в 2—3 года изменится личный состав полиции и войска, заполнится элементами недовольной деревни; «наши сыны будут у солдатах», как скавал автору один крестьянин.

Вывод тов. Ларина двоякий. 1) У нас «деревня успокоиться не в состоянии. Австрийский 48 год у нас повториться не может». 2) «Русская революция не идет путем всенародного вооруженного восстания в действительном смысле этого слова, как северо-американская или польская».

Остановимся на этих выводах. Первый из них обоснован автором слишком фельетонно и формулирован слишком неточно. Но по существу автор близок к истине. Исход нашей революции действительно зависит больше всего от устойчивости в борьбе многомиллионной массы крестьянства. Буржуазия крупная у нас боится больше революции, чем реакции. Пролетариат один победить не в силах. Городская беднота не представляет ни самостоятельных интересов, ни самостоятельного фактора силы по сравнению с пролетариатом и крестьянством.

Решающая роль за деревней, не в смысле руководства борьбой (об этом не может быть и речи), а в смысле обеспечения победы.

Если бы т. Ларин продумал свой вывод и поставил его в связь со всем ходом развития идей социал-демократии о нашей буржуазной революции, то он оказался бы лицом к лицу с старым положением ненавистного ему большевизма: победоносный исход буржуазной революции в России возможен лишь как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. По существу дела Ларин пришел именно к этому взгляду. Признать его открыто мешает ему только то качество меньшевиков, которое он сам бичует, именно: неуверенность и робость мысли. Стоит сравнить рассуждения на указанную тему Ларина и цекистского «Социал-Демократа», чтобы убедиться в приближении Ларина по этому вопросу к большевикам. Ведь, «С.-Д.» договорился до того, что кадеты — городская бессословная буржуазия, прогрессивная, а трудовики — сельская сословная, непрогрессивная! «С.-Д.» не заметил помещиков и контрреволюционных буржуа у кадетов, не заметил бессословной городской демократии (низов городской бедноты) у трудовиков!

Далее. Деревня успокоиться не может, говорит Ларин. Доказал ли он это? Нет. Он совсем не учел роли крестьянской буржуазии, систематически подкупаемой правительством. Он мало вдумался и в то, что получаемые крестьянами «облегчения» (понижения аренды, «сокращение» помещиков и полиции и т. п.) *усиливают* распадение деревни на контрреволюционных богатеев и массу бедноты. Таких больших обобщений на основании такого малого материала делать не следует: шаблоном пахнет.

Но доказуемо ли вообще положение: «деревня успокоиться не может»? И да, и нет. Да — в смысле солидно обоснованного анализа вероятных последствий. Нет — в смысле полной несомненности этих последствий для данной буржуазной революции. Аптекарьскими весами не взвесишь того, как уравниваются растущие и переплетающиеся новые контрреволюционные и новые революционные силы деревни. Это вскрыет до конца *только опыт*. Революция в узком смысле, это — острая борьба, и только в самой борьбе, в исходе ее проявляется

и вполне познается действительная сила всех интересов, всех стремлений, всех задатков.

Задача передового класса в революции — познать верно *направление* борьбы и исчерпать *все* возможности, *все* шансы победы. Такой класс должен *первым* встать на непосредственно-революционный путь и *последним* его покинуть для других, более «будничных», более «обходных» путей. Этой истины совсем не понял т. Ларин, рассуждающий очень много и (как увидим ниже) очень неумно о стихийных порывах и о планомерном действии.

Перейдем ко второму выводу — относительно вооруженного восстания. Тут Ларин еще более повинен в робости мысли. Его мысль рабски следует старым образцам: с.-американскому и польскому восстанию. Вне их он не хочет знать восстания «в действительном смысле слова». Он говорит даже, что наша революция не идет путем «формального» (!) и «форменного» (!!)

вооруженного восстания. Курьез: меньшевик, заслуживший себе шпоры войной с формализмом, договорился до формального вооруженного восстания! Пеняйте на себя, тов. Ларин, если ваша мысль так сдавлена формальным и форменным. Большевики иначе смотрели и смотрят на дело. Задолго до восстания, на III съезде, т. е. весной 1905 г., они в особой резолюции подчеркнули *связь массовой стачки с восстанием*⁹⁶. Большевики любят обходить это молчанием. Напрасно. Резолюция III съезда — фактическое доказательство того, что мы с максимальной возможной степенью приближения предвидели особенности народной борьбы в конце 1905 года. И восстание мы мыслили совсем не «по типу» С. Америки или Польши, где и речи не могло быть о массовой стачке.

А после декабря мы указывали (проект резолюции к Объединительному съезду⁹⁷) на изменение отношения стачки к восстанию, на роль крестьянства и войска, на недостаточность военных вспышек, на необходимость соглашения с революционно-демократическими элементами войска.

И события подтвердил еще раз, в течение думского периода, неизбежность восстания в русской освободительной борьбе.

Рассуждения Ларина о формальном восстании — самое неприличное для с.-д. невежество в истории переживаемой

революции или игнорирование этой истории с ее особыми формами восстания. Тезис Ларина: «русская революция не идет путем восстания» есть насмешка над фактами, ибо *оба* периода свобод в России (и октябрьский и думский) показали именно «путь» *восстаний*, конечно, не американских и не польских, а русских, эпохи XX века. Рассуждая «вообще» об исторических примерах восстаний в странах с преобладанием деревенских или городских элементов, об Америке и Польше, и отказываясь от малейшей попытки изучить или хотя бы наметить особенности русского восстания, Ларин повторяет коренную ошибку «неуверенной и робкой» мысли меньшевизма.

Вдумайтесь в его конструкцию «пассивной» революции. Несомненно, длительные периоды подготовки нового подъема, нового натиска или новых форм движения вполне возможны. Но не будьте же доктринерами, господа: взгляните, что значит это «постоянное брожение» деревни *наряду* с «мелкой борьбой», «карательными экспедициями» и *сменой* личного состава полиции и войска? Ведь вы не понимаете того, что сами говорите. Описываемое вами положение дел есть не что иное, как длительная *партизанская война*, перерываемая рядом все более широких и сплоченных *взрывов солдатских восстаний*. Вы повторяете сердитые и бранные слова по адресу «партизанов», «анархистов», «анархо-бланкистов-большевиков» и проч. и сами в то же время рисуете картину революции по-большевистски! Смена личного состава войска, замещение его «элементами недовольной деревни». Что это значит? Может ли не проявляться наружу это «недовольство» деревни, одетой в матросские куртки и солдатские мундиры? Может ли оно не проявляться, когда в стране идет «постоянное брожение» родной солдату деревни? когда в стране идет «мелкая борьба», с одной стороны, и «карательные экспедиции», с другой? И можно ли представить себе, в эпоху черносотенных погромов, насилий правительства, издевательства полиции, *иное* проявление этого солдатского недовольства, как военные восстания?

Повторяя кадетские фразы («революция наша не идет путем восстания»), эту фразу пустили в оборот именно *кадеты* в конце 1905 года; см. милюковскую «Народную Свободу»⁹⁸), — вы в то же время сами рисуете неизбежность нового восстания: «власть падет от первого

серьезного испытания». Думаете ли вы, что серьезное испытание власти возможно в широком, пестром, сложном народном движении без предварительного ряда несерьезных и частичных испытаний? что общая стачка возможна без ряда частных? общее восстание без ряда дробных, мелких, необщих?

Если в войске растет элемент недовольной деревни и если революция в общем идет вперед, — значит неизбежно восстание в форме *ожесточеннейшей* борьбы с черносотенным войском (ибо черносотенцы тоже организуются и учатся, не забывайте этого! не забывайте, что есть социальные элементы, питающие сознательное черносотенство!), борьбы с народом и части войска. Значит, надо готовиться, готовить массы, готовить себя к более планомерному, дружному и наступательному восстанию, вот что вытекает из посылок Ларина, из его кадетской сказки о *пассивной* (?) революции. Большевики «свалили на ход русской революции собственную тоску и уныние» (58), признается Ларин. Именно так! Пассивность, это — качество мелкобуржуазной интеллигенции, а не революции. Пассивны — те, кто признает заполнение армии элементами недовольной деревни, неизбежность постоянного брожения и мелкой борьбы, — и в то же время с благодушием Ивана Федоровича Шпоньки утешает рабочую партию: «русская революция не идет путем восстания».

А «мелкая борьба»? Вы находите, почтенный Ларин, что она есть «наивыгоднейший путь для деревни с точки зрения результатов»? Вы поддерживаете это мнение, несмотря на карательные экспедиции, включая даже эти экспедиции тоже в наивыгоднейший путь? А подумали ли вы хоть чуточку, чем отличается мелкая борьба от партизанской войны? Ничем, почтенный тов. Ларин.

За плохими примерами Америки и Польши вы просмотрели те особые формы борьбы, которые породило русское восстание, более затяжное, более упорное, с более длительными промежутками между крупными сражениями, чем восстания старого типа.

Тов. Ларин совсем запутался и не свел концов с концами. Если подпочва революции в деревне есть, если революция ширится и черпает новые силы, если армию заполняет недовольный мужик, а в деревне идет и затягивается постоянное брожение и мелкая борьба, то это

значит, что правы большевики, которые борются против отстранения вопроса о восстании. Мы вовсе не проповедуем восстания в любой момент, при всяких условиях. Но мы требуем того, чтобы мысль с.-д. не была неуверенна и робка. Если вы признаете *условия* для восстания, — признавайте и самое восстание, — признавайте особые задачи партии в связи с восстанием.

Называть мелкую борьбу *«наивыгоднейшим путем»*, т. е. наивыгоднейшей формой борьбы народа в особую эпоху нашей революции, — и в то же время отказываться признать *активные* задачи партии передового класса на почве этого *«наивыгоднейшего пути»*, значит не уметь мыслить или нечестно мыслить.

II

«Теория пассивности» — так можно бы назвать рассуждения Ларина о «пассивной» революции, подготовляющей «падение старой власти от первого серьезного испытания». И эта «теория пассивности», естественный продукт робости мысли, налагает печать на всю брошюру нашего кающегося меньшевика. Он ставит вопрос: почему наша партия, при громадном идейном влиянии, так слаба организационно? Не потому, отвечает Ларин, что наша партия интеллигентская. Это старое «казенное» (словечко Ларина) объяснение меньшевиков никуда не годно. Потому, что для переживаемой эпохи объективно не нужна была иная партия и не было объективных условий для иной партии. Потому, что для «политики стихийных порывов», какова была политика пролетариата в начале революции, и не нужна была партия. Нужен был лишь «технический аппарат для обслуживания стихий» и «стихийных настроений», для пропагандистско-агитационной работы между двумя порывами. Это была не партия в европейском смысле слова, а «узкое — 120 тысяч на 9 миллионов — объединение молодых рабочих конспираторов»; семейных рабочих мало; большинство готовых на общественную деятельность рабочих вне партии.

Теперь минует пора стихийных порывов. Расчет заступает место простого настроения. Вместо «политики стихийных порывов» вырастает «политика планомерного действия». Нужна «партия европейского типа», «партия

объективно-планомерного политического действия». Вместо «партий-аппарата» нужна «партия-авангард», «куда было бы собрано все, что может выдвинуть из себя пригодного для активной политической жизни рабочий класс». Это — переход к «европейской партии действия на основе расчета». На смену «официальному меньшевизму с его половинчатой и неуверенной практикой, с его унынием и непониманием своего положения» «приходит здоровый реализм европейской социал-демократии». «Голос его довольно явственно звучит уже не с сегодняшнего дня в устах Плеханова и Аксельрода, — единственных, собственно говоря, европейцев в нашей «варварской» среде»... И, конечно, смена варварства европеизмом обещает смену неудач удачами. «Где господствует стихийность, там неизбежны ошибки в оценке, неудачи на практике». «Где стихия, — там утопизм, где утопизм, — там неудача».

В этих рассуждениях Ларина опять бросается в глаза вопиющее несоответствие между крохотным ядром верной, хотя и не новой, мысли и огромной шелухой прямо уже реакционного недомыслия. Меду — ложка, дегтя — бочка.

Совершенно несомненно и неоспоримо, что рабочий класс всех стран — по мере того, как развивается капитализм, по мере того, как накапливается опыт буржуазной революции или буржуазных революций, а также неудачных социалистических, — растет, развивается, учится, воспитывается, организуется. Другими словами: он идет в направлении от стихийности к планомерности, — от руководства одним настроением к руководству объективным положением всех классов, от порывов к выдержанной борьбе. Все это так. Все это столь же старо, как мир, и столь же применимо к России XX века, как и к Англии XVII века, к Франции 30-х годов XIX века и к Германии конца XIX века.

Но в том-то и беда Ларина, что он совсем не в состоянии переварить того материала, который дает социал-демократу наша революция. Противопоставление порывов русского варварства европейской планомерности увлекает его всецело, как новая картинка ребенка. Высказывая трюизм, относящийся ко всем эпохам вообще, он не понимает, что наивное применение этого трюизма к эпохе непосредственно-революционной борьбы превращается у него под рукой в *ренегатское* отношение к революции.

Это было бы трагикомично, если бы искренность Ларина не устраняла всяких сомнений насчет того, что он *бессознательно* подпевает ренегатам революции.

Стихийные порывы варваров, планомерное действие европейцев... Это чисто кадетская формула и кадетская идея, идея предателей русской революции, восторгающихся «конституционностью» в духе Муромцева, объявившего: «Дума — часть правительства», или лакея Родичева, восклицавшего: «Дерзость — считать монарха ответственным за погром». Кадеты создали целую литературу ренегатов (Изгоевы, Струве, Прокоповичи, Португаловы et tutti quanti*), поносивших *безумство стихии*, то есть революцию. Либеральный буржуа, как известное животное в басне, не в состоянии поднять вверх взора и понять, что только благодаря «порыву» народа и держится у нас хотя бы тень свободы.

И Ларин, с наивным отсутствием критики, плетется за либералом. Ларин не понимает, что в затронутом им вопросе есть две стороны: 1) противопоставление стихийной борьбы планомерной борьбе такого же размаха, таких же форм и 2) противопоставление революционной (в узком смысле) эпохи контрреволюционной или «толькоконституционной». Логика у Ларина из рук вон плоха. Стихийную политическую стачку он противопоставляет не планомерной политической стачке, а планомерному участию, скажем, в булыгинской Думе. Стихийное восстание не планомерному восстанию, а планомерной профессиональной борьбе. И поэтому его марксистский анализ сбивается на мещански-плоский апофеоз контрреволюции.

Европейская социал-демократия есть «партия объективно-планомерного политического действия», восторженно лепечет Ларин. Дитя! Он не замечает, что восторгается особенно узким *«действием»*, которым вынуждены были ограничиваться европейцы в эпохи отсутствия непосредственно-революционной борьбы. Он не замечает, что восторгается планомерностью *подзаконной* борьбы и поносит стихийность борьбы *за силу и власть*, определяющие пределы «подзаконного». Он сравнивает стихийное восстание русских в декабре 1905 г. не с «планомерными» восстаниями немцев в 1849 г., французов в 1871 г., а

* — и все прочие. Ред.

с планомерностью роста немецких профессиональных союзов. Он сравнивает стихийную и неудачную общую стачку русских в декабре 1905 г. не с «планомерной» и *неудачной* общей стачкой бельгийцев в 1902 году⁹⁹, а с планомерной речью Бебеля или Вандервельда в рейхстаге.

Поэтому того всемирно-исторического прогресса в массовой борьбе пролетариата, который знаменуют собой стачка в октябре 1905 г. и восстание в декабре 1905 г., Ларин не понимает. А тот *регресс* русской революции (*временный*, по его *собственному* взгляду), который выражается в необходимости *подзаконного* подготовительного действия (профессиональные союзы, выборы и т. п.), он возводит в *прогресс* от стихийного к планомерному, от настроения к расчету и т. д.

Поэтому взамен морали революционного марксиста (вместо стихийной политической стачки нужна планомерная политическая стачка; вместо стихийного восстания нужно планомерное восстание) получается мораль ренегата-кадета (вместо «безумства стихии»: стачки, восстания, нужно планомерное подчинение столыпинским законам и планомерная сделка с черносотенной монархией).

Нет, товарищ Ларин, если бы вы усвоили себе дух марксизма, а не одни только слова, вы знали бы отличие революционного диалектического материализма от оппортунизма «объективных» историков. Вспомните хотя бы сказанное Марксом о Прудоне. Марксист не зарекается от подзаконной борьбы, от мирного парламентаризма, от «планомерного» подчинения рамкам исторической работы, определенным Бисмарками и Беннигсенами, Столыпинскими и Милюковыми. Но марксист, используя *всякую*, даже реакционную *почву* для борьбы за революцию, не опускается до апофеоза реакции, не забывает о борьбе за *наилучшую возможную почву деятельности*. Поэтому марксист *первый* проводит наступление революционной эпохи и начинает будить народ и звонить в колокол еще тогда, когда филистеры спят рабским сном верноподданных. Поэтому марксист *первый* вступает на путь прямой революционной борьбы, идет к непосредственной схватке, разоблачая примиренческие иллюзии всяких социальных и политических межеумков. Поэтому марксист *последний* покидает путь непосредственно-революционной борьбы,

покидает лишь тогда, когда исчерпаны все возможности, когда нет и *тебе* надежды на более короткий путь, когда призыв готовиться к массовым стачкам, к восстанию и т. п. явно теряет почву. Поэтому марксист отвечает презрением тем бесчисленным ренегатам революции, которые кричат ему: мы «прогрессивнее» тебя, мы раньше отказались от революции! мы раньше «подчинились» монархической конституции!

Одно из двух, товарищ Ларин. Думаете ли вы, что нет уже почвы для восстания и для революции в тесном смысле вообще? Тогда скажите это прямо и докажите нам по-марксистски, экономическим анализом, учетом политических стремлений разных классов, разбором значения идейных течений. Доказали? Тогда мы объявляем фразерством речи о восстании. Тогда мы говорим: у нас *была* не великая революция, а великий кукиш в кармане. Рабочие! буржуазия и мещане (крестьяне в том числе) предали и покинули вас. Но мы на созданной *ими*, вопреки *нашим* усилиям, почве будем работать упорно, терпеливо и выдержанно для *социалистической* революции, которая не будет так половинчата и убога, так богата фразами и бедна творчеством, как революция буржуазная!

Или вы действительно верите в то, что говорите, товарищ Ларин? Вы верите в то, что идет рост революции, что мелкая борьба и глухое брожение готовят через каких-нибудь 2—3 года новую недовольную армию и новое «серьезное испытание»? что «деревня не может успокоиться»? Тогда вы должны признать, что «порывы» выражают собою силу общенародного возмущения, а не силу отсталого варварства, — что наш долг превращать стихийное восстание в планомерное, работая выдержанно и упорно, в течение долгих месяцев, хотя бы даже лет, над таким превращением, а не отрекаться от восстания, как делают всякие Иуды.

Теперешняя же ваша позиция, т. Ларин, есть именно «тоска и уныние», «неуверенность и робость» мысли, сваливание своей пассивности на нашу революцию.

Именно это, и только это, означает ваше ликующее объявление бойкота ошибкой. Это близорукое и пошлое ликование. Если «прогрессивно» отречение от бойкота, то всех прогрессивнее правые кадеты из «Русских Ведомостей», которые воевали с бойкотом Булыгинской Думы,

звали студентов «учиться, а не бунтовать». Мы не за-
видуем этой прогрессивности ренегатов. Мы думаем, что
объявлять «ошибкой» бойкот виттевской Думы (в созыв
которой не верил никто за какие-нибудь 3—4 месяца) и
умалчивать об ошибке тех, кто звал участвовать в булы-
гинской Думе, значит заменять материализм революцион-
ного борца «объективизмом» профессора, пресмыкаю-
щегося перед реакцией. Мы думаем, что лучше положение
тех, кто *последним*, испытав действительно *все* на пути
прямой борьбы, пошел в Думу, пошел в обходный путь,
чем положение тех, кто звал в булыгинскую Думу первым,
накануне народного восстания, которое смело эту Думу.

А для Ларина тем более непростительна эта кадетская
фраза об ошибочности бойкота, что он *правдиво* говорит
о том, как меньшевики «придумывали всякие мудрые и
хитрые штуки, начиная от выборного начала и земской
кампании и вплоть до собрания партии путем участия
в выборах с целью бойкота Думы» (57). Меньшевики звали
рабочих выбирать в Думу, сами не веря в то, что можно
идти в Думу. Не правильнее ли была тактика тех, кто,
не веря в это, бойкотировал Думу? кто объявлял обманом
народа наименование Думы «властью» (какое на-
именование раньше Муромцева дали ей меньшевики в резолю-
ции Объединительного съезда)? кто пошел в Думу лишь
тогда, когда буржуазия окончательно изменила прямому
пути бойкота и заставила нас идти в обход, но не с той
целью и не так, как идут кадеты?

III

Противопоставление партии-аппарата и партии-аван-
гарда, которое делает Ларин, или партии борцов с поли-
цией партии сознательных политических борцов, кажется
глубоким и полным «чисто-пролетарского» духа. На деле
это совершенно такой же интеллигентский оппортунизм,
как и соответственное противопоставление, делавшееся в
1899—1901 годах рабочемысленцами и акимовцами¹⁰⁰.

С одной стороны, когда есть объективные условия для
непосредственно-революционного натиска масс, тогда «об-
служивание стихии» есть *высшая* политическая задача
партии. Противопоставлять *такую* революционную работу
«политике» значит низводить политику до политиканства.

Это значит превозносить политику думской борьбы, ставя ее выше политики масс в октябре и декабре, — т. е. именно переходить с пролетарски-революционной на интеллигентски-оппортунистическую точку зрения.

Всякая форма борьбы требует соответственной техники и соответственного аппарата. Когда главной формой борьбы в силу объективных условий становится парламентская борьба, в партии неизбежно усиливаются черты аппарата для парламентской борьбы. Наоборот, когда объективные условия порождают борьбу масс в виде массовых политических стачек и восстаний, партия пролетариата *должна* иметь «аппараты» для «обслуживания» именно *этих* форм борьбы, и само собою разумеется, что это должны быть особые «аппараты», непохожие на парламентские. Организованная партия пролетариата, которая бы признавала наличность условий для народных восстаний и не заботилась о соответственном аппарате, была бы партией интеллигентских болтунов; рабочие ушли бы от нее в анархизм, буржуазный революционизм и т. п.

С другой стороны, состав политически руководящего авангарда каждого класса, пролетариата в том числе, тоже зависит и от положения этого класса и от главной формы его борьбы. Ларин жалуется, например, на то, что у нас преобладает в партии рабочая молодежь, что семейных рабочих у нас мало, что они отходят от партии. Эта жалоба русского оппортуниста напомнила мне одно место у Энгельса (чуть ли не в «Жилищном вопросе», «Zur Wohnungsfrage»). Возражая какому-то пошлому буржуазному профессору, немецкому кадету, Энгельс писал: разве не естественно, что у нас, партии революции, преобладает молодежь? Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы с старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первую пойдет молодежь.

Нет, предоставим лучше кадетам подбирать «уставших» старцев в 30 лет, «поумневших» революционеров и ренегатов социал-демократии. Мы всегда будем партией молодежи передового класса!

И у Ларина самого прорывается откровенное признание насчет того, почему ему так жаль уставших от борьбы

семейных людей. Понабрать бы таких усталых побольше в партию, это сделало бы ее «тяжелее на подъем, подрывая почву под политической авантюрой» (с. 18).

Вот так-то лучше, добрый Ларин! К чему лукавить и обманывать самого себя. Вам нужна не партия-авангард, а *партия-аррьергард*, чтобы потяжелее была на подъем. Так и надо говорить прямо!

...«Подрывать почву под политической авантюрой»... Бывали поражения революции и в Европе, бывали июньские дни в 1848, майские в 1871 годах, но социал-демократов, коммунистов, которые бы видели свою задачу в том, чтобы объявлять «авантюрой» выступления масс в революции, — этого еще не бывало. Для этого надо было, чтобы в революционные марксисты записались (надо надеяться, ненадолго) бесхарактерные и трусливые, неуверенные в себе и падающие духом при всяком повороте событий к реакции российские менцане, называемые, с позволения сказать, «интеллигенцией».

...«Подрывать почву под авантюрой!» Но если так, то первый *авантюрист* — сам Ларин, ибо он называет «мелкую борьбу» *наивыгоднейшим* путем революции, ибо *внушает* массам веру в *рост революции*, в *заполнение армии* через 2—3 года *недовольной деревней*, в *грядущее «падение старой власти»* от «первого же серьезного испытания»!

Но Ларин — авантюрист еще и в другом, гораздо более худшем и более мелком смысле. Он — защитник рабочего съезда и «беспартийной партии» (его словечко!). Вместо социал-демократии нужна «Всероссийская рабочая партия», — потому «рабочая», что в нее надо взять мелкобуржуазных революционеров, с.-р., п. п. с., белорусскую громаду¹⁰¹ и проч.

Ларин — поклонник Аксельрода. Но услугу он оказал ему медвежью. Он так превознес его «юношескую энергию», его «истинное партийное мужество» в борьбе за рабочий съезд, он так горячо его обнял, что... задушил в своих объятиях! Туманная «идея» Аксельрода о рабочем съезде убита насмерть наивным и правдивым практиком, который сразу взял и выпалил все то, что надо было скрыть для успешной пропаганды рабочего съезда. Рабочий съезд — значит «слияние вывески» (с. 20 у Ларина, для которого социал-демократизм — одна вывеска), значит *слияние с эсерами* и с профессиональными союзами.

Правильно, тов. Ларин! Спасибо хоть за правдивость! Рабочий съезд действительно значит все это. Именно к этому повел бы он даже против воли созывателей. И именно поэтому рабочий съезд теперь есть мелкая оппортунистическая авантюра. Мелкая, ибо никакой широкой идеи тут нет в подкладке, а только усталость интеллигента от упорной борьбы за марксизм. Оппортунистическая — по той же причине и потому, что в рабочую партию впускают тысячи далеко не определившихся еще окончательно мелких буржуа. Авантюра, ибо при современных условиях такая попытка принесла бы не мир, не положительную работу, не сотрудничество эсеров и эсдеков, которым Ларин отводит любезно роль «пропагандистских обществ внутри широкой партии» (с. 40), а безграничное увеличение борьбы, раздоров, расколов, спутанности идейной, дезорганизации практической.

Одно дело — предсказать, что эсеровский «центр», по отпадении энесов и максималистов, *должен* прийти к эсдекам*. Другое дело — лезть за яблоком, которое только зреет, но еще не созрело. Либо шею сломите, почтеннейший, либо желудок испортите сырыми фруктами.

Ларин аргументирует «от Бельгии» — совсем так, как в 1899 году Р. М. (редактор «Рабочей Мысли») и г. Проккопович (когда он переживал «стихийные порывы» социал-демократа и не «поумнел» еще настолько, чтобы стать «планомерно действующим» кадетом). К книжечке Ларина аккуратно приложен аккуратно переведенный устав бельгийской рабочей партии! Добрый Ларин забыл перевести в Россию промышленные условия и историю Бельгии. *После* ряда буржуазных революций, *после* десятилетий борьбы с мелкобуржуазным квази-социализмом Прудона, *при* гигантском, едва ли не высшем в свете, развитии промышленного капитализма, — рабочий съезд и рабочая партия в Бельгии были переходом от непролетарского социализма к пролетарскому. В России, в разгар буржуазной революции, плодящей неизбежно мелкобуржуазные идеи и мелкобуржуазных идеологов, при наличии растущего «трудолического» течения в смежных слоях крестьянства и пролетариата, при наличии *Социал-демократической* рабочей партии с десятилетней

* См. настоящий том, стр. 172. *Ред.*

почти историей, рабочий съезд есть плохая выдумка, слияние с эсерами (кто их знает? может, 30 тысяч, а может и 60 тысяч — говорит Ларин простодушно) есть интеллигентская причуда.

Да, да, история умеет пользоваться иронией! Годы и годы трубили меньшевики о близости большевиков к эсеровщине. И вот большевики отвергают рабочий съезд между прочим *именно потому*, что он затемнил бы различие точек зрения пролетария и мелкого хозяйчика (см. резолюцию ПК¹⁰² в № 3 «Пролетария»). А *меньшевик* стоит за *слияние с эсерами* в связи с защитой рабочего съезда. Это бесподобно.

— Я не хочу растворить партию в классе, — оправдывается Ларин. — Я хочу объединить только авангард, 900 тысяч из 9 миллионов (с. 17 и с. 49).

Берем официальные цифры фабрично-заводской статистики за 1903 год. Всего фабрично-заводских рабочих — 1 640 406. В том числе в заводах, имеющих свыше 500 рабочих, — 797 997; в заводах, имеющих свыше 100 рабочих, — 1 261 363. Число рабочих в крупнейших заводах (800 тыс.) — немногим ниже цифры Ларина для объединенной с эсерами рабочей партии!

Итак, Ларин не надеется на то, чтобы мы в России, имея уже теперь до 150—170 тысяч членов социал-демократической партии, при 800 тысяч рабочих в крупнейших заводах, при крупных горных предприятиях (не вошедших в этот итог), при массе чисто пролетарских элементов в торговле, в сельском хозяйстве, в транспорте и т. д., — чтобы мы могли вскоре завоевать для социал-демократии 900 тысяч *пролетариев*, как членов партии?? Это чудовищно, но это факт.

Но неверие Ларина есть только робость мысли интеллигента.

Мы вполне верим в осуществимость такой задачи. В противовес авантюре «рабочего съезда» и «беспартийной партии» мы выдвигаем лозунг: *расширение* впятеро и вдесятеро нашей *социал-демократической партии*, но только преимущественно и *почти исключительно* чисто-пролетарскими элементами и исключительно под идейным знаменем революционного марксизма*.

* Включение профессиональных союзов в партию, которое предлагает Ларин, нерациснально. Это сузит рабочее движение и его базу. Для борьбы

Теперь, после года великой революции, при быстроте развития всяких партий, пролетариат выделяется в самостоятельную партию быстрее, чем когда-либо. Выборы в Думу помогут этому (конечно, если не идти на оппортунистические блоки с к.-д.). Измены буржуазии вообще и мелкой в особенности (*энесы*) укрепят революционную социал-демократию.

Мы добьемся ларинского «идеала» (900 тыс. членов партии) — мы даже перегоним этот идеал посредством упорной работы на том же пути, а не посредством авантюры. Расширять партию *пролетарским* элементом теперь действительно надо. Это ненормально, что в Питере всего 6 тысяч членов партии (81 тысяча рабочих в СПб губернии на заводах с 500 и более рабочими; всего 150 тыс. рабочих), — что в центральном промышленном районе всего 20 тыс. членов партии (377 тыс. рабочих в заводах с 500 и больше рабочими; всего 562 тысячи рабочих). Рабочих надо *уметь* включать* в партию в таких центрах впятеро и вдесятеро больше. В этом Ларин вполне и безусловно прав. Но мы не должны впасть в интеллигентское малодушие и интеллигентскую нервозность. Мы добьемся этого на нашем *соц.-дем.* пути, без авантюры.

IV

Единственным «отрадным явлением» в брошюре т. Ларина является его горячий протест против блоков с к.-д. В другой статье этого номера нашей газеты читатель найдет подробные цитаты на этот счет, в связи с характеристикой всех шатаний меньшевизма по этому важному вопросу.

Здесь же нас интересует общая характеристика меньшевизма таким «авторитетным» свидетелем, как меньшевик

с хозяевами мы всегда объединим гораздо большее число рабочих, чем для социал-демократической политики. Поэтому (вопреки *неверному* утверждению Ларина, что большевики высказывались против беспартийных профсоюзов) — поэтому мы за беспартийные профсоюзы, как был за них *еще в 1902 году* автор «якобинской» (по мнению оппортунистов, якобинской) брошюры: «Что делать?». (См. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 421—422. *Ред.*)

* Говорим: «уметь включать», ибо число рабочих — социал-демократов, несомненно, во много раз превышает в таких центрах число членов партии. У нас есть рутина, надо бороться с ней. Надо уметь приспособить, где следует, Юзе Organisationen — более свободные, широкие, доступные *пролетарские* организации. Наш лозунг: расширение социал-демократической рабочей партии против беспартийного рабочего съезда и беспартийной партии!

Ларин. Именно по поводу блоков с к.-д. он протестует против «упрощенно-казенного меньшевизма». «Меньшевизм казенный», пишет он, способен желать «самоубийственного соединения с противниками с.-д-тии из буржуазного лагеря». Мы не знаем, сумеет ли Ларин проявить в отстаивании своих взглядов против Плеханова больше характера, чем Мартов. Но Ларин восстает против «официального» и «казенного» меньшевизма не только по поводу блоков с к.-д. «Все отживающее, говорит, напр., Ларин по адресу меньшевизма, приобретает казенный отпечаток»!! (с. 65). Меньшевизм отживает, уступая место «европейскому реализму». «Отсюда вечная тоска, половинчатость, неуверенность меньшевизма» (с. 62). Про разговоры о рабочем съезде он пишет: «Какою-то недоговоренностью, робостью мысли, может быть, просто не решающейся громко высказать то, что уже назрело внутри, запечатлены все эти разговоры» (с. 6) и т. п.

Мы знаем уже подкладку этого кризиса меньшевизма, этого вырождения его в казенницу*: — неуверенность мелкобуржуазного интеллигента в возможности дальнейшей революционной борьбы, боязнь признать революцию законченной, боязнь признать реакцию окончательно победившей. «Меньшевизм был лишь инстинктивной полустихийной тоской по партии», говорит Ларин. Меньшевизм — стихийная тоска интеллигента по кудей конституции и мирной законности, скажем мы. Меньшевизм, это — якобы объективная апология реакции, исходящая из революционной среды.

Большевики с самого начала, еще в женеvской газете «Вперед»¹⁰³ (январь — март 1905 г.), еще в брошюре «Две тактики»** (июль 1905 г.) ставили вопрос совсем иначе.

* Опять ирония истории! Меньшевики кричали о «формализме» и «бюрократизме» большевиков с 1903-го года. С тех пор у них в руках были все время общепартийные «бюрократические» и «формальные» прерогативы. И теперь меньшевик констатирует вырождение меньшеваима в казенницу. Лучшей реабилитацией для себя большевики не могли бы и желать. Ларин не там ищет казенницы меньшевизма, где она действительно коренится. Источник казенщины — это тот оппортунизм, который под видом европеизма внедряют в меньшевиков Аксельрод и Плеханов. Европеизма в отраженной идеологии и привычках швейцарского мещанина нет и следа. Мещанская Швейцария, это — ланейская настольная Европа, Европы революционных традиций и обостренной классовой борьбы широких масс. А казенщина снавалась вполне хотя бы в той постановке вопроса о рабочем съезде у Плеханова (рабочий съезд против партийного съезда), против которой так горячо и искренне протестует Ларин.

** См. Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 1—119. Ред.

Нисколько не заблуждаясь насчет противоречивости интересов и задач разных классов в буржуазной революции, они тогда же прямо заявляли: возможно, что русская революция кончится конституционным выкидышем. Как сторонники и идеологи революционного пролетариата, мы выполним свой долг до конца, — мы через все измены и подлости либералов, через все шатания, через всю робость и неуверенность мелких буржуа пронесем наши революционные лозунги, — мы исчерпаем действительно до конца *все* революционные возможности, — мы будем гордиться тем, что *первые* вступили на путь восстания и *последние* покинули этот путь, если он на самом деле стал невозможен. И в настоящее время мы далеко, далеко не признаем еще всех революционных возможностей и перспектив исчерпанными. Мы прямо и открыто проповедуем восстание и упорную, настойчивую, длительную подготовку к нему.

А когда мы признаем революцию конченной, мы прямо и открыто скажем это. Мы снимем с нашей платформы перед всем народом все наши непосредственно-революционные лозунги (вроде учредительного собрания). Мы не будем обманывать себя и других неауитскими софизмами (вроде плехановской «полновластной Думы» для кадетов)*. Мы не будем оправдывать реакции, называть реакционный конституционализм почвой для здорового реализма. Мы скажем и докажем пролетариату, что измены буржуазии, и шатания мелких хозяйчиков погубили революцию буржуазную, и что сам пролетариат подготовит и проведет теперь новую, социалистическую революцию. И поэтому на почве упадка революции, т. е. полной измены буржуазии, мы уже ни в каком случае не пойдем ни в какие блоки не только с оппортунистической, но даже и с революционной буржуазией, — ибо упадок революции означал бы превращение буржуазного революционизма в пустую фразу.

Вот почему нас нисколько не задевают те сердитые слова, которых так много бросает Ларин по нашему адресу, крича о близком кризисе большевизма, о том, что он выдохся, что мы волочили всегда за меньшевиками и т. д. Все эти попытки кольнуть и ущипнуть вызывают только снисходительную улыбку.

---

* См. настоящий том, стр. 299. Реэ.

От большевиков отпадали и будут отпадать отдельные лица, но в нашем направлении *не может быть* кризиса. Дело в том, что мы с самого начала (см. «Шаг вперед, два назад»*) заявляли: никакого особого «большевистского» направления мы не создаем, мы отстаиваем лишь везде и всегда точку зрения *революционной социал-демократии*. А в социал-демократии, вплоть до социальной революции, неизбежно будут оппортунистическое и революционное крыло.

Достаточно беглого взгляда на историю «большевизма», чтобы убедиться в этом.

1903—1904 год. Меньшевики проповедают демократизм в организации. Большевики называют это интеллигентской фразой, впредь до открытого выступления партии. Меньшевик-Рабочий в женевской брошюре (1905 г.) признает, что на деле никакого демократизма у меньшевиков не было. Меньшевик Ларин признает, что их «разговоры о выборном начале» были «придумыванием», были попыткой — «обмануть историю» и что на деле в меньшевистской «СПБ группе выборного начала не было еще и осенью 1905 года» (с. 62). А после октябрьской революции большевики *первые* сразу объявили в «Новой Жизни»¹⁰⁴ переход к демократизму в партии *на деле***.

1904 г., конец. Земская кампания. Меньшевики тянутся за либералами. Большевики не отрицают (вопреки часто распространяемой басне) «хороших демонстраций» перед земцами, но отвергают «плохие рассуждения интеллигентов»***, говоривших, что на арене борьбы *две* силы (царь и либералы), что выступление перед земцами есть демонстрация высшего типа. Теперь меньшевик Ларин сам признает, что земская кампания была «придумыванием» (стр. 62), была «мудрой и хитрой штукой» (с. 57).

1905 год, начало. Большевики открыто и прямо ставят вопрос о восстании, о подготовке к нему. В резолюции

* См. Сочинения, 4 изд., том 7, стр. 185—392. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 12—21. *Ред.*

*** В № 1 женевского «Вперед» (январь 1905 г.) Фельетон, посвященный критике «плана земской кампании», носил заглавие: «О хороших демонстрациях пролетариев и плохих рассуждениях некоторых интеллигентов». (См. Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 13—18. *Ред.*)

III съезда они предсказывают *соединение стачки с восстанием*. Большевики вливают, отговариваются от задач восстания, толкуют о вооружении масс жгучей потребностью самовооружения.

1905 г., август — сентябрь. Большевики (Парвус в новой «Искре») зовут участвовать в булыгинской Думе. Большевики зовут к активному бойкоту ее, к непосредственной проповеди восстания.

1905 г., октябрь — декабрь. Народная борьба в форме стачек и восстаний смела булыгинскую Думу. Большевик Ларин признает в письменном заявлении на Объединительном съезде, что меньшевики в эпоху высшего подъема революции действовали по-большевистски. В зачаточных органах временного правительства мы, с.-д., участвуем вместе и рядом с революционной буржуазией.

1906 г., начало. Большевики в тоске. В Думу не верят и в революцию не верят. Они зовут выбирать в Думу для бойкота Думы (Ларин, с. 57). Большевики выполняют свой долг революционеров, делая все возможное для бойкота второй Думы, которой не верил *никто* в революционных кругах.

1906 г., май — июнь. Думская кампания. Бойкот не удался в силу измены буржуазии. Большевики ведут революционную работу на новой, хотя и худшей почве. Во время Думы наша тактика, революционных с.-д., еще яснее отделяется от оппортунизма в глазах всего народа: критика к.-д. в Думе, борьба за освобождение трудовиков от влияния к.-д., критика думских иллюзий, проповедь революционного сближения левых групп Думы.

1906 г., июль. Разгон Думы. Большевики мечутся, высказываясь за немедленную стачку-демонстрацию и за частичные выступления. Большевики протестуют. Ларин, говоря об этом, *умалчивает о протесте 3-х членов ЦК, напечатанном для членов партии*. Ларин говорит неправду об этом инциденте. Большевики указывают на нелепость демонстрации, стоят за *более позднее* восстание*. Большевики подписывают призывы к восстанию вместе с революционной буржуазией.

* См. настоящий том, стр. 107—108. Ред.

1906 г., конец. Большевики признают, что измены буржуавии ваставляют пойти в обходный путь, пойти в Думу. Долой всякие блоки! Долой в особенности блоки с кадетами! Меншевики за блоки.

Нет, товарищ Ларин, нам не приходится стыдиться такого хода борьбы между революционным и оппортунистическим крылом российской социал-демократии!

«Пролетарий» № 9,
7 декабря 1906 г.

Печатается по тексту
газеты «Пролетарий»

ПРОЛЕТАРИАТ И ЕГО СОЮЗНИК В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Так озаглавил К. Каутский последнюю главу своей статьи в только что вышедших номерах «Neue Zeit»¹⁰⁵: «Движущие силы и перспективы русской революции». Как и другие работы Каутского, эта статья выйдет, несомненно, вскоре в русском переводе. Ознакомиться с ней безусловно необходимо всем социал-демократам, — не потому, что от немецкого теоретика марксизма можно было ждать ответа на злободневные вопросы нашей тактики (плохи были бы русские с.-д., если бы они ждали таких ответов издалека), — а потому, что Каутский замечательно логично рассматривает основы всей с.-д. тактики в буржуазной российской революции. Всем членам нашей партии, всем сознательным рабочим, заваленным мелкой будничной работой, оглушенным избитыми пошлостями беспринципных либерально-буржуазных писак, особенно важны такие произведения вдумчивых, знающих и опытных с.-д., которые позволяют подняться выше обыденщины, вникнуть в коренные вопросы тактики пролетариата, представить себе яснее принципиальные тенденции и самые методы мышления разных течений в социал-демократии.

Новейшая статья Каутского особенно важна в этом отношении, ибо она дает возможность сравнить характер вопросов, заданных Плехановым Каутскому (среди других иностранных социалистов), со способом ответа Каутского на некоторые из этих вопросов.

Плеханов, которого кадет Мельгунов метко назвал сегодня (10 декабря) в «Товарище» «прежним лидером и теоретиком русской социал-демократии», спрашивал Каутского (1) об «общем характере» русской революции:

буржуазная она или социалистическая? (2) об отношении с.-д. к буржуазной демократии и (3) о тактике с.-д. при выборах в Думу.

Вождь русских оппортунистов желал выудить от Каутского одобрение блоков с к.-д. Вождь немецких революционных с.-д. разгадал, что автор вопросов подсовывает ему ответ на то, о чем прямо не говорится в вопросах, и предпочел ответить Плеханову спокойным, обстоятельным, пропагандистски написанным *разъяснением* того, как должен марксист *ставить* вопросы о буржуазной революции и о буржуазной демократии вообще. Присмотримся же внимательнее к этому разъяснению Каутского.

Поверхностно было бы рассматривать русскую революцию, как движение, направленное к свержению абсолютизма. Надо рассматривать ее, как пробуждение широких масс народа к самостоятельной политической деятельности. Такова основная посылка Каутского.

Это значит вот что. Поверхностен был бы тот анализ задач социал-демократии, который ограничивается указанием на достижение политической свободы (свержения абсолютизма) и «общность» этой задачи у разных классов. Надо посмотреть на положение *масс*, на объективные условия их жизни, на различие классов внутри их, на *реальное содержание* той свободы, к которой они *на деле* стремятся. Не из общей фразы надо выводить единство интересов, не от «политической свободы» *вообще* заключать к совместной борьбе разных классов, — а, наоборот, из точного анализа положения и интересов разных классов надо выводить, насколько именно и в чем именно тождественна или совпадает (и совпадает ли?) их борьба за свободу, их стремление к свободе. Не по-кадетски, не по-либеральному следует рассуждать, не так, как гг. Прокоповичи и К^о, а *по-марксистски*.

Далее. Если исходная точка — интересы масс, то гвоздь русской революции — *аграрный* (земельный) вопрос. О поражении или победе революции надо заключать не на основании насилий правительства и проявлений «реакции» (которая всецело заполняет внимание многих кадетообразных с.-д.), а на основании учета положения массы в борьбе за землю.

Сельское хозяйство есть основа народного хозяйства России. Земледелие в упадке, крестьяне разорены. Даже

либералы (Каутский цитирует кадетов Петрункевича и Мануилова) сознают это. Но, указывая на общность *этого* взгляда у либералов и социалистов, Каутский не удовлетворяется этим. Он не позволяет себе сделать отсюда кадетский вывод: «значит, с.-д. должны поддерживать кадетов». Он сразу переходит к анализу *классовых интересов* и показывает *неизбежность* половинчатости либералов в аграрном вопросе. Признавая упадок земледелия вообще, либералы не понимают капиталистического характера земледелия и вытекающего отсюда вопроса об особых причинах задержки именно капиталистической, а не иной какой, эволюции.

И Каутский подробно разбирает одну из этих особых причин, именно недостаток капитала в России. Заграничный капитал играет у нас особенно выдающуюся роль. Это задерживает капиталистическое развитие земледелия. Вывод Каутского: «Упадок сельского хозяйства, наряду с ростом сил промышленного пролетариата, является главной причиной современной русской революции».

Вы видите: Каутский изучает, внимательно и осторожно, особый характер буржуазной революции в России, а не обходит этих особенностей, подобно кадетам и кадетообразным с.-д., посредством доктринерской ссылки на «общий характер» всякой буржуазной революции.

Дальше Каутский разбирает разрешение аграрного вопроса. Он не довольствуется и здесь избитой либеральной фразой: вот и кадетская Дума за землю для крестьян (смотри писания Плеханова). Нет. Он показывает, что одно увеличение надела без громадной денежной помощи крестьянину есть ничто. Абсолютизм не в состоянии помочь крестьянству. А либералы? Они требуют выкупа. Выкуп же не может не разорить крестьян. «Только *конфискация* крупного землевладения» (курсив Каутского) способна значительно увеличить земельный надел крестьянина, не возлагая на него нового бремени. Но либералы самым решительным образом противятся конфискации.

На этом рассуждении Каутского стоит остановиться. Кто сколько-нибудь обстоятельно знаком с партийными оттенками в революционных кругах России, тот знает, что *оппортунисты обеих* революционных партий, именно по вопросу о выкупе, не только заразились либеральным

взглядом, но извращали еще при этом Каутского. Наши меньшевики и на Объединительном съезде и на целом ряде собраний в Петербурге (напр., Дан в своих летних отчетах о съезде перед питерскими рабочими) указывали на неправильность того пункта аграрной программы, который прошел при помощи большевиков, потребовавших вставить непременно конфискацию вместо «отчуждения» (смотри первоначальный проект Маслова). Наши меньшевики говорили, что это неверно, что настаивать на конфискации может только вульгарный революционизм, что для социального переворота не важно, будет ли выкуп или нет, и при этом ссылались на брошюру Каутского «Социальная революция», где Каутский по отношению к социалистической революции вообще разъясняет допустимость выкупа. И эсеровские меньшевики, полукадеты энесы, совершенно так же защищали свой поворот к либерализму в вопросе о выкупе (в одном из выпусков «Нар.-Соц. Обзорения»¹⁰⁶) и также ссылались на Каутского.

Каутский, вероятно, не знает ни поведения меньшевиков в этом вопросе, ни значения политики энесов и их группы. Но своей постановкой вопроса о выкупе в русской революции он дал опять-таки всем нашим оппортунистам замечательное поучение насчет того, как не следует рассуждать. Нельзя из *общих* посылок о соотношении выкупа и конфискации в разных революциях, или в социалистической революции вообще, делать вывода о выкупе в *России 1905—1906 годов*. Надо поступать наоборот. Надо разобрать, какие классы у нас в России вызвали особенности нашей постановки вопроса о выкупе, из интересов этих классов вывести политическое значение данного вопроса в данной революции и тогда уже оценить правильность или неправильность взглядов разных партий.

Само собою разумеется, что, идя таким путем, Каутский пришел не к *затушевыванию* различия между либералами и революционерами в вопросе о выкупе (к чему всегда приходят плехановцы и энесы), а к выяснению *глубины* этого различия. Плеханов, задавая свои вопросы Каутскому, прикрывал различие «оппозиционного» и «революционного» движения посредством отстранения конкретных вопросов. Каутский сбросил прочь эти плехановские прикрытия, извлек на свет божий важный вопрос о выкупе и показал Плеханову, что против революционного дви-

жения крестьян борются «по-своему» не только черносотенцы, но и либералы.

«Без отмены постоянного войска, — пишет Каутский, — без прекращения постройки военного флота, без конфискации всего состояния царской фамилии и монастырей, без государственного банкротства, без конфискации крупных монополий, поскольку они находятся еще в руках частных лиц, жел. дорог, нефтяных источников, горных рудников, железоделательных заводов и пр. — неоткуда взять те громадные суммы, которые необходимы для русского сельского хозяйства, чтобы вырвать его из его ужасного состояния».

Припомните обычные меньшевистские речи об утопии и фантазерстве большевиков, напр., речи Плеханова на съезде по поводу требования соединить с радикализмом аграрных требований радикализм политический (отмена постоянного войска, выборность чиновников народом и т. д.). Плеханов хихикал над отменой постоянного войска и выборностью чиновников народом! Плехановская «Современная Жизнь»¹⁰⁷ одобряет направление «Нашего Дела», называя политический оппортунизм «политическим материализмом» (?) и противопоставляя его «революционной романтике».

Оказывается, что осторожный Каутский идет гораздо дальше самого крайнего большевика, выставляет гораздо более «утопические» и «романтические» (с точки зрения оппортуниста) требования в связи с аграрным вопросом!

Каутский требует не только конфискации помещичьих земель, не только отмены постоянной армии, но и конфискации крупных капиталистических монополий!

И Каутский вполне последовательно замечает сейчас же после приведенного места: «Ясно, что либералы пугаются столь гигантских задач, столь решительных изменений в существующих имущественных отношениях. По существу, они хотят продолжать вести теперешнюю политику, оставляя неприкосновенными основы эксплуатации России иноземными капиталами. Они твердо стоят за постоянное войско, которое в их глазах одно только в состоянии обеспечить порядок и сохранить им их собственность»...

Плеханов протестует: с ним поступили несправедливо; он спрашивал Каутского только о поддержке оппозиционных партий на выборах в Думу, а ему отвечают не на

тому! Выборы в Думу и — отмена постоянного войска! Какая причуда анархической мысли фантаста, какая революционная романтика вместо требуемого оппортунистом «политического материализма»!

А Каутский продолжает себе «бестактно» критиковать либералов в ответ на вопрос о выборах в Думу. Он обвиняет их за то, что они хотят выжимать попрежнему из русского народа по миллиарду рублей на военщину и платежи по займам. «Они (либералы) думают, что учреждения Думы достаточно для того, чтобы чудом раздобыть из-под земли миллиарды». «Либерализм столь же мало способен на это (удовлетворить русских крестьян), как и царизм». Каутский посвящает специальную главу выяснению отношений либерализма к социал-демократии. Он указывает, что в России нет буржуазной демократии старого шаблона, в которой первенствующее положение занимала городская мелкая буржуазия. В отличие от Запада, в России городская мелкая буржуазия «никогда не будет надежной опорой революционных партий».

«В России нет прочного остова буржуазной демократии». Этот вывод Каутского основан и на анализе особого положения мелкой буржуазии в городах и на учете того, что классовый антагонизм между капиталистами и пролетариатом развит в России неизмеримо сильнее, чем в эпохи буржуазных революций «старого шаблона». И значение этого вывода громадно. Именно в этом пункте лежит центр тяжести всей той «поправки», которую внес Каутский в постановку вопроса Плехановым, — поправки, равносильной коренному изменению.

Плеханов в своих вопросах оперирует со *старым шаблоном* буржуазной демократии, не более того. Он употребляет затасканное слово, совершенно забывая определить на основании *русских* данных, какой *степенью* демократизма, какой *прочностью* его и т. д. обладают те *различные слои*, которые теперь в России выступают в качестве буржуазной демократии. Заслуга Каутского в том, что он подметил этот основной грех Плеханова и принялся разъяснять ему практически тот *метод*, которым надо приходиться к действительному пониманию буржуазной демократии в России. И под умелым анализом Каутского из затасканного старого шаблона стали получаться очертания *живых* общественных сил России: городского мещан-

ства, — класса помещиков, либеральничающих на грошик и поддерживающих черносотенную контрреволюцию на целковый, — капиталистов, боящихся пуще огня пролетариата, — и, наконец, крестьянства.

Туманный вопрос об отношении к «буржуазной демократии» (французского типа 40-х годов прошлого века?) исчез. Туман был рассеян. А ведь этим туманом и застилали глаза народу наши Прокоповичи, Кусковы, Изгоевы, Струве и прочие либералы, наруку которым играет Плеханов. Вместо тумана старых шаблонов действительно марксистский анализ показал нам совсем особое соотношение демократизма разных слоев и элементов русской буржуазии.

При помощи этого анализа Каутский определяет то особое отношение между российским либерализмом и революционностью крестьян, которое сознательно скрывают кадеты и по слепоте не видят многие с.-д-ты! «Чем революционнее становится крестьянин, тем реакционнее становится крупный землевладелец, тем более перестает он быть, как был раньше, столпом либерализма, *тем неустойчивее становятся либеральные партии*, тем более подаются *вправо либеральные профессора и адвокаты* в городах, чтобы не потерять окончательно связи с своей прежней опорой». Этот процесс «ускоряет лишь банкротство либерализма».

Только вскрыв корни этого *банкротства либерализма* уже в современной русской революции, Каутский переходит к непосредственному ответу на вопросы Плеханова. Прежде чем отвечать, поддерживать ли «оппозицию», надо уметь понять (разъясняет Каутский), в чем классовая опора и классовая сущность этой «оппозиции» (или русского либерализма) и в каком отношении находится развитие революции и революционных классов к положению и интересам либерализма. Выясняя *это* в первую голову, Каутский *сначала* приходит к банкротству либерализма, *а потом уже* посвящает читателя в интересующий Плеханова вопрос: поддерживать ли оппозицию на выборах в Думу? Неудивительно, что на две трети плехановских вопросов Каутскому вовсе не понадобилось отвечать...

Зато ответы Каутского, не удовлетворяя Плеханова, помогут мыслить правильно массе русских социал-демократов.

(1) Буржуазная революция в России или социалистическая?

Нельзя так ставить вопроса, говорит Каутский. Это — старый шаблон. Русская революция, конечно, не социалистическая. О социалистической диктатуре пролетариата («единоличное господство» его) не может быть и речи. Но эта революция и не буржуазная, ибо *«буржуазия не принадлежит к движущим силам современного революционного движения в России»*. «Там, где пролетариат выступает самостоятельно, буржуазия перестает быть революционным классом».

И Каутский с энергией, превосходящей обычные большевистские «бестактности» против либералов, заявляет, что наша буржуазия больше боится революции, чем реакции, что она абсолютизм ненавидит за порождение им революции, что она политической свободы хочет *для прекращения* революции! (А Плеханов наивно отождествлял в своих вопросах борьбу оппозиции со старым порядком и борьбу против покушений правительства раздавить революционное движение!)

Этот первый ответ Каутского есть самое блестящее подтверждение *всей коренной основы* тактики большевизма. Начиная с женевских газет «Вперед» и «Пролетарий» и продолжая брошюрой «Две тактики», русские большевики *всегда* основу своей борьбы с меньшевизмом видели в извращении правыми с.-д. понятия: «буржуазная революция». Сотни раз говорили мы и показывали на бесчисленных заявлениях меньшевиков, что понимать категорию «буржуазная революция» в смысле признания за буржуазией главенства и руководящей роли в русской революции есть опошление марксизма. Буржуазная революция *вопреки* неустойчивости буржуазии, посредством *парализования* неустойчивости буржуазии, вот как формулировали большевики основную задачу с.-д. в революции.

Анализ Каутского дает нам самое полное удовлетворение. То, на что мы претендовали, — отстаивание позиции революционной социал-демократии против оппортунизма, отнюдь не создание какого-то «оригинального» большевистского направления, — Каутский подтвердил вполне, и это подтверждение тем ценнее, что оно дано изложением *существа дела*, а не простым генеральским «одобрением» той или иной фракции.

(2) Каутский не только считает *«весьма возможным»*, что в *«ходе революции победа достанется с.-д. партии»*, но объявляет также обязанностью социал-демократов *«внушать своим приверженцам уверенность в победе, ибо нельзя успешно бороться, отказываясь наперед от победы»*.

Этот вывод Каутского есть второе блестящее подтверждение тактики большевизма. Кто сколько-нибудь знаком с литературой двух направлений в социал-демократии, тот должен знать, что меньшевики *всеми силами* оспаривали возможность и целесообразность победы социал-демократии в современной русской революции. Меньшевики еще на своей конференции весной 1905 г. (с участием Плеханова, Аксельрода и проч.) приняли резолюцию, что с.-д. партия *не должна* стремиться к завоеванию власти. И с тех пор эта мысль: с.-д. не могут стремиться к победе с.-д. в буржуазной революции проходит *красной* (или черной?) нитью через *всю литературу и всю политику* меньшевизма.

Эта политика есть оппортунизм. *Победа с.-д. в теперешней русской революции весьма возможна*. Мы обязаны внушать уверенность в *этой* победе всем сторонникам рабочей партии. Нельзя успешно бороться, если наперед отказываешься от победы.

Эти простые и ясные истины, засоренные плехановской софистикой и схоластикой, должны быть продуманы и усвоены всей нашей партией.

(3) Думать, что *«все те классы и партии, которые стремятся к политической свободе, должны просто-напросто действовать совместно, чтобы добиться ее»*, значит *«иметь в виду лишь политическую поверхность совершающегося»*.

Это — третье подтверждение большевизма. Нельзя из одной только ссылки на то, что к.-д. *«по-своему борются за свободу»*, заключать о совместном действии с ними. Это азбука марксизма, засоренная лишь временно Плехановым и Аксельродом с их поклонниками.

(4) Каков же тот класс, который может помочь с.-д. пролетариату победить в теперешней революции, поддержать его и определить границы немедленно осуществимых преобразований? Этот класс, по мнению Каутского, *крестьянство*. Только у него есть *«прочная общность экономических интересов»* *«на все время революции»*.

«В общности интересов промышленного пролетариата и крестьянства заключается революционная сила русской социал-демократии и возможность ее победы, но эта же общность определяет и пределы возможного использования этой победы».

Это значит: не социалистическая диктатура пролетариата, а демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Иными словами Каутский формулировал давнюю основную посылку всей тактики революционных с.-д. в отличие и от оппортунистов, и от «увлекающихся». Всякая действительная и полная победа революции может быть только диктатурой, говорил Маркс¹⁰⁸, имея в виду, конечно, диктатуру (т. е. не ограниченную ничем власть) массы над кучкой, а не наоборот. Но нам важна, разумеется, не та или иная формулировка большевиками их тактики, а *сущность* этой тактики, *целиком* подтверждаемая Каутским.

Кто хочет мыслить по-марксистски, а не по-кадетски о роли пролетариата в нашей революции, о возможном и необходимом «союзнике» его, — тот должен прийти к взглядам революционной, а не оппортунистической социал-демократии на основы пролетарской тактики.

Написано 10 (23) декабря 1906 г.

Напечатано 20 декабря 1906 г.
в газете «Пролетарий» № 10

Печатается по тексту газеты

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ СТАТЬИ В ОРГАНЕ БУНДА

Поставленная в условия нелегального предприятия, наша газета лишена возможности сколько-нибудь правильно следить за с.-д. органами, выходящими в России на других языках кроме русского. Между тем без тесного и постоянного общения с.-д. всех национальностей России наша партия не может стать действительно всероссийской.

Поэтому мы обращаемся с убедительной просьбой ко всем товарищам, знающим латышский, финский, польский, еврейский, армянский, грузинский и др. языки и получающим с.-д. газеты на этих языках, помочь нам в осведомлении русских читателей о состоянии с.-д. движения и о тактических взглядах не-русских с.-д. Помощь может выразиться не только в доставлении обзоров с.-д. литературы по известному вопросу (подобно помещенным в «Пролетарии» статьям о полемике п. с.-д. с п. п. с. и о взглядах латышей на партизанскую борьбу), но и в присылке переводов отдельных статей или даже наиболее рельефных мест той или иной статьи.

Недавно один товарищ прислал нам перевод статьи: «Платформа избирательной кампании», помещенной за подписью М. в № 208 (от 16 ноября) органа Бунда «Volkszeitung»*. Мы не имеем данных для суждения о том, насколько выражает эта статья взгляды всей редакции, но во всяком случае она отражает известные течения среди еврейских с.-д. И русским с.-д., привыкшим к постановке вопроса только большевистской или меньшевистской,

* — «Народная Газета». Ред.

необходимо знать такие течения. Вот перевод этой статьи:

«Энергия и влияние, которые наша партия может развивать при выборах, прежде всего зависят от ясности и определенности нашей позиции и лозунгов. Перед нами стоят важные государственные и общественные вопросы, и наша задача состоит в том, чтобы поставить эти вопросы настолько ясно и определенно, чтобы ответ на них возможен был один и ответ именно наш. Если наша позиция будет недостаточно определена, тогда не помогут никакие усовершенствованные организационные аппараты. Значение платформы избирательной кампании всецело определяется ясностью нашей позиции.

VII съезд Бунда в общих чертах определил нашу тактику. Она заключается в следующем: разгон Думы ясно показал широким слоям населения, что нет никакой возможности мирным путем добиться земли и воли и что единственный выход — вооруженное восстание. Это отнюдь не значит, что выборы в новую Думу меняют тактику революционную на мирно-конституционную, т. е. выборы эти происходят при *сознании необходимости* тактики революционной; избиратель будет требовать от своего депутата превратить Думу в революционный орган народных масс. Наша задача при выборах состоит в том, чтобы выяснить избирателям это положение, требующее превращения самих выборов в арену борьбы для мобилизации революционных народных масс.

За период думских сессий, а тем более с разгоном Думы страна сделала крупный шаг вперед в развитии своего политического сознания, благодаря чему революционные партии и рассчитывают иметь успех на выборах. При первых выборах мелкобуржуазный избиратель подавал свой голос за кадета, выражая этим свой пламенный протест против зверских действий правительства. Все еще не расставшись с конституционными иллюзиями, этот избиратель был уверен, что к-д. добудут ему земли и воли. Думская тактика равбила эти иллюзии и убедила его, что добиться земли и воли можно только борьбой, а никак не мирным путем. Перед избирателем стал вопрос, как бороться и кто на эту борьбу способен: кадеты ли с их дипломатическим парламентаризмом, а в лучшем случае с их оружием «пассивного сопротивления», или партии революционные с их тактикой борьбы. Ясно, что, когда перед избирателями стоит вопрос, как добиться действительной свободы, они признают способными на эту борьбу партии революционные, а никак не конституционные.

Кадеты это поняли, и они из кожи лезут вон, стараясь махнуть рукой на все те уроки, которые им преподнесла жизнь; они стараются ослабить прогресс политического сознания страны до той степени, на которой это сознание находилось накануне первых выборов. «Ни шагу вперед!» кричат они, «забудьте то, чему научила вас история», задача новых выборов, пишут они, состоит в том, чтобы создать те политические условия, при которых работала первая Дума. Народ должен послать в Думу прежнее думское большинство, тем самым он приведет политическое положение страны к тому моменту, когда единственным выходом было ответ-

ственное министерство думского большинства («Речь» № 189). «Если России нужна действительная конституция, говорит «Речь» в 196 номере, и действительное народное представительство, тогда народ пошлет в Думу таких представителей, которые повторят то, что первая Дума высказала в своем ответном адресе на тронную речь, и которые возьмутся за то, что не давали делать первой Думе». Невольно возникает вопрос, что будет, если и второй Думе не «дадут» делать того, что рассчитывала делать первая Дума. На этот вопрос к.-д. отвечают, что «правительству придется уступить твердой, мирно и законно выраженной воле избирателей» («Речь» № 195). Кадеты отлично понимают, что их сила покоится на почве конституционных иллюзий, а потому они всеми силами стараются привести избирателям то мнение, которое господствовало накануне первых выборов, и насадить веру во всемогущую силу «твердой, мирно и законно выраженной воли избирателей». Сила революционных партий заключается не в вере избирателей «во всемогущую силу твердой, мирно и законно выраженной воли избирателей», а как раз наоборот — в их недоверии к этой силе, в их ясном понимании необходимости революционной борьбы.

Наша задача, следовательно, по отношению к избирателю заключается в том, чтобы поставить перед ним в самой категорической форме вопрос: желает ли он, чтобы большинство будущей Думы осталось прежнее, с его гибкой тактикой, которая не в состоянии добиться чего бы то ни было; желает ли он, чтобы будущая Дума лишь «повторяла» то, что говорила первая, или же она не должна ограничиваться пустым разговором и должна принятись за более действительные средства борьбы. Должна ли новая Дума «привести к тому политическому положению» момента июня и июля, который ни к каким результатам не привел, или же она должна сделать шаг вперед на пути действительной победы народа.

Этот вопрос должен служить нашей платформой избирательной борьбы. Необходимо создать вокруг кадетской партии атмосферу наибольшего недоверия в их способность добиться земли и воли; необходима энергичная безжалостная критика того способа борьбы, пассивного сопротивления, который они придумали в Гельсингфорсе, и раскрыть перед народом все бессилие, всю невыдержанность их методов борьбы.

Только при этом необходимом условии период второй Думы сделает шаг вперед в сравнении с периодом первой Думы».

Вчитываясь в эту статью, мы видим в ней довольно точное отражение взглядов бундовской делегации на последней всероссийской конференции РСДРП. Как известно, эта делегация голосовала, с одной стороны, вместе с меньшевиками, за допущение блоков с к.-д., а, с другой стороны, вместе с большевиками, за коренное исправление цеккистского «проекта избирательной платформы» (добавление лозунга республики, указания на восстание, точной характеристики партий, поправка в смысле более определенного выяснения классовой сущности с.-д. партии

и т. д.: смотри резолюцию конференции о «поправках» к платформе в № 8 «Пролетария»¹⁰⁹⁾.

Приведенная нами статья товарища М. потому и *кажется* такой большевистской статьей, что мы видим здесь одну только шуйцу Бунда, десница же скрывается в статьях, защищающих блоки с к.-д.

Во всяком случае бундовцы смотрят на блоки с к.-д. не по-меньшевистски. На их примере особенно рельефно оправдывается известное изречение: *Si duo faciunt idem, non est idem*, — «когда двое делают одно и то же, то это уже не есть то же». Между этими двумя есть известное различие, и это различие не может не проявиться на их способе делать то же, на их приемах, на результате их «делания того же» и т. д. Блоки с к.-д. у меньшевиков и блоки с к.-д. у бундовцев — не одно и то же. У меньшевиков блоки с к.-д. вполне вяжутся с их общей тактикой, — у бундовцев не вяжутся. И от этого получается то, что статьи, вроде приведенной, особенно отчетливо вскрывают непоследовательность, невыдержанность бундовцев, вчера проводивших бойкот, сегодня оправдывающих бойкот виттевской Думы и в то же время признающих допустимость блоков с к.-д. У меньшевиков блоки с к.-д. естественно и непринужденно выступают, как идейные блоки. У бундовцев эти блоки предназначаются на роль только «технических» блоков.

Но политика имеет свою объективную логику, независимую от предначертаний тех или иных лиц или партий. Бундовец предполагает, что блок будет только технический, а политические силы всей страны располагают так, что выходит блок идейный. После кадетских восторгов, вызванных меньшевистским решением конференции, после знаменитого, геростратовского, письма Плеханова в «Товарище» о «полновластной Думе», едва ли есть надобность доказывать это.

Вдумайтесь хорошенько в утверждение автора статьи: «Кадеты отлично понимают, что их сила покоится на почве конституционных иллюзий, а потому они всеми силами стараются привить избирателям» эти иллюзии.

«Сила кадетов покоится на почве конституционных иллюзий»... Верно ли это и что это собственно значит? Если это неверно, если сила кадетов основывается на том, что они выдающиеся представители буржуазной демо-

кратии в буржуазной российской революции, тогда верна общая тактическая линия меньшевизма, или с.-д. правого крыла. Если это верно, если сила к.-д. не в силе буржуазной демократии, а в силе *иллюзий* народа, тогда верна общая тактическая линия большевизма, или с.-д. левого крыла.

В буржуазной революции нельзя с.-д. не поддерживать буржуазной демократии, — таково основное положение Плеханова и его присных; и из этого положения *прямо и непосредственно* делают вывод о поддержке к.-д. А мы говорим: посылка верна, а вывод никуда не годен, ибо надо еще разобрать, какие партии или течения выражают собой в данный момент действительно *способную на борьбу силу* буржуазной демократии. И к.-д., и трудовики, и с.-р., — все это «буржуазная демократия», с точки зрения марксистского, т. е. единственно научного анализа. «Сила» к.-д. не есть боевая сила буржуазной народной массы (крестьянство, городское мещанство), не есть экономическая и денежная сила класса помещичьего (черносотенцы) и класса капиталистов (октябристы): это «сила» буржуазной интеллигенции, которая не есть *самостоятельный* экономический класс и не представляет поэтому никакой *самостоятельной* политической силы; это, значит, «сила» *узурпированная*, зависящая от влияния буржуазной интеллигенции на другие классы, поскольку они не успели еще выработать себе ясной самостоятельной политической идеологии, поскольку они подчиняются идейному руководству буржуазной интеллигенции; это прежде всего «сила» тех *ошибочных мнений* о сущности демократии и о способе борьбы за нее, мнений, которые в буржуазной массе народа проводятся и культивируются буржуазной интеллигенцией.

Отрицать это значит с ребяческой наивностью обольщаться звоном слов: «партия народной свободы», значит закрывать глаза на общеизвестные факты, что за кадетами не стоит ни масса, ни решающие величины помещичьего и капиталистического элементов.

Признать это значит признать *задачей дня* для рабочей партии борьбу с влиянием к.-д. на народ, — признать эту борьбу отнюдь не потому, чтобы мы мечтали о буржуазной революции без буржуазной демократии (нелепость, приписываемая нам с.-д-тами правого крыла), —

а потому, что к.-д. мешают развернуться и проявиться *действительной силе* буржуазной демократии.

В партию к.-д. входит меньшинство помещиков России (масса помещиков черносотенна), меньшинство капиталистов (масса их — октябристы). В нее входит большинство, масса только буржуазной интеллигенции. Отсюда соблазняющая политических младенцев и политически обессилевших старцев эффектность политики к.-д., их шум, треск, триумф дешевых успехов, их господство в либеральной журналистике, в буржуазной науке и пр. И отсюда же *дутость* этой партии, которая развращает народ предательской проповедью соглашения с монархией, — но не имеет никакой силы добиться на деле какого-нибудь соглашения.

К.-д. не буржуазная демократия, а воплощенное предательство буржуазной демократии, — точно так же, как французские, скажем, радикалы-социалисты или немецкие социал-либералы не интеллигентские социалисты, а воплощенное предательство социализма интеллигенцией. Поэтому поддержка буржуазной демократии требует разоблачения всей дутости квази-демократизма кадетов.

Поэтому величайший вред революции и делу рабочего класса приносят плехановцы, которые кричат нам неустанно: надо бороться с реакцией, а не с кадетами!

Любезные товарищи! В том-то и состоит ваше недомыслие, что вы не понимаете *значения* нашей борьбы с к.-д. В чем гвоздь и суть этой борьбы? В том ли, что к.-д. буржуа? Конечно, нет. В том, что к.-д. пустые болтуны о демократии, предатели борющейся демократии.

Теперь: влияют ли к.-д. на массу народа, на буржуазно-демократическую массу народа? Разумеется, и влияют крайне широко, массой газет и т. д. и т. д. Ну вот и смотрите: можно ли звать буржуазно-демократическую массу народа на борьбу с реакцией, *не разоблачая* теперешних идейных вождей этой массы, *вредящих* делу буржуазной демократии? Нельзя, любезные товарищи.

Бороться с реакцией значит прежде всего оторвать массы идейно от реакции. Но сила и живучесть идейного влияния «реакции» на массы заключается вовсе не в черносотенном, а *именно в кадетском влиянии*. Это не парадокс. Черносотенец — враг открытый и грубый, который может жечь, убивать, громить, но не может убеждать даже серого

мужика. А кадет *убеждает* и мужика, и мещанина и убеждает в чем? в том, что монарх безответственен, что возможно мирным путем (т. е. оставляя власть за монархией) добиться свободы, что выкуп, подстроенный помещиками, есть самая выгодная для крестьян передача им земли и т. д. и т. п.

Поэтому нельзя убедить в необходимости серьезной борьбы ни наивного мужика, ни наивного мещанина, не подорвав влияния на него кадетских фраз, кадетской идеологии. И кто говорит: «надо бороться с реакцией, а не с к.-д.», тот не понимает *идейных* задач борьбы, тот сводит суть борьбы не к убеждению масс, а к физическому воздействию, тот вульгарно понимает борьбу: дескать реакцию «бей», а кадета «бить» не стоит.

Конечно, бить с оружием в руках мы будем пока не кадета, и даже не октябриста, а *только* правительство и его прямых слуг, — и, когда мы действительно побьем их, кадет будет за деньги так же распинаться во имя республиканской демократии, как теперь он распинается (за профессорское 20-ое число, или за адвокатский гонорар) во имя монархической демократии. Но, чтобы на деле побить реакцию, надо освободить массы от идейного влияния кадетов, лживо представляющих этим массам задачи и суть борьбы с реакцией.

Вернемся к бундовцам. Неужели они могут не видеть теперь, что допущенные *ими* «технические» блоки с к.-д. *уже стали* на деле могучим орудием укрепления доверия к к.-д. (а не создания атмосферы недоверия) в народных массах? Только слепые могут не видеть этого. Идеальный блок всех меньшевиков с.-д., и бундовцев в том числе, с к.-д. есть факт, а статья вроде статьи товарища М. — хорошие, но невинные, платонические, мечтания.

ПОДДЕЛКА ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ДУМЫ И ЗАДАЧИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Царское правительство неуклонно продолжает «вести работу» по подделке Думы. Предостерегая доверчивых российских обывателей от увлечения конституционностью, мы писали еще до начала этой подделки (№ 5 «Пролетария», от 30 сентября 1906 г.), что готовится новый государственный переворот, именно: изменение избирательного закона 11-го декабря 1905 г. готовится *перед* второй Думой. «Несомненно, — писали мы тогда, — что правительство внимательнейшим образом изучает теперь» вопрос о том, «оставлять ли старый избирательный закон»*.

Да, правительство царя изучало, изучает, пожалуй, даже изучило уже этот вопрос. Изменить избирательный закон оно предпочло путем сенатских разъяснений. Теперь оно делает новые шаги по части стеснения свободы агитации (если можно *еще* стеснить российскую свободу) и подтасовки выборов. На-днях вышла *инструкция*, запрещающая выдачу бланков избирательных записок нелегализованным партиям. Закрытие газет становится все более военно-полевым. Аресты усиливаются. Производятся обыски и облавы с самой прозрачной целью раздобыть имена выборщиков и влиятельных избирателей, «убрать» тех и других. Одним словом, избирательная кампания в полном разгаре, — острит россиянин.

До какого предела дойдет правительство в своей военно-полевой подделке Думы, — этого знать никому не дано. Почему бы не арестовывать выборщиков и в день выборов и *после выборов?* В законе — держится еще в России

* См. настоящий том, стр. 182—183. Ред.

это глупое слово! — говорится о неприкосновенности депутатов Думы, но о неприкосновенности выборщиков нет и речи. Наша печать еще при выборах в первую Думу указывала на это обстоятельство. Тогда «Витте прозевал», — как думает черносотенная царская шайка, а на деле, тогда правительство было еще слишком слабо после декабрьского восстания, чтобы перейти к занятию следующей линии укреплений революции. Теперь контрреволюция собралась с силами и она поступает вполне правильно с своей точки зрения, ломая конституцию (которой могли верить только наивные кадеты). Люди реакции — не чета либеральным Балалайкиным. Они люди дела. Они видят и знают по опыту, что сама малейшая свобода в России ведет неизбежно к подъему революции. Они *вынуждены* поэтому идти все дальше и дальше назад, разрушать все больше и больше октябрьскую конституцию, задвигать все больше всякими заслонками приоткрытый было политический клапан.

Нужно все безграничное тупоумие российского кадета или беспартийно-прогрессивного интеллигента, чтобы вопить по этому поводу о безумии правительства и убеждать его встать на конституционный путь. Правительство *не может поступать иначе*, отстаивая царскую власть и помещичьи земли от прикрытого, придавленного, но не уничтоженного напора снизу. И мы скажем правительству: что ж! задвигайте ваши заслонки, затыкайте приоткрытые клапаны. Пока клапаны были приоткрыты, свежий воздух поддавал жару в котле. Когда вы клапаны закроете, — взрыв может получиться самый для нас желательный. Наше дело — воспользоваться пошпире перед массами народа превосходной столыпинской агитацией, превосходными столыпинскими разъяснениями «сущности конституции».

Но тут-то и выступает вся пропасть различия между тактикой либерально-монархической буржуазии и тактикой социалистического пролетариата. Социал-демократия проповедует борьбу, разъясняет народу на всех и всяческих уроках истории неизбежность борьбы, готовится к ней, отвечает на усиление реакции усилением революционной агитации. Либералы не могут проповедывать борьбы, ибо они боятся ее. На усиление реакции они отвечают развращающим сознание народа

конституционным хныканьем и — усилением своего оппортунизма. Либералы поступают так, как это изобразил метко и картинно трудовик Седельников на митинге 9-го мая в доме Паниной. Когда либерала обругают, он говорит: слава богу, что меня не ударили. Когда его ударят, он благодарит бога, что его не убили. Когда его убьют, он возблагодарит бога за то, что его бессмертную душу избавили от тленной земной оболочки.

Когда столыпинская черносотенная банда цыкнула на кадетов и открыла поход против их революционности, — кадеты завопили: неправда, мы не революционеры, мы — благонамеренные! Долой Выборгское воззвание, долой блоки с левыми, долой лозунг самого правого из правых с.-д., Плеханова, «полновластная Дума», долой вредные революционные иллюзии! Мы идем в Думу законодательствовать. Когда черносотенная шайка объявила, что кадетам, как партии нелегализованной, не дадут бланков избирательных записок, — кадеты возопили: это «меняет постановку вопроса о соглашениях» (передовица в «Речи» от 13 декабря)! Это «усиливает значение единственной зарегистрированной партии оппозиции, мирного обновления». «При соглашениях необходимо принять это во внимание!» А когда кадетского выборщика, ползком проползшего в мирнообновленческий список, потащат в участок, — кадеты возблагодарят бога за то, что у нас не отняли все же совсем конституции. Единственная вполне безопасная партия — октябристы, скажут тогда наши рыцари права, — и разве мы не говорили всегда, что стоим на почве манифеста 17-го октября?

Как думают об этом товарищи-меньшевики? Не следует ли поспешить созывом новой партийной конференции и объявить допустимыми соглашения с мирнообновленцами, а то и октябристами? Ведь они тоже хотят «полусвободы», как аргументирует сегодня 14 декабря переконфуженный Плеханов в газете бывших социал-демократов!

Вопрос о мирнообновленцах не случайно выплыл у кадетов. Он ставился и раньше, до инструкций о бланках избирательных записок. Даже левые кадеты «Товарища» (называемые некоторыми шутниками «почти-социалистами») еще в № от 5 декабря причисляли к прогрессивным партиям и мирнообновленцев, считая всего 6 прогрес-

сивных партий (к.-д., с.-д., с.-р., н.-с., п. д. р. и м. о.). В том же № «Товарища» бывшие социал-демократы обрушились своим страшным гневом на плакат о трех *главных* партиях, приложенный к № 8 «Пролетария»*. Это — «политическая недобросовестность», — вопили друзья Плеханова, относить Гейдена к черносотенцам!

Мы очень рады, что заставили ренегатов социал-демократии защищать вчерашнего октябриста, который после разгона Думы протестовал против Выборгского воззвания и разговаривал о министерстве со Столыпиным.

Только половчее надо бы защищать его, гг. сотрудники Плеханова! Все знают, что на первых выборах октябристы (Гейден и Шипов в том числе) бывали в блоке с черными. Вы готовы забыть это за перемену названия партии? Но на той же самой (4-ой) странице «Товарища» от 5 декабря читаем, что в союзе 17 окт. есть течение, стоящее за соглашение с партией м. о. и что это течение даже преобладает в петербургском отделении союза. А несколько ниже приводится известие, что «главная управа объединенного русского народа» допускает блок с октябристами, почему «Товарищ» и отказывается признать октябристов конституционалистами.

Не правда ли, хорошо? Октябристов мы отказываемся назвать конституционалистами за то, что черные допускают блок с ними. А мирнообновленцев мы называем прогрессивными, несмотря на то, что октябристы допускают блок с ними.

О, премудрые пескари пресловутой прогрессивной «интеллигенции»!

Защита интеллигентскими радикалами мирнообновленцев, поворот центрального органа партии к.-д. к мирному обновлению тотчас после инструкций о бланках, это все — типичные образчики либеральной тактики. Правительство шаг вправо, — а мы два шага вправо! Глядишь — мы опять легальны и мирны, тактичны и лояльны, приспособимся и без бланков, приспособимся всегда применительно к подлости!

Это кажется либеральной буржуазии реальной политикой. Этим ползучим реализмом (по прекрасному выражению одного с.-д.) они гордятся, считают его верхом

* См. настоящий том, стр. 292—297. *Ред.*

политической тактичности и дипломатически-мудрой тактики. На самом же деле это не только самая глупая и самая предательская, но и самая бесплодная тактика, благодаря которой немецкие кадеты, начиная от франкфуртских болтунов и кончая пресмыкающимися перед Бисмарком национал-либералами¹¹⁰, на полвека с лишним после буржуазной революции укрепили государственную власть в руках юнкеров (черносотенных помещиков, Дорреров, Булацелей, Пуришкевичей, — говоря по-русски) и в руках «обшитога парламентскими формами военного абсолютизма»¹¹¹.

Пора бы понять и нашим меньшевикам, пленяющимся этой политикой кадетов и перенимающим ее, что единственно реальна в хорошем, а не пошлом смысле слова, политика революционного марксизма. На ухищрения и повороты реакции отвечать надо не приспособлением вправо, а углублением и расширением революционной проповеди в пролетарских массах, развитием духа революционной классовой борьбы и революционных классовых организаций. Этим и только этим вы укрепляете силу единственных борцов против реакции при всех и всяческих поворотах и ухищрениях ее. Отвечая же на черносотенные проделки правительства приспособлениями своей тактики вправо, вы раздробляете и ослабляете этим единственную, способную на борьбу силу, силу революционных классов, вы засоряете их революционное самосознание мишурой политиканских «маневров».

Меньшевики сначала были против соглашений с кадетами. Соглашения осудил Мартов. Их с негодованием отверг Ю. Ларин. Не одобрял их даже Ник. И-ский¹¹². Под влиянием сенатских разъяснений (наших реакционных сенатов в Женеве и в Питере) Мартов и К^о приспособились вправо. Они за блоки с кадетами, но не правее кадетов, боже упаси! С «оппозиционно-демократическими партиями» (резолуция Всероссийской конференции, принятая 18-ью против 14, по предложению ЦК) — не правее того!

Но вот кадеты повертывают к мирнообновленцам. И вы тоже, товарищи меньшевики? В ответ на сенатские разъяснения — блоки с к.-д., в ответ на изъятие бланков — блоки с м. о.? Что же будете вы делать в ответ на аресты выборщиков??

Ваш отказ от действительно революционной проповеди в массах есть уже факт. Вы уже не боретесь с иллюзиями мирного пути и с носителями этих иллюзий, кадетами. Вы только и заняты черносотенной опасностью. А ваши «тонкие маневры» общих списков с к.-д. построены на песке. Реальное содержание революционной социал-демократической работы в массах вы ослабляете, а выигрыш от политиканства достанется не вам, — может быть, даже не кадетам, — может быть, даже не мирнообновленцам, а октябристам! На подделку Думы вы отвечаете подделкой революционно-социал-демократической тактики — ни Думы вы этим не улучшите, ни социализма не укрепите, ни революции не двинете.

Политика беспринципного практицизма есть самая непрактичная политика.

На подделку Думы рабочий класс должен ответить не притуплением, а обострением своей революционной агитации, отделением от жалких предателей кадетов в своей избирательной кампании.

Написано 14 (27) декабря 1906 г.

*Напечатано 20 декабря 1906 г.
в газете «Пролетарий» № 10*

Печатается по тексту газеты

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО КЛАССА¹¹³

После разгона Думы правительство сдерживало возмущение страны только посредством военного террора. Усиленные и чрезвычайные охраны, аресты без конца, военно-полевые суды, карательные экспедиции, все это, вместе взятое, нельзя назвать иначе, как военным террором.

Правительство испытывало свою силу на этом военном подавлении освободительного движения. Хватит силы, — вовсе не созовем Думы, сразу удовлетворим желания союза русского народа и тому подобных «истинно-русских» партий черносотенцев. Нехватит силы, — созовем еще раз, попытаемся переделать избирательный закон, попытаемся обеспечить черносотенную Думу или укротить кадетскую Думу. Так рассуждало правительство.

Военной силы беспощадного подавления хватило до сих пор, по крайней мере, только на то, чтобы посредством сенатских разъяснений отнять, вопреки закону, избирательное право у тысяч и десятков тысяч рабочих, немущих крестьян, железнодорожников. Финансовые затруднения правительства чрезвычайно усилились. Займа пока не удастся добыть. Грозит неминуемое банкротство. Внутри страны правительство не может опереться ни на одну партию, колеблясь между шайками хулиганов (истинно-русские люди) и октябристами. Вполне спеться оно не могло даже и с октябристами.

При таких условиях начинается избирательная кампания во вторую Думу. Обыватель запуган. На него удручающе повлияли военно-полевые суды. Он находится под впечатлением правительственного хвостовства, что Дума

ТЕРНИИ ТРУДА

24 декабря 1906 года.

КОНТОРА и РЕДАКЦИЯ: Николаевская ул., кв. 34.

Прiemъ по дѣламъ редакціи по средамъ и субботамъ отъ 3 до 5 час. дня.

Политическое положеніе и задачи рабочаго класса.

Послѣ разгона Думы правительство сдерживало возмущеніе страны только посредствомъ военнаго террора. Усиленные и чрезвычайныя охраны, аресты безъ воцѣ, военно-полевые суды, карательныя экспедиціи, все это, выйдя взятое, нельзя назвать иначе, какъ военный терроръ.

Правительство испытывало свою силу на этомъ военномъ подавленіи освободительнаго движенія. Ходить силы,—вопрос не созовемъ Думы, сразу удовлетворимъ желанія союза русскаго народа и тому подобныя «истинно-русскія» партіи черносотенцевъ. Не хватить силы,—созовемъ еще разъ, попытаемся, передать избирательный законъ, попытаемся обезпечить черносотенную Думу или укротить кадетскую Думу, такъ разсуждало правительство.

Военной силой безъ маловаго подавленія хватило до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, только на то, чтобы посредствомъ сенатскихъ разсуденій отнять, вопреки закону, избирательное право у тысячъ и десятковъ тысячъ рабочихъ, немущихъ крестьянъ, жезлоно-дорожниковъ. Финансовыя затрудненія правительства чрезвычайно усилились. Вѣрныя помы не удастся добыть. Грохотъ помянуемаго банкротства. Внутри страны правительство не можетъ опереться ни на одну партію, колеблется между шайнами хулигановъ (истинно-русские люди) и октябристами. Ниодинъ союзъ оно не могло даже и съ октябристами.

При такихъ условіяхъ начинается избирательная кампанія во вторую Думу. Обыватель залукалъ. На него урочающе попиали военно-полевые суды. Онъ находится подъ впечатлѣніемъ правительственнаго хвостовства, что Дума будетъ послушной. Онъ поддается настроенію и готовъ простить всѣ ошибки кадетамъ, готовъ выростить за борть все то, чему научна его перьял Дума и голосовать за кадета, лишь бы не прошель черносотенцы.

Со стороны обывателя такое поведеніе вѣроятно. Обыватель никогда не руководится твердыми миро-созерцаніемъ, принятыми цѣлями партійной тактики. Онъ всегда плыветъ по теченію, какою отда-

вался настроенію. Онъ не можетъ разсуждать иначе, какъ притягивающаяся черной сотаѣ самую скропную изъ оппозиціонныхъ партій. Онъ не въ состояніи самостоятельно облумать опытъ первой Думы.

Но то, что естественно для обывателя, неспростительно для партійнаго челоуѣка и совсѣмъ уже неспростимо для социалдемократа. Присаушайтесь, съ гонимъ дѣлъ, въ докладахъ тѣхъ социалдемократовъ, которые зовутъ социалистичъ рабочимъ *голосованіемъ за кадетами* (все равно, за оныхъ ли только надеются тамъ, гдѣ социалдемократы отказались вѣсно выставлять своего кандидата, или за кадета выйдѣ съ социалдемократомъ, гдѣ есть общій списокъ). Выйдѣ доводитъ вы услышите единъ только припѣвъ, одинъ крикъ страха и отчаянія: какъ бы не прошли черносотенцы! Голосуйте всѣ за кадетами! Составляйте общіе списки съ кадетами! λ

Социалдемократъ, членъ рабочей партіи, не можетъ впускаться до такой обывательщины. Онъ долженъ дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какия действительныя общественныя силы ведутъ борьбу, каково действительное значеніе имѣетъ Дума вообще и господствующая въ первой Думѣ партія кадетовъ въ особенности. Кто разсуждаетъ о современной политикѣ пролетаріата, не облумавъ всѣхъ этихъ вопросовъ, тотъ никогда не можетъ прийти въ сколько-нибудь вѣрныя выволамы.

За что вѣдетъ теперь борьба въ Россіи? За свободу т. е. за власть народныхъ представителей въ государствахъ, а не стараго правительства. За землю для крестьянъ. Правительство всѣми силами борется противъ этихъ стремленій, отпавиваетъ свою власть, свою землю (ибо самыя богатые помѣшчыя принадлежатъ къ числу самыхъ знатныхъ и кадеты высокопоставленныхъ лицъ въ государствахъ). Правительство имѣетъ противъ себя рабочихъ и массу крестьянской бѣдности, а также, разумеется, и городской бѣдности, но въ чемъ говорить отхлѣвно, ибо у нея нѣтъ особыхъ интересовъ въ отличіе отъ основныхъ интересовъ пролетаріата и крестьянства.

Какъ относятся къ борьбѣ выйдѣ классы, помѣшчыи и буржуазія? Сначала, до 17-го октября, большая часть ихъ были либералы, т. е. сочувствовали свободѣ, даже помогали такъ или иначе борьбѣ рабочихъ. Буржуазія была недовольна самодержавнымъ порядкомъ управленія и требовала себѣ такъ

Первая страница еженедельника «Тернии Труда» № 1, 24 декабря 1906 г. с передовой статьей В. И. Ленина «Политическое положение и задачи рабочаго класса»

Уменьшено

будет послушной. Он поддается настроению и готов простить все ошибки кадетам, готов выбросить за борт все то, чему научила его первая Дума, и голосовать за кадета, лишь бы не прошел черносотенец.

Со стороны обывателя такое поведение понятно. Обыватель никогда не руководится твердым мирозерцанием, принципами цельной партийной тактики. Он всегда плывет по течению, слепо отдаваясь настроению. Он не может рассуждать иначе, как противопоставляя черной сотне самую скромную из оппозиционных партий. Он не в состоянии самостоятельно обдумать опыт первой Думы.

Но то, что естественно для обывателя, непростительно для партийного человека и совсем уже неприлично для социал-демократа. Прислушайтесь, в самом деле, к доводам тех социал-демократов, которые зовут социалистов рабочих *голосовать за кадетов* (все равно, за одних ли только кадетов там, где социал-демократы отказались вовсе выставлять своего кандидата, или за кадета вместе с социал-демократом, где есть общий список). Вместо доводов вы услышите один только припев, один крик страха и отчаяния: как бы не прошли черносотенцы! голосуйте все за кадетов! составляйте общие списки с кадетами!

Социал-демократ, член рабочей партии, не может опустаться до такой обывательщины. Он должен дать себе ясный отчет в том, какие действительные общественные силы ведут борьбу, какое действительное значение имеет Дума вообще и господствовавшая в первой Думе партия кадетов в особенности. Кто рассуждает о современной политике пролетариата, не обдумав всех этих вопросов, тот никогда не может прийти к сколько-нибудь верным выводам.

За что идет теперь борьба в России? За свободу, т. е. за власть народных представителей в государстве, а не старого правительства. За землю для крестьян. Правительство всеми силами борется против этих стремлений, отстаивает свою власть, свою землю (ибо самые богатые помещики принадлежат к числу самых знатных и наиболее высокопоставленных лиц в государстве). Правительство имеет против себя рабочих и массу крестьянской бедноты, а также, разумеется, и городской бедноты, о которой не к чему говорить отдельно, ибо у нее нет особых интересов в отличие от основных интересов пролетариата и крестьянства.

Как относятся к борьбе высшие классы, помещики и буржуазия? Сначала, до 17-го октября, большая часть их были либеральны, т. е. сочувствовали свободе, даже помогали так или иначе борьбе рабочих. Буржуазия была недовольна самодержавным порядком управления и требовала себе тоже участия в государственных делах. Буржуазия называла себя демократичной, т. е. стоящей за народную свободу, чтобы найти поддержку в народе своим стремлениям. Но после 17-го октября буржуазия удовлетворилась тем, что получено, т. е. участием помещиков и капиталистов в государственных делах и обещаниями свободы со стороны уцелевшей старой власти. Буржуазия испугалась самостоятельной борьбы пролетариата и крестьянства, провозгласив: довольно революции!

До 17-го октября была одна широкая либерально-буржуазная партия земцев, собиравшихся на свои знаменитые полулегальные съезды и издававших за границей журнал «Освобождение». После 17-го октября участники земских съездов раскололись: дельцы-капиталисты и более крупные или по-крепостнически хозяйничающие помещики ушли в партию октябристов, т. е. прямо перешли на сторону правительства. Другая часть, в особенности адвокаты, профессора и прочая буржуазная интеллигенция образовали партию к.-д. (конституционалистов-демократов). Эта партия тоже повернула против революции, тоже испугалась рабочей борьбы, тоже провозгласила: довольно! Но она хотела и хочет прекратить борьбу более тонкими средствами, маленькими уступками народу, выкупом для крестьян и т. п. Партия кадетов обещала народу свободу и крестьянам землю, если народ будет выбирать кадетов в Думу. Социал-демократы понимали, что это обман народа, и потому бойкотировали Думу. Но темные крестьяне и запуганные обыватели провели все же кадетов в Думу. Кадеты, вместо борьбы за свободу, стали из Думы звать народ к успокоению, а сами добиваться назначения их в царские министры. И Думу разогнали за негодные речи, за то, что социал-демократы и более смелые депутаты обращались к народу с думской трибуны и звали его на борьбу.

Теперь даже самые слепые или темные люди должны понять, какова партия кадетов. Это партия не народных

борцов, а буржуазных ходатаев, посредников-торгашей. Только тогда рабочие и сознательные крестьяне в состоянии будут добиться своих целей, когда масса перестанет верить в партию к.-д., когда масса поймет необходимость самостоятельной борьбы. Поэтому голосовать за кадетов и проповедывать такое голосование значит ослаблять сознание масс, их сплоченность и готовность к борьбе.

Перед сознательными рабочими встает теперь совсем иная задача. Против обывательской растерянности и безидейности они должны выступить с последовательной, выдержанной, стройной, социалистической проповедью в избирательной кампании.

Ближайшая задача сознательных рабочих разъяснить всей массе пролетариата и всем передовым представителям крестьянства, какова действительная борьба, каково действительное положение разных классов в этой борьбе.

Рабочие больше всех классов пошли вперед за время нашей революции. Они все в массе тянут теперь к социал-демократии. Здесь более усиленная, более широкая работа, конечно, необходима, но она уже направляется по торному пути. Всего важнее и всего труднее работа в крестьянстве. Крестьяне, это класс мелких хозяйчиков. Класс этот поставлен в гораздо менее выгодные условия борьбы за свободу и борьбы за социализм, чем рабочие. Крестьяне не объединены вместе крупными предприятиями, а раздроблены мелким, обособленным хозяйничаньем. Крестьяне не видят перед собой такого открытого, явного, единого врага, как рабочие — капиталиста. Крестьяне сами отчасти хозяева и собственники; поэтому они всегда тянутся за буржуазией, хотят подражать ей, мечтают о развитии и укреплении своей мелкой собственности, а не об общей борьбе рабочего класса с классом капиталистов.

Вот почему вся масса крестьянской бедноты всегда и во всех странах оказывалась менее устойчивой в борьбе за свободу и за социализм, чем рабочие. Вот почему и у нас в России крестьянские депутаты в Думе, трудовики, не сумели еще, несмотря на все уроки кадетского предательства, отделаться от влияния либеральной буржуазии, от ее взглядов, от ее предрассудков, от ее приемов в политике, — приемов, якобы хитрых, тонких, состоящих из красивых «маневров», а на деле глупых, праздных и позорных для всякого истинного борца.

Сознательные рабочие! Пользуйтесь избирательной кампанией, чтобы вполне раскрыть глаза народу! Не поддавайтесь убеждениям тех благомыслящих, но слабых и неустойчивых людей, которые зовут вас к составлению общих списков с кадетами, к затемнению сознания масс посредством общих лозунгов с кадетами. Относитесь критически к ходячим крикам, воплям и страхам насчет черносотенной опасности. Действительная и коренная опасность для русской революции, это — неразвитость массы крестьянства, нестойкость его в борьбе, непонимание им всей пустоты и всего предательства буржуазного либерализма. Боритесь с этой опасностью, говорите всю правду открыто и до конца всей народной массе, этим вы отвлекете ее от пустозвонов кадетов и привлечете к поддержке социал-демократии. Этим и только этим вы можете побороть действительную черносотенную опасность. И никакие сенатские разъяснения, никакие казни, никакие аресты не отнимут у народа *такой* работы, работы повышения гражданского и классового сознания масс, работы по организации их во имя самостоятельных, а не либерально-буржуазных задач борьбы.

Напечатано 24 декабря 1906 г.
в еженедельнике «Гернии Труда» № 1

Печатается по тексту
еженедельника

Первая страница
рукописи В. И. Ленина:
«Задачи рабочей партии
и крестьянство». — 1906 г

Уменьшено

ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ И КРЕСТЬЯНСТВО¹¹⁴

Поволжье — один из крупных центров крестьянского движения. В Поволжье перед рабочей партией особенно настойчиво выдвигается задача: вести самостоятельную классовую политику пролетариата, постоянно разъясняя при этом крестьянской массе, что она может добиться земли и свободы только порывая с своими обычными вожжами из либеральных помещиков-кадетов, только примыкая к революционному пролетариату.

Именно этой задаче должна быть всецело подчинена и избирательная кампания рабочей партии. Именно вследствие этого особенно вредны в Поволжье блоки с кадетами, недопустимые вообще в силу всей принципиальной позиции социал-демократии, как партии ведущего классовую борьбу пролетариата. Чтобы нагляднее показать это, возьмем в пример одного крестьянского депутата от Поволжья в первой Думе. Депутат этот — г. И. Жилкин, трудовик, выбранный от Саратовской губернии.

Теперь трудовик Жилкин пишет в питерской кадетской газете «Товарищ» и защищает блоки с кадетами. Посмотрите же, как он защищает эти блоки. В «Товарище» от 17-го декабря он рассказывает про выборы в первую Думу по Саратовской губернии. Крестьяне выбирали своих людей, не доверяя по инстинкту — верному инстинкту трудящихся и эксплуатируемых — не доверяя либеральному помещику и буржуазному адвокату. В губернии, когда съехались для выбора депутатов в Думу все выборщики, крестьяне составили около двух пятых всего числа выборщиков.

(Напомним, что все число выборщиков по Саратовской губернии — 150. Из них 64 от крестьян, 51 от землевладельцев и 35 от горожан. Г. Жилкин дает цифру 152 выборщика, прибавляя, может быть, рабочую курию.)

Крестьянские выборщики столкнулись в губернии с «видными» кадетами, вроде «прикосновенного к центральному комитету кадетской партии» г. Н. Н. Львова. Среди выборщиков от уездных городов проявились люди левее кадетов. И очень быстро, почти сам собою образовался левый блок, «союз трудящихся», зародыш будущей Трудовой группы в Думе.

Начался торг с кадетами за места в Думе. Кадеты требовали $\frac{2}{3}$ мест для к.-д., «трудящиеся» для себя. Не сошлись. Кадеты не верили в силу и сплоченность союза трудящихся. На последнем предвыборном собрании оказалось однако, что из 152 голосов кандидаты союза получили от 78 до 89 голосов. «Главные кандидаты кадетов получили от 50 до 67».

Тогда кадеты сдались. Они согласились на то, чтобы от их партии было меньшинство в Думе. «Комитет союза трудящихся согласился провести двух кандидатов кадетского флага: Н. Н. Львова и С. А. Котляревского. И характерно, — пишет г. Жилкин, — что эти кандидаты, только что получившие по занискам 59 и 67 голосов, получили при баллотировке 111».

Да, это очень и очень характерно. Только трудовик Жилкин не понимает, к сожалению, значения сообщаемых им фактов.

Подумайте только: левый союз трудящихся, располагая 78—89 голосами из 152, т. е. большинством, провел в Думу Н. Н. Львова. И поэтому г. Жилкин, трудовик, защищает блоки с кадетами.

Знаете ли вы, рабочие и крестьяне, кто такой Н. Н. Львов? Это — помещик, один из основателей «союза освобождения», т. е. один из основателей кадетской партии. Он семь лет прослужил предводителем дворянства. В Думе он принадлежал к самым правым кадетам. Другими словами, он не только боролся против рабочих депутатов с.-д. и против трудовиков, он находил даже, что вся кадетская партия идет слишком далеко влево! Он находил, что кадетские каторжные законы о собраниях и печати слишком либеральны, что разорительный выкуп,

который предлагали крестьянам кадетские помещики, есть слишком щедрая для крестьян реформа. Кадеты хотели продать землю крестьянам по справедливой оценке с тем, чтобы производили эту справедливую оценку представители от крестьян в равном числе с представителями от помещиков и с прибавлением представителей от правительства. Один крестьянин, один помещик, один полицейский чин, — неправда ли, как хороша была кадетская справедливость? Для господина помещика Львова это казалось чересчур либеральным. Господин помещик хотел бы, видимо, чтобы полицейских было побольше в местных земельных комитетах.

И поэтому г. Львов держал в Думе речи *против* крестьянского требования земли. Г. Львов во время Думы забегал с заднего крыльца к власти имущим, чтобы поторговаться о министерских местечках для либеральных помещиков на условии «обуздания» трудовиков и социал-демократов в Думе. Вот каков либеральный помещик Львов, проведенный в Думу трудовиками. И после разгона Думы помещик Львов разговаривал со Столыпиным о вступлении в его министерство!!

Чтобы свободнее разговаривать со Столыпиным, Львов ушел от кадетов и образовал партию мирного ограбления. *С этой партией кадеты вступают теперь в блоки.* Эту партию газета «Товарищ», где пишет г. Жилкин, называет прогрессивной, а не черносотенной!

Но вам важно то, что Львов был кадетом, когда проходил в Думу. Важно то, что кадет помещик самым подлым образом изменил крестьянам, борясь против их требований в Думе, торгуясь о министерском местечке даже после разгона Думы с людьми, которые расстреливали и избивали крестьян массами.

Вот каких кадетов-помещиков провели трудовики в Думу!

Допустим, что г. Жилкин и другие трудовики не знали тогда, какая птица Львов. Допустим, что г. Жилкин и К^о *ошиблись*. За ошибку нельзя судить.

Хорошо. Ну а теперь, может г. Жилкин не знать того, как кадетские помещики вроде Львова переменяются от «народной свободы» к столыпинскому военно-полевому министерству? Г. Жилкин знает это и *все-таки* советует трудовикам и рабочим с.-д. блоки с партией либеральных помещиков и буржуазных адвокатов, с партией к.-д.

Львов — образец предателя кадета, образец помещицкой партии либералов.

Жилкин — образец несознательного и неустойчивого трудовика, который тащится в хвосте у «либеральных» помещиков, не умея открыть глаза крестьянину, не умея победить, даже будучи в большинстве, не умея звать крестьянина на самостоятельную борьбу.

Пусть же все сознательные рабочие, все социал-демократы Поволжья учат народ на примере Львова и Жилкина.

Рабочие! Хотите ли вы помогать проводить в Думу кадетов вроде помещика Львова, который сегодня ораторствует о народной свободе, а завтра переметывается на сторону Столыпина?

Если вы не хотите этого, отвергайте всякие блоки с кадетами, с этой партией «либеральных» помещиков. Зовите крестьян поддерживать рабочую с.-д. партию, а не партию к.-д.

Крестьяне! Хотите ли вы еще раз проводить в Думу «либеральных» помещиков, вроде кадета Львова, который перед Думой сулил вам молочные реки и кисельные берега, а в Думе предлагал справедливую оценку помещицкой земли через посредство назначенных помещицким правительством чиновников? Хотите ли вы доверить защиту крестьянских требований либеральным помещикам или буржуазным адвокатам?

Если вы не хотите этого, голосуйте за социал-демократов, т. е. за рабочую партию. Нигде в мире с.-д. рабочая партия не изменяла интересам разоренного, нуждающегося, трудящегося и эксплуатируемого крестьянства. Везде во всем мире либеральная буржуазия так же обманывала борющихся за землю и за свободу крестьян, как обманывают их у нас кадеты Львовы.

Нет и быть не может иного средства против неустойчивости трудовиков, кроме крепкой, сознательной, не отступающей от классовой точки зрения рабочей партии. Крестьяне могут добиться земли и свободы, только идя рука об руку с сознательными рабочими.

28 декабря 1906 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ
К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ БРОШЮРЫ:
«В. ЛИБКНЕХТ. НИКАКИХ КОМПРОМИССОВ,
НИКАКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ!»

Брошюра Либкнехта, предлагаемая в переводе русскому читателю, имеет особый интерес в настоящее время, накануне выборов во вторую Думу, когда вопрос об избирательных соглашениях живо интересуется и рабочую партию и общественное мнение либеральной буржуазии.

Мы не будем здесь останавливаться на общем значении брошюры Либкнехта. Читателю необходимо обратиться к сочинению Фр. Меринга об истории германской социал-демократии и к ряду других произведений наших немецких товарищей, чтобы ясно представить себе это значение и понять правильно отдельные места брошюры, допускающие кривотолки, если взять их вне той обстановки, когда и как они были сказаны.

Нам важно отметить здесь *приемы* рассуждения Либкнехта. Важно показать, как он *подходил* к вопросу о соглашениях, чтобы помочь русскому читателю самостоятельно подойти к разрешению интересующего нас вопроса о блоках с кадетами.

Либкнехт несколько не отрицает того, что соглашения с буржуазно-оппозиционными партиями «полезны» — и с точки зрения «парламентских мандатов», и с точки зрения привлечения «союзника» (якобы союзника) против общего врага, реакции. Но в том и обнаруживается действительно политический ум и испытанный социал-демократизм ветерана германских социалистов, что он *не ограничивается* этими соображениями. Он разбирает, не является ли «союзник» скрытым врагом, которого особенно опасно пустить в свои ряды? борется ли действительно и как борется этот союзник против общего

врага? не связана ли полезность соглашений, с точки зрения увеличения числа парламентских мандатов, с вредом в отношении более длительных и более глубоких задач пролетарской партии?

Возьмем хоть эти три, намеченные мною сейчас, вопроса и посмотрим, *понимает ли* значение их такой, напр., защитник соглашений русских с.-д. с кадетами, как Плеханов. Мы увидим, что Плеханов ставит вопрос о соглашениях невероятно узко. Кадеты хотят бороться с реакцией, значит... соглашения с кадетами! Дальше этого Плеханов не идет, дальнейший разбор вопроса кажется ему доктринерством. Неудивительно, что социал-демократ, настолько забывший требования социал-демократической политики, оказался в соседстве и сотрудничестве с ренегатами социал-демократии, каковы гг. Прокоповичи и прочие публицисты «Товарища». Неудивительно, что даже принципиальные единомышленники такого с.-д., меньшевики, либо смущенно молчат, не смея громко сказать того, что они думают о Плеханове, и отрекаясь от него на рабочих собраниях, либо прямо смеются над ним, как бундовцы в «*Volkszeitung*»* и в «Нашей Трибуне»¹¹⁵.

Либкнехт учит нас тому, что в каждом союзнике из буржуазии социал-демократ должен уметь открыть его опасные стороны и не скрывать их. А у нас меньшевики кричат о том, что не с кадетами надо бороться, а с черносотенной опасностью! Как полезно было бы для таких людей вдуматься в слова Либкнехта: «Глупые и жестокие насилия полицейских политиков, посягательства закона против социалистов — каторжного закона, закона против партий, проповедующих переворот, могут в нас вызвать чувство презрительного сожаления, — но врага, который протягивает нам руку для избирательного соглашения и втирается к нам, как друг и брат, — такого врага и только такого мы должны бояться».

Вы видите: насилия полицейских, черносотенные законы имеет в виду и Либкнехт. И тем не менее он смело говорит рабочим: не этого врага, а избирательного соглашения с лже-другом надо бояться. Почему так думал Либкнехт? Потому, что он всегда считал силу борцов действительной силой только тогда, когда это есть сила

* — «Народная Газета». Ред.

сознательных рабочих масс. А сознательность масс не развращают насилия и каторжные законы, — ее развращают *лиже-друзья* рабочих, либеральные буржуа, *отвлекающие* массы от настоящей борьбы посредством пустых фраз о борьбе. Наши меньшевики и Плеханов не понимают, что борьба с кадетами есть борьба за освобождение сознания рабочих масс от лживых кадетских мыслей и предрассудков насчет соединения народной свободы со старой властью.

Либкнехт настолько резко подчеркивал эту большую опасность ложных друзей по сравнению с прямыми врагами, что говорил: «введение нового закона против социалистов было бы меньшим злом, чем затушевыванье классовой противоположности и партийных границ, благодаря избирательным соглашениям».

Переведите эту фразу Либкнехта на язык русской политики в конце 1906 года: «черносотенная Дума была бы меньшим злом, чем затушевыванье классовой противоположности и партийных границ, благодаря избирательным соглашениям с кадетами». Какой дикий вопль подняли бы против Либкнехта за такую фразу перебежавшие от социализма к либералам писатели «Товарища» и подобных газет! Как часто слышали мы на рабочих собраниях и со страниц меньшевистских изданий такие же «осуждения» большевиков за подобные мысли, какие выпали на долю Либкнехта (стр. 54 предлагаемой брошюры). Но большевики так же мало испугаются этих воплей и этих осуждений, как мало испугался их Либкнехт. Только плохие социал-демократы способны пренебрежительно говорить о том вреде, который приносят рабочим массам присосеживающиеся к ним посредством избирательных соглашений либеральные предатели народной свободы.

Кстати об этом предательстве либерализма. Наши оппортунисты, Плеханов в том числе, кричат: бестактно говорить у нас и теперь о предательстве либерализма. Плеханов написал даже целую брошюру, чтобы поучить бестактных социалистов-рабочих вежливому обращению с кадетами. До какой степени неоригинальны плехановские мысли, до какой степени затасканы еще немецкими либеральными буржуа плехановские фразы, это яснее всего показывает брошюра Либкнехта. Оказывается, что Плеханов «козырял» против революционных социал-демократов *той самой* детской сказкой о волке и пастухе,

которую пробовали немецкие оппортунисты запугать и Либкнехта: дескать, вы так приучите всех слышать ваши крики: «волк! волк!», что, когда придет волк, вам не поверит никто. Метко ответил Либкнехт немецким многочисленным единомышленникам теперешнего Плеханова: «во всяком случае интересы партии охраняются осмотрительными людьми не хуже, чем зубоскалами».

Возьмем второй намеченный нами вопрос: борется ли действительно наша либеральная буржуазия, т. е. кадеты, против черносотенной опасности и как борется? Плеханов не умеет ни поставить этого вопроса, ни разрешить его посредством внимательного разбора политики кадетов в революционной России. Из «общего понятия» о буржуазной революции Плеханов, нарушая азбуку марксизма, выводит конкретное отношение русских с.-д. к кадетам, вместо того, чтобы из изучения реальных особенностей русской буржуазной революции выводить общее понятие о взаимоотношении буржуазии, пролетариата и крестьянства в современной России.

Либкнехт учит нас рассуждать иначе. Когда ему говорили о борьбе либеральной буржуазии с реакцией, он отвечал разбором того, *как* она боролась. И он показывал — в предлагаемой брошюре и во многих других статьях — что немецкие либералы (совсем как наши кадеты) «предают свободу», что они сближаются с «юнкерами (помещиками) и духовенством», что они не сумели быть революционными в революционную эпоху.

«С того момента, — говорит Либкнехт, — когда пролетариат начинает выступать, как класс, обособившийся от буржуазии и по своим интересам враждебный ей, *буржуазия перестает быть демократической*».

А наши оппортунисты, точно в насмешку над правдой, величают кадетов (даже в резолюциях партийных с.-д. конференций) демократами, хотя кадеты отрицают демократизм в своей программе, признают верхнюю палату и т. п., хотя они предлагали в Государственной думе каторжные законы против собраний и боролись против образования без разрешения начальства местных земельных комитетов на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования!

Либкнехт вполне справедливо осуждал употребление слова революция, как пустой фразы. Когда он говорил

о революции, он действительно верил в нее, — он действительно разбирал все вопросы и все шаги тактики не только с точки зрения интересов минуты, а с точки зрения коренных интересов всей революции. Либкнехту случалось, как и русским революционным с.-д., переживать тяжелые переходы от непосредственно-революционной борьбы к убогой, гнусной, подло-черносотенной конституции. Либкнехт умел приспособляться к этим тяжелым переходам, умел работать для пролетариата на всякой, даже самой худой, почве. Но он не ликовал при этом, переходя от борьбы против подлой конституции к работе на почве этой конституции, не хихикал над теми, кто *все* сделал, чтобы не допустить *появления* на свет подобной «конституции». «Осторожность» Либкнехт видел не в том, чтобы поскорее лягнуть ногой падающую (хотя бы временно падающую) революцию, чтобы поскорее приспособиться к куцей конституции. Нет, старый ветеран революции видел «осторожность» пролетарского вождя в том, чтобы позже всех малодушных и трусливых буржуа переходить на почву «приспособления» к тому, что рождается из временных поражений революции. «Практическая политика — говорит Либкнехт — принуждала нас приспособляться к учреждениям того общества, в котором мы живем; но каждый новый шаг по пути приспособления к современному общественному порядку давался нам с трудом и делался *лишь с большой осторожностью*. Это вызывало не мало насмешек с разных сторон. *Но тот, кто боится вступить на эту покатуную плоскость, во всяком случае более надежный товарищ, чем тот, кто смеется над нашей осторожностью*».

Запомните эти золотые слова, товарищи-рабочие, бойкотировавшие виттевскую Думу. Вспоминайте почаще эти слова, когда жалкие педанты будут смеяться перед вами над бойкотом Думы, забывая, что под знаменем бойкота булыгинской Думы разгорелось первое (и до сих пор единственное, — но, мы уверены, не последнее) народное движение против *подобных* учреждений. Пусть предатели кадеты гордятся тем, что они раньше всех согласились добровольно ползти на брюхе под законами контрреволюции. Сознательный пролетариат будет гордиться тем, что он дольше всех стоял с высоко поднятым знаменем и шел в открытый бой, — гордиться тем, что он падал

только под тяжелыми ударами в битве, что он дольше всех делал попытки и звал народ подняться еще раз, ринуться массой и задушить врага.

* *
*

Перейдем, наконец, к третьему и последнему из намеченных нами вопросов. Не вредят ли соглашения на выборах тому, что нам особенно дорого: «чистоте принципов» социал-демократизма? Увы! На этот вопрос русская политическая действительность уже дала ответ, — ответ фактами, вызывающими краску стыда у сознательных рабочих.

Меньшевики уверяли в резолюциях, клялись и божились на собраниях, что они идут только на технические соглашения, что они продолжают идейную борьбу с кадетами, что они ни за что, ни за что не уступят ни на волос своей социал-демократической позиции, своих чисто пролетарских лозунгов.

И что же? Никто иной, как Плеханов, отправился в переднюю кадетских газет, чтобы преподнести народу «средний» лозунг, и не кадетский и не социал-демократический, всем приятный, ни для кого не обидный: «полновластная Дума». Нужды нет, что этот лозунг прямо обманывает народ, засоряет ему глаза, — лишь бы соглашение было с либеральными помещиками! Но кадеты презрительно прогнали Плеханова, социал-демократы отвернулись от него, одни смущенно, другие с негодованием. Он остался теперь один и изливает свою злобу, браня большевиков за «бланкизм», публицистов «Товарища» за «нескромность», меньшевиков за недипломатичность, браня всех кроме себя! Бедный Плеханов, как жестоко оправдались на нем прямые и ясные, гордые и резкие слова Либкнехта о принципиальном вреде соглашений!

А «товарищ» Васильев (тоже из швейцарской кухни выглянувший на революцию) предложил в «Товарище» (17 декабря), прямо ссылаясь на Плеханова, попросту распустить с.-д. партию и временно — только временно! — слиться с либералами. Да, недаром говорил Либкнехт, что и у них в партии едва ли кто-нибудь хотел уклонения «от партийных принципов». Дело не в хотении, а в том, к чему *сила вещей* приводит партию за ошибочный шаг.

И у Плеханова хотения были самые хорошие: мирком да ладком с кадегами против черносотенной опасности, — а вышел один срам и скандал для социал-демократии.

Товарищи-рабочие, читайте внимательнее брошюру Вильгельма Либкнехта и построже проверяйте тех, кто советует вам гибельные для пролетариата и для дела свободы соглашения с кадегами!

Декабрь 1906 г.

Н. Ленин

*Напечатано в 1907 г.
в брошюре: В. Либкнехт. «Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений!», изд. «Новая Дума»*

Печатается по тексту брошюры

ПРЕДИСЛОВИЕ
К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ БРОШЮРЫ:
«К. КАУТСКИЙ. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Русские передовые рабочие давно знают К. Каутского, как *своего* писателя, умеющего не только обосновать и разъяснить теоретическое учение революционного марксизма, но и применить его с знанием дела, с серьезным разбором фактов, к сложным и запутанным вопросам русской революции. И теперь, когда внимание социал-демократов чуть не всецело иногда поглощает безидейная трескотня либеральных Петрушек, с их вольными и невольными подголосками, когда мелочи «парламентской» техники заслоняют перед многими принципиальные вопросы пролетарской классовой борьбы, когда унылое настроение овладевает сплошь и рядом даже порядочными людьми, принижая их умственные и политические способности, — теперь втрое важно для всех социал-демократов России внимательно прислушаться к мнению Каутского по основным вопросам русской революции. И даже не столько прислушаться к мнению Каутского, сколько вдуматься в его постановку вопроса, — ибо Каутский не так легкомысленен, чтобы болтать о малоизвестных ему конкретных вопросах русской тактики, не так невежествен в русских делах, чтобы отделяться общими местами или некритическим повторением самого модного выкрика.

Каутский отвечает на вопросы, с которыми Плеханов обратился к ряду иностранных социалистов. И, отвечая на эти вопросы, — вернее, выбирая из этих неумно поставленных вопросов то, о чем *можно* вести с пользой для дела беседу между социалистами всех стран, — Каутский начинает с скромной оговорки. «По отношению к *русским* товарищам я чувствую себя в положении уча-

щегося, когда речь идет о русских делах». Эта скромность — не фальшивое скромничанье «генерала» от социал-демократии, который начинает с мещанских ужимок, чтобы кончить какой-нибудь выходкой бурбона. Нет. Каутский на деле ограничился ответом *только* на такие вопросы, разбираясь в которых он может *помочь* мыслящим социал-демократам России в их самостоятельной работе анализа конкретных задач и лозунгов дня. Каутский отказался быть генералом, который командует: направо или налево! Он предпочел сохранить положение далеко стоящего, но зато вдумчивого товарища, показывающего, каким путем мы должны сами искать ответа.

Плеханов спрашивал Каутского, во-1-х, об «общем характере» русской революции: буржуазная она или социалистическая? Во-2-х, об отношении с.д. к буржуазной демократии. В-3-х, о поддержке с.д. партией партий оппозиционных на выборах в Думу.

Вопросы эти подобраны, на первый взгляд, очень «тонко». Но пословица недаром говорит: «Где тонко, там и рвется». Дело в том, что в этих вопросах сколько-нибудь знающий и внимательный человек сразу видит тонкую... *подделку*. Это — подделка, во-первых, в том смысле, что перед нами образчик метафизики, против которой Плеханов любит пышно декламировать, не умея изгнать ее из своих собственных конкретно-исторических рассуждений. Это подделка, во-2-х, в том смысле, что вопрошаемый искусственно загоняется в одну маленькую и до убожества узкую загородочку. Только при полной, можно сказать девственной, невинности в вопросах политики можно не заметить того, как Плеханов нарочно начинает издавек, подталкивая легонечко вопрошаемого к оправданию... блоков с кадетами!

Подгонять простоватого собеседника к оправданию блоков с определенной партией и не называть этой партии; — толковать о революционном движении и не различать революционной и оппозиционной буржуазной демократии; — намекать, что буржуазия «борется» *по-своему*, т. е. иначе, чем пролетариат, и не говорить прямо и ясно, в чем же тут на деле различие; — ловить собеседника, как галчонка, на приманку амстердамской резолюции, которая должна *прикрыть* от иностранца действительное содержание спорных вопросов русской социал-демократии; —

выводить конкретные положения об определенной тактике в определенном случае, об отношении к различным партиям буржуазной демократии из общей фразы, об «общем характере» революции, вместо того, чтобы этот «общий характер русской революции» выводить из точного разбора конкретных данных об интересах и положении различных классов в русской революции; — разве же это не подделка? разве это не явная насмешка над диалектическим материализмом Маркса?

Да — да, нет — нет, а что сверх того, то от лукавого! Либо буржуазная, либо социалистическая революция, а остальное можно «вывести» из основного «решения» посредством простых силлогизмов!

Громадной заслугой Каутского является то, что он, отвечая на подобные вопросы, сразу понял суть дела и суть ошибки, заключенной уже в формулировке самых вопросов. Каутский, *в сущности*, ответил на плехановские вопросы тем, что *отбросил* плехановскую постановку вопроса! Каутский ответил Плеханову тем, что *исправил* плехановскую постановку вопроса. Критика плехановской постановки вопроса, данная Каутским, вышла при этом тем убийственнее, чем мягче и осторожнее поправлял оп инициатора анкеты. «Мы хорошо поступим, — пишет Каутский, — если усвоим себе ту мысль, что мы стоим перед совершенно новыми ситуациями и проблемами, к которым не подходит ни один старый шаблон».

Это не в бровь, а в глаз против плехановского вопроса: буржуазная ли революция у нас по общему ее характеру или социалистическая? Это — старый шаблон, говорит Каутский. Нельзя так ставить вопроса, это не по-марксистски. Революция в России не буржуазная, ибо буржуазия не принадлежит к движущим силам теперешнего революционного движения России. И революция в России не социалистическая, ибо она *никоим образом* не может привести пролетариат к *единственному* господству или диктатуре. Социал-демократия может победить в русской революции и *должна* стремиться к этому. Но победой теперешней революции не может быть победа только пролетариата без помощи других классов. Какой же класс является, в силу объективных условий теперешней революции, союзником пролетариата? *Крестьянство*: «прочная общность интересов на все время революционной

борьбы существует только между пролетариатом и крестьянством».

Все эти положения Каутского дают самое блестящее подтверждение тактики революционного крыла российской социал-демократии, т. е. тактики большевиков. И это подтверждение тем более ценно, что Каутский, отстранив от себя конкретные и практические вопросы, сосредоточил все внимание на систематическом изложении *общих основ* социалистической тактики в нашей революции. Он показал, что затасканный Плехановым прием рассуждения: «революция буржуазная — надо поддерживать буржуазию» не имеет ничего общего с марксизмом. Он признал таким образом основную ошибку нашего с.-д. оппортунизма, т. е. меньшевизма, против которой еще с начала 1905 года вели борьбу большевики.

Далее, анализ Каутского, исходившего не из общих фраз, а из разбора положений и интересов определенных классов, подтвердил тот вывод, который находили «бестактным» наши кадетские подголоски, именно: что буржуазия больше боится в России революции, чем реакции, что абсолютизм она ненавидит за порождение им революции, что политической свободы она хочет для прекращения революции. Сопоставьте это с наивностью веры в кадета у нашего Плеханова, который незаметно отождествил в своих вопросах борьбу оппозиции со старым порядком и борьбу против покушений правительства — раздавить революционное движение! В отличие от шаблонного взгляда меньшевиков на «буржуазную демократию», Каутский показал ее революционные и неревolutionные элементы, показал банкротство либерализма, неизбежность тем более быстрого поворота либералов вправо, чем самостоятельнее и сознательнее становится крестьянство. Буржуазная революция, совершаемая пролетариатом и крестьянством вопреки неустойчивости буржуазии, — это коренное положение большевистской тактики всецело подтверждено Каутским.

Каутский показывает, что в ходе революции победа вполне может достаться с.-д. партии, и что эта партия *должна* внушать своим сторонникам уверенность в победе. *Меньшевистская боязнь с.-д. победы в данной революции* опять-таки всецело опровергается выводом Каутского. Смешные потуги Плеханова «подвести» задачи нашей

революции «под Амстердамскую резолюцию» выступают особенно комично наряду с простым и ясным положением Каутского: «нельзя успешно бороться, если наперед отказываешься от победы».

Еще рельефнее выступает коренная разница между *методами* Каутского и вождя теперешних наших оппортунистов, Плеханова, когда мы читаем у первого: думать, что «все те классы и партии, которые стремятся к политической свободе, должны просто-напросто действовать вместе, чтобы добиться ее», значит *иметь в виду лишь политическую поверхность совершающегося*. Это звучит так, как-будто Каутский прямо имеет в виду ту компанийку перебежавших к либералам социал-демократов, гг. Португаловых, Прокоповичей, Кусковых, Богучарских, Изгоевых, Струве и пр., которые именно указываемую Каутским ошибку и делают (водя притом за собою Плеханова). То обстоятельство, что Каутский не знает писаний этих господ, только усиливает значение его *теоретического* вывода.

Нечего и говорить, что основные положения *всех* русских с.-д. о *несоциалистическом* характере крестьянского движения, о невозможности возникновения социализма из мелкого крестьянского производства и т. д. *целиком* разделяет Каутский. Социалистам-революционерам, любящим уверять, что они «тоже согласны с Марксом», весьма поучительно будет подумать над этими словами Каутского.

В заключение, несколько слов об «авторитетах». Марксисты не могут стоять на обычной точке зрения интеллигента-радикала с его якобы революционной отвлеченностью: «никаких авторитетов».

Нет. Рабочему классу, ведущему во всем мире трудную и упорную борьбу за полное освобождение, нужны авторитеты, — но, разумеется, в том только смысле, в каком молодым рабочим нужен опыт старых *борцов* против угнетения и эксплуатации, борцов, проводивших много стачек, участвовавших в ряде революций, умудренных революционными традициями и широким политическим кругозором. Авторитет всемирной борьбы пролетариата нужен пролетариям каждой страны. Авторитет теоретиков всемирной социал-демократии нужен нам для уяснения программы и тактики нашей партии. Но этот авторитет

не имеет, конечно, ничего общего с казенными авторитетами буржуазной науки и полицейской политики. Этот авторитет есть авторитет более разносторонней борьбы в тех же рядах всемирной социалистической армии. Насколько важен он для расширения круговора борцов, настолько недопустима была бы в рабочей партии претензия решать со стороны, издали, практические и конкретные вопросы ближайшей политики. Коллективность передовых сознательных рабочих каждой страны, ведущих непосредственную борьбу, всегда будет наибольшим авторитетом во всех таких вопросах.

Таков наш взгляд на авторитетность мнений и Каутского и Плеханова. Теоретические работы последнего — главным образом критика народников и оппортунистов — остаются прочным приобретением с.-д. всей России, и никакая «фракционность» не ослепит человека, обладающего хоть какой-нибудь «физической силой ума», до забвения или отрицания важности этих приобретений. Но как политический вождь русских с.-д. в буржуазной российской революции, как тактик Плеханов оказался ниже всякой критики. Он проявил в этой области такой оппортунизм, который повредил русским с.-д. рабочим во сто раз больше, чем оппортунизм Бернштейна — немецким. И с этой кадетообразной политикой Плеханова, вернувшегося в лоно изгнанных им в 1899—1900 гг. из с.-д. партии гг. Прокоповичей и К^о, мы должны вести самую беспощадную войну.

Что этот тактический оппортунизм Плеханова есть сплошное отрицание основ марксистского метода, — доказывает лучше всего знакомство с *ходом рассуждения* Каутского в предлагаемой читателю статье.

Написано в декабре 1906 г.

Напечатано в 1907 г.
в брошюре: К. Каутский. «Движение
силы и перспективы русской револю-
ции», изд. «Новая Эпоха»

Печатается по тексту брошюры

КАК ОТНОСЯТСЯ К ВЫБОРАМ В ДУМУ ПАРТИИ БУРЖУАЗНЫЕ И ПАРТИЯ РАБОЧАЯ?

Газеты переполнены известиями о подготовке выборов. Каждый почти день мы узнаем то о новом «разъяснении» правительства, вычеркивающего еще и еще один разряд неблагонадежных граждан из избирательного списка, — то о новых преследованиях, запрещении собраний, закрытии газет, арестах предполагаемых выборщиков и кандидатов. Черносотенцы подняли голову. Они гикают и улюлюкают наглее, чем когда бы то ни было.

Неудобные правительству партии тоже готовятся к выборам. Эти партии уверены, и вполне справедливо уверены, в том, что *масса избирателей* сумеет сказать свое слово, выразить посредством выборов свое настоящее убеждение, вопреки всем проделкам, придирам, мелким и крупным притеснениям, направленным против избирателя. Уверенность эта основывается на том, что самые свирепые преследования, самые невыносимые придирки отнимут, самое большее, сотни, тысячи, допустим десятки тысяч, избирателей по целой России. Но ведь настроение *массы* и отношение ее к правительству от этого не изменится. Можно выкинуть из списка 10—20 тысяч избирателей, скажем, по Петербургу, но полуторастотысячная масса столичных избирателей от этого только сжимается, уходит в себя, прячется, притихает на время, но не исчезает и не меняет своего массового настроения, а если меняет, то, конечно, не в пользу правительства. И поэтому, пока в корне не изменен избирательный закон, пока не поправлены окончательно все остатки выборной легальности (они еще могут быть поправлены посредством систематического ареста выборщиков: от Столыпина надо ждать всего худшего!), —

до тех пор остается несомненным, что настроение массы решит результаты выборов — и, конечно, не в пользу правительства с его черносотенцами.

И все, кто не стоит на стороне правительства, надеются на избирательную массу. Но если вы присмотритесь к тому, в чем состоит собственно надежда на массу, как относятся те или иные партии к массе, то вы увидите целую пропасть различия между партиями буржуазными и партией пролетариата.

Кадеты стоят во главе либерально-буржуазных партий. На выборах в первую Думу они позорно изменили делу борьбы, отказались от бойкота, пошли покорно на выборы сами и повели за собой неразвитую массу. Теперь они надеются на косность этой массы, на стеснение агитации и выборной кампании левых партий. Кадетская надежда на массу состоит в надежде на неразвитость и забитость массы: дескать, в нашей программе и тактике масса не разберется, дальше мирного и легального, самого мирного и самого робкого протеста не пойдет — не потому, что не хочет, а потому, что не пустят. Будут голосовать за нас, ибо у левых нет ни газет, ни собраний, ни листков, ни гарантий от произвольных арестов и преследований, — вот как мыслит кадет. И он гордо поднимает очи к небу: благодарю тебя, господи, что я не похож на одного из этих «крайних»! я — не революционер, я сумею приспособиться, самым покорным и самым нижайшим образом приспособиться к любым мероприятиям, я даже избирательные бланки* достану от мирнообновленцев.

Поэтому вся предвыборная кампания кадетов направлена на запугивание массы черносотенной опасностью, на запугивание массы опасностью от крайних левых партий, на приспособление к обывательщине, к трусости и дряблости мещанина, на уверение его в том, что кадеты всего безопаснее, всего скромнее, всего умереннее, всего аккуратнее. Ты испугался, обыватель? — спрашивают читателя каждый день кадетские газеты. — Положись на нас! Мы не будем тебя пугать, мы против насилий, мы покорны правительству, положись только на нас, и мы все для тебя устроим «по возможности»! И за спиной запуганных обывателей кадеты пускают в ход все уловки, чтобы уверить

* См. настоящий том, стр. 348. Ред.

правительство в своей лояльности, уверить левых в своем свободолобии, уверить мирнообновленцев в своей близости к их партии и к их бланкам.

Никакого просвещения сознания масс, никакой агитации, поднимающей массы, никакого разъяснения последовательно-демократических лозунгов, торговля мандатами за спиной запуганного обывателя, — вот предвыборная кампания всех партий либеральной буржуазии, начиная от беспартийных (из «Товарища») и кончая партией демократических реформ.

Отношение рабочей партии к массе — прямо противоположное. Не то нам важно, чтобы обеспечить себе местечки в Думе. Наоборот, сами эти местечки важны лишь потому и постольку, поскольку они могут послужить развитию *сознания* масс, *повышению* их политического уровня, *организации* их не во имя обывательского благополучия, не во имя «спокойствия», «порядка» и «мирного (буржуазного) благоденствия», а во имя *борьбы*, борьбы за полное освобождение труда от всякой эксплуатации и от всякого гнета. Лишь потому и постольку важны для нас и местечки в Думе и *вся* избирательная кампания. Рабочая партия все надежды возлагает на массу, но на массу не запуганную, не пассивно подчиняющуюся, не покорно несущую ярмо, а массу сознательную, требовательную, борющуюся. Рабочая партия с презрением должна относиться к обычному либеральному приему: запугивать обывателя призраками черносотенной опасности. Вся задача с.-д. — развивать в массе *сознание* того, в чем состоит действительная опасность, действительная задача борьбы тех сил, которые не в Думе имеют свой источник, не в думских прениях находят полное выражение, не в Думе решат вопрос о будущем России.

Рабочая партия предостерегает поэтому массы от закулисных избирательных проделок кадетской буржуазии, от ее оупляющего сознание крика: доверьте нам, адвокатам, профессорам и просвещенным помещикам, дело борьбы с черносотенной опасностью!

Доверяйте только своей социалистической сознательности и своей социалистической организации, — говорит массам рабочая партия. Отдать первенство в борьбе и право руководить ею либеральным буржуа, значит про-

дать дело свободы за шумиху фраз, за мишуру модных и ярких вывесок. Никакая черносотенная опасность в Думе не принесет такого вреда, как развращение сознания масс, идущих слепо за либеральной буржуазией, за ее лозунгами, за ее кандидатурными списками, за ее политикой.

Среди тех масс, к которым обращается рабочая партия, численно преобладает крестьянство и всевозможные слои мелкой буржуазии. Они решительнее кадетов, честнее их, способнее в тысячу раз на борьбу, но в политике они слишком часто идут на поводу у кадетских болтунов. Они колеблются и сейчас между борющимся пролетариатом и соглашательской буржуазией.

Проповедники блоков с кадетами вредят не только пролетариату и всему делу свободы. Они вредят развитию сознания мещанской и крестьянской бедноты. Они не исполняют своего прямого долга: освободить их из-под влияния либеральной буржуазии. Посмотрите на трудовиков, «народных социалистов» и с.-р.-ов. Они колеблются и тоже занимаются преимущественно проектами сделок с кадетами. Вожди трудовиков, не сумев создать своей партии, удесятерят свои думские ошибки, призывая массы голосовать за кадетов (Аникши через газетных репортеров, Жилкин в «Товарище» и проч.). Это — прямая измена делу крестьянской борьбы, прямая выдача мужика либеральному помещику, который так же ограбит крестьян выкупом по «справедливой» оценке, как ограбили мужика его предки в 1861 году. А «народные социалисты»? Их даже кадеты, смеясь, называют «кадетами второго призыва» (Милюков в «Речи»). Их вожди (Анненский и др.) тоже призывают к блокам с кадетами. Их крохотная партия (по сведениям благоволящего к ним «Товарища», более слабая, чем даже партия мирного ограбления, — каких-нибудь 2 000 человек на Россию!) — простой придаток кадетов. С.-р.-ы держат себя тоже двусмысленно: и в октябрьский период и в период первой Думы они прикрывали свой раскол с н.-с.-ми, шли вместе с ними, вели одни и те же газеты. Теперь они не ведут никакой открытой и самостоятельной борьбы, не выступая достаточно широко, открыто и резко против «кадетов второго призыва», не дают массам никакого исчерпывающего материала для критики этой партии, не развертывают

никакой принципиальной оценки всей избирательной кампании и всех избирательных соглашений вообще.

Великая историческая обязанность рабочей партии — способствовать созданию *самостоятельной* политической партии рабочего класса. Этому делу вредят проповедники блоков с кадетами.

Другая великая обязанность — освободить массы разоряющегося, бедствующего, гибнущего мещанства и крестьянства от влияния идей и предрассудков либеральной буржуазии. Этому делу также вредят проповедники блоков с кадетами. Они не отрывают мужика от либерала, а укрепляют эту противоестественную связь, гибельную для дела свободы и для дела пролетариата. Они не предохраняют крестьянскую массу от закулисной либеральной политики (или вернее политиканства с дележом мест в Думе), а освящают это политиканство своим участием в нем.

Долой всякие блоки! Рабочая партия должна быть на деле самостоятельна в своей избирательной кампании, а не на словах только. Она должна дать всему народу и особенно всей пролетарской массе образец идейной, стойкой, смелой критики. Этим и только этим мы привлечем массы к действительному участию в борьбе за свободу, а не к игрушечному либерализму кадетских предателей свободы.

Напечатано 31 декабря 1906 г.
в еженедельнике «Гернии Труда» № 2

Печатается по тексту
еженедельника

ПЛЕХАНОВ И ВАСИЛЬЕВ

Отношение меньшевистской с.-д. печати к известным геростратовским выступлениям Плеханова в «Товарище» заслуживает внимания всей партии рабочего класса. Виднейший представитель меньшевистского течения, вождь меньшевиков, как его называют открыто и постоянно все либеральные газеты, выступает публично с предложением *общей платформы* с.-д. и к.-д.

И меньшевики молчат!

У них точно нет ни газет, ни сборников, ни листков, ни учреждений, ни коллегий, нет ни одной партийной организации. Их точно не касается то, что говорит перед всей Россией *их* вождь об *их* политике...

Но мы все прекрасно знаем, что у меньшевиков имеются и организации — даже такие влиятельные, как ЦК — и всевозможные органы. Поэтому молчание их только лишний раз подтверждает всю фальшь их позиции. Одни бундовцы выделяются из меньшевистской массы. Они восстали против лозунга «полновластная Дума» в своей, к сожалению, почти неизвестной русским газете «*Volkszeitung*»*. Они высмеяли Плеханова и в издаваемой ими по-русски «Нашей Трибуне». Они доказали этим по крайней мере, что имеют смелость иметь свое мнение, признавать на деле, а не на словах только, *свою* партийную организацию, *обязанную* высказываться открыто и прямо по всем политическим вопросам, *обязанную* ставить свой политический долг перед пролетариатом

* — «Народная Газета». Ред.

выше личной приязни, кумовства и почтения к персонам...*

Какое это безобразное явление в рабочей партии! Преобладающее в партии течение, имеющее ЦК в своих руках, не смеет заговорить об ошибках *одного* из своих членов. На всех собраниях, при всяком споре перед рабочими, при всякой дискуссии с большевиками меньшевики клянутся и божатся, что они с Плехановым не согласны. А в печати они молчат: ни единого *официального* заявления какой бы то ни было партийной ячейки. Что же это такое? Отрекаться втихомолку и подтверждать официальным молчанием? Бранить за глаза и молчать в присутствии... барина. Так поступают только... угадайте сами, почтеннейшие, кто так поступает.

А рабочим и всей партии мы скажем: нельзя доверять тем политическим вождям, которые исчезают со всеми своими коллегиями перед наездническим наскоком кого бы то ни было. Нельзя доверять. При всяком окончательном решении все эти «вожди» будут поступать *не так*, как они говорят, а так, как *за них говорит* некто третий.

Между прочим. Поведение Плеханова и меньшевиков в данном инциденте — хорошая иллюстрация к ходячим толкам об интеллигентском характере нашей партии. Да, непомерно у нас влияние непролетарской интеллигенции на пролетариат, это правда. Не будь этого, разве могла бы пролетарская партия снести хоть одну неделю выходки Плеханова и отношение к ним меньшевиков? Как наглядно обнаруживается здесь истинный характер толков о *беспартийном* рабочем съезде. Вот если бы нашу партию заменила легальная рабочая (просто рабочая, не социал-демократическая) партия, — как того желают Ларин, пуб-

---

* Мы сейчас только получили выписку из грузинского с.-д. органа тифлиссских *меньшевиков* «Цин» («Вперед») от 8 декабря. Тифлиссские меньшевики решительно оспаривают Плеханова, заявляя, что его соображения в пользу лозунга «полновластная Дума» ошибочны, что с.-д. *не могут* подразумевать учр. собрание под этим лозунгом. Лозунг «полновластная Дума» — пишут они — «был бы урезыванием нашей программы». Далее, доказывается, что и для к.-д. неприемлем этот лозунг и что вообще об общей платформе с.-д. и к.-д. не может быть и речи. Общая платформа «есть урезывание крыльев нашей партийной самостоятельности, затушевывание различий в воззрениях с.-д.-тии и буржуазных партий».

Верно, товарищи тифлиссские меньшевики! С удовольствием констатируем, что вопреки Ц. К.-ту и большинству меньшевиков русских бундовцы и кавказцы не уклонялись от своего долга прямо назвать ошибкой мнение Плеханова и всего его выступление.

лицисты «Нашего Дела» и «Современной Жизни», — вот тогда для таких выступлений, как плехановское, был бы полный простор. Пиши в любых газетах, вступай в любые литературские или общеполитические блоки с кем угодно, предлагай от своего имени, не считаясь ни с какой партийной организацией, *свои* лозунги! Полная свобода для интеллигентской индивидуалистической натуры при полной неформленности беспартийной рабочей массы. Разве это не идеал старого прокоповического «Credo»* (за которое мы с Плехановым в 1899—1900 году обрушились на Прокоповича и изгнали его со всеми его присными из с.-д. партии)? «Credo» — это квинт-эссенция с.-д. оппортунизма — проповедывало неполитические, беспартийные рабочие союзы для экономической борьбы и либеральную политическую борьбу. Блоки с кадетами и беспартийный рабочий съезд — это не что иное, как «Credo» 1899 года, переизданное в 1906—1907 году.

Плехановские выступления в «Товарище», это — не что иное, как осуществление на деле ларинского предложения: свободные пропагандистские общества всех и всяческих «социалистов» — с позволения сказать, социалистов — на фоне беспартийных рабочих организаций. *На деле* Плеханов выступал в «Товарище» не как член партии, не как член одной из партийных организаций. Это — факт, которого никакими софизмами не устранить, от которого никакое «отмалчивание» меньшевистского ЦК не спасет известной фракции нашей партии. На деле Плеханов выступал именно по-ларински, как *внепартийный* социалист в внепартийном «социалистическом» органе с внепартийным несоциалистическим и даже *антисоциалистическим* предложением.

Васильев пошел по стопам Плеханова. Швейцария, благодаря ее свободе от традиций русского революционного пролетариата, дает нам все более и более «передовых» оппортунистов.

Васильев — видный меньшевик. Он работал вместе с меньшевиками и притом не с случайными меньшевиками в каком-нибудь захолустье, а с самыми видными и самыми ответственными меньшевиками. Поэтому пренебрежительно относиться к Васильеву меньшевики *не вправе*.

* — символ веры, программа, изложение миросозерцания. *Ред.*

И Васильев прямо ссылается на Плеханова. Более того. Он прямо *опирается* на него. Он называет опозорившее с.-д. партию выступление Плеханова в кадетской печати с предложением общей с к.-д. платформы — «мужественным окликом». Он «сожалеет», что «у других партий Плехановых не находится».

Усердия у Васильева много, а ума мало. Хотел похвалить Плеханова, и в похвалу ему выпалил: «у других партий Плехановых, к сожалению, не находится». Это бесподобно! Добрый Васильев, он явился инициатором употребления слова «Плехановы» в *нарицательном* смысле, в смысле политиков, действующих в одиночку независимо от своей партии. Отныне будут, вероятно, говорить: «Плехановы в васильевском смысле этого слова»...

Похлопывая по плечу «Плехановых», Васильевы ставят точки над *i*. Авторы «Credo» в 1899 г., гг. Прокоповичи и К^о, говорили о чисто-рабочем движении без революционной бациллы. Васильевы говорят о революции, которая должна родить «конституцию», и только, родить без *всяких* акушеров, без революционеров. *Отсутствие* акушеров, отсутствие революционеров, отсутствие революционного народа, — вот лозунг Васильева.

Щедрин классически высмеял когда-то Францию, расстрелявшую коммунаров, Францию пресмыкающихся перед русскими тиранами банкиров, как республику без республиканцев¹¹⁶. Пора родиться новому Щедрину, чтобы высмеять Васильева и меньшевиков, защищающих революцию посредством лозунга «отсутствие» революционеров, «отсутствие» революции.

Вправе ли мы *так* толковать «выступление» Васильева? Вправе ли мы ставить с ним рядом меньшевиков?

Конечно, да! Вся статья, все мысли, все предложения Васильева пропитаны насквозь «планом» помочь родить конституцию посредством убиения революции. «Расстаться на время» со всеми программами вообще, слить всех с.-д. и с.-р. и т. п. с кадетами в одну либеральную партию, соединить всех в борьбе за «политическую конституцию» «без одновременного решения экономических программ» (так и стоит в письме: без решения программ. Швейцарские советчики русского пролетариата не всегда умеют говорить по-русски), — разве же это не есть желание спасти конституцию посредством отречения от революции?

Революция в настоящем, серьезном значении *немыслима* без «решения экономических программ». Революцию могут делать только массы,двигаемые глубокими *экономическими* нуждами. Падение абсолютизма в России, *действительное* падение, было бы *неизбежно экономическим* переворотом. Только совсем девственно-невинные в социализме люди могут не понимать этого. Выкинуть экономические программы значит выкинуть экономические основные причины революции, значит выкинуть экономические интересы, толкающие на великую, невиданно-самоотверженную борьбу массы забитого, запуганного, темного народа. Это значит — выкинуть массы, оставить шайку интеллигентских языкоблудов и заменить социалистическую политику либеральным языкоблудием.

«Что пользы крестьянам от того, что их дело было выдвинуто Думой, которая и была распущена главным образом из-за аграрного вопроса?» Разве это рассуждение не заслуживает того, чтобы Васильеву при жизни поставить памятник за непревзойденный нигде в мире социалистический оппортунизм?

И разве это (мы переходим к последнему из двух поставленных выше вопросов) — не меньшевистское рассуждение?

Ехать в одном вагоне до Твери с кадетами, не мешая друг другу, говорит Плеханов. Ехать вместе с кадетами в Думу, соединяясь с нереволуционной партией (на время! «на короткое время!» дополняет меньшевиков Васильев) для революционных целей, говорят меньшевики. Ехать вместе до кадетского министерства, говорил недавно паш ЦК.

Ехать так ехать, поддакивает Васильев, *«не толкая друг друга, не пугая друг друга»*. «Теперь же, в данный момент, она (борьба классов и групп) убийственна и преступна».

Классовая борьба преступна, вредить конституции революционными требованиями (вроде: полновластная Дума, учредительное собрание и т. д.) преступно. Как бы ни отрекались меньшевики от Васильева (до сих пор, положим, они еще не отрекались от него), им никогда не стереть того, что *именно эта идея* лежит в основе и блоков с к.-д., и поддержки требования думского министерства, и всех поездок вместе до Твери и пр. и проч.

Васильев, — конечно, *unicum**. Но ведь и единственные в своем роде явления природы существуют лишь в известном окружении, рождаются лишь из известной обстановки. Васильев, конечно, Монблан оппортунизма. Но ведь Монбланов не бывает среди степей. Монбланы существуют только среди альпийских высот. Васильевы являются миру только рядом с «Плехановыми», Череваниными и *tutti quanti*** до Прокоповича.

А благодаря «Плехановым в васильевском смысле» г. Струве получает возможность говорить, как говорил он на собрании в Соляном Городке 27 декабря («Товарищ» от 28 декабря), что «все нынешние противники к.-д. будут в недалеком будущем кадетами. «Товарищ» уже называют кадетской газетой. Народных социалистов называют социал-кадетами, меньшевиков — полукадетами. Г. В. Плеханова многие считают кадетом, и действительно много из того, что говорит теперь Плеханов, кадеты могут приветствовать. Жаль только, что он этого не сказал, когда к.-д. были в одиночестве. Неисправимыми могут оказаться только большевики, а потому их удел — попасть в исторический музей».

Благодарим за комплимент, неловкий г. Струве! Да, мы попадем в тот исторический музей, имя которому: «история революции в России». Наши большевистские лозунги, большевистский бойкот булыгинской Думы, большевистские призывы к массовой стачке и восстанию (еще на III съезде) связаны неразрывно и навсегда с октябрьской революцией в России. И это место в *музее* мы используем даже в течение самых долгих (на худой конец) лет или десятилетий реакции, используем, чтобы воспитывать в пролетариате ненависть к предательской октябристско-кадетской буржуазии, воспитывать презрение к интеллигентской фразе, к мелкобуржуазной хлюпкости. Это место в *музее* мы используем, чтобы при всяких, даже самых худых политических условиях, проповедывать рабочим непримиримую классовую борьбу, учить их готовиться к *новой* революции, — более независимой от половинчатости

* — единственный в своем роде. *Ред.*

** — всеми прочими. *Ред.*

и дряблости буржуазии, более близкой к социалистической революции пролетариата.

А ваше место в музее, почтеннейший г. Струве, — место ликующих и праздноболтающих в моменты торжества контрреволюции. В такие моменты вы всегда будете иметь повод ликовать — ликовать вследствие того, что революционеры пали, сраженные в борьбе, и сцена принадлежит либералам, которые пали добровольно, легли ниц перед врагом, чтобы ползком ползти «применительно к подлости».

Если революции, вопреки нашим ожиданиям, не суждено подняться еще раз, не суждено вырвать власть у царской шайки, — вы долго будете геросм контрреволюции, а у нас будет *одно* «место в музее», зато хорошее место: место *октябрьской народной борьбы*. А если революция, как мы верим, поднимется еще раз, — от жалких кадетов в неделю не останется и следа, борьба масс пролетариата и разоренного крестьянства пойдет опять под большевистскими лозунгами. Революция может только лежать в прахе при гегемонии кадетов. Она может побеждать только при гегемонии большевистской социал-демократии.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ В ПЕТЕРБУРГЕ ¹¹⁷

Состоялась третья — за последний год — конференция всей петербургской организации Российской социал-демократической рабочей партии¹¹⁸. Первая конференция решила вопрос о выборах в виттевскую Думу, в феврале 1906 г., вторая — вопрос о поддержке требования думского министерства, в июне 1906 г., третья — об избирательной кампании во вторую Думу, в январе 1907 г.

Крупные политические вопросы буржуазные партии решают от случая к случаю, простым постановлением той или иной партийной «инстанции», за кулисами изготавляющей для народа разные политиканские рецепты. Только рабочая с.-д. партия осуществляет на деле демократизм в организации, несмотря на все громадные трудности, — даже тяжелые жертвы, с которыми связано это для нелегальной партии. Только рабочая с.-д. партия взвешивает перед каждым крупным политическим шагом *принципиальное* значение его, не гоняясь за одним минутным успехом, подчиняя свою практическую политику конечной цели полного освобождения труда от всякой эксплуатации. Только рабочая партия, идя на бой, требует от всех своих членов обдуманного, прямого и ясного ответа на вопрос, делать ли известный шаг и как именно его делать.

И последняя конференция петербургской организации была основана на демократическом представительстве всех членов партии. При этом выборы делегатов должны были происходить на основе опроса всех выбирающих, как смотрят они на соглашения с кадетами. Без сознательного ответа на злободневный вопрос тактики, демократизм

выборов на конференцию был бы пустой и недостойной пролетариата игрой.

Вот резолюция, принятая конференцией:

Принимая во внимание, что 1) самостоятельность избирательной кампании является безусловно обязательной для социал-демократии, как классовой партии пролетариата, во всех случаях, когда нет налицо особых и исключительных условий; 2) что до сих пор Спб-ская социал-демократия с ПК во главе ее вела вполне самостоятельную избирательную кампанию, оказывая влияние на все слои трудящегося населения, как стоящие на выдержанной пролетарской точке зрения, так и не вполне еще освоившиеся с ней; 3) что в настоящее время, за две недели до выборов, выясняется уже, что в СПб незначительны шансы правых партий, значительными же считаются (главным образом, в силу традиции) шансы кадетов; перед РСДРП особенно настоятельно выдвигается поэтому задача приложить все усилия, чтобы подорвать гегемонию кадетов в центре, на который обращено внимание всей России; 4) что среди широких слоев городской трудящейся бедноты, не стоящих еще на пролетарской точке зрения и способных повлиять на исход выборов в городской курии, замечается колебание между стремлением голосовать левее кадетов, т. е. освободиться от руководства предательской либерально-монархической буржуазии, и стремлением обеспечить себе хотя бы небольшое число депутатов-трудовиков в Думе посредством блока с к.-д.; 5) что среди колеблющихся трудовых партий замечается стремление оправдать блок с к.-д. на условии получения одного или во всяком случае не более двух мест из шести мест столицы, оправдать тем, что с.-д. несогласны ни при каких условиях вступить в соглашение с несоциал-демократическими слоями городской бедноты против либеральной буржуазии, конференция постановляет: 1) сообщить немедленно СПб комитету партии с.-р. и комитету Трудовой группы, что Петербургский комитет РСДРП готов войти в соглашение с ними под условием не заключения ими никаких соглашений с кадетами; 2) условием соглашения: полная самостоятельность соглашающихся партий в отношении лозунгов, программ и тактики вообще. Распределение шести мест в Думе следующим образом: два места рабочей курии, два — социал-демократам, одно — социал-революционерам и одно — трудовикам; 3) ведение переговоров конференция поручает своему Исполнительному органу; 4) по губернии, на основании тех же принципиальных соображений, допускаются по местам соглашения с с.-р.-ами и трудовиками.

Примечание. Относительно партии н.-с. (трудовая или народно-социалистическая партия) постановляется: Исходя из того факта, что позиция этой партии является уклончивой в отношении к основным вопросам внедумской борьбы, конференция считает допустимым соглашение с социалистами-революционерами и трудовиками лишь при отсутствии соглашения между ними и партией н.-с.

Три основные пункта выдвигаются при рассмотрении этой резолюции. Во-1-х, безусловный отказ от всяких соглашений с кадетами. Во-2-х, непреклонная решимость

с.-д. выступать с самостоятельными списками при каких бы то ни было условиях и, в-3-их, допущение соглашений с социалистами-революционерами и трудовиками.

Отвергнуть соглашения с кадетами было прямым делом рабочей партии. Как только начались предвыборные собрания в Петербурге, — сразу выяснилось для всех, что правы были революционные с.-д., которые говорили: криками о черносотенной опасности морочили головы пустым и беспринципным людям наши либералы, чтобы отвлечь от себя действительно грозящую им опасность слева. Мелкие полицейские проделки правительства, обкрадывание избирателей из бедноты посредством сенатских разъяснений, все это не могло изменить настроение массы избирателей (100, 120 или 150 тысяч избирателей — все равно). А это настроение массы ясно сказывается на собраниях — настроение левее кадетов.

Конечно, черносотенная опасность может состоять не в черносотенном голосовании массы избирателей, а — в черносотенно-полицейском аресте левых избирателей и выборщиков. Говорят же, и упорно, о том, что теперешняя сравнительная «свобода» (вздыхнуть позволили — в России уже свободой зовут!) предвыборных собраний есть провокация правительства, намеревающегося арестовать видных ораторов и выборщиков. Но нетрудно понять, что против *такой* черносотенной опасности нужны совсем не блоки с к.-д., нужна готовность масс к борьбе, не укладывающейся в рамки так называемого парламентаризма.

Второе: конференция решила, как и следовало ожидать, что самостоятельную кампанию с.-д. ведут в столице во всяком случае. Они могут предложить то или иное соглашение другой партии, но к полной самостоятельности мы готовились раньше и готовы теперь. Соглашение при таких условиях является на деле, с точки зрения всей избирательной кампании в целом, — исключением; самостоятельность социал-демократии — правилом.

Третье. Конференция предложила соглашение с.-р. и трудовикам на условии отделения их от кадетов и от кадетствующих энесов (н.-с.) — затем на условии предоставления двух мест рабочей курии и деления остальных четырех мест пополам.

В основе такого предложения лежит принципиальное выделение известных партий по их отношению к внедум-

ской борьбе, которая завтра же может встать на очередь дня. Социал-демократия, обставляя принципиальными условиями свой сговор с другими партиями, даст таким образом материал для пропаганды и агитации перед массами относительно истинного характера различных партий. Социал-демократия считается с теми особенностями создавшегося в Петербурге положения, когда кадеты ведут за собой на поводу массу городской мелкой буржуазии, настроенной «по-трудовически». Мы не можем при таких условиях пренебрегать задачей: подорвать эту гегемонию кадетов, помочь трудящемуся люду сделать шаг, — небольшой, конечно, но имеющий несомненное политическое значение — шаг к более решительной борьбе, к более ясным политическим идеям, к более определенному классовому самосознанию.

И этого результата мы добьемся своей агитацией, всей постановкой нашей избирательной кампании, добьемся во всяком случае, каков бы ни был ответ трудовиков и с.-р. на наше предложение. Нам не к чему пускаться в те или иные расчеты, чтобы определить вероятность положительного и отрицательного ответа. Наше внимание не может быть устремлено на это. Нам важна основная, при тех и других частных возможностях неизменная политика пролетариата: обманчивым иллюзиям мирной борьбы и конституционных игрушек мы противопоставляем ясный анализ задач внедумской борьбы, надвигающейся в силу хода событий. Мелкобуржуазным слоям городского и деревенского трудящегося люда мы говорим: есть только одно средство помешать неустойчивости и колебаниям мелкого хозяйчика. Средство это — самостоятельная классовая партия революционного пролетариата.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ВЫБОРЫ В ДУМУ¹¹⁹

Написано 13—14 (26—27) января
1907 г.

Напечатано в январе 1907 г.
отдельной брошюрой в изд.
«Новая Дума»

Печатается по тексту брошюры

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ВЫБОРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Конференция петербургской с.-д. организации приняла решение не заключать блока с кадетами, а предложить соглашение трудовикам и социалистам-революционерам. Меньшевики внесли ряд протестов по формальным основаниям и, будучи в меньшинстве, покинули конференцию.

Либеральные газеты уже подняли большой шум по поводу этого происшествия. Они предвидят раскол в с.-д. партии и спешат сделать целый ряд политических выводов. Крайне важно ввиду всего этого, чтобы всякий сознательный рабочий дал себе полный отчет в том, что собственно происходит в с.-д. организации Петербурга и как следует относиться к происходящему.

Мы намерены поэтому рассмотреть основные вопросы, возникающие по поводу этого происшествия, именно: 1) состав конференции; 2) непосредственный повод ухода меньшевиков — попытка ЦК разделить конференцию на две части, городскую и губернскую; и 3) значение *всего происшествия*, особенно ввиду происходящей в Петербурге избирательной кампании.

I

УСЛОВИЯ СОЗЫВА И СОСТАВ С.-Д. КОНФЕРЕНЦИИ

Конференция петербургской организации должна была вынести окончательное решение по самому важному политическому вопросу настоящего времени, именно: заключать ли соглашения с кадетами на первой стадии выборов в Думу или нет?

Российская социал-демократическая рабочая партия организована демократически. Это значит, что все дела партии ведут, прямо или через представителей, все члены партии, на равных правах и без всякого исключения; причем все должностные лица, все руководящие коллегии, все учреждения партии — выборные, подотчетные, смелеваемые. Делами петербургской организации заведует выборный Петербургский комитет РСДРП. Верховным же учреждением петербургской организации, ввиду невозможности собрать вместе всех членов партии (около 6 000 человек), является *конференция представителей* организации. На эту конференцию *все члены организации* имеют право посылать представителей: по одному делегату на определенное число членов партии, — напр., по 1 делегату на каждые 50 членов партии, как было принято по отношению к последней конференции. Эти представители должны быть *выбраны* всеми членами партии, и решение представителей является верховным и окончательным решением вопроса для всей местной организации.

Но это еще не все. Для того, чтобы решение вопроса было действительно демократическое, недостаточно собрать *выборных представителей организации*. Необходимо, чтобы *все члены организации, выбирая представителей, в то же время самостоятельно и каждый за себя* высказались по спорному вопросу, интересующему всю организацию. Демократически организованные партии и союзы не могут принципиально отказываться от такого опроса всех без исключения членов — по крайней мере, в важнейших случаях и особенно тогда, когда речь идет о таком политическом действии, в котором *масса* выступает самостоятельно, напр.: стачка, выборы, бойкот какого-нибудь крупного местного заведения и т. п.

Почему в этих случаях признается недостаточность посылки представителей? Почему требуется опрос *всех членов партии* или так называемый «референдум»? Именно потому, что для успеха массовых действий необходимо сознательное и добровольное участие каждого отдельного рабочего. Стачка не может пройти дружно, выборы не могут пройти сознательно, если *каждый рабочий* вполне сознательно и добровольно не решил для себя вопроса: бастовать или нет? голосовать за кадетов или нет? Все политические вопросы невозможно решать опросом всех

членов партии; это была бы вечная, утомительная, бесплодная голосовка. Но важнейшие вопросы и притом такие, которые прямо связаны с определенным действием *самых масс*, необходимо решать, во имя демократизма, не только посылкой представителей, но и опросом всех членов партии.

Вот почему Петербургский комитет постановил, чтобы выборы делегатов на конференцию происходили обязательно *после* обсуждения членами партии вопроса о том, следует ли заключать соглашения с кадетами, *после* голосования всеми членами партии этого вопроса. Выборы, это — такое дело, в котором непосредственно участвует масса. Социалисты главной силой считают сознательность масс. Значит, *всякий* член партии должен сознательно решить вопрос, голосовать ли за кадетов на выборах или нет. Только после открытого обсуждения этого вопроса всеми собравшимися членами партии, становится возможным для каждого принять то или другое сознательное и твердое решение. Только на основании такого решения выбор представителей на конференции не будет уже делом кумовства, приязни или привычки («мы, мол, *своего* Николая Николаевича или Ивана Ивановича выберем!»), а делом сознательного определения *самими* «низами» (т. е. *всеми* членами партии) своего же собственного политического поведения*.

Выборы в Думу, т. е. первоначальное и основное голосование за уполномоченных или за выборщиков, будут производиться не через представителей, а каждым избирателем в отдельности. Значит, если мы хотим быть на деле, а не на словах только, социалистами, организованными в действительно *демократическую, рабочую* партию, то мы должны добиваться, чтобы *каждый рабочий* уяснил себе вопрос, голосовать за кадетов или нет. Недостаточно доверить представительство знакомому Ивану Иванычу или хорошему человеку Сидору Сидорычу, — надо *сознательно* разобрать *по существу* спорный вопрос в «низах». Лишь

* Некоторые говорят, что выбор представителя, дане без голосования избирателями вопроса по существу, может основываться на знании *взглядов* представителя. Но это верно лишь тогда, когда речь идет о *всей совокупности* взглядов представителя, а не об одном специальном вопросе, связанном с действием самой массы. Отказ от голосования платформы (за блок с кадетами или против) означал бы при таких условиях неясность взглядов избирателя, нерешительность его, неполное согласие его с своим представителем.

тогда демократическое решение будет сознательно-демократическим решением *массы*, а не только решением посланных «по знакомству» представителей.

Петербургский комитет есть выбранный руководитель *всей* с.-д. организации Петербурга и Спб. губ. Чтобы руководить *массой* в таком деле, как выборы в Думу, он обязан был (если признает демократизм не только на словах) добиваться сознательного участия в выборах *всей массы*. А чтобы участие *всей массы* в выборах было сознательное и дружное, необходимо, чтобы не только представители партии, но и каждый член партии дал определенный ответ своему Пбг. комитету: стоит ли он за соглашения с кадетами или нет.

Таково значение «дискуссий», т. е. *обсуждения* самого спорного вопроса перед выборами представителей. На каждом собрании членов партии, прежде чем произвести выборы представителей на конференцию, необходимо было сначала *обсудить* спорный политический вопрос, необходимо было выслушать докладчика от ПК, т. е. от руководящей местной организации, а также предоставить слово сторонникам других взглядов. После обсуждения *все* члены партии толосуют, стоят ли они за соглашения с кадетами или нет. Голосование проверяют члены контрольной комиссии, в которой есть представители обоих течений (если в организации имеется два течения по данному вопросу). Только при соблюдении этих условий ПК действительно может знать *сознательное* мнение *всей* массы партийных членов и может, следовательно, руководить не вслепую, а опираться на полное уяснение вопроса *массой*.

Это объяснение было нам необходимо потому, что на конференции возникли споры по поводу «дискуссий» и опроса всех членов партии.

Неосповательность таких споров тем более очевидна для членов партии, что в письме самого ЦК от 10 ноября относительно решения вопроса (заключать ли соглашения) местными организациями прямо рекомендуется «*предварительное обсуждение*» вопроса всеми членами партии.

Посмотрим теперь на самый состав конференции. Первоначально допущены были на нее все представители, выбранные в той или другой организации, без проверки выборов (т. е. без проверки «мандатов» или полномочий).

Всех представителей, или делегатов, было 71, в том числе 40 большевиков и 31 меньшевик. Вот распределение этого числа по отдельным районам:

Василеостровский	7	большевиков,	6	меньшевиков.	Всего	13
Выборгский	2	»	5	»	»	7
Городской	5	»	7	»	»	12
Железнодорожный	1	»	2	»	»	3
Латышский	2	»	—	»	»	2
Московский	4	»	5	»	»	9
Нарвский	—	»	—	»	»	—
Невский	2	»	1	»	»	3
Окружной	9	»	2	»	»	11
Ремесленный (приказ- чиный)	4	»	1	»	»	5
Петербургский	3	»	2	»	»	5
Эстонский	—	»	—	»	»	—
Военная организация ...	1	»	—	»	»	1
<i>Всего</i>	40	»	31	»	»	71

Отсутствовали при этом два делегата от эстонцев (оба большевика) и один от латышей (меньшевик). С ними было бы 42 большевика и 32 меньшевика.

Отсюда видно, что и первоначально, до всякой проверки полномочий, большевики имели преобладание. Следовательно, все и всякие толки по поводу «искусственности» преобладания большевиков падают сами собой. Жалобы на то, что большевики не утвердили всех полномочий, перенесены теперь меньшевиками даже в буржуазную печать. Забыли только сообщить этой печати, что и до проверки мандатов, до всякого пересмотра полномочий, большинство *все равно* было за большевиками!

Чтобы еще яснее и притом окончательно вырешить этот вопрос о преобладании на конференции, возьмем не число мандатов (полномочий), а *все число поданных членами партии голосов*.

Мы получим тогда такую картину:

Неоспоренных голосов...	1 848	за большевиков и	787	за меньшевиков
Оспоренных	» ... 300 *	»	946	»
<i>Всего голосов</i> ...	2 148	»	1 733	»

* Сюда же относятся 185 голосов, приравняных, по решению конференции, вполне правильно собранными. Без них неоспоренных голосов будет 1663.

Итак, всего членов партии голосовало около 4 000 (3 881 чел.). Перевес большевиков *составляет свыше 400 голосов.*

Несомненно таким образом, что, если бы даже *все* оспоренные голоса признать правильными, все-таки крупный перевес остается за большевиками. Значит, споры из-за правильности или неправильности той или иной части голосов касались вовсе не вопроса о преобладании большевиков; споры шли о том, как провести во всей полноте принцип демократического представительства.

Почему же все-таки большевики отменили часть полномочий (мандатов)? Потому, что *оспоренные* мандаты нельзя было признать правильными. А неправильные мандаты нельзя поставить на одну доску с правильными, никем не оспоренными.

Какие мандаты оспаривались? Такие, при получении которых были допущены неправильности, например, не было контроля со стороны членов контрольной комиссии, не было дискуссий (обсуждения) до голосований, не было голосований «по платформам» (т. е. не было опроса *всех* голосующих, стоят ли они за соглашения с кадетами или против). Неправильные мандаты нельзя признать демократически полученными.

Теперь спрашивается, как же было поступить с оспоренными мандатами? Разобрать в отдельности каждый случай было невозможно. Для этого пришлось бы просидеть лишний день, а у конференции было времени *в обрез*: едва-едва успели к тому сроку, когда рабочие *должны были* отправляться на выборы уполномоченных (7-го января).

Оставался один выход: повысить «норму представительства» для *всех оспоренных* мандатов, т. е. считать для них по одному мандату не на каждые 50, а на каждые 75 голосов. Такой прием был принят по 3-м соображениям: 1) он устранял произвол и взаимное раздражение при оценке отдельных спорных мандатов; 2) он ставил в одинаковые условия мандаты, оспоренные той или другой стороной; 3) он основывался на решении ПК, принятом задолго до конференции, — именно: ПК решил, что в тех случаях, когда демократические выборы на конференцию совершенно неосуществимы (напр., нельзя по полицейским условиям созвать собрания), допустить представителей, выбранных не вполне демократически, но при этом *повышать*

норму представительства, т. е. допускать 1 не от 50, а от 75, от 100 и т. п.

Возьмите теперь число оспоренных и неоспоренных голосов. От неоспоренных, считая 1 делегата на 50 голосов, имеем: 37 большевиков и 16 меньшевиков.* От оспоренных, считая 1 делегата на 75 голосов, имеем: 4 большевика и 12 меньшевиков. Итого 41 большевик (плюс 1 от военной организации, где демократические выборы невозможны) и 28 меньшевиков.

По районам эти, окончательно утвержденные, 70 мандатов распределялись так:

Василостровский	7	большевиков,	6	меньшевиков.	Всего	13
Выборгский	2	»	4	»	»	6
Городской	5	»	7	»	»	12
Железнодорожный	1	»	2	»	»	3
Латышский	2	»	1	»	»	3
Московский	4	»	4	»	»	8
Нарвский	—	»	—	»	»	—
Невский	2	»	1	»	»	3
Окружной	9	»	1	»	»	10
Ремесленный (приказ- чиный)	4	»	—	»	»	4
Петербургский	3	»	2	»	»	5
Эстонский	2	»	—	»	»	2
Военная организация...	1	»	—	»	»	1
Всего.....	42	»	28	»	»	70

Отсюда видно, что жалобы на состав конференции совершенно неосновательны. Конечно, если перед несведущей публикой кричать об отмене мандата такого-то, о непризнании полномочия такого-то, — это может произвести впечатление на минуту, если публика не вдумается в дело. Но ведь это не спор, а пустая перебранка.

Стоит только ознакомиться со всеми данными о составе конференции, и сразу ясно станет, что в повышении нормы представительства для *всех* оспоренных голосов не было *ничего* произвольного. Ведь не случайно же оказалось 2 635 голосов бесспорных, никем не оспоренных, и только 1 246 голосов оспоренных! И нельзя же серьезно утверждать, что *масса* оспоренных голосов были случайно оспорены, без каких-нибудь оснований!

Подумайте, напр., о том, что значит голосование «без платформы», которое так часто производили меньшевики

(только поэтому у них и набралось чуть не до тысячи оспоренных голосов). Это значит, что опроса *всех* членов партии, стоят ли они за соглашения с кадетами или против кадетов, не производится. Выборы делегатов происходят без такого вопроса или без платформ. Значит, конференция не может знать *в точности* мнение самих членов партии! Значит, *сама масса* о спорном вопросе (касающемся действия массы) не опрашивается. Разве можно при этом избежать неправильностей?

Разве может *искренний* сторонник демократизма в организации защищать такие голосования? Демократизм состоит не в том, чтобы масса по знакомству доверяла отдельным своим представителям, а в том, чтобы вся масса сама подавала сознательно голос по существу важнейших вопросов.

Наконец, жалобы на состав конференции надо признать совершенно неосновательными еще и потому, что в Петербурге за последнее время был *ряд* подобных конференций. Год тому назад была конференция по вопросу о бойкоте. Преобладание осталось за большевиками. Во время первой Думы была конференция по вопросу о поддержке требования думского (т. е. кадетского) министерства. Преобладание осталось за большевиками.

Не смешно ли слышать теперь, что преобладание большевиков по вопросу о соглашениях на выборах с кадетами могло быть случайно?

II

ВОПРОС О РАЗДЕЛЕНИИ КОНФЕРЕНЦИИ

Центральный Комитет партии, состоящий из преобладающего числа меньшевиков, предъявил петербургской конференции требование разделиться на городскую и губернскую. На неисполнение этого требования пробуют сослаться меньшевики в оправдание своего ухода.

Посмотрим же, было ли это требование законно по уставу партии, было ли оно обязательно для конференции, было ли оно осуществимо.

Устав нашей партии совершенно определенно устанавливает демократическую организацию ее. Организация вся строится снизу, на основе выборности. Местные организации объявлены, по уставу партии, самостоятельными

(автономными) в своей местной деятельности. Центральный Комитет, по уставу, объединяет и направляет всю работу партии. Ясно отсюда, что в определение *состава* местных организаций он вмешиваться не вправе. Раз организация строится снизу, вмешательство сверху в ее состав было бы полнейшим нарушением всего демократизма, всего устава партии. Допустим, что организация по тем или другим причинам соединяет разнородные части, например, соединяет вместе город и губернию. При демократическом строе удержать это соединение (или предписать его) по приказу сверху нельзя. Значит, разделение возможно лишь по желанию снизу: город может отделиться от губернии, и никто ему запретить этого не может. Губерния может отделиться от города, и никто ей этого запретить не может. Если снизу ни одна сколько-нибудь крупная, сколько-нибудь обособленная часть организации не заявила требования о выделе, — значит ЦК не мог *убедить* в необходимости отделения *ни одной* влиятельной части организации! Пытаться при таких условиях навязать разделение сверху есть насмешка над демократизмом, насмешка над уставом партии. Это значит ни больше и ни меньше, как пытаться употребить власть ЦК во зло, т. е. не в интересах партийного единства, а в интересах одной части партии (меньшевиков), употребить власть для искажения воли и решения местных работников.

ЦК настолько чувствовал несостоятельность своего требования, что в *письменном общем* постановлении выразился очень осторожно. Общее постановление ЦК *рекомендует* всем партийным организациям «по возможности» (буквальное выражение!) приноровлять рамки организации к рамкам избирательных округов. Об обязательности такого совета не могло быть и речи, — *и не было речи*. Что ЦК преследовал какие-то особые цели по отношению именно к Петербургу, — видно из того, что *ни в одном другом городе России* ЦК не требовал разделения конференции. Например, в *Вильне* в городскую конференцию входят также с.-д. представители заведений, находящихся *за чертой города*, т. е. в *другом* избирательном округе. О разделении Виленской конференции ЦК и не думал поднимать вопроса!

В Одессе тоже была одна общая конференция, хотя и там часть заведений находится вне полицейской черты

города. Да можно ли назвать хоть один крупный город, в котором бы рамки организации соответствовали полицейскому делению на город и часть губернии? Можно ли серьезно говорить о том, чтобы в крупных городах, центрах рабочего с.-д. движения, отделять *пригороды*, отделять самые крупные зачистую фабрики, *самые пролетарские «предместья»*? Это — такая грубая насмешка над здравым смыслом, что только самые неразборчивые в поисках повода к расколу люди могли ухватиться за такой повод.

Посмотрите на районы Петербурга, чтобы убедиться в неосуществимости требования разделить конференцию. Чтобы совершить разделение организации вообще или конференции в частности на городскую и губернскую, надо либо знать адрес, местожительство каждого члена партии, либо иметь уже готовые ячейки, отделы, районы, образованные по *территориальному* признаку, т. е. районы, составленные на основании местожительства членов партии или места нахождения фабрик в том или ином *полицейском* участке.

А мы видим, что в С.-Петербурге (как, вероятно, и в большинстве городов России) районы, подрайоны и низшие ячейки образованы не только по территориальному (местному) признаку, но и по *профессиональному* признаку (то *или* иное ремесло, занятие рабочих и населения вообще) и по *национальному* признаку (различная национальность, иной язык).

Например, в С.-Петербурге есть *железнодорожный* район. Он составлен по профессиональному признаку. Как его разделить на городскую и губернскую часть? По месту жительства каждого отдельного железнодорожника: Петербург, Колпино, другие станции? Или по месту нахождения поездов, которые, к несчастью для нашего ЦК, имеют обыкновение передвигаться от «города» Петербурга «в губернию» и даже в разные губернии?

Попробуйте разделить *латышский* район! А дальше еще идут эстонский и военная организация.

Даже территориальные районы нельзя разделить. Рабочие на конференции указали на это сами. Встает рабочий Московского района и говорит: я знаю фабрики в нашем районе, находящиеся недалеко от городской черты. Когда кончаются работы, сразу видно, что часть рабочих напра-

вляется в «город», другая — «в губернию». Как же мы теперь делить здесь будем? И рабочие прямо смеялись над предложением ЦК.

Только очень naive люди могут не замечать белыми нитками спиной подкладки всего происшествия. Только очень naive люди могут говорить: надо было все же попробовать разделиться «приблизительно», «по возможности».

Если делить приблизительно, значит надо допустить некоторый произвол, ибо точно разделить латышский, железнодорожный и др. районы невозможно. А всякий произвол вызвал бы новые, бесконечные протесты, жалобы, новые постановления ЦК, дал бы бездну новых поводов к расколу. Посмотрите на список районов (приведенный выше) — вы увидите, что могли бы найтись люди, которые объявили бы чисто городскими, несомненно городскими, только четыре района: Василеостровский, Городской, Выборгский, Петербургский. Почему только эти? Потому, что в них получилось бы преобладание меньшевиков. А каким образом можно бы оправдать такой произвол?

А каким образом оправдал ЦК тот произвол, что Вильну он и не подумал делить, а от С.-Петербурга потребовал разделения? Если вы станете спорить против произвола, кто будет решать окончательно ваш спор? Ведь тот же самый ЦК...

Даже самые naive люди поймут теперь, что жалобы на состав конференции и на ее отказ разделиться — простой отвод глаз. А суть дела в том, что меньшевики репили не подчиниться большинству петербургской организации и произвести раскол накануне выборов, чтобы переметнуться от социалистов-рабочих к кадетам.

III

ЧТО ЗНАЧИТ УХОД МЕНЬШЕВИКОВ С КОНФЕРЕНЦИИ?

Сделанный нами вывод может показаться иному читателю слишком резким. Но мы думаем, что скрывать, затушевывать правду в серьезном политическом деле — вещь, недостойная социалиста. Надо называть вещи своими именами. Надо разоблачать всяческие отговорки и отводы глаз, чтобы рабочая масса вполне ясно понимала суть

дела. Только буржуазные партии смотрят на выборы, как на закулисную игру и дележку добычи. Рабочая же партия должна прежде всего добиваться того, чтобы народ правильно понял отношение между партиями, правильно понял свои интересы и задачи борьбы, правильно понял суть того, что происходит за кулисами.

Мы видели, что жалобы на состав конференции петербургской организации РСДРП, на ее нежелание разделиться — пустые отговорки. Мы знали, что суть дела — простая. Меншевики желали во что бы то ни стало соглашения с кадетами. Меншевики знали, что большинство членов петербургской организации не разделяет этого взгляда. Меншевики решили на всероссийской конференции подчиняться в каждой местности решению местной организации. Теперь они *нарушили свое обещание*, пытаются *расколом* достигнуть своих целей.

Упедшие с конференции 31 меньшевик уже объявили сегодня (13 января) в петербургских газетах, что они предлагают блок и кадетам и всем трудовым партиям, не только социалистам-революционерам и трудовикам (которым предложила соглашение конференция), но и «народным социалистам».

Дело, значит, совсем ясное. Сознательный пролетариат решил вести самостоятельную избирательную кампанию. Мелкая буржуазия (трудовики в том числе) колеблется, бросается от одной стороны к другой, она способна предпочесть принципиальной борьбе сделку с кадетами. Меншевики, это — мелкобуржуазная часть рабочей партии. В последнюю минуту, придравшись к самым пустяковинным отговоркам, они покидают революционный пролетариат и переходят на сторону кадетов.

Правильность этого вывода лучше всего подтверждают кадетские газеты. А ведь кадетов никто уже не заподозрит в сочувствии взглядам петербургской, т. е. большевистской социал-демократии!

Взгляните на центральный орган кадетской партии, газету «Речь». Всем прекрасно известно, что вместе с газетой «Товарищ» она постоянно толкала меньшевиков к расколу и старалась всячески расхваливать их, тщательно отделяя их от большевиков. Как только стало известно, что меньшевики ушли с конференции с.-д., «Речь» сейчас же (11 января) печатает редакционную

статью «Социал-демократическая конференция и соглашения». Эта статья *прямо приветствует* «решительность» меньшевиков, *приветствует раскол*, начатый ими. Эта статья прямо заявляет, что *«вне блока революционных партий в тесном смысле»* (т. е. вне петербургских с.-д. и тех, кому они предложили соглашение, т. е. с.-р. и комитета Трудовой группы) остаются *меньшевики и народные социалисты* (самая умеренная, полукadetская из мелкобуржуазных, трудовых партий).

И кадеты прямо заявляют, что они готовы *«возобновить»* переговоры с этими «обеими умеренно-социалистическими партиями». Они прямо заявляют, что «совершившаяся в среде социалистических партий дифференциация (разделение) обещает до некоторой степени приблизить и понятия умеренных социалистов о думской тактике к нашим собственным (т. е. кадетским) понятиям».

Эти слова главной кадетской газеты чрезвычайно важны. Кадеты не только оценивают практические результаты меньшевистского поворота. Кадеты ясно видят, что устраиваемый меньшевиками раскол имеет принципиальное значение, т. е. что этот раскол на деле изменяет отношение меньшевиков к основным взглядам на политическую борьбу, на задачи рабочего класса. Кадеты прекрасно поняли, что меньшевики повернули не только в смысле практического допущения соглашений, но также повернули в сторону основных взглядов буржуазии, отдалились от пролетарской политики, приблизились к буржуазной политике. «Речь» прямо говорит, что *умеренные социалисты* (т. е. меньшевики) приближаются к кадетской тактике, признают на деле кадетское первенство и руководство. Еще не зная того, примут ли с.-р. и трудовики предложение с.-д. конференции, кадеты *уже* учитывают вполне определенное соотношение политических сил: либеральная буржуазия руководит умеренной мелкой буржуазией и мелкобуржуазной частью пролетариата; революционный пролетариат идет самостоятельно, увлекая за собой в лучшем случае (лучшем для нас, худшем — для кадетов) только часть мелкой буржуазии.

Именно так рисуют дело кадеты. И нельзя не признать, что кадеты здесь вполне правы. Как солнце в малой капле воды, — отражается в маленьком петербургском происшествии постоянное, всем капиталистическим странам

неизбежно свойственное, соотношение политики либеральной буржуазии, рабочего класса и мелкой буржуазии. Веаде и всегда либеральная буржуазия стремится местечками подкупить неразвитую массу, чтобы отвлечь ее от революционной социал-демократии. Кадеты начинают применять в России «английский» способ борьбы буржуазии с пролетариатом, борьбы не насилем, а подкупом, лестью, разъединением, задабриванием «умеренных», проведением их в министры, в депутаты, в выборщики и т. п.

Фраза о «возобновлении» переговоров в кадетской «Речи» тоже вполне ясна. Пока с.-д. были едины, и революционеры с.-д. преобладали среди них, — переговоры были прерваны. Теперь, когда «обе умеренные социалистические партии» откололись от революции, — теперь кадеты заявляют: «переговоры могли бы возобновиться».

Если читателю не вполне ясен практический смысл этих слов, то мы объясним их ему. Кадеты давали два места (из шести) левым, именно: одно место рабочей курии, одно — социалистам вообще. Переговоры порвались. Теперь «умеренных социалистов» кадеты опять зовут: вернись, покупатель, мы могли бы и сойтись! Либо мы дадим теперь одно место меньшевику, другое — «народному социалисту», либо расщедримся даже на три места.

Вот что значат слова кадетов о «возобновлении» переговоров: *левым мы не уступали, а умеренным из левых мы уступим!*

Наивный или неопытный в политике человек может сколько угодно качать головой, выражать сомнения, соболезновать и т. п., — дело от этого не изменится. Ведь не важно, как именно получился известный результат, важен самый результат (т. е. для кадетов это не важно, а для рабочей массы, желающей сознательно относиться к политике, это очень важно).

Как именно велись переговоры меньшевиков с кадетами, мы не знаем, — письменно ли, словесно или даже простым намеком. Возможно, что видные умеренные меньшевики просто *намекали* перед кадетскими вожжами на вероятный раскол среди с.-д., намекали на допустимость *порайонных* соглашений. И кадеты, конечно, на лету схватывали намек: «они» расколют петербургских с.-д., а мы «их» вставим в районный список! «Они» — нам, а мы — «им». Разве это менее действительная, менее деловая, менее прочная

сделка, чем если бы «они» прямо пошли к Кутлеру, Милюкову или Набокову и прямо сказали: мы вам расколем петербургскую с.-д. конференцию, а вы нас проведете через какой-нибудь районный список?

Это факт, что именно такова политика либеральных буржуа и оппортунистов с.-д. во всех конституционных странах. Русские рабочие должны научиться понимать эту политику, если они не хотят, чтобы их шутя могли водить за нос. Еще Чернышевский сказал: кто боится испачкать себе руки, пусть не берется за политическую деятельность¹²⁰. Кто участвует в выборах и боится испачкать себе руки, раскапывая грязь буржуазного политиканства, тот пусть уходит прочь. Наивные белоручки только вредят в политике своей боязнью прямо смотреть на суть дела.

Другой отзыв буржуазной печати, всецело подтверждающий нашу оценку раскола, есть отзыв г-жи Кусковой в «Товарище» (10 января). Она точно так же приветствует меньшевиков, подстрекает их на окончательный раскол, отсоветует им «компромиссы» с большевиками, обещает им помощь от имени «рабочедельцев».

Чтобы понять эту статью г-жи Кусковой, надо знать, кто она такая. Мы расскажем об этом, ибо большинство рабочих не знает этого.

Российская социал-демократическая рабочая партия основана в 1898 году. В 1899 году г-жа Кускова и г. Проккопович были членами партии, именно: членами ее заграничной организации, во главе которой стоял тогда Плеханов, бывший тогда революционным социал-демократом. Г-жа же Кускова и тогда, как и теперь, была оппортунисткой, защищала мелкобуржуазные взгляды в социал-демократии, отстаивала бернштейнианство, т. е. в конечном счете подчинение рабочего класса либеральной политике. Всего яснее выразила г-жа Кускова свои взгляды в знаменитом «Credo» (читается: «крэдо», значит — символ веры, программа, изложение миросозерцания). В этом «Credo» говорилось: рабочие должны вести экономическую борьбу, а либералы — политическую. «Рабочедельцы» (тогдашнее название оппортунистов в социал-демократии) тяготели в сущности к такому же взгляду. Плеханов объявил этим взглядам войну не на живот, а на смерть (в чем ему помогли русские революционные с.-д.)

и раскол на этой почве заграничную организацию РСДРП. Он выпустил против оппортунистов и особенно г-жи Кусковой брошюру «Vademecum» («Спутник» для рабочедельцев).

Тогда г-жа Кускова была изгнана из с.-д. партии. Вместе с г. Прокоповичем она ушла к либералам, к кадетам. Потом она ушла и от кадетов, стала «беспартийной» писательницей в «беспартийно»-кадетском «Товарище».

Г-жа Кускова — не одиночка. Она — *типичный* образец мелкобуржуазной интеллигенции, вносящей оппортунизм в рабочую партию и странствующей от с.-д. к кадетам, от кадетов к меньшевикам и т. д.

Вот какие люди бьют в барабан и кричат ура, приветствуя раскол, устраиваемый меньшевиками среди петербургских с.-д.

Вот каким людям выдают дело пролетариата рабочие, идущие за меньшевиками.

IV

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ПРЕДСТОЯЩИЕ ВЫБОРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Как же обстоит дело с выборами теперь в Петербурге?

Теперь уже ясно, что на выборах будет три главных списка кандидатов: список черносотенный, список кадетский и список социал-демократический.

К первому примкнут октябристы, ко второму, вероятно, — меньшевики и н.-с., к третьему, может быть, трудовики и с.-р., хотя вполне возможно, что эти колеблющиеся партии, не давшие до сих пор окончательного ответа, тоже пойдут (отчасти вследствие раскола среди с.-д.) за кадетами.

Есть ли в Петербурге черносотенная опасность, т. е. опасность победы черносотенцев на выборах? Меньшевики, переходящие теперь от социалистов к кадетам, говорят, что да.

Они говорят вопиющую неправду.

Даже в кадетской «Речи», в осторожной, дипломатической, оберегающей интересы либералов в каждой мелочи, даже в этой «Речи» мы читаем у г. Вергежского, что на избирательных собраниях октябрист совсем в загоне, что избиратель колеблется между кадетами и социалистами.

Все данные о всех предвыборных собраниях, о впечатлении, произведенном лидвалиадой¹²¹, судом над убийцами Герценштейна¹²², разоблачениями подвигов черносотенцев и т. д., показывают ясно, что среди избирателей правые партии никаким уважением не пользуются.

Кто теперь еще толкует о черносотенной опасности на выборах, тот обманывает себя и обманывает рабочую массу. Теперь уже ясно видно, что крики о черносотенной опасности есть кадетская попытка завлечь к себе малосознательную массу.

Черносотенная опасность состоит не в опасности черносотенного голосования, а в возможных насилиях правительства, в возможных арестах выборщиков и т. п. Против *этой* опасности надо искать средства не в соглашении с кадетами, а в развитии революционного сознания и революционной решимости масс. Кадеты же больше всех и препятствуют развитию этого сознания и этой решимости.

Действительно серьезная борьба в Петербурге идет между кадетами и социал-демократами. Трудовые партии доказали свою слабость, доказали тем, что идут за самой умеренной и полукadetской «народно-социалистической» партией, — и тем, что вообще не проявляют никакой самостоятельности и твердости.

Если бы меньшевики не изменили социалистам накануне выборов, — несомненно, что трудовики и с.-р. *приняли бы наши условия*. Несомненно, что *масса избирателей, состоящая в Петербурге, как и везде, из бедноты, пошла бы за социалистами и трудовиками, а не за кадетами*. Выборы в Петербурге имели бы тогда значение серьезного боя, перед всей Россией выдвигающего в ясной и отчетливой форме *основные вопросы о будущем русской революции**.

Измена меньшевиков затрудняет для нас дело выборов, но от этого *еще более важным* становится принципиальное

---

* Интересно в этом отношении собрание коломенских избирателей, бывшее на-днях. «Трудовик» Водововов (ставший трудовиком, видимо, только для того, чтобы потащить трудовиков в хвосте кадетов), голосует и проводит решение: дать кадетам два места из шести в общем левом блоке. О, наивность! Чтобы давать меньшую часть мест, надо *сначала* победить, г. Водововов, а не плестись за н.-д.! И даже такое собрание с таким запевалой показало своим голосованием, что масса настроена левее н.-д. Такую массу мы обязаны поставить перед выбором: за либеральную буржуазию или за революционный пролетариат.

значение *самостоятельной кампании с.-д.* У пролетариата нет и быть не может иных средств против шатания мелкой буржуазии, как развитие классового сознания и сплоченности масс, обучение их на *опыте* политического развития.

Пока трудовики колеблются, пока меньшевики торгуются, мы должны всеми силами вести самостоятельную агитацию. Пусть знают все, что с.-д. идут во всяком случае и безусловно на выставление своего списка. И пусть все бедные слои избирателей знают, что им предстоит выбор между кадетами и социалистами.

Над этим выбором должны подумать избиратели. Это размышление дает во *всяком случае* крупное приобретение в деле развития *сознания* масс, — в деле более важном, чем приобретение местечка Иксу или Игреку у кадетов. Если массы городской бедноты еще раз пойдут на обещания кадетов, еще раз прельстятся шумихой либеральных фраз и либеральных посулов «мирного» прогресса, «мирного» законодательства господ Гурко и господ Кутлеров-Милюковых, — то события скоро разоблачат последние иллюзии.

Революционная социал-демократия должна говорить всю правду массам и идти неуклонно своим путем. Кто ценит действительные завоевания русской революции, сделанные пролетарской борьбой, у кого есть инстинкт человека трудящегося и эксплуатируемого, тот пойдет за партией пролетариата. И правильность взглядов этой партии будет все яснее и яснее для масс с каждым этапом развития русской революции.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Передовица «Речи» от 14-го января дает новые подтверждения сказанному нами выше о значении меньшевистского перехода от социалистов к буржуазии. «Речь» торжествует по поводу того, что ее предвидение оправдалось, что меньшевики откалываются в Петербурге и устраивают свою особую организацию. «Так и случилось, — говорит газета, ссылаясь на свои предыдущие номера. — Часть социал-демократии, хотя и не наиболее влиятельная, зато наиболее склонная к парламентской деятельности, пошла навстречу нашим предложениям».

Да, это правда. Меньшевики *пошли навстречу* стремлению либеральных буржуа отколоть оппортунистическую часть рабочей партии и подчинить ее руководству кадетов. Мы видели выше, что «Речь» отделила уже меньшевиков и н.-с.-ов от революционных партий, назвав их «умеренными социалистами». Теперь «Речь» делает шаг далее. Она говорит, что и социал-народники (н.-с.), вероятно, предпочтут блок с кадетами. Она говорит: «меньшевики решительно пошли навстречу созданию *общего оппозиционного блока*». «Возможность оппозиционного блока кадетов, меньшевиков и социал-народников надо признать значительно увеличившейся после отказа большевиков».

Итак, три блока или во всяком случае три основных политических силы на выборах признали теперь сами кадеты: правительственный блок, оппозиционный блок, революционный блок. Это деление вполне правильное. Мы отмечаем, что сила вещей приводит кадетов к признанию наших давних и настойчивых указаний. И мы отмечаем также, что в революционном «блоке» вполне твердо

стоит *пока* одна только революционная социал-демократия. Другие элементы и в частности революционная мелкая буржуазия («социалисты-революционеры») все еще колеблются.

Принципиальное значение перехода меньшевиков на сторону кадетов выясняется все больше и больше. Хорошие слова меньшевистских избирательных платформ и принципиальных резолюций (напр., на всероссийской с.-д. конференции), слова о том, что они будут разоблачать иллюзии мирного пути, что они советуют выбирать в Думу не ходатаев, а борцов и т. д., и пр., и т. п., — все эти слова оказались *только словами*. На деле меньшевики поступали так, что кадеты повели их за собой, за *своей* политикой. На деле меньшевики *оказались* в «оппозиционном блоке», т. е. стали простым придатком кадетов.

Мало того. Передовица «Речи» от 14-го января раскрывает также и то, *какую цену* намерены кадеты заплатить меньшевикам за поддержку кадетов и за вступление в оппозиционный блок. Цена эта — одно место в Думе, *отнимаемое у рабочей курии*. Слушайте:

«Так как вместе с тем (т. е. вместе с образованием оппозиционного блока из кадетов, м-ков и н.-с.) уменьшилось количество претендентов на думские места, то, может быть, при новой комбинации окажется возможным принять предложение партии народной свободы и ограничиться двумя местами из шести. Конечно, теперь в этом предложении придется, по всей вероятности, сделать некоторое изменение. *Место, которое предназначалось для лица, избранного рабочей курией, после решения конференции, очевидно, уже не может быть предоставлено рабочему-большевику*. При новом составе блока меньшевики могли бы смотреть на это место, как на свое законное достояние. Другое место из числа двух, уступаемых партией народной свободы, в таком случае осталось бы за народно-социалистическим блоком».

Превосходная сделка! Можно поздравить кадетов с дешевой покупкой! Все за те же два «уступаемых» местечка приобрести себе и все мелкобуржуазные партии, и мелкобуржуазную часть рабочей партии, — и притом *за счет рабочих!*

Рабочие должны потерять право на своего представителя от рабочей курии *вследствие того*, что меньшевики

отказались от социал-демократов и стали умеренно-социалистической партией (по оценке «Речи»), вошли в оппозиционный блок. Рабочие Петербурга теряют предоставленное им кадетами право распоряжаться своим местом *потому*, что меньшевики пошли не за революционными с.-д., а за кадетами. За «сделочку» с кадетами меньшевики получают «уступочку» не за счет кадетов, а за счет рабочих... Какой великолепный образчик буржуазных уступок «народу»! Поборникам «народа» буржуазия готова дать местечко, если эти поборники переходят на сторону буржуазии...

Уполномоченные и выборщики от рабочей курии, наверное, увидят теперь, какие *выгоды* — не только принципиальные, но и практические — несет с собою для них соглашение с кадетами. Не ясно ли, что кадеты давали (не дают, а давали) одно место рабочей курии вследствие искреннего сочувствия их интересам действительной свободы действительно народа, а вовсе не ради привлечения на сторону буржуазии темной, нуждающейся массы?

«УСЛЫШИШЬ СУД ГЛУПЦА»...

(ИЗ ЗАМЕТОК С.-Д. ПУБЛИЦИСТА)

Петербург, 15 января 1907.

Буржуазная печать судит и рядит по поводу решения петербургской с.-д. конференции. Общий хор либералов, — начиная с чопорно-официальной «Речи» и кончая уличным листком «Сегодня», — ликование по поводу раскола, производимого меньшевиками, торжество по поводу возврата этих блудных сынов «общества» в лоно «оппозиционного блока», по поводу освобождения их из-под влияния «революционных иллюзий».

Социал-демократам, которые действительно стоят на стороне революционного пролетариата, не мешает поставить вопрос:

А судьи кто?

Возьмем едва ли не лучшего из судей — газету «Родная Земля» от 15 января. Направление этой газеты, несомненно, левее кадетского. По всем данным, можно назвать это направление трудовическим. Как на документальное подтверждение такой политической характеристики, можно указать на сотрудничество в этой газете г. Тана¹²³. Г. Тан значится в опубликованном списке членов организационного комитета «трудовой (народно-социалистической) партии».

Итак, судьи — трудовики.

Они осуждают большевиков и одобряют, подобно кадетам, план меньшевиков. В отличие от кадетов, они хотят только, чтобы в общем блоке всех левых партий кадетам было предоставлено не более 2—3 мест.

Таков приговор. Посмотрите мотивы.

«В центре спора, несомненно, стоит вопрос о том, существует или нет в Петербурге черносотенная опасность».

Неправда. Если вы беретесь судить большевистскую социал-демократию в передовой статье политической газеты, вы *обязаны* знать то, о чем вы судите. Вы сами говорите в той же передовой: «спор, возгоревшийся в настоящее время около резолюций (социал-демократической) конференции, представляет несомненный общественный интерес». Кто выражает желание публично участвовать в интересующем всех споре и обнаруживает сразу незнание «центра» спора, тот рискует получить в лицо наименование не из лестных...

Революционная социал-демократия много раз уже во всех своих неоднократных политических заявлениях разъясняла и подчеркивала, что «центром» споров о тактике во время выборов *нельзя* считать вопрос о так-называемой черносотенной опасности.

Почему нельзя? Потому, что тактика рабочей партии во время выборов должна быть лишь *применением* к одному частному случаю *общих основ* социалистической тактики пролетариата. Выборы представляют из себя лишь одно и притом далеко не самое важное, не самое существенное (особенно в революционную эпоху) поприще борьбы социалистического пролетариата за свободу и за уничтожение всякой эксплуатации. Кроме борьбы посредством избирательных бюллетеней, существует еще — и *неизбежно* разгорается в революционные эпохи — борьба иного рода. Об этой иной борьбе склонны забывать мнящие себя образованными интеллигенты, у которых сочувствие свободе сидит не дальше, как на кончике языка. О ней склонны забывать мелкие хозяйчики, которые стоят в стороне от самой острой и повседневной борьбы с капиталом и его прислужниками. Но об этой борьбе не забывает пролетарий.

И поэтому для сознательного пролетария тактика во время выборов может быть лишь приспособлением к особой, именно избирательной, борьбе его общей тактики, а ни в каком случае не переменой основ его тактики, не передвижением «центра» этой тактики.

Основы социалистической тактики во время революции состоят в том, чтобы передовой класс, пролетариат, шел во главе народной революции (происходящая теперь в России революция есть буржуазная революция в том смысле, что завоевание всей свободы и всей земли народу

несколько не избавит нас от господства буржуазии; ясно, что такой общественно-экономический характер революции не мешает ей быть народной революцией). Передовой класс должен поэтому неуклонно разоблачать перед всеми массами лживость всяких надежд на переговоры и соглашения со старой властью вообще, на соглашение помещиков и крестьян в земельном вопросе в частности. Передовой класс должен самостоятельно вести линию неуклонной борьбы, поддерживая лишь тех, кто действительно борется, лишь в той мере, в какой они борются.

Таковы основы социалистической тактики, предписывающие рабочей партии классовую самостоятельность, как правило, сотрудничество и соглашение только с революционной буржуазией и только как исключение.

Либералы не понимают этих основ с.-д. тактики. Им чужда идея классовой борьбы, их отталкивает противопоставление сделок и переговоров — народной революции. Но социал-демократы в принципе *все*, и большевики и даже меньшевики, признают основы этой тактики. Гг. трудовики, которые берутся вести политический орган, не зная азбуки в современных тактических вопросах социализма, могут прочесть об этом хотя бы в избирательной платформе с.-д. партии — платформе меньшевиков, преобладающих в ЦК.

«Граждане, говорит эта платформа, в Думу надо выбирать таких людей, которые хотят не только для России свободы, но стремятся помочь народной революции для завоевания этой свободы... Большинство первой Думы, руководимое партией «народной свободы», надеялось добиться свободы и земли путем мирных переговоров с правительством... Выбирайте же, граждане, борцов революции, которые вместе с вами будут продолжать великое дело, начатое в январе, октябре и декабре прошлого (1905) года».

«Центр спора», в котором ничего не поняли наши трудовики, состоит в том, допустимы ли *принципиально* соглашения с кадетами с *этой точки зрения*. На этот вопрос петербургская с.-д. конференция ответила, вслед за 14-ю делегатами всероссийской конференции (РСДРП), отрицательно. Соглашения с партией сделок и переговоров с старой властью недопустимы. Союзниками в «народной революции» кадеты быть не могут. Присоединение их к «борцам революции» не усиливает, а ослабляет борцов,

работу которых тормозят кадеты, выступающие теперь прямо против борьбы, против *всяких* революционных лозунгов.

Не заметив этого *принципиального* отношения большевистской социал-демократии к кадетам, наши судьи «слона» не заметили.

Эти трудовики всецело находятся под идейным влиянием либеральной буржуазии. Для них выборы заслонили все, результаты выборов заслонили дело просвещения *масс* в ходе выборной кампании. Они понятия не имеют о том, что полная ясность, определенность, недвусмысленность избирательной агитации имеет громадное значение для верного своим принципам социал-демократа, который останется верен своей революционной позиции, хотя бы его соблазняли перспективой получить местечко в Думе, хотя бы его пугали перспективой остаться в столице без мандата в Думе. Трудовики же забыли все принципы, забыли все основные задачи революции, поддавшись либеральной перепалке: они ничего не видят, ничего не понимают, ни о чем не заботятся и бормочут только — «одно место, два места, три места!»

...«Центр вопроса... существует ли в Петербурге черносотенная опасность»...

Итак, черносотенную опасность вы сводите к опасности черносотенной победы на подделываемых правительством выборах! Поймите же, господа, что, ставя *так* вопрос, вы признаете правительство уже окончательно победившим, а дело свободы, о которой вы болтаете, уже окончательно проигранным! Вы не видите сами и мешаете народным массам видеть *ту реальную* черносотенную опасность, которая проявляется не в голосованиях, а в определении условий голосования (сенатские разъяснения и предстоящая отмена избирательного закона 11-го декабря), в уничтожении результатов голосования (разгон Думы). Вы становитесь всецело на пошлую либеральную точку зрения, ограничивая свои помыслы — и помыслы сбиваемых вами с толку народных масс — борьбой на почве поддельного и подделываемого закона. Черносотенной опасности в виде возможного ареста всех выборщиков вы не видите. То, что от вас и всецело от вас зависит, — то, что дает во всяком случае прочное и существенное приобретение

революции, именно: развитие революционного сознания масс вполне выдержанной агитацией, это вы теряете. А то, за чем вы хотите гоняться, зависит от столыпинских проделок, от нового разъяснения сената, от нового полицейского нарушения закона о выборах. Следовательно, вы совершенно так же боретесь с «черносотенной опасностью», как французские буржуазные республиканцы борются с монархической опасностью: именно — посредством укрепления монархических учреждений и монархической конституции в республике. Ибо, поселяя в народе мысль, что черносотенная опасность состоит в опасности черносотенного голосования, вы укрепляете невежество самых неразвитых масс относительно действительного источника и действительного характера черносотенной опасности.

Но пойдём дальше. Допустим, что дальнейших сенатских разъяснений относительно выборов и выборщиков не будет. Перейдем к вопросу о победе тех или иных партий на голосовании в Петербурге при данной избирательной системе.

Трудовики не могут отрицать, что правые партии сильно скомпрометированы, что союз 17 октября терпит поражения, одно позорнее другого, что «в последнее время октябристы совсем притихли, ошеломленные тяжелыми ударами слева», что «общество полевело».

Но... Щедрий давно уже переводит на общепонятный язык это либеральное российское «но» — не растут уши выше лба, не растут! — но «технические затруднения», «не посылают литературы», «не дают бюллетеней», «полицейские стеснения»...

Вот она, психология российского интеллигента: на словах он храбрый радикал, на деле он подленький чиновник.

От полицейских стеснений должны помочь блоки с кадетами! Почему же не с октябристами, которые «хотят» конституции и которые гарантированы от «стеснений»? Поистине, российская политическая логика: избирательные соглашения, как средство борьбы против непосылки почтой литературы, против невыдачи бюллетеней... Против чего вы боретесь, господа?

— Против тех «законов», на основании которых производятся полицейские безобразия и объявляются «незаконными», не получающими бюллетеней, известные партии. — Как же вы боретесь?

— Ну, конечно, посредством соглашения с партией, которая либо получит бюллетени от мирнообновленцев, либо войдет еще в сделку со Столыпиным до Думы, либо останется тоже без бюллетеней!

Русский чиновник (в 20 лет радикал, в 30 либерал, в 40 просто чиновник) привык либеральничать в 4-х стенах и показывать кукиш в кармане. Избирательную кампанию он тоже рассматривает с точки зрения кукиша в кармане. Нужно ли влиять на массы? Пустяки, ведь почта не пересылает нашей литературы.

Не следует ли издавать и распространять литературу помимо «почты» и подобных ей учреждений?

— Пустяки! Это старые революционные иллюзии, не соответствующие «широкой» конституционной работе. Широкая конституционная работа состоит в том, чтобы надуть начальство: «они» будут меня среди с.-д. или с.-р. искать, а я в кадетском списке спрячусь так, что меня не разыщут! Правительство будет меня искать, как революционера, а я надую и правительство, и революционеров, я перебегу в «оппозиционный блок». Вот я какой хитрый!

— Но не выйдет ли отсюда, о, почтенный политический деятель, что вы надуете и массы, которые перестанут отличать вас от «оппозиции» коленопреклоненных либералов?

— Пустяки! Какие там еще массы... ну, дадим местечко рабочей курии... И потом, с известной точки зрения мы все за свободу... революция стала общенациональной... кадеты тоже готовы бороться по-своему...

Спрашивается, кроме *полицейских* соображений есть ли у наших трудовиков политические соображения? Есть. Они состоят в том, что надо приспособляться не к энергичному и подвижному, а к сидящему дома, забитому или сонному избирателю. Слушайте, как рассуждает «левая» газета:

«По настроениям митингов нельзя еще судить о настроении всей массы избирателей... На митингах бывает не более $\frac{1}{10}$ части всех избирателей — конечно, наиболее энергичных и живых, подвижных людей».

Поистине, достаточное основание, чтобы плестись в хвосте наименее энергичных, наиболее мертвых, неподвижных кадетских избирателей! Трагедия российского радикала: он десятки лет вздыхал о митингах, о свободе, пылал бешеной (на словах) страстью к свободе, — попал

на митинг, увидел, что настроение левее, чем его собственное, и загрустил: «трудно судить», «не более $1/10$ », «поосторожнее бы надо, господа!» Совсем как пылкий тургеневский герой, сбежавший от Аси, — про которого Чернышевский писал: «Русский человек на rendez-vous»*.

Ах, вы, зовущие себя сторонниками трудящейся массы! Куда уж вам уходить на rendez-vous с революцией, — сидите-ка дома; спокойнее, право, будет; и дела не придется иметь с этими опасными «наиболее энергичными и живыми, подвижными людьми». Вам подстать неподвижные обыватели!

А, может быть, вы теперь на простеньком примере и смекнете, в чем «центр спора» из-за соглашения с кадетами?

Именно в том, почтеннейший, что обывателя мы хотим встряхнуть и превратить в гражданина. А для этого надо *заставить* его *сделать выбор* между обывательской политикой раболопствующего перед (тьфу! тьфу!) «конституцией» кадета и между революционной политикой социалистического пролетариата.

«Блок всех левых партий» есть *потопление* «одной десятой наиболее энергичных и живых, подвижных людей» в массе равнодушных, спокойных, сонных, есть *подчинение* желающих бороться (и способных в решительную минуту увлечь за собой *массы*) желающим так же неприлично лояльничать, как кадеты в первой Думе, так же торговаться с Столыпиным и подло перебежать на его сторону, как кадет Львов.

Реакция наступает на вас, она отняла уже добрую треть завоеваний октября, она грозит отнять и остальные две трети. А вы корчите из себя людей порядка, вы защищаетесь тем, что апеллируете к обывательской психике: никаких наступлений, никакой революции, мы идем в Думу законодательствовать, мы ограничиваемся *обороной*, мы стоим на почве закона!

Когда поймете вы, что ограничиться обороной значит уже признать себя разбитым морально? Да вы и на самом деле разбитые морально люди. Вы только и годны на то, чтобы отдать свои голоса кадету.

* — свидание. Ред.

«Заставить обывателя сделать выбор», говорили мы. Именно, *заставить*. Ни одна социалистическая партия в мире не могла вырвать массы из-под влияния базирующихся на обывательской психике либеральных или радикальных буржуазных партий без некоторого толчка, без некоторого сопротивления, без риска *первого* опыта: кто на деле ващищает свободу, кадеты или мы?

Если есть соглашение с кадетом, обывателю *не надо* думать об этом. За него уже обдумали дело политиканы из радикальных болтунов и с.-д. оппортунистов, обдумали на rendez-vous с кадетами. Обыватель полевел (не по нашей вине, не в силу нашей *партийной* проповеди, а в силу столыпинского усердия), обыватель полевел, — и довольно с нас. Полевел, значит, будет за «блок всех левых»! И будет *вся* обывательская масса, а не то что какая-нибудь одна десятая беспокоящих... виноват, подвижных... людей. Надо и собрания, и всю политику подгонять под струсившего обывателя, *вот что значит на деле блок с кадетами*.

А мы говорили: надо не только листочки и платформы, не только резолюции и речи, а всю политику и избирательную кампанию вести так, чтобы *противопоставлять* струсившему обывателю решительного борца. И противопоставить это можно *только* посредством противопоставления *двух* различных списков: кадетского и социал-демократического. В столице, печать которой расходится по всей России, в столице, где находятся центры всех партий, в столице, которая идейно-политически руководит всей страной, — в тысячу раз важнее дать образец не политики обывательского благодушия, а политики, достойной октябрьского борца, вырвавшего кусочек свободы, — политики, достойной пролетариата.

Наши фразы о необходимости сознать ошибки «миролюбивой» кадетской Думы, о необходимости сделать шаг дальше, — останутся пустыми фразами, если мы *сами* не сделаем *шага* дальше против обывательской, обломовской идеи: «блок всех левых партий». Наши призывы идти *вперед* прозвучат фальшью и не зажгут сердца народных борцов, если мы сами, «руководители», «вожди», устроим в столице; перед глазами всех народов России, *шаг на месте*: под ручку с теми же самыми кадетами, на основе «любовного» распределения мест, по-хорошему, все сообща, все

за одно, все за свободу... Чего уж там разбирать еще? И какая беда, если меньшевик Иван Иванович сказал когда-то гусака кадету Ивану Никифору?!

«...На митингах бывает не более $\frac{1}{10}$ части всех избирателей»... Хорошо, господин радикал. Поверим вам, в виде исключения, на слово, — сделаем вам эту уступку за то... за то, что вы аргументируете так неловко.

Одна десятая избирателей, это составляет 13 000 из 130 000 по всему Петербургу. Эти тринадцать тысяч наиболее энергичных и живых, подвижных избирателей настроены левее кадетов. Спрашивается, можно ли, находясь в здравом уме и твердой памяти, утверждать, что энергичные посетители митингов *не ведут* за собой известного числа менее энергичных домоседов-избирателей? Всякий понимает, что этого *нельзя* допустить, что в полуторамиллионном городе есть, даже помимо газет и собраний, тысячи иных путей и каналов, которыми просачивается настроение передовиков во всю массу. Всякий понимает, — и все выборы во всех странах подтверждают это, — что за каждым энергичным избирателем, посетителем митингов, имеется не по одному, а по несколько избирателей-домоседов.

На прошлых выборах из 150 000 петербургских избирателей подали голоса 60 000. Из них около 40 000 за кадетов, около 20 000 по всему Петербургу за правых. Мы слышали, от самого нашего г. радикала, не желающего быть «оптимистом»... (боже упаси! наши радикалы хотят быть «солидными» людьми, ... вроде немецких радикалов 40-х годов прошлого века)... Мы слышали от него, что октябристы совсем притихли, и мы знаем из фактов об их полном поражении. Мы слышим теперь о 13 000 энергичных избирателей, настроенных левее кадетов. Подумайте о том, что отношения между этими цифрами видоизменяются сильно по отдельным участкам. Подумайте о том, сколько голосов стоит обыкновенно за избирателем, посещающим митинги.

Вам станет ясно, что опасность черносотенного голосования в Петербурге, в смысле опасности прохождения в Думу правых из-за раздробления голосов кадетов и социалистов, есть *вздорная сказка*. Ведь для того; чтобы в Петербурге прошли в Думу правые, необходимо, чтобы в *большинстве* участков не только раздробились голоса

вообще, но раздробились именно так, чтобы и кадеты и социалисты, взятые порознь, имели голосов меньше, чем имеет список черных. Это явная бессмыслица.

И мы говорим поэтому прямо: если черносотенная опасность не проявится с *вне-«конституционной»* стороны (а в оценке *этой* стороны и лежит центр тяжести различной тактики кадетов и социалистов), то раздробление голосов кадетов и социалистов *не может* дать победы правым в Петербурге.

Опасность черносотенного *исхода* выборов в Петербурге есть *обман народа*, распространяемый кадетами, «радикалами» и всякими оппортунистами и служащий интересам *обывателейщины* в политике. Сказка об *этой* черносотенной опасности служит *на деле* интересам кадетов, — которых она помогает ограждать от *опасности слева*, — служит *отуплению* масс, которых не заставляют в самом акте голосования отличить «законодательствующего» кадет-буржуа от социалиста, ведущего народ на борьбу.

И поэтому, когда общий хор либералов, трудовиков и оппортунистов с.-д. возглашает по нашему адресу: *вы изолированы!* — мы отвечаем спокойно: мы очень рады, что изолировали себя от обмана. Мы очень рады, что изолировали себя от грязного дела. Ибо в Петербурге, после 9 января 1905 г., после октября 1905 г., перед 130 000-ной массой избирателей проводить в Думу Кутлеров, Набоковых, Струве и К^о есть безусловно грязное дело.

Мы предсказываем трудовикам и с.-д. оппортунистам, которые заранее лекуют, что кадеты протащат в Думу их, а не большевиков, — мы предсказываем им, что если вторая Дума будет кадетской, то им, трудовикам и с.-д. оппортунистам, будет *стыдно* за проведение в Думу кадетов. Теперь они *прямо* будут отвечать за это. А кадеты во второй Думе уйдут настолько вправо (это видно из всего их поведения и всей их политической литературы за последний год), что изболчать их придется даже крайним оппортунистам. В первой Думе кадет Львов повернул к мирнообновленцам и к оправданию черносотенного разгона Думы. Во второй Думе (если история не принесет нам крутого поворота, от которого разлетятся впрах все мелкие сделки с кадетами и все кадеты), во II Думе кадетские Львовы покажут себя не в конце, а в начале.

Берите же, господа, себе местечки в Думе от кадетов! Мы не завидуем вам. Мы возьмем себе предупреждение массы рабочей и мелкобуржуазной столичной массы. Мы возьмем себе развитие в ней — не только посредством речей, но и посредством самих выборов — сознания *пропасти* между кадетами и социалистами.

Каждому свое, — а «смешивать два эти ремесла есть тьма охотников, мы не из их числа»¹²⁴.

«И они — говорит передовик «Родной Земли» про большевиков — будут даже более одиноки теперь, чем раньше, так как прежние бойкотисты, эсеры, теперь не только идут на выборы, но и стоят за блок с кадетами».

Ново и интересно. Мы уже отмечали как-то раз, что эсеры ведут себя во всем вопросе об избирательных соглашениях не как политическая партия, а как интеллигентская клика, ибо открытых политических выступлений их *организаций* по этому вопросу мы не видели. И теперь, если газета, в которой пишет г. Тан, не говорит прямой неправды и не повторяет непроверенного слуха, то мы сделаем дальнейший вывод, — именно тот: с.-р-ы ведут себя в вопросе об избирательных соглашениях *политически нечестно* или, по крайней мере, с такой шаткостью, которая неотделима от политической опасности.

Всем и каждому известно, что конференция петербургской с.-д. организации отвергла блок с к.-д. и предложила *против них* выборное соглашение трудовикам и эсерам. Резолюция наша напечатана во всех газетах.

Переговоры между ПК РСДРП и соответствующими учреждениями с.-р. и комитета Трудовой группы *уже имели место*. Расхождения касались исключения нами энесов (н.-с. — «народные социалисты») и числа мест. Если *тем не менее* эсеры, *начав* переговоры с нами *после* нашего заявления о безусловном решении дать сражение в Петербурге кадетам, *начали* или *продолжали* переговоры с кадетами о блоке, то очевидно, что эсеры *поступили политически нечестно*.

Мы говорим открыто: идем в бой с кадетами. Кто за нас?

И эсеры ведут переговоры *и с нами и с кадетами!*

Повторяем: правду ли сказал передовик «Родной Земли», мы не знаем. Оставить вовсе без внимания прямое утверждение органа, в котором пишет член организационного комитета партии н.-с., — г. Тан, мы не можем. О блоке

эсеров с энесами мы знаем и из газет и из сообщений эсеров в переговоре с нами (хотя условия этого блока и его настоящий характер нам неизвестны: тут тоже какая-то закулисная игра ведется).

Наш долг, следовательно, поставить вопрос публично и открыто, чтобы *все* знали о поведении такой-то политической партии. До сих пор соотношение партий определялось у нас только по программам и литературе, — это, ведь, одни слова в конечном счете. Первая Дума обрисовала *некоторые* партии на их *деятельности*. Теперь мы и *выборы* непременно должны использовать и используем для полного просвещения масс относительно *действительного* характера партий.

Что эсеры *скрывают* нечто из своих отношений к энесам, это теперь политический факт. Что на деле эсеры идут в хвосте у отколовшейся от них оппортунистической партии, это тоже факт. На деле, значит, эсеры в смысле революционной самостоятельности и решимости гораздо хуже, чем они кажутся. И если они пойдут на блок с кадетами, — да еще ради местечка не для себя, а для энесов, — то мы будем иметь превосходный агитационный материал для разъяснения петербургским рабочим марксистского положения о полной неустойчивости и обманчивой внешности мелкобуржуазных (хотя бы и революционных) партий.

От *таких* партий «изолировать» себя мы считаем не только делом чести для социал-демократа, но и единственно расчетливой политикой. Только расчет у нас ведется не с точки зрения мест в Думе, а с точки зрения *всего* рабочего движения в целом, с точки зрения коренных интересов социализма.

Но вернемся к «Родной Земле». До какого легкомыслия доходит эта газета, показывает следующая фраза:

«Вообще постановления конференции большевиков сделаны, повидимому, поспешно и неосмотрительно. Чем, в самом деле, трудовики лучше энесов?»

Это «в самом деле», поистине, бесподобно. Автор — такой круглый невежда в политике, что он даже и не замечает того, что ходит нагишом, — совсем как австралийский дикарь. И это — образованные политики мелкой буржуазии!

Ну, что же делать, примемся за «проклятую обязанность» публициста: разжевывать жвачку и учить авбуке.

Трудовики, т. е. комитет Трудовой группы, к которому обратилась Спб. с.-д. конференция, и энесы возникли из Трудовой группы в первой Думе. В этой Тр. группе было 2 крыла: оппортунистическое и революционное. Нагляднее всего обнаружилось различие между ними в различии *двух* аграрных проектов Трудовой группы: проекта 104-х и проекта 33-х.

Общего между этими проектами 1) то, что они стоят за переход земли от помещиков к крестьянам; 2) то, что они пропитаны насквозь духом мелкобуржуазной утопии, утопии «поравнения» мелких хозяев (хотя бы в известном отношении) в обществе товарного производства.

Различие этих проектов состоит в том, что первый проникнут *боязнью* мелкого собственника произвести слишком крутой переворот, втянуть в движение слишком большие и слишком бедные массы народа. Превосходно выразил этот «дух» проекта 104-х один из авторов его и лидеров энесов, г. Пешехонов, сославшийся на заявление «хозяйственных мужичков» в Думе: «нас послали получить землю, а не отдать ее». Это значит, что наряду с утопией мелкобуржуазного поравнения у *этого* крыла трудовиков ясно выражены *корыстные* интересы *более зажиточной* части крестьянства, боящейся, как бы ей не пришлось «отдавать» (при предположении всеобщего «поравнения», как мыслит себе социализм мелкий буржуа). Взять у помещика, но не отдать пролетарию, — вот лозунг партии хозяйственных мужичков.

Проект же 33-х предлагает немедленную и полную отмену частной собственности на землю. «Поравнительная» утопия здесь тоже есть и в таком же масштабе, но боязни «отдать» нет. Это — утопия не оппортунистического, а революционного мелкого буржуа, не хозяйственного мужика, а разоренного мужика, не мечта *нажиться* от помещика, на счет пролетария, а мечта *облагодетельствовать* всех, и пролетариев в том числе, посредством поравнения. Это — не боязнь втянуть в движение самые широкие и самые бедные массы, а желание втянуть их в борьбу (желание, не сопровождающееся уменьем и пониманием дела)*.

* По адресу этих, — да и других — мелкобуржуазных революционеров мы могли бы сказать, как один поэт анархист сказал по нашему адресу: «Ломать мы будем вместе, строить — нет».

После Думы это различие двух течений у трудовиков повело к образованию двух различных политических организаций: комитета Трудовой группы и партии н.-с. Первая организация приобрела себе почетное в истории русской революции место своими июльскими воззваниями. До сих пор, насколько известно публике, она этого своего хорошего имени еще не испортила, нигде от воззваний не отрекалась, в хоре нытиков, кисляев и ренегатов не участвовала.

Вторая же организация именно период разгона Думы использовала для того, чтобы при столыпинском режиме легализоваться, — чтобы в легальной печати, т. е. огражденная от критики слева, «разносить» вышеупомянутые воззвания, рекомендовать народу «пока» не задевать известных учреждений старой власти, и так далее. Конференция Спб. с.-д. организации выразилась поэтому про эту партию еще слишком мягко, сказав об «уклончивом отношении ее к основным вопросам внедумской борьбы».

Итак, политические факты до сих пор были таковы, что мелкобуржуазные или трудовые партии ясно разделились на партии революционного мелкого буржуа (с.-р. и комитет Трудовой группы) и партию оппортунистического мелкого буржуа (н.-с.). Так как для с.-д. избирательная кампания есть одно из средств политического просвещения масс, то мы и здесь, отделив две трудовические партии от третьей, заставили обывателя подумать о причинах этого разделения. А подумавши и разузнавши в чем дело, обыватель сделает сознательный выбор.

В заключение, нельзя не отметить, что наивный и невежественный передовик «Родной Земли» пускается в то же время в забавные софизмы, чтобы оправдать свою позицию. Не бесполезно разобрать один софизм, имеющий такой вид, чтобы как раз удовлетворять филистеров:

«Неправы большевики и в том случае, если черносотенной опасности нет. Потому что в таком случае нет необходимости в блоке с с.-р. и трудовиками, и с.-д. партия может с большою пользою для чистоты своего классового содержания выступать на выборах вполне самостоятельно».

Вот, дескать, мы кановы — думает этот радикал — даже о чистоте классового содержания судить можем!

Да, современный газетный писатель «может» судить обо всем, но понимать дела он не понимает, и знаний у него нет. Неверно, будто необходимость соблюдать чистоту классовой позиции исключает всякие соглашения. Думать так — значит доводить до абсурда взгляды марксизма, превращать их в карикатуру. И точно так же неверно, будто нет необходимости блока с с.-р., если нет черносотенной опасности.

Полная самостоятельность избирательной кампании с.-д. рабочей партии есть общее правило. Исключения, однако, приходится допускать всякой живой и массовой партии, — только в разумных и строго ограниченных пределах. В эпоху буржуазной революции *все* с.-д. допускали политические соглашения с *революционной* буржуазией и тогда, когда совместно работали в Советах рабочих, крестьянских, солдатских, железнодорожных и т. д. депутатов, и тогда, когда подписывали известный манифест Совета рабочих депутатов (декабрь 1905 г.) или июльские воззвания (июль 1906 г.). Передовик «Родной Земли», очевидно, не знает самых общеизвестных фактов, касающихся роли разных партий в русской революции. Революционная социал-демократия отвергает беспринципные соглашения, отвергает вредные и ненужные соглашения, но связывать себе руки вообще и на все случаи она и не думает. Это было бы ребячеством. Платформа 14-ти делегатов всероссийской с.-д. конференции документально доказала это.

Далее. «Необходимость» соглашения с с.-р. и трудовиками в Петербурге вытекает из *кадетской* опасности. Если бы автор передовицы в «Родной Земле» знал тот предмет, о котором он взялся говорить, то ему было бы известно, что даже среди социал-демократов — сторонников соглашений с кадетами — есть влиятельнейшие организации (напр., Бунд), которые признают необходимость блока с революционной буржуазией в случае *кадетской* опасности, когда нет черносотенной опасности. В Петербурге возможно было бы не только провести избирательную кампанию в духе революционного и социалистического воспитания масс (этого-то мы, с.-д., во всяком случае достигнем), но и *победить* кадетов, если бы не изменили меньшевики с.-д., если бы за *всеми* социалистами пошли *все* революционные трудовики. А раз мы ведем

избирательную кампанию, мы не вправе упускать ни одной возможности победы, лишь бы при этом не было принципиальных нарушений социалистической тактики.

Что серьезная борьба в Питере ведется *только* между кадетами и социал-демократами, это *доказано* предвыборными собраниями (то же относится и к Москве, причем можно добавить, что результаты *всех* частичных анкет, напр., газеты «Век» или профессионального союза приказчиков «Единение и Сила», тоже подтвердили это положение)¹²⁵.

Что соглашение с кадетами есть идейно-политическая гегемония кадетов над их союзниками, это доказывает и вся политическая печать и весь характер переговоров. Кадеты диктуют условия. Кадеты громогласно определяют *значение* соглашений (вспомните их отзывы о меньшевиках и н.-с., «умеренные социалистические партии», «оппозиционный блок»). От кадетов просят равенства числа мест, как максимальной уступки.

И так же несомненно, что соглашение с.-д. с революционно-демократическими партиями означает гегемонию с.-д. над мелкой буржуазией. Печать с.-д. открыто, ясно и всесторонне развила *все* свои взгляды, тогда как с.-р. и комитет Трудовой группы вовсе не высказались самостоятельно по вопросу о соглашениях. Основной тон взят социал-демократами. Об урезывании их социалистических воззрений, их классовой точки зрения нет и не может быть речи. В распределении мест им тоже не подумает никто предложить меньшую долю. Их кампания в рабочей курии идет безусловно самостоятельно и показывает их преобладание.

При таких условиях бояться повести с собой на бой с кадетами союзников из революционной мелкой буржуазии было бы просто смешно. Даже энесов мы могли бы при таких условиях вести за собой, если бы это оказалось необходимым для дела. Принципиальность нашей партии от этого нисколько не пострадала бы: линия остается той же, борьба с главенствующей партией либеральных буржуа-соглашателей ведется нами не менее энергично. Ни один здравомыслящий человек не скажет, что мы пошли за энесами (давая им, вместе с с.-р. и комитетом Трудовой группы, два места из шести). Напротив, это означало бы *на деле* самостоятельную кампанию с.-д.

и *отрыв* нами от кадетов одного из кадетских придатков. Неужели не ясно, что задачам борьбы с кадетами не только не противоречит, а, напротив, прямо служит мобилизация против них полу-кадетов, если последние идут в наш список?

Конференция петербургской с.-д. организации поступила правильно, высказав *открыто* и публично свое отрицательное отношение к энесам. Мы обязаны были предупредить революционных трудовиков от *такой* якобы трудовической партии. Если революционные трудовики оказываются *зависящими* от формально совершенно самостоятельной партии н.-с., — пусть это будет заявлено публично. Нам очень важно вытащить этот факт на свет божий, заставить признать его, сделать из него *все* выводы в широкой агитации перед рабочими, перед всем народом.

А затем вопрос о том, лучшего или худшего качества трудовиков мы получаем в союзники по борьбе в Петербурге с кадетами, — этот вопрос мы будем решать чисто деловым образом. Принципиальную линию мы определили. В бой мы идем *во всяком случае* самостоятельно. Ответственность за наименее надежных трудовиков мы открыто сняли с себя и возложили на других.

* * *

Левые кадеты «Товарища» пробовали посмеяться над большевиками, когда они еще в ноябре заявили: в Петербурге борются три главные партии — черносотенцы, кадеты и социал-демократы.

Rira bien qui rira le dernier (хорошо смеется тот, кто смеется последним).

Наше предвидение оправдалось.

В Петербурге будет *три* списка кандидатов в Думу: черносотенный, кадетский и социал-демократический.

Граждане, выбирайте!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Статья Ленина «Накануне» была передана в редакцию газеты «Работник» по телеграфу.

«Работник» — легальная большевистская газета, издавалась в Киеве; вышло два номера: 8 (21) и 9 (22) июня 1906 года. Первый номер газеты был конфискован. После выхода второго номера газета была закрыта. — 1.

- ² «Торжественное обещание» для членов Государственной думы было введено 13-й статьёй положения о Думе. Подписывая это «обещание», социал-демократы — депутаты первой Государственной думы — опубликовали в печати в июне 1906 года цитируемое Лениным заявление. — 6.

- ³ «Курьер» — ежедневная легальная меньшевистская газета, выходила в Петербурге в мае — июне 1906 года. — 7.

- ⁴ «Звездной палатой» назывался в Англии особый трибунал — чрезвычайный суд по политическим и религиозным делам, уничтоженный английской революцией XVII века.

В России в период 1905—1907 гг. название «звездной палаты» получила придворная клика — кучка реакционных сановников, представлявшая высшие круги крепостников-помещиков и бюрократии. — 8.

- ⁵ *Трудовики*, «Трудовая группа» — группа мелкобуржуазных демократов; образовалась в апреле 1906 года из крестьянских депутатов I Государственной думы.

Трудовики выдвигали требования отмены всех сословных и национальных ограничений, демократизации земского и городского самоуправления, осуществления всеобщего избирательного права для выборов в Государственную думу. Аграрная программа трудовиков исходила из народнических принципов уравнительности землепользования: образование общенародного фонда из казенных, удельных, кабинетских, монастырских земель, а также частновладельческих, если размер владения превышал установленную трудовую норму; за отчуждаемые

- частновладельческие земли предусматривалось вознаграждение. Проведение земельной реформы возлагалось на местные крестьянские комитеты. — 9.
- 6 *«Вперед»* — легальная ежедневная большевистская газета; выходила в Петербурге с 26 мая (8 июня) 1906 года вместо закрытой правительством газеты *«Волна»*. Руководящая роль в газете принадлежала Ленину. В газете принимали участие М. С. Ольминский, В. В. Воровский, А. В. Луначарский. Газета подвергалась полицейским репрессиям; на 17-м номере от 14 (27) июня 1906 года она была закрыта. Вместо *«Вперед»* стала выходить большевистская газета *«Эхо»*. — 9.
- 7 *Булыгинская дума* — совещательное «представительное учреждение», которое царское правительство намеревалось созвать в 1905 году. Проект закона об учреждении совещательной Государственной думы и положение о выборах в Думу были разработаны комиссией под председательством министра внутренних дел Булыгина и опубликованы вместе с царским манифестом 6 (19) августа 1905 года. Большевики объявили активный бойкот булыгинской Думы. Правительству не удалось созвать Думу, она была сметена силой революции. — 14.
- 8 *Виттевская дума* — первая Государственная дума, созданная 27 апреля (10 мая) 1906 года по положению, разработанному председателем совета министров С. Ю. Витте. 8 (21) июля 1906 года Дума была разогнана царским правительством. — 15.
- 9 Статья написана в связи с декларацией социал-демократической думской фракции, которую огласил С. Джапаридзе 16 (29) июня 1906 года в Думе при обсуждении законопроекта о свободе собраний. При выработке декларации думская с.-д. фракция отклонила большевистский проект декларации, написанный Лениным (этот проект с некоторыми сокращениями приводится Лениным в настоящей статье), и приняла проект декларации, одобренный меньшевистским ЦК. — 17.
- 10 Резолюция о белостонском погроме была внесена от имени с.-д. фракции С. Джапаридзе на 35-м заседании Думы 29 июня (12 июля) 1906 года (см. *«Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год»*, т. II, стр. 1825). — 17.
- 11 12 (25) июня 1906 года на заседании Думы министр внутренних дел Столыпин давал объяснения на запрос Думы о мерах, принятых правительством для борьбы с голодом. Выступивший в прениях трудовик Аладьян настаивал на том, чтобы «не дать ни одной копейки» правительству. Однако кадет Набоков сумел провести от своего имени и от имени Аладьяна кадетскую формулу перехода к очередным делам. Депутаты социал-демократы не выявили протеста и не внесли своей резолюции. Подробно Ленин останавливается на этом вопросе в статьях *«Помощь голодающим и думская тактика»*, *«Кадетская Дума дала денег правительству погромщиков»* (см. настоящий том, стр. 27—31, 44—47). — 17.

- 12 *«Наша Жизнь»* — ежедневная газета, близкая к левому крылу партии кадетов; выходила с перерывами с 6 (19) ноября 1904 года по 11 (24) июля 1906 года в Петербурге.
- «Мысль»* — легальная ежедневная газета партии эсеров; выходила в Петербурге в июне — июле 1906 года. — 22.
- 13 *Правопорядочники, правопорядцы («п. п. п.»)* — партия правового порядка — контрреволюционная партия крупной торгово-промышленной буржуазии, помещиков и высших слоев бюрократии; образовалась осенью 1905 года. В 1907 году партия распалась. — 22.
- 14 Народный митинг был организован в Петербурге социально-политическим клубом в доме графини Паниной 9 (22) мая 1906 года в связи с работой Думы и ее ответным адресом на тронную речь царя.
- На митинге присутствовало около трех тысяч человек, из них половина рабочих. Ленин, под фамилией Карпова, выступил против «народного социалиста» Мякотина и меньшевика Ф. Дана, защищавших блок с кадетами. Предложенная Лениным резолюция (см. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 377) была принята собранием почти единогласно. Отчет о выступлении Ленина был напечатан в большевистской газете «Волна» и в меньшевистской «Невской Газете» (см. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 375—376). — 22.
- 15 *Всероссийский крестьянский союз* — революционно-демократическая организация, возникла в 1905 году. Крестьянский союз требовал политической свободы и немедленного созыва учредительного собрания; придерживался тактики бойкота I Государственной думы. Аграрная программа Союза включала требования отмены частной собственности на землю, передачи крестьянам без выкупа монастырских, церковных, удельных, кабинетских и государственных земель. В своей политике Союз проявлял половинчатость и колебания. Требуя ликвидации помещичьей собственности на землю, Союз соглашался на частичное вознаграждение помещиков. С первых же шагов своей деятельности Крестьянский союз подвергался полицейским репрессиям. К концу 1906 года Всероссийский крестьянский союз распался. — 24.
- 16 *«Речь»* — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с февраля 1906 года. Закрыта Военно-революционным комитетом 26 октября (8 ноября) 1917 года. — 27.
- 17 *«Голос Труда»* — ежедневная меньшевистская газета, выходила в Петербурге в июне — июле 1906 года. — 34.
- 18 *«Светоч»* — легальная ежедневная большевистская газета, выходила в Москве с 11 (24) мая по 31 мая (13 июня) 1906 года. Вышло 17 номеров. В газете принимали участие И. И. Скворцов-Степанов, М. Н. Покровский и другие. Газета была закрыта по постановлению московской судебной палаты. — 34.

- 19 *ПДР — партия демократических реформ* — одна из политических группировок либерально-монархической буржуазии. Образовалась в 1906 году во время выборов в I Государственную думу; занимала позицию правее партии кадетов, фактически являлась ее незначительным отвлствлением. — 38.
- 20 *Пятый съезд социал-демократии Польши и Литвы* состоялся 18—25 июня (н. ст.) 1906 года в Закопане (Галиция). На съезде присутствовало 52 делегата с решающим и 8 с совещательным голосом. В числе делегатов на съезде присутствовал В. В. Воровский — представитель редакции газеты «Вперед». Отчетный доклад от Главного правления партии сделал Ф. Э. Дзержинский (на съезде — Франковский). Основные резолюции съезда напечатаны в газете «Эхо» № 4 от 25 июня (8 июля) 1906 года. — 48.
- 21 *Межрайонная конференция петербургской организации РСДРП* происходила в Финляндии, в Териоках 11—12 (24—25) июня 1906 года. Она была созвана Петербургским комитетом для выработки тактики петербургского пролетариата по отношению к Государственной думе. Выборам на конференцию предшествовала дискуссия вокруг двух тактических платформ: меньшевистской резолюции Центрального Комитета о поддержке лозунга кадетского думского министерства и большевистской резолюции Петербургского комитета (см. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 445—446).
- На конференции присутствовало около 80 делегатов, представлявших до 4 тысяч членов партии. С докладом от Петербургского комитета выступал Ленин. Его оппонентом, защищавшим точку зрения ЦК, был Дан. Большинство голосов была принята резолюция, одобрявшая линию Петербургского комитета.
- В резолюции, принятой по докладу Ленина о единстве партии, конференция отметила, что ЦК выражает мнение лишь меньшинства партии, и выдвинула требование созыва нового партийного съезда для разрешения создавшегося в партии положения. Конференция приняла решение об установлении постоянной связи между петербургской партийной организацией и думской социал-демократической фракцией. — 48.
- 22 *Московская областная конференция* (конференция северных комитетов) РСДРП состоялась в первой половине июня 1906 года. На конференции присутствовали представители комитетов — Московского, Московского окружного, Вологодского, Ярославского, Кинешемского, Костромского, Владимирского окружного, Иваново-Вознесенского, Борисоглебского, Нижегородского, Орловского, Козловского и с.-д. группы г. Шуми, представлявших 14 000 организованных рабочих.
- Конференция осудила тактику меньшевистского Центрального Комитета по отношению к Государственной думе и приняла следующую резолюцию: «Северный Союз заявляет, что он не согласен с платформой Центрального Комитета, так как не считает ее соответствующей директивам партийного съезда, и предлагает поддержать крайнюю левую Думу». — 48.

- 23 «Слово» — ежедневная газета, издавалась в 1904—1909 годах в Петербурге. С ноября 1905 года до июля 1906 года являлась органом партии октябристов, а затем — органом конституционно-монархической партии «мирпообновленцев», которую Ленин называл «партией мирного ограбления». — 57.
- 24 «Эхо» — легальная большевистская ежедневная газета, выходила в Петербурге с 22 июня (5 июля) по 7 (20) июля 1906 года вместо закрытой правительством газеты «Вперед». Вышло 14 номеров. Редактором газеты фактически был Ленин. В каждом номере печатались ленинские статьи. Ленин принимал непосредственное участие в работе отдела «Среди газет и журналов».
- Почти все номера газеты «Эхо» подвергались репрессиям. Накануне разгона I Государственной думы газета была закрыта. — 58.
- 25 К. П — е — К. А. Попов. — 58.
- 26 Имеется в виду царский указ от 8 (21) марта (издан 11 (24) марта) 1906 года. По этому указу виновные в агитации за бойкот выборов преследовались тюремным заключением от четырех до восьми месяцев. — 61.
- 27 *Аграрный проект 33-х* — «Проект основного земельного закона», внесенный за подписью 33-х депутатов, в большинстве трудовиков, на заседании I Государственной думы 6 (19) июня 1906 года. В качестве основного требования проект 33-х выдвигал, в отличие от проекта «104-х», немедленную и полную отмену частной собственности на землю. 8 (21) июня кадетская Дума проект отвергла.
- О различиях аграрных проектов трудовиков см. настоящий том, стр. 428—429. — 68.
- 28 А. Л — й — А. В. Луначарский. Им был написан в № 8 газеты «Эхо» ответ на статью Изгоева, направленную против работы Ленина «Кадетские подголоски». — 71.
- 29 В июне 1906 года петербургская организация партии эсеров начала агитацию за восстановление Совета рабочих депутатов. Эсеровскую агитацию поддерживал меньшевик Хрусталева, один из бывших председателей Петербургского Совета рабочих депутатов в октябре — ноябре 1905 года. Петербургский комитет РСДРП отметил несвоевременность образования Совета и разоблачил провокационный характер агитации эсеров. Решение ПК опубликовано в газете «Эхо» № 5, 27 июня (10 июля) 1906 года. — 72.
- 30 Брошюра «*Роспуск Думы и задачи пролетариата*», написанная Лениным до начала свеаборгского восстания, вышла в свет уже после восстания. 12 (25) августа 1906 года в Москве на брошюру был наложен арест, а против автора возбуждено судебное преследование. Брошюра, тем не менее, получила

- распространение не только в Москве и Петербурге, но и в провинции. — 89.
- 31 Ленин имеет в виду обращение членов I Государственной думы, известное под именем «Выборгского воззвания». Обращение было принято 9—10 (22—23) июля 1906 года на совещании в Выборге, куда съехалось около 200 депутатов, главным образом кадетов, после разгона I Думы. Воззвание призывало народ оказать правительству «пассивное сопротивление» — не платить податей и не давать рекрутов до тех пор, пока царь не назначит новых выборов в Думу. В сентябре 1906 года съезд кадетской партии открыто признал применение «пассивного сопротивления» «фактически неосуществимым». — 92.
- 32 *Суворин, А. С.* — редактор реакционной газеты «Новое Время» с 1876 по 1912 год. — 92.
- 33 «*Московские Ведомости*» — газета, издавалась с 1756 года; с 60-х годов XIX века выражала взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства; с 1905 года — один из главных органов черносотенцев. Закрыта вскоре после Октябрьской революции 1917 года. — 92.
- 34 «*Гражданин*» — реакционная газета, выходившая в Петербурге с 1872 по 1914 год. С 80-х годов XIX века являлась органом крайних монархистов. Газета существовала главным образом за счет субсидий царского правительства. — 92.
- 35 *Ледрю-Роллен* (1807—1874) — французский политический деятель, представитель мелкобуржуазных демократов. — 99.
- 36 *Восстание в крепости Свеаборг* (близ Гельсингфорса) вспыхнуло стихийно 17 (30) июля, затем было возглавлено членами военной организации РСДРП — подпоручиками А. Емельяновым и Е. Коханским. Петербургский комитет партии, получив сведения о положении в Свеаборге и возможности вооруженного восстания, принял постановление о срочной посылке в Свеаборг делегации. Текст постановления был написан Лениным (см. настоящий том, стр. 110).
Восстание продолжалось три дня. 20 июля (2 августа), после обстрела крепости военными кораблями, восстание было подавлено. В тот же день было подавлено восстание в Кронштадте. — 109.
- 37 В рукописи Ленина название города (Свеаборг) заменено, по конспиративным соображениям, росчерком. — 110.
- 38 Ленин имеет в виду воззвания, напечатанные в июле 1906 года, после разгона I Думы: «К армии и флоту», «Манифест ко всему российскому крестьянству», «Ко всему народу». В воззваниях подчеркивалась необходимость вооруженного восстания. — 116.

39 Ленин приводит слова из «Песни о Буревестнике» М. Горького. — 117.

40 «Пролетарий» — нелегальная большевистская еженедельная газета, Центральный Орган РСДРП, созданный по постановлению III съезда партии. Решением пленума Центрального Комитета партии от 27 апреля (10 мая) 1905 года ответственным редактором ЦО был назначен В. И. Ленин.

«Пролетарий» издавался в Женеве с 14 (27) мая по 12 (25) ноября 1905 года. Вышло 26 номеров. Постоянное участие в работе редакции принимали В. В. Воровский, А. В. Луначарский и М. С. Ольминский. «Пролетарий» продолжил линию старой, ленинской «Искры» и сохранил полную преемственность с большевистской газетой «Вперед». Ленин написал в газету свыше 50 статей и замечок. Статьи Ленина из газеты «Пролетарий» перепечатывались в местных органах большевистской печати, издавались отдельными листовками. Особенно близкое сотрудничество было налажено между «Пролетарием» и нелегальной большевистской газетой «Пролетариатис Брзвола» («Борьба Пролетариата») — органом Кавказского союза РСДРП, издававшимся под руководством И. В. Сталина, А. Г. Цулукидзе и С. Г. Шаумяна.

Вскоре после отъезда Ленина в Россию, в ноябре 1905 года, издание газеты «Пролетарий» было прекращено. Последние два номера газеты (25-й и 26-й) вышли под редакцией В. В. Воровского. — 118.

41 «Партийные Известия» — газета, орган Объединенного ЦК РСДРП, выходила нелегально в Петербурге накануне IV («Объединительного») съезда партии. Вышло два номера: 7 (20) февраля и 20 марта (2 апреля) 1906 года. Редакция «Партийных Известий» была создана на равных началах из редакторов большевистского («Пролетарий») и меньшевистского (новая «Искра») органов. В состав редакции от большевиков входили Ленин, Луначарский и другие.

В «Партийных Известиях» напечатаны статьи В. И. Ленина: «Современное положение России и тактика рабочей партии», «Русская революция и задачи пролетариата» за подписью «Большевик» (см. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 94—100, 116—126). После съезда издание «Партийных Известий» было прервано. — 118.

42 Закон 11 (24) декабря 1905 года — избирательный закон по выборам в Государственную думу. По этому закону избиратели разбивались на 4 курии: землевладельческую (помещики), городскую (буржуазия), крестьянскую и рабочую. Один голос помещика приравнивался к 3 голосам представителей городской буржуазии, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Закон обеспечивал громадное преобладание в Думе кучки помещиков и капиталистов. — 119.

- 43 «*Говарлиц*» — буржуазная ежедневная газета, выходила в Петербурге с марта 1906 года по январь 1908 года; формально не являлась органом какой-либо партии, фактически же была органом левых кадетов. В газете принимали участие и меньшевики. — 121.
- 44 Ленин говорит о заявлении большевистской части ЦК от 20 июля (2 августа) 1906 года, напечатанном отдельной листовкой под заглавием «Заявление 3-х членов ЦК в ЦК РСДРП» и в брошюре «Имела ли партия Центральный Комитет в 1906—7 году?» — 128.
- 45 Ленин имеет в виду второй параграф большевистского проекта резолюции к Объединительному съезду РСДРП о «Временном революционном правительстве и местных органах революционной власти» (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 67). — 131.
- 46 «*Освобождение*» — двухнедельный журнал буржуазных либералов, издававшийся за границей в 1902—1905 годах под редакцией П. Б. Струве. С января 1904 года — орган либерально-монархического «Союза освобождения». Позднее «освободенцы» составили ядро партии кадетов — главной буржуазной партии в России. — 133.
- 47 «*Полярная Звезда*» — еженедельный журнал, орган правого крыла кадетской партии; выходил в Петербурге в 1905—1906 годах под редакцией П. Б. Струве. — 133.
- 48 Речь идет о резолюциях комитетов РСДРП — Курского, Калужского, Московского окружного, Областного бюро Центрального района и Костромской партийной конференции, состоявшейся 25 июля (7 августа) 1906 года. — 135.
- 49 Имеется в виду конференция железнодорожников, созванная в августе 1906 года по вопросу о всеобщей забастовке, в связи с роспуском первой Государственной думы.
На конференции присутствовали делегаты от рабочих и служащих 23 железных дорог, представители центрального бюро Всероссийского железнодорожного союза, Трудовой группы, ЦК РСДРП, Бунда, ЦК эсеров и др. В принятой конференцией резолюции отмечалось: «Предстоящая всеобщая забастовка будет тем натиском народных сил, который должен вырвать власть из рук самодержавного правительства». — 136.
- 50 «*Кровавый день*» — день 2 (15) августа 1906 года, когда в Варшаве, Лодзи, Радоме, Плоцке и других городах Польши были совершены нападения на полицию. Выступление организовала Польская социалистическая партия (ППС) (см. заметку Ленина «О партизанском выступлении ППС» — настоящий том, стр. 167). — 141.

- 51 Покушение на Столыпина было произведено эсерами-максималистами 12 (25) августа 1906 года.
Генерал Мин, руководивший подавлением Московского декабрьского вооруженного восстания, был убит членом партии эсеров 13 (26) августа 1906 года. — 141.
- 52 Коалиционный совет боевых дружин состоял из представителей партийных дружин Московского комитета РСДРП, Московской группы социал-демократов, Московского комитета партии эсеров и дружин под названиями «Вольная районная», «Университетская», «Типографская» и «Кавказская». — 145.
- 53 См. К. Маркс. «Классовая борьба во Франции», 1940, стр. 27. — 146.
- 54 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Революция и контрреволюция в Германии», 1940, стр. 99—100. — 149.
- 55 Это положение неоднократно развивалось Ф. Энгельсом в ряде его произведений, в частности в работе «Анти-Дюринг». — 150.
- 56 Ленин имеет в виду «Введение» Ф. Энгельса к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции». При публикации «Введения» немецкими социал-демократами в 1895 году оно было извращено, а затем истолковано ими как отказ от вооруженного восстания и баррикадной борьбы. Полный текст «Введения» по рукописи Энгельса был впервые опубликован лишь в СССР (см. К. Маркс. «Классовая борьба во Франции», 1940, стр. 5—26). — 150.
- 57 Ленин имеет в виду два указа царского правительства: от 12 (25) августа 1906 года — о продаже части удельных (принадлежащих царской фамилии) земель и от 27 августа (9 сентября) 1906 года — о распродаже назенных (государственных) земель через Крестьянский банк. — 161.
- 58 Речь идет о газете «Известия Московского Совета Рабочих Депутатов», выходившей ежедневно с 7 (20) по 12 (25) декабря 1905 года во время всеобщей стачки и вооруженного восстания в Москве. «Известия Московского Совета Рабочих Депутатов», как и «Известия» Петербургского Совета, печатались самочинным путем — под охраной дружинников, в разных типографиях (у Сытина, Мамонтова, Кушнерова, Чичерина). «Известия» выходили в количестве от 5 до 10 тысяч экземпляров. 12 (25) декабря вышел последний, шестой, номер «Известий». — 163.
- 59 Заметка «О партизанском выступлении ППС» является примечанием Ленина к статье «Из Польши», помещенной в «Пролетарии» № 3, 8 (21) сентября 1906 года. — 167.

- 60 *«Тверь»* — название чайной, помещавшейся за Невской заставой в Петербурге. Чайная служила местом для сборищ черносотенцев. — 167.
- 61 *Таз-ил* — псевдоним эсера-максималиста А. Г. Троицкого. — 171.
- 62 *«Голос»* — ежедневная газета партии эсеров, выходила в Петербурге в апреле — июне 1906 года.
«Дело Народа» — ежедневная газета партии эсеров, выходила в Петербурге в мае 1906 года. — 171.
- 63 В. В. (псевдоним В. П. Воронцова) и *Николай* — он (псевдоним Н. Ф. Даниельсона) — идеологи либерального народничества 80—90-х годов XIX века. — 172.
- 64 *«Русское Богатство»* — ежемесячный журнал, выходил в Петербурге с 1876 до середины 1918 года. С начала 90-х годов журнал был органом либеральных народников. С 1906 года *«Русское Богатство»* фактически становится органом полукadetской партии энесов («народных социалистов»). — 172.
- 65 *Ушаков* — агент Зубатова; осенью 1905 года организовал «Независимую социальную рабочую партию» и издавал на деньги правительства *«Рабочую Газету»*. Партия «независимцев» пыталась вести борьбу против социал-демократов, но успеха среди рабочих не имела. — 178.
- 66 *«Отклики Современности»* — меньшевистский журнал, выходил легально в Петербурге с марта по июнь 1906 года. Вышло 5 номеров. — 179.
- 67 20 февраля (5 марта) 1906 года был издан закон и два указа сенату о Государственной думе и Государственном совете. Этим законом царское правительство фактически отменило свой манифест 17 октября.
 По новому закону Государственный совет, состав которого наполовину назначался верховной властью и наполовину избирался из черносотенных слоев дворян, крупных капиталистов и духовенства, был превращен из совещательного в законодательный орган. Государственный совет мог отклонить любое решение Думы. — 183.
- 68 *Беззаглавцы* — полукadetская группа (С. Прокопович, Е. Кускова, В. Богучарский и другие), издававшая в 1906 году в Петербурге журнал *«Без Заглавия»*. Объявляя себя сторонниками ревизионистского крыла западно-европейской социал-демократии (Бернштейн и др.), «беззаглавцы» выступали против самостоятельной классовой политики пролетариата. Ленин называл «беззаглавцев» «меньшевистствующими кадетами» или «кадетствующими меньшевиками». — 187.

- 69 Настоящая заметка была напечатана в виде примечания «От редакции» к резолюции Московского комитета РСДРП о партизанской войне. Резолюция была принята МК в сентябре 1906 года. В пункте 3 мотивировочной части резолюции указано, что «революция, не будучи в силах единовременным народным выступлением сломить власть, настолько, однако, сильна, что не может оставаться пассивной и стихийно переходит в партизанские нападения на врага, чего особенно следует ожидать в деревнях с наступлением рекрутского набора». — 197.
- 70 «Амстердамская резолюция» — «Международные правила социалистической тактики» — была принята конгрессом II Интернационала, состоявшимся в Амстердаме 14—20 августа (н. ст.) 1904 года. Резолюция запрещала социалистам участие в буржуазных правительствах и отвергала сотрудничество социалистических партий с буржуазными партиями. — 198.
- 71 «Диск» — «демократический союз конституционалистов», контрреволюционная организация; возникла осенью 1905 года; объединяла представителей крупного дворянства, консервативных слоев промышленной буржуазии и высшей бюрократии. В конце 1905 года «диск» вошел в партию октябристов. — 199.
- 72 «Социал-Демократ» — газета, нелегальный орган Центрального Комитета РСДРП, выходила в Петербурге с 17 (30) сентября по 18 ноября (1 декабря) 1906 года; фактически являлась меньшевистским органом, так как ЦК в это время находился в руках меньшевиков. — 205.
- 73 *Ткачевизм* — русский бланкизм, названный по имени революционера 60—70-х годов XIX века П. Н. Ткачева — последователя Огюста Бланки. — 205.
- 74 Статья «Русский радикал задним умом крепок!» была напечатана в № 12 «Вестника Жизни».

«Вестник Жизни» — еженедельный научный, литературный и политический журнал, легальный большевистский орган; выходил нерегулярно в Петербурге с 30 марта (12 апреля) 1906 года по сентябрь 1907 года; до 19 ноября (2 декабря) 1906 года вышло 13 номеров. С января 1907 года «Вестник Жизни» превращен в ежемесячник; вышло 7 номеров. В журнале принимали участие В. И. Ленин, М. С. Ольминский, В. В. Воровский, А. В. Луначарский, А. М. Горький и другие. Кроме названной статьи в журнале (№ 6) была напечатана статья Ленина «Наутский о Государственной думе» (см. Сочинения, 4 изд., том 10, стр. 417—419). — 209.

- 75 В. В. Х — ов — В. В. Хижняков. — 209.
- 76 «Столичная Почта» — левокадетская ежедневная газета, выходила в Петербурге с октября 1906 года по февраль 1908 года. — 213.

77 *«Пролетарий»* — нелегальная газета, основанная большевиками после IV («Объединительного») съезда партии; выходила с 21 августа (3 сентября) 1906 года по 28 ноября (11 декабря) 1909 года под редакцией Ленина. *«Пролетарий»* носил название органа Московского и Петербургского комитетов, а некоторое время — и Московского окружного, Пермского, Курского и Казанского комитетов. Фактически *«Пролетарий»* являлся Центральным Органом большевиков. Вышло 50 номеров *«Пролетария»*; первые 20 номеров были изданы в Финляндии. С 13 (26) февраля по 1 (14) декабря 1908 года *«Пролетарий»* выходил в Женеве; с 8 (21) января 1909 года — в Париже.

В газете опубликовано свыше 100 статей и заметок Ленина. В годы столыпинской реакции *«Пролетарий»* сыграл выдающуюся роль в сохранении и укреплении большевистских организаций. На пленуме Центрального Комитета РСДРП в январе 1910 года «примиренцам», скрытым агентам и пособникам Троцкого, удалось провести решение о закрытии газеты *«Пролетарий»*. — 219.

78 Брошюра *«Выступление Мартова и Череванина в буржуазной печати»* издана в октябре 1906 года в Петербурге. В 1912 году комитет по делам печати наложил на брошюру арест, а петербургская судебная палата постановила ее уничтожить; брошюра к тому времени уже разошлась. — 228.

79 *«Новый Путь»* — ежедневная газета левокадетского направления, выходила в Москве в августе — ноябре 1906 года. — 228.

80 В августе 1906 года, после провала забастовки, назначенной ЦК во время свеаборгского восстания, Петербургский комитет РСДРП принял резолюцию о необходимости немедленного созыва экстренного партийного съезда. ПК постановил оповестить об этом решении местные организации, предложив им высказать свое мнение по этому вопросу.

За созыв съезда высказался ряд крупнейших организаций, в том числе Московский и Петербургский комитеты, Главное правление Социал-демократии Польши и Литвы, Областное бюро социал-демократических организаций Центральной России, Центральный Комитет Социал-демократии Латвийского края. За съезд высказались также комитеты Уральский, Нижегородский, Брянский, Минский, Курганский и др. Ноябрьская Всероссийская конференция РСДРП постановила созвать съезд 15 (28) марта 1907 года. — 235.

81 Брошюра *«Социал-демократия и избирательные соглашения»* была напечатана в ноябре 1906 года книгоиздательством «Вперед» в Петербурге. Спустя 5 лет, в 1912 году, комитет по делам печати наложил арест на брошюру, судебная палата арест утвердила. 30 января (12 февраля) 1912 года в типографии петербургского градоначальства оставшиеся экземпляры брошюры были уничтожены. — 245.

- 82 *Четыреххвостка* — сокращенное название демократической избирательной системы, включающей четыре требования: всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. — 251.
- 83 *«Вестник Партии Народной Свободы»* — еженедельный журнал, орган партии кадетов, издавался в Петербурге с 22 февраля (7 марта) 1906 года, с перерывами. После Октябрьской революции 1917 года журнал был закрыт. — 255.
- 84 *«Сознательная Россия»* — эсеровский сборник, издавался в Петербурге осенью 1906 года. С третьего выпуска выходил с подзаголовком «Сборник на современные темы». — 261.
- 85 *Вторая конференция РСДРП* («Первая Всероссийская») состоялась в Таммерфорсе 3—7 (16—20) ноября 1906 года. Присутствовало 32 делегата.

По вопросу об избирательной кампании во вторую Государственную думу конференция заслушала четыре доклада. В защиту большевистской платформы, против блока с кадетами, выступал Ленин. Меньшевики и бундовцы вашищали блок с кадетами. Большинством 18-ти голосов, против 14-ти, была принята меньшевистская резолюция. В противовес этой резолюции Ленин внес «Особое мнение» — большевистскую платформу ва подписью 14 делегатов (6 большевиков, 5 польских и 3 латышских социал-демократа).

6 ноября Ленин выступал на конференции с критикой меньшевистского проекта избирательной платформы, представленного ЦК на утверждение конференции (проект был опубликован 3 (16) ноября в № 6 газеты «Социал-Демократ»). Конференция приняла резолюцию о внесении поправок к проекту избирательной платформы. В тот же день Ленин выступал на конференции в прениях ва созыв экстренного партийного съезда и настаивал на обсуждении вопроса об агитации ва «рабочий съезд» как вопроса о нарушении партийной дисциплины.

Утверждая резолюцию «Об единстве избирательной кампании на местах», конференция приняла поправку Ленина. Текст резолюции и поправка к ней приводятся Лениным в статье «Борьба с кадетствующими с.д. и партийная дисциплина» (см. настоящий том, стр. 288—289). Конференция поручила ЦК опубликовать в отчете о конференции все проекты резолюций и особые мнения. Однако меньшевистский ЦК опубликовал лишь резолюции конференции, исключив особое мнение большевиков (см. «Социал-Демократ» № 7).

Критика работ конференции дана Лениным в статье (помимо вышеназванной) «О блоках с кадетами» (см. настоящий том, стр. 274—285). — 267.

- 86 *Сионисты-социалисты* («сионистско-социалистическая рабочая партия») — мелкобуржуазная еврейская националистическая организация, образовалась в 1904 году в Одессе. — 268.

- 87 **Большевистский проект думской декларации** был написан Лениным; приводится им в статье «По поводу декларации нашей думской фракции» (см. настоящий том, стр. 18—21). — 279.
- 88 **Речь идет о письме Плеханова** (см. настоящий том, стр. 242—244). — 287.
- 89 **«Волна»** — легальная ежедневная большевистская газета; выходила в Петербурге с 26 апреля (9 мая) по 24 мая (6 июня) 1906 года; вышло 25 номеров. Начиная с № 9, 5 (18) мая 1906 года (после окончания работ IV съезда и приезда Ленина из Стокгольма), газета фактически редактировалась Лениным. В газете напечатано свыше 20 статей Ленина. В работе редакции принимали участие В. В. Воровский и М. С. Ольминский. «Волна» подвергалась многочисленным полицейским репрессиям; была закрыта царским правительством. Вместо «Волны» стала выходить легальная большевистская газета «Вперед». — 290.
- 90 **«Русские Ведомости»** — ежедневная газета, издавалась в Москве с 1863 года либеральными профессорами Московского университета и земскими деятелями; выражала интересы либеральных помещиков и буржуазии; с 1905 года — орган правых кадетов; закрыта после Октябрьской революции 1917 года. — 291.
- 91 **Листовка «Кого выбирать в Государственную думу?»** написана перед выборами во вторую Думу. В статье «Подделка правительством Думы и задачи социал-демократии» (см. настоящий том, стр. 349) Ленин называл эту листовку «плакатом о трех главных партиях», участвующих на выборах в Думу. Листовка вышла в Петербурге тремя изданиями: два сокращенные и одно полное. В сокращенном виде она издавалась также Харьковским, Костромским, Иваново-Вознесенским комитетами и Обской группой РСДРП. — 292.
- 92 Ленин иронически сопоставляет оппортунистическое письмо Плеханова «Гласный ответ одному из читателей «Товарища»» с брошюрой Ф. Лассалья «Гласный ответ Центральному комитету Всеобщего германского рабочего конгресса в Лейпциге» (1863 г.). — 299.
- 93 См. К. Маркс. «Гражданская война во Франции», 1940, стр. 55. — 301.
- 94 **«Знаменитое парижское соглашение»** — соглашение об «основных принципах и требованиях» в борьбе с самодержавием, принятое в ноябре 1904 года парижской конференцией, на которой участвовали делегаты от партии эсеров, Польской социалистической партии (ППС), грузинской буржуазно-националистической партии социалистов-федералистов («Сакартвело») и др. Сованное Советом РСДРП совещание делегатов РСДРП и национальных социал-демократических организаций отказалось принять участие в парижской конференции. — 305.

- 95 Проект резолюции большевиков к Объединительному съезду «Современный момент демократической революции» см. в сборнике «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 64—65. — 307.
- 96 См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 44. — 310.
- 97 Речь идет о проекте резолюции к Объединительному съезду о вооруженном восстании (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 65—66). — 310.
- 98 «Народная Свобода» — газета, орган партии кадетов, выходила в Петербурге в декабре 1905 года. — 311.
- 99 Ленин имеет в виду ряд восстаний 1849 года в южной и западной Германии. Восстания были подавлены прусскими войсками, вследствие нерешительности и трусости мелкобуржуазных руководителей.
Бельгийская всеобщая стачка 1902 года была подготовлена бельгийской рабочей партией в союзе с либералами и проходила под лозунгом борьбы за всеобщее избирательное право. Оппортунисты, руководившие рабочей партией, — Вандервельде и др. — испугались размаха стачечного движения и полностью капитулировали перед правительством. — 316.
- 100 *Рабочемысленцы* — сторонники газеты «экономистов» «Рабочая Мысль» (выходила в 1897—1902 годах). Критику взглядов «Рабочей Мысли» как русской разновидности международного оппортунизма Ленин дал в ряде своих произведений, особенно в статьях, опубликованных в «Искре», и в книге «Что делать?».
Акимовцы — единомышленники В. П. Акимова (Махновца), одного из представителей «экономизма». — 318.
- 101 *Белорусская социалистическая громада* — мелкобуржуазная националистическая организация народнического типа, оформилась на съезде в 1903 году. — 320.
- 102 Ленин имеет в виду резолюцию о рабочем съезде, принятую собранием рабочих от различных районов Петербурга в начале сентября 1906 года. Собрание было созвано Петербургским комитетом РСДРП. — 322.
- 103 «Вперед» — нелегальная большевистская газета, издавалась в Женеве с 22 декабря 1904 года (4 января 1905 года) по 5 (18) мая 1905 года; вышло 18 номеров. Организатором, идейным вдохновителем и руководителем газеты был В. И. Ленин. В состав редакции входили также В. В. Воровский, М. С. Ольминский и А. В. Луначарский.
III съезд РСДРП в специальной резолюции отметил выдающуюся роль газеты «Вперед» в борьбе с меньшевизмом, за восстановление партийности, в постановке и освещении выдви-

нутых революционным движением вопросов тактики и выразил благодарность редакции газеты. — 324.

- 104 *«Новая Жизнь»* — первая легальная большевистская газета, выходила ежедневно с 27 октября (9 ноября) по 3 (16) декабря 1905 года в Петербурге. С приездом Ленина из эмиграции в Петербург, в начале ноября, газета стала выходить под его непосредственным руководством. *«Новая Жизнь»* являлась фактически Центральным Органом РСДРП. Ближайшими сотрудниками газеты были В. В. Воровский, М. С. Ольминский, А. В. Луначарский и другие. Активное участие в *«Новой Жизни»* принимал А. М. Горький, оказывавший газете также большую материальную помощь.
- В № 9 *«Новой Жизни»* от 10 (23) ноября 1905 года появилась первая статья Ленина «О реорганизации партии». Затем было напечатано еще свыше десяти его статей. Ежедневный тираж газеты доходил до 80 тысяч экземпляров. *«Новая Жизнь»* подвергалась многочисленным репрессиям. Из 27 номеров газеты 15 было конфисковано и уничтожено. После выхода в свет 27-го номера 2 (15) декабря *«Новая Жизнь»* была закрыта правительством. Последний, 28-й, номер вышел нелегально. — 326.
- 105 *«Die Neue Zeit»* («Новое Время») — журнал германской социал-демократии, выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, журнал систематически печатал статьи ревизионистов. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) занимал центристскую каутскианскую позицию, поддерживал социал-шовинистов. — 329.
- 106 *«Народно-Социалистическое Обозрение»* — орган полукadetской «народно-социалистической» партии; выходил в Петербурге в 1906—1907 годах. — 332.
- 107 *«Современная Жизнь»* — меньшевистский журнал, издавался в Москве с апреля 1906 года по март 1907 года. — 333.
- 108 Ленин имеет в виду статью Маркса «Кризис и контрреволюция», напечатанную в *«Новой Рейнской Газете»* от 14 сентября 1848 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI, 1930, стр. 444). — 338.
- 109 Имеется в виду резолюция Второй («Первой всероссийской») конференции РСДРП — «Поправка к проекту избирательной платформы, предложенному Центральным Комитетом» (см. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1940, стр. 88). — 342.
- 110 Речь идет о депутатах франкфуртского парламента — германского национального собрания, созданного в мае 1848 года после мартовской революции.

Национал-либералы — политическая партия в Германии, выделившаяся в 1866 г. из партий прусских прогрессистов, представляла интересы контрреволюционной крупной промышленной буржуазии. — 350.

- 111 Ленин приводит положение из работы К. Маркса «Критика Готской программы» (см. К. Маркс. «Критика Готской программы», 1940, стр. 35). — 350.
- 112 *Ник. II — ский* — Н. И. Иорданский, в то время примыкал к меньшевикам. — 350.
- 113 Статья «*Политическое положение и задачи рабочего класса*» напечатана в первом номере большевистского органа «Тернии Труда».
- «*Тернии Труда*» — большевистский легальный еженедельник, издававшийся в Петербурге с 24 декабря 1906 года (6 январь 1907 года) по 6 (19) января 1907 года. Вышло 3 номера. Кроме указанной статьи, в еженедельнике (№ 2) напечатана статья Ленина «Как относятся к выборам в Думу партии буржуазные и партия рабочая?» (см. настоящий том, стр. 376—380). Еженедельник был закрыт правительством. — 352.
- 114 Статья «*Задачи рабочей партии и крестьянство*» была написана для самарской большевистской легальной газеты «Самарская Лука». Рукопись статьи была послана Лениным из Петербурга в Самару, по адресу редакции газеты, но была перехвачена жандармами. Рукопись обнаружена только в 1929 году в архивных материалах самарского губернского жандармского управления. — 359.
- 115 «*Наша Трибуна*» — еженедельник Бунда, выходивший в Вильно с декабря 1906 года по март 1907 года. Вышло 12 номеров. — 364.
- 116 Ленин имеет в виду очерки Н. Щедрина «За рубежом», напечатанные в январской книжке «Отечественных Записок» за 1881 год (см. Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. XIV, 1936, стр. 161—208). — 384.
- 117 Статья «*Избирательная кампания рабочей партии в Петербурге*» напечатана в качестве передовой в № 1 большевистского органа «Простые Речи».
- «*Простые Речи*» — большевистская легальная еженедельная газета, издавалась в Петербурге в 1907 году. Вышло 3 номера: 14 (27) января, 21 января (3 февраля), 30 января (12 февраля). Кроме названной статьи в газете были напечатаны статьи Ленина «Выборная кампания социал-демократии в Петербурге», «Выборы по рабочей курии в Петербурге» и «Борьба с.-д. и с.-р. на выборах в рабочей курии в Петербурге». Издание газеты было прекращено правительством. — 388.
- 118 Конференция петербургской организации РСДРП, обсуждавшая вопрос об избирательной тактике при выборах во II Государственную думу, состоялась 6 (19) января 1907 года. С докладом об избирательных соглашениях на выборах выступал Ленин. Газетный отчет о докладе Ленина был напечатан

25 января (7 февраля) 1907 года в большевистской газете «Пролетарий» № 12.

После обсуждения доклада конференция подтвердила резолюцию («Особое мнение») 14 делегатов на Всероссийской ноябрьской конференции РСДРП. Подробное освещение работ Петербургской конференции и условий ее созыва дано Лениным в брошюрах «Социал-демократия и выборы в Думу», «Услышишь суд глупца»... (Из заметок с.-д. публициста)» (см. настоящий том, стр. 393—415, 416—432). — 388.

- 119 Брошюра «Социал-демократия и выборы в Думу» была напечатана в январе 1907 года книгоиздательством «Новая Дума» в Петербурге, в типографии т-ва «Дело». Там же одновременно была напечатана брошюра Ленина «Услышишь суд глупца»... (Из заметок с.-д. публициста)». В 1912 году обе брошюры были запрещены правительством. — 393.
- 120 Ленин имеет в виду работу П. Г. Чернышевского «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов Г. К. Кэре» (см. Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения в пяти томах, т. II, полутом II, 1935, стр. 458). — 409.
- 121 «Лидвалида» — дело Лидваля, крупного спекулянта, поставщика продовольствия в голодающие губернии в 1906 году, и товарища министра внутренних дел Гурко. Разоблачения казнокрадства и спекуляции на голоде вынудили царское правительство довести дело до суда. Никаких последствий для Гурко, кроме отстранения от должности, это дело не имело. — 411.
- 122 Речь идет об организованном черносотенцами убийстве члена I Государственной думы кадета М. Я. Герценштейна в Финляндии 18 (31) июля 1906 года. — 411.
- 123 Тан (псевдоним В. Г. Богораза) — один из организаторов полукадетской «народно-социалистической партии». — 416.
- 124 Ленин приводит слова Чацкого, главного действующего лица в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». — 426.
- 125 Ленин имеет в виду попытку левокадетской газеты «Век» собрать материалы о настроении избирателей. В № 5 газеты от 9 (22) января 1907 года были помещены предварительные итоги голосования читателей: оказалось, что за кадетов голосовало 765 человек, за социал-демократов 407. Остальные партии получили незначительное число голосов. — 431.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

(Июнь 1906 года — январь 1907 года)

1906

- Июнь, 6 (19).* Ленин под фамилией Карпова выступает с докладом и заключительным словом по аграрному вопросу перед делегатами Всероссийского съезда народных учителей в Петербурге.
- Июнь, 8 (21).* Статья Ленина «Накануне», переданная по телеграфу из Петербурга в Киев, опубликована в № 1 киевской большевистской газеты «Рабочники». Ленин пишет статью «Колебания сверху, решимость снизу». Статья напечатана в № 13 газеты «Вперед» 9 (22) июня (передовая).
- Июнь, 9 (22).* Ленин пишет статью «К единству!». Статья опубликована передовой в № 14 газеты «Вперед» 10 (23) июня.
- Июнь, 10 (23).* Ленин пишет статью «Дума и народ». Статья опубликована передовой в № 15 газеты «Вперед» 11 (24) июня.
- Первая половина июня.* Ленин выступает на собрании социал-демократической организации балтийского завода с критикой меньшевиков, поддерживавших кадетский лозунг «ответственного думского министерства».
- Июнь, 11—12 (24—25).* Ленин приезжает в Териоки (Финляндия) для участия в работе межрайонной конференции Петербургской организации РСДРП. Ленин председательствует на конференции. Вносит предложение начать работу конференции с обсуждения вопроса о тактике. Предложение Ленина принимается. Ленин выступает с докладами «О тактике партии по отношению к Государственной думе» и «О единстве партии».

- Июнь, до 14 (27).* Ленин выработывает проект декларации думской социал-демократической фракции. Проект был опубликован 22 июня (5 июля) в № 1 газеты «Эхо».
- Июнь, 14 (27).* Статья Ленина «Борьба за власть и «борьба» за подачки» опубликована передовой в № 17 газеты «Вперед».
- Июнь, 22 (июль, 5).* Статьи Ленина: «По поводу декларации нашей думской фракции», «Что делаешь, делай скорее!» и «Полезная полемика» напечатаны в № 1 газеты «Эхо».
- Ленин пишет статьи «Помощь голодающим и думская тактика» и «Переговоры о министерстве». Статьи напечатаны в № 2 газеты «Эхо» 23 июня (6 июля).
- Июнь, 23 (июль, 6).* Ленин пишет статью «Кто за союзы с кадетами?» Статья напечатана передовой в № 3 газеты «Эхо» 24 июня (7 июля).
- Июнь, 24 (июль, 7).* Ленин пишет статью «Кадетская Дума дала денег правительству погромщиков». Статья напечатана передовой в № 4 газеты «Эхо» 25 июня (8 июля).
- Июнь, 25 (июль, 8).* Ленин выступает с докладом и заключительным словом по аграрному вопросу на собрании рабочих, организованном Петербургским районным комитетом РСДРП.
- Июнь, 26 (июль, 9).* Ленин пишет статью «Кадетские подголоски». Статья опубликована передовой в № 5 газеты «Эхо» 27 июня (10 июля).
- Июнь, 28 (июль, 11).* Статья Ленина «Еще о думском министерстве» опубликована в № 6 газеты «Эхо» (передовая).
- Ленин председательствует на собрании рабочих социал-демократов Нарвского района в Петербурге. Делает доклад по аграрному вопросу. Собрание принимает предложенную Лениным революцию, одобряющую решения межрайонной петербургской конференции РСДРП.
- Конец июня (начало июля).* Ленин участвует на собрании руководящих партийных работников-большевиков в Петербурге, где обсуждается вопрос о тактике партии.

- Июль, 1 (14).* Статьи Ленина «Неверные рассуждения «беспартийных» бойкотистов» и «Выговоры буржуавии и призывы пролетариата» опубликованы в № 9 газеты «Эхо».
- Июль, 2 (15).* Статья Ленина «Армия и народ» напечатана передовой в № 10 газеты «Эхо».
- Начало июля.* Ленин выступает на собрании работниц табачной фабрики Шапшала в Петербурге; поддерживает инициативу рабочих начать забастовку в ответ на отказ администрации удовлетворить их экономические требования.
- Июль, 4 (17).* Статьи Ленина «Об организации масс и о выборе момента борьбы» и «Среди газет и журналов» опубликованы в № 11 газеты «Эхо».
- Июль, 5 (18).* Статья Ленина «Смелый натиск и робкая защита» опубликована передовой в № 12 газеты «Эхо». Ленин пишет статью «Думские партии и народ». Статья опубликована передовой в № 13 газеты «Эхо» 6 (19) июля.
- Июль, 6 (19).* Ленин пишет статью «Заговоры реакции и угрозы погромщиков». Статья опубликована в № 14 газеты «Эхо» 7 (20) июля (передовая).
- Июль, 7 (20).* Ленин под фамилией Карпова выступает на собрании партийных работников Петербургской организации РСДРП с докладом и проектом резолюции о тактике социал-демократической фракции в Государственной думе.
- Июль, 9 или 10 (22 или 23).* Ленин в Куоккала (Финляндия) проводит совещание с партийными работниками по вопросу о задачах партии в связи с разгоном Думы.
- Между 13 и 17 (26 и 30) июля.* Ленин пишет брошюру «Роспуск Думы и задачи пролетариата».
- Июль, 16 (29).* Ленин пишет проект постановления исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП о посылке делегации в Свеаборг для руководства восстанием.
- Июль, 20 (август, 2).* Ленин дает указание большевикам, членам Петербургского комитета, о проведении забастовки с целью поддержки Кронштадтского восстания.

- Первая половина августа.* Ленин, находясь в течение двух недель в Выборге, руководит работой по подготовке и выпуску № 1 газеты «Пролетарий».
- Август, 12 (25).* Ленин пишет статью «О бойкоте».
- Август, 21 (сентябрь, 3).* Статьи Ленина: «Перед бурей» (передовая), «О бойкоте», «Политический кризис и провал оппортунистической тактики» и «К событиям дня» опубликованы в № 1 газеты «Пролетарий».
- Август, 27 (сентябрь, 9).* Ленин председательствует и выступает с речью на партийном собрании в Териоках против меньшевистского лозунга «рабочего съезда» и настаивает на необходимости съезда V съезда РСДРП. Революция, предложенная Лениным, собранием принимается единогласно.
- Август, 29 (сентябрь, 11).* Статьи Ленина «Уроки московского восстания» (передовая) и «Тактические колебания» опубликованы в № 2 газеты «Пролетарий».
- Лето.* Ленин пишет «Заметки рядового марксиста о философии» по поводу книги А. Богданова «Эмпириомонизм» (вып. III).
- Конец лета.* Переезд Ленина в Финляндию, в Куоккала, на дачу «Ваза».
- Сентябрь, 8 (21).* Статьи Ленина «Политика правительства и грядущая борьба» (передовая) и «Руки прочь!» опубликованы в № 3 газеты «Пролетарий».
- Первая половина сентября.* Ленин пишет заметку «Соединение Бунда с Российской социал-демократической рабочей партией».
- Сентябрь, 19 (октябрь, 2).* Статья Ленина «Эсеровские меньшевики» опубликована в № 4 газеты «Пролетарий».
- Сентябрь, 30 (октябрь, 13).* Статьи Ленина: «Готовится новый государственный переворот!», «Партизанская война» и «Опыт классификации русских политических партий» опубликованы в № 5 газеты «Пролетарий».
- Начало октября.* Ленин пишет «Заметки по поводу № 1 «Социал-Демократа»».
- Октябрь, после 13 (26).* Ленин пишет брошюру «Выступление Мартова и Череванина в буржуазной печати»; брошюра была выпущена книгоиздательством «Пролетарское дело» в октябре 1906 года.

- Октябрь, 18 (31).* Статья Ленина «Русский радикал задним умом крепок!» напечатана в журнале «Вестник Жизни» № 12.
- Октябрь, 29 (ноябрь, 11).* Статьи Ленина «К итогам кадетского съезда» (передовая) и «Обывательщина в революционной среде» опубликованы в № 6 газеты «Пролетарий».
- Октябрь, 31 (ноябрь, 13).* Ленин заканчивает брошюру «Социал-демократия и избирательные соглашения».
- Ноябрь, 3 (16).* На второй конференции РСДРП («Первой Всероссийской») в Таммерфорсе Ленин избирается в президиум.
Ленин выступает по вопросу о порядке дня конференции.
Ленин предлагает обсудить вопрос, как проходит в местных партийных организациях объединение с Бундом.
- Ноябрь, 4 (17).* Ленин выступает на конференции с докладом и заключительным словом по вопросу об избирательных соглашениях при выборах в Думу; вносит «Особое мнение» о тактике РСДРП в думской кампании. («Особое мнение» было подписано 14-ю делегатами конференции.)
- Ноябрь, 6 (19).* Ленин выступает на конференции с критикой меньшевистского проекта избирательной платформы, предложенного ЦК РСДРП.
Ленин выступает в прениях, за созыв экстренного партийного съезда.
- Ноябрь, 7 (20).* Ленин настаивает на обсуждении конференцией вопроса об агитации за «рабочий съезд», как вопроса о нарушении партийной дисциплины. Поправка Ленина к резолюции «Об единстве избирательной кампании на местах» принимается конференцией.
- Ноябрь, 10 (23).* Статьи Ленина: «О созыве экстренного партийного съезда», «Как пишется история...», «Постскрипtum к статье: «Социал-демократия и избирательная кампания»» опубликованы в № 7 газеты «Пролетарий».
- Ноябрь, до 16 (29).* Ленин дает указания (устно и в особом письме) организаторам созыва первой большевистской конференции военных и боевых организаций РСДРП в Таммерфорсе.

- Ноябрь, 22
(декабрь, 5).* Ленин беседует с участниками первой конференции военных и боевых организаций РСДРП об итогах конференции.
- Ноябрь, 23
(декабрь, 6).* Статьи Ленина: «Проект обращения к избирателям» (передовая), «О блоках с кадетами», «Борьба с кадетствующими с.-д. и партийная дисциплина», «Как армавирские социал-демократы ведут избирательную кампанию?» напечатаны в № 8 газеты «Пролетарий».
- Написанная Лениным листовка «Кого выбирать в Государственную думу?» напечатана в приложении к № 8 газеты «Пролетарий».
- Между 15 ноября 1906 года и 15 января 1907 года.* Ленин читает лекцию рабочим Семянниковского подрайона Невского района в Петербурге на тему «Избирательные соглашения на западе и у нас».
- Декабрь, 7 (20).* Статьи Ленина «Новое сенатское разъяснение» (передовая) и «Кризис меньшевизма» опубликованы в № 9 газеты «Пролетарий».
- Декабрь, 10 (23).* Ленин пишет статью «Пролетариат и его союзник в русской революции». Статья опубликована в № 10 газеты «Пролетарий» 20 декабря 1906 года (2 января 1907 года).
- Декабрь, 14 (27).* Ленин пишет статью «Подделка правительством Думы и задачи социал-демократии». Статья опубликована в № 10 газеты «Пролетарий» 20 декабря 1906 года (2 января 1907 года).
- Декабрь, 20
(2 января 1907 года).* Статья Ленина «По поводу одной статьи в органе Бунда» опубликована в № 10 газеты «Пролетарий».
- Декабрь, 24
(6 января 1907 года).* Статья Ленина «Политическое положение и задачи рабочего класса» опубликована передовой в № 1 большевистского еженедельника «Тернии Труда».
- Декабрь, после 27 (9 января 1907 года).* Ленин пишет предисловие к русскому переводу брошюры: «В. Либкнехт. Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений!»
- Декабрь, 28
(10 января 1907 года).* Ленин пишет статью «Задачи рабочей партии и крестьянство» и отсылает ее из Петербурга в Самару в редакцию большевистской газеты «Самарская Лука».

- Декабрь, 31*
(13 января
1907 года). Статья Ленина «Как относятся к выборам в Думу партии буржуазные и партия рабочая?» опубликована передовой в № 2 еженедельника «Тернии Труда».
- Декабрь.* Ленин редактирует русский перевод брошюры К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции» и пишет предисловие к брошюре.

1907

- Январь, 6 (19).* Ленин участвует на конференции Петербургской организации делегатом от Обводного и Сапожного подрайонов Московского района.
Ленин избирается в президиум конференции.
Ленин выступает с докладом об избирательных соглашениях на предстоящих выборах в Думу.
- Январь, 7 (20).* Статья Ленина «Плеханов и Васильев» опубликована в № 11 газеты «Пролетарий».
- Январь, 14 (27).* Статья Ленина «Избирательная кампания рабочей партии в Петербурге» опубликована передовой в № 1 большевистского еженедельника «Простые Речи».
- Январь, 13—14*
(26—27). Ленин пишет брошюру «Социал-демократия и выборы в Думу».
- Январь, 15 (28).* Ленин пишет брошюру «Услышишь суд глупца... (Из заметок с.-д. публициста)».
-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	VII
<i>1906 г.</i>	
НАКАНУНЕ	1—2
КОЛЕБАНИЯ СВЕРХУ, РЕШИМОСТЬ СНИЗУ	3—5
К ЕДИНСТВУ!	6—9
ДУМА И НАРОД	10—12
БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ И «БОРЬБА» ЗА ПОДАЧКИ	13—16
ПО ПОВОДУ ДЕКЛАРАЦИИ НАШЕЙ ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ «ЧТО ДЕЛАЕШЬ, ДЕЛАЙ СКОРЕЕ!»	17—21 22—23
ПОЛЕЗНАЯ ПОЛЕМИКА	24—26
ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМ И ДУМСКАЯ ТАКТИКА	27—31
ПЕРЕГОВОРЫ О МИНИСТЕРСТВЕ	32—33
СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ	34—36
КТО ЗА СОЮЗЫ С КАДЕТАМИ?	37—43
КАДЕТСКАЯ ДУМА ДАЛА ДЕНЕГ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ПОГРОМ- ЩИКОВ	44—47
КАДЕТСКИЕ ПОДГОЛОСКИ	48—51
ЕЩЕ О ДУМСКОМ МИНИСТЕРСТВЕ	52—56

СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ.....	57—59
НЕВЕРНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ «БЕСПАРТИЙНЫХ» БОЙКОТИ- СТОВ.....	60—64
ВЫГОВОРЫ БУРЖУАЗИИ И ПРИЗЫВЫ ПРОЛЕТАРИАТА.....	65—66
АРМИЯ И НАРОД.....	67—69
СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ.....	70—71
ОБ ОРГАНИЗАЦИИ МАСС И О ВЫБОРЕ МОМЕНТА БОРЬБЫ.....	72—75
СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ.....	76—77
СМЕЛЫЙ НАТИСК И РОВКАЯ ЗАЩИТА.....	78—81
ДУМСКИЕ ПАРТИИ И НАРОД.....	82—85
ЗАГОВОРЫ РЕАКЦИИ И УГРОЗЫ ПОГРОМЩИКОВ.....	86—88
РОСПУСК ДУМЫ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА.....	89—109
I.....	91
II.....	95
III.....	97
IV.....	103
V.....	107
VI.....	108
О ПОСЫЛКЕ ДЕЛЕГАЦИИ В СВЕАБОРГ, <i>Постановление</i> <i>исполнительной комиссии ПК РСДРП</i>	110
ПЕРЕД БУРЕЙ.....	113—117
О БОЙКОТЕ.....	118—125
ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПРОВАЛ ОПОРТУНИСТИЧЕ- СКОЙ ТАКТИКИ.....	126—140
I.....	126
II.....	127
III.....	129
IV.....	135
V.....	138
К СОБЫТИЯМ ДНЯ.....	141—143
О «РАБОЧЕМ СЪЕЗДЕ», <i>Заметка</i>	144

УРОКИ МОСКОВСКОГО ВОССТАНИЯ	145—152
ТАКТИЧЕСКИЕ КОЛЕБАНИЯ	153—157
ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА И ГРЯДУЩАЯ БОРЬБА	158—162
РУКИ ПРОЧЬ!	163—166
О ПАРТИЗАНСКОМ ВЫСТУПЛЕНИИ ППС	167
СОЕДИНЕНИЕ БУНДА С РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИЕЙ	168—169
ЭСЕРОВСКИЕ МЕНЬШЕВИКИ	170—179
ГОТОВИТСЯ НОВЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ!	180—185
ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА	186—196
I	186
II	188
III	189
IV	194
К ВОПРОСУ О ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЕ	197
ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ РУССКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ	198—204
ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ № 1 «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА»	205—208
РУССКИЙ РАДИКАЛ ЗАДНИМ УМОМ КРЕПОК!	209—212
К ИТОГАМ КАДЕТСКОГО СЪЕЗДА	213—217
ОБЫВАТЕЛЬЩИНА В РЕВОЛЮЦИОННОЙ СРЕДЕ	218—227
ВЫСТУПЛЕНИЕ МАРТОВА И ЧЕРЕВАНИНА В БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ	228—234
Неправда, распространяемая Л. Мартовым через посредство буржуазной печати	228
Мартов и Череванин	231
Социал-демократы в буржуазных газетах	233
О СОЗЫВЕ ЭКСТРЕННОГО ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА	235—237
КАК ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ...	238—241
ПОСТСКРИПТУМ К СТАТЬЕ: «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ»	242—244

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ	245—266
I	247
II	248
III	250
IV	253
V	256
VI	259
VII	264
ОСОБОЕ МНЕНИЕ, ВНЕСЕННОЕ НА ВСЕРОССИЙСКУЮ КОН- ФЕРЕНЦИЮ РСДРП ОТ ИМЕНИ ДЕЛЕГАТОВ С.-Д. ПОЛЬШИ, ЛАТЫШСКОГО КРАЯ, С.-ПЕТЕРБУРГА, МОСКВЫ, ЦЕН- ТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ И ПОВОЛЖЬЯ	267—268
ПРОЕКТ ОБРАЩЕНИЯ К ИЗБИРАТЕЛЯМ	269—273
О БЛОКАХ С КАДЕТАМИ	274—285
БОРЬБА С КАДЕТСТВУЮЩИМИ С.-Д. И ПАРТИЙНАЯ ДИС- ЦИПЛИНА	286—289
КАК АРМАВИРСКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ВЕДУТ ИЗВИ- РАТЕЛЬНУЮ КАМПАНИЮ?	290—291
КОГО ВЫБИРАТЬ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ?	292—297
Какие три главные партии?.....	292
Чьи интересы защищают три главные партии?.....	292
Чего добиваются три главные партии?.....	293
Какую волю хотят дать народу три главные партии?	293
Как смотрят три главные партии на требование	
крестьянами земли?.....	294
Чего могут добиться, при успехе всей их борьбы,	
три главные партии?.....	294
Социал-демократия и трудовые партии.....	295
Какие партии берутся защищать интересы рабочего	
класса и всех трудящихся?.....	295
Чьи интересы защищают на деле эти партии?.....	295
Насколько устойчивы эти партии в великой всемир-	
ной борьбе труда с капиталом?.....	296
Чего могут добиться, при полном осуществлении	
своих конечных целей, эти партии?.....	296
Какой свободы для народа добиваются эти партии	
в теперешней революции?.....	297
Как относятся эти партии к требованию земли	
крестьянами?.....	297

НОВОЕ СЕНАТСКОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ	298—306
КРИЗИС МЕНЬШЕВИЗМА	307—328
I	307
II	313
III	318
IV	323
ПРОЛЕТАРИАТ И ЕГО СОЮЗНИК В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	329—338
ПО ПОВОДУ ОДНОЙ СТАТЬИ В ОРГАНЕ БУНДА	339—345
ПОДЕЛКА ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ДУМЫ И ЗАДАЧИ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИИ	346—351
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО КЛАССА	352—358
ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ И КРЕСТЬЯНСТВО	359—362
ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ БРОШЮРЫ: «В. ЛИВКНЕХТ. НИКАКИХ КОМПРОМИССОВ, НИКАКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ!»	363—369
ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ БРОШЮРЫ: «К. КАУТСКИЙ. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»	370—375
КАК ОТНОСЯТСЯ К ВЫБОРАМ В Думу ПАРТИИ БУР- ЖУАЗНЫЕ И ПАРТИЯ РАБОЧАЯ?	376—380

1907 г.

ПЛЕХАНОВ И ВАСИЛЬЕВ	381—387
ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ В ПЕТЕР- БУРГЕ	388—391
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ВЫБОРЫ В Думу	393—415
Социал-демократия и выборы в Петербурге	395
I Условия созыва и состав с.-д. конференции	395
II Вопрос о разделении конференции	402
III Что значит уход меньшевиков с конференции?	405
IV Политические партии и предстоящие выборы в Петербурге	410
Послесловие	413

«УСЛЫШИШЬ СУД ГЛУПЦА»... (Из заметок с.-д. публициста).....	416—432
Примечания.....	433—452
Даты жизни и деятельности В. И. Ленина.....	453—461

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Первая страница газеты «Эхо» № 3, 24 июня 1906 г. с передовой статьей В. И. Ленина «Кто за союзы с кадетами?».....	39
Первая страница газеты «Пролетарий» № 1, 21 августа 1906 г., в которой напечатаны статьи В. И. Ленина «Перед бурей», «О бойкоте» и другие.....	111
Первая страница еженедельника «Тернии Труда» № 1, 24 декабря 1906 г. с передовой статьей В. И. Ленина «Политическое положение и задачи рабочего класса».....	353
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Задачи рабочей партии и крестьянство». — 1906 г.	358—359

Тираж 500 тыс. экз. (1—250 тыс.).
Подписано к печати 23/IV 1947 г.
Объем 29³/₄ печ. листов + 1 вклейка
(1¹/₈ печ. л.). М-02713.
Цена 6 р. 50 коп.

★

2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького треста «Поли-
графкнига» ОГИЗа при Совете
Министров СССР,
Ленинград, Гатчинская, 26.